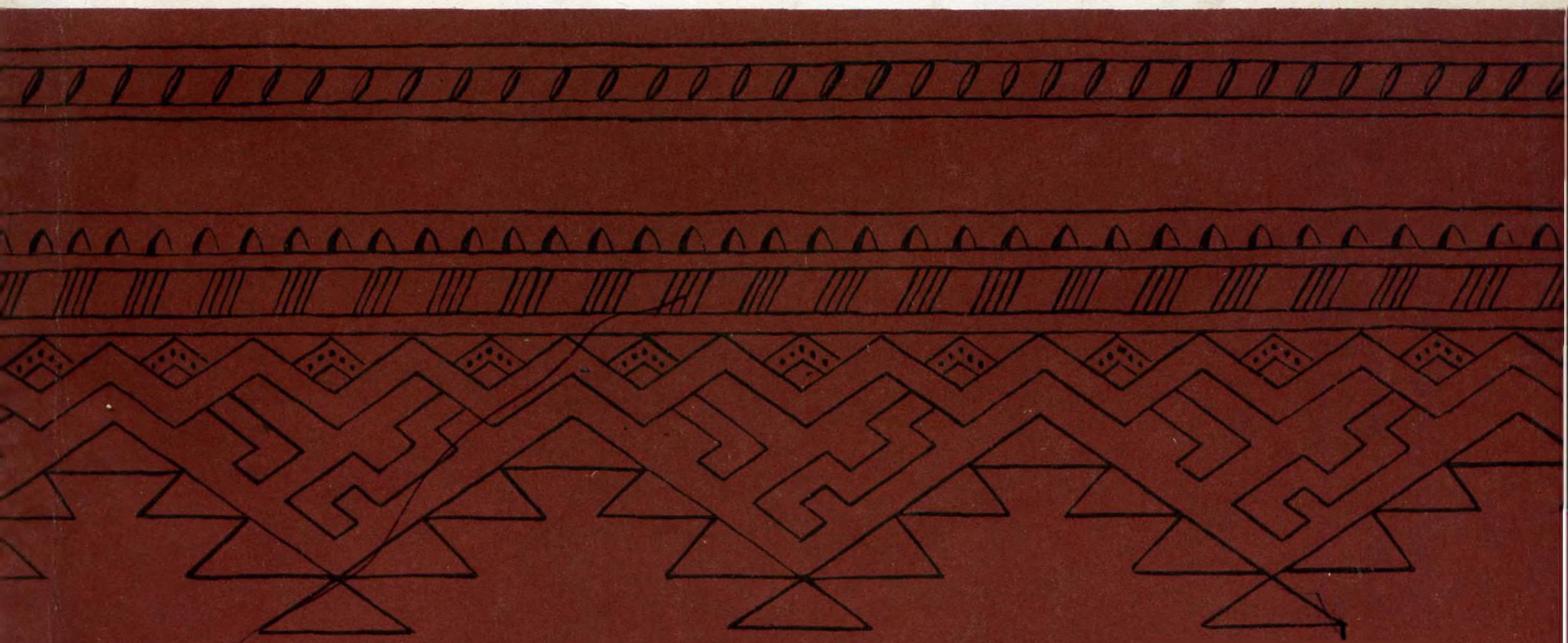

Г. А. МАКСИМЕНКОВ

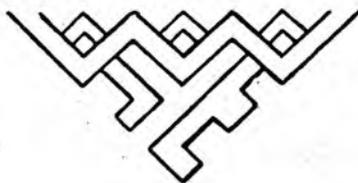
АНДРОНОВСКАЯ
КУЛЬТУРА
НА ЕНИСЕЕ

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ОРДЕНА ТРУДОВОГО КРАСНОГО ЗНАМЕНИ
ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ

Г. А. МАКСИМЕНКОВ

АНДРОНОВСКАЯ
КУЛЬТУРА
НА ЕНИСЕЕ

ЛЕНИНГРАД
«НАУКА»
ЛЕНИНГРАДСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ
1978

В работе публикуются результаты многолетних исследований, проводившихся Красноярской археологической экспедицией по изучению памятников андроновской культуры, а также приведены все без исключения материалы по этой культуре на Енисее, известные к моменту написания работы. Дана археологическая характеристика андроновской культуры на Енисее, рассмотрен вопрос о появлении этой культуры в восточных областях ее территории, а также вопросы относительной и абсолютной хронологии восточных андроновских памятников и исторических судеб андроновцев Енисея.

Издание рассчитано на археологов, студентов-историков и на более широкий круг читателей, интересующихся археологическими памятниками на территории СССР.

Ответственный редактор
М. П. ГРЯЗНОВ

ВВЕДЕНИЕ

Андроновская культура, открытая впервые на Енисее С.А.Теплоуховым, представляет собой один из самых интересных и важных периодов эпохи бронзы Евразийских степей (Теплоухов, 1924). Памятники этой культуры распространены на обширном пространстве: от Урала на западе до Енисея на востоке, от южной границы лесов сибирской тайги до степей Средней Азии. За внешним, на первый взгляд, культурным единством этой территории в андроновское время скрываются особенности отдельных районов, указывающие на локальность вариантов андроновской культуры. С этими вариантами связаны, видимо, отдельные андроновские племена или целые группы племен, отличающиеся рядом этнографических черт, выраженных в археологическом материале.

На территории, занятой андроновцами, в более позднее время, в конце эпохи бронзы, возникает ряд своеобразных культур, связанных некоторыми признаками с предшествующей андроновской культурой. Поэтому изучение андроновской культуры имеет значение для выяснения происхождения и ранней истории сменяющих ее культур. Кроме того, андроновские племена оказывали влияние на культуры соседей, в результате чего они несколько изменялись, приобретая не свойственные им ранее черты, заимствованные от андроновцев. Все это привлекает к андроновской культуре внимание многих исследователей, занимающихся не только степной полосой, но и изучением истории соседних районов.

Андроновской культуре посвящено огромное количество работ публикационного и исследовательского характера, в которых рассматриваются многие вопросы истории, хозяйства и быта андроновцев.

И все же коренные проблемы андроновской культуры до настоящего времени остаются нерешенными. Неясен вопрос о ее происхождении, причинах и путях ее распространения, до конца не выяснены характер и особенности ее локальных вариантов, исторические судьбы андроновцев как в разных местах распространения культуры, так и на всей территории в целом. До недавнего времени казалось, что в вопросе о членении культуры на хронологические этапы достигнута определенная ясность. Но последние работы показали, что целый ряд исследователей, ссылаясь на вновь добытые материалы, отрицают деление андроновской культуры на федоровский и алакульский этапы, считая их локальными вариантами (Федорова-Давыдова, 1960; 1964; Смирнов, Федорова-Давыдова, 1964; Косарев, 1965). В результате ни один из наиболее важных вопросов ее истории нельзя сейчас рассматривать окончательно решенным. Во многом это объясняется тем, что каждый исследователь пытается разрешить эти сложные проблемы на основе собственных, часто немногочисленных материалов.

Такой подход, без учета большинства известных фактов, без критической их оценки и установления значения приводимых исследователями наблюдений, ведет к тому, что вместо дальнейшего продвижения по пути углубленного изучения андроновской культуры появляются все новые точки зрения, к тому же нередко недостаточно подтвержденные археологическим материалом. В итоге наблюдается отсутствие единства во взглядах исследователей и еще большее запутывание основных вопросов истории андроновской культуры.

Но главную причину сложившегося положения в изучении андроновской культуры, видимо, следует усматривать в том, что при огромном накопленном материале

ле отсутствуют обобщающие сводки, позволяющие охватывать если не все известные факты, то хотя бы большинство из них. Ведь только основываясь на большом материале, можно более объективно оценить значение тех или иных фактов и соответственно более точно решать вопросы древней истории. Другими серьезными недостатками в изучении андроновской культуры являются неравномерность изучения ее в разных районах, а также отсутствие в большинстве из них памятников культур, предшествовавших андроновской.

В связи с обилием материала и распространением памятников на обширных территориях ожидать появления общеандроновской сводки в ближайшее время не приходится, поэтому особое значение приобретают свои работы по отдельным районам, позволяющие изучать андроновскую культуру в локальных областях ее распространения. В последнее время появились сводки материалов по западным районам андроновской культуры (Сальников, 1967; Сорокин, 1966), а также по Центральному (Маргулан, Акишев, Кадырбаев, Оразбаев, 1966) и Восточному (Черников, 1960) Казахстану. К сожалению, они не дают исчерпывающих сведений, хотя и составляют солидный материал для изучения западных и центральных районов распространения андроновской культуры.

До недавнего времени представление об андроновских памятниках Енисея давала работа М.Н. Комаровой, посвященная могильнику Орак (Комарова, 1961), но в результате раскопок последних лет и накопления нового огромного материала она свое значение утратила. Не издан пока полностью и обширный материал из степных районов Западной Сибири. В этих местах в последние годы раскопано много новых андроновских памятников. Значительный вклад внесли работы крупных археологических экспедиций при сооружении гидростанций на Оби. Лишь материалы из районов Верхней Оби изданы М.П. Грязновым полностью. Его работа включает не только то, что раскопано руководимой им экспедицией, но и материалы более ранних лет (Грязнов, 1956). Но

результаты раскопок андроновских памятников Новосибирской экспедиции остаются пока не изданными (Грязнов, 1956, 1960), так же как и работы местных сибирских археологов, которыми в последние годы были открыты новые памятники в местах, где они раньше не были известны. Таким образом, большинство материалов по андроновской культуре Западной Сибири пока не стало достоянием широких масс исследователей.

Аналогичная картина наблюдается и в Минусинской котловине. С момента открытия С.А. Теплоуховым андроновской культуры на Енисее до 1963 г. было раскопано 79 могил в девяти пунктах. За последние пять лет в четырех уже известных местах раскопано еще 28 могил. Кроме того, открыты и частично изучены могильники в тринадцати новых пунктах, где исследованы 183 могилы. Благодаря этому за шесть последних лет материал увеличился более чем в три раза. Произведены также небольшие работы на остатках шести поселений, что увеличило количество андроновских памятников и дало дополнительный керамический материал.

Эти новые факты, за некоторым исключением, пока никому, кроме сотрудников экспедиций, не были известны. Поэтому публикация и исследование этих материалов настоятельно необходимы.

Настоящая работа, представляющая собой один из выпусков трудов Красноярской экспедиции, посвящена памятникам андроновской культуры Минусинской котловины. В ней дается публикация почти всех известных андроновских материалов (от начала изучения этой культуры в Минусинской котловине до 1969 г. включительно). Данная публикация поможет исследованию ряда вопросов истории андроновской культуры на Енисее, в том числе таких, которые имеют значение и для всей культуры в целом.

В работе использованы не только результаты раскопок автора, но и публикации и материалы других археологов, в первую очередь М.Н. Комаровой, М.П. Грязнова, С. Рахимова, Н.В. Нащкина.

Автор благодарен всем исследователям, материалами которых он пользовался.

Глава I

ПАМЯТНИКИ АНДРОНОВСКОЙ КУЛЬТУРЫ НА ЕНИСЕЕ

В этой главе приведены археологические материалы андроновской культуры Енисея, известные автору. Но прежде чем перейти к их описанию, необходимо дать некоторые общие представления о рассматриваемом районе, характере его изученности и распространении здесь андроновских памятников.

Область Сибири, называемая обычно в археологической литературе Минусинской котловиной и расположенная по верхнему течению Енисея и его притокам, на самом деле представляет собой в географическом отношении ряд небольших межгорных котловин, которые в меридиональном направлении прорезаны Енисеем, а в широтном разделены невысокими хребтами (Средняя Сибирь, 1964, с.29).

На самом юге, у северных склонов Западного Саяна и Алтая, расположена собственно Минусинская котловина, называемая также Минусинско-Абаканской. Ее северной границей на левом берегу служат горы Оглахты, а на правом — гора Унук, они находятся несколько ниже впадения в Енисей р.Абакана. За этими горами лежит небольшая Сыдо-Ербинская котловина, ограниченная с севера Батеновским кряжем. За ним раскинулась Чулымно-Енисейская котловина, а еще севернее за Солгонским кряжем — Назаровская. Последняя граничит с Западно-Сибирской равниной, от которой она отделена низким хребтом Арга. Но это отделение не абсолютное, здесь проходит неширокий лесостепной коридор, соединяющий Западную Сибирь с минусинскими котловинами. Последние представляют собой холмистые степи, окруженные со всех сторон горами, покрытыми лесом. На территории самих котловин также встречаются небольшие лесные, в основном березовые, участки.

Рассматриваемые в настоящей работе памятники андроновской культуры открыты пока только в степных частях котловин или по их окраинам, в окружающих их горах они не найдены. Можно думать, что покрытые лесом горные участки не годились для жизни андроновцев, поэтому и памятники их культуры там не встречаются. Однако утверждать это категорически не представляется возможным. Дело в том, что минусинские котловины изучены очень неравномерно. Вообще эта область в масштабе всей Сибири является наиболее изученной, но если брать ее как конкретный объект изучения, то оказывается, что большая часть даже степных участков остается белым пятном.

Почти все памятники эпохи бронзы, известные в настоящее время, расположены узкой полосой вдоль берегов Енисея, так как именно здесь велись основные археологические работы. Что же касается районов, находящихся в стороне от Енисея, то они обследованы поверхностно, и только в отдельных местах исследователи производили раскопки. Неравномерность изучения минусинских котловин еще больше усилилась после того, как Красноярская экспедиция в силу поставленных перед ней задач вынуждена была работать только по берегам Енисея, в зоне будущего водохранилища. Накопив огромный, по сравнению с известным до этого времени, материал по всем эпохам, экспедиция не могла расширить поле своей деятельности.

Правда, исследователями, не связанными с Красноярской экспедицией, раскопано несколько андроновских памятников и вдали от берегов Енисея, но, к сожалению, только в северной части рассматриваемой территории.

Нужно особо подчеркнуть, что до недавнего време-

ни характер распространения андроновских памятников в минусинских котловинах привел некоторых исследователей к мнению, что андроновская культура занимала только северную часть этой территории. Работы Красноярской экспедиции, хотя велись они в узкой полосе будущего водохранилища, показали, что везде, где производились более или менее широкие и систематические раскопки, были открыты памятники андроновской культуры, что не может не свидетельствовать об ее повсеместном распространении в этой области Сибири. Отсутствие памятников на юге рассматриваемой территории, видимо, можно считать лишь результатом плохой археологической изученности района.

Памятники андроновской культуры из минусинских котловин представлены двумя видами: могильниками и остатками поселений. Но если могильники дали большой и хороший материал, то поселения оказались очень бедными — на них почти не обнаружено остатков жилищ, собрана только керамика.

Описание приводимых ниже памятников начинается с северных и заканчивается южными. Такое расположение материала признано наиболее удобным. Сначала описываются могильники, так как именно они являются основными источниками изучения андроновской культуры этого района, а затем уже приводятся сведения о поселениях.

Наиболее северные памятники находятся в лесостепном коридоре, здесь раскопаны могильники Михайловка и Большое Пичугино. В Назаровской котловине обнаружены Андроновский могильник, три могильника у Орака, около Ужура, а также остатки поселения Обьюд; в Чулымно-Енисейской котловине — могильники Пристань I, Новоселово, Соленоозерная I, Сухое озеро I и IA, Новая Черная II и III. Ярки I и II и поселения Ключи и Батеневская протока; в Сыдо-Ербинской котловине — могильники Усть-Ерба, Каменка II, Ланин Лог, поселения Сыда и Белоярск; в Минусинской котловине — могильники Тепсей, Мохов III и IV и Подкунинский.¹

¹ В этой сводке отсутствуют подробные сведения о некоторых небольших памятниках, оставшихся автору неизвестными, в том числе о могильнике у Ужура в Назаровской котловине, раскопанном Н.Л.Членовой. Необходимо также указать на неполноту антрополо-

Переходя к описанию, необходимо сделать некоторые замечания о его порядке. В большинстве случаев, когда, кроме окружающей могилу ограды, имеется земляная насыпь, могильник-памятник называется «курганом».

«Оградой» называются сооружения, при раскопках которых не было зафиксировано земляной насыпи, а также отдельные пристройки в курганах с системой оград. В андроновских курганах наблюдается несколько разновидностей могил, отличающихся конструктивными особенностями: каменный ящик — могила из вертикально поставленных плит; циста — могила, стены которой сложены из мелкого плитняка; каменная гробница — могила, при сооружении которой использованы приемы строительства, характерные для первых двух видов могил. Приводимые размеры могил — например 150 x 100 x 80 см — означают длину, ширину и высоту могилы, ее внутренние размеры. В тех случаях, когда могила сделана в глубокой яме, глубина последней дается отдельно. Следующие за размерами сведения об ориентировке — СВ-ЮЗ — указывают на направление длинной оси могилы.

МОГИЛЬНИКИ

М И Х А Й Л О В К А

На левом берегу р.Кии, у с.Михайловки, находится обширный курганный могильник начала нашей эры; часть курганов раскопана в 1958 г. В насыпях курганов встречаются андроновские черепки, а в одном случае

гических данных. Эти сведения — пол и возраст погребенных — имеют большое значение для выяснения многих вопросов, связанных с реконструкцией жизни общества. Однако приводимый материал в этом плане является фрагментарным, так как основное количество могил, раскопанных Красноярской экспедицией, осталось антропологически не изученным в связи с преждевременной кончиной Г.Ф.Дебеца, занимавшегося этими вопросами. Сведения о поле и возрасте погребенных имеются только в публикациях некоторых старых памятников и памятников, раскопанных под руководством М.П.Грязнова, который сам производил необходимые определения. В остальных случаях они отсутствуют.

оказалось погребение² (Мартынов, 1964, с.238).

Курган 3. Под насыпью кургана, в яме, на глубине 120 см лежал скелет скорченно, на левом боку, головой на ЮЗ. У черепа стояли два горшка (Мартынов, 1964, табл. I, б; II, в).³

В кургане 4, в засыпке тюркской могилы, найдены мелкие обломки андроновских сосудов, они были встречены также в насыпях курганов 5, 7, 8 (табл. III, м; IV, а, б, в, ж, и, к-н).

БОЛЬШОЕ ПИЧУГИНО

У с. Большое Пичугино Тисульского района Кемеровской области, на левом берегу р. Урэн, на южной окраине села, около колхозного амбара насчитывается 21 земляной курган. В 1956 и 1957 гг. А. И. Мартынов раскопал 10 из них. Судя по отчету, исследователь считает их андроновскими. Из приведенных им сведений ясно, что это тагарский могильник, оказавшийся на территории более древнего андроновского. В некоторых курганах поздние могилы находились либо рядом с андроновскими, либо над ними; в других случаях в поздних могилах обнаружены андроновские черепки. Этот очень важный в связи с его местоположением могильник, к сожалению, во многом неясен. Дело в том, что он был раскопан А. И. Мартыновым почти в самом начале его занятий археологией, и поэтому при изучении могильника им был допущен ряд ошибок, затрудняющих правильное понимание памятника. Кроме того, между отчетом, хранящимся в архиве ИА АН СССР, и более поздней публикацией имеются серьезные расхождения. Номера курганов в отчете и публикации не совпадают, в описаниях могил даны разные размеры и разная ориентировка погребенных, имеются также расхождения в описании положения вещей в могилах, расходятся и некоторые рисунки горшков. Кроме того, в отчете даны только схематические чертежи могил, их точные грани-

цы и размеры ни разу не были установлены. В публикации же вообще чертежей нет, что затрудняет сопоставление описания с другими материалами.

Считая, что первое восприятие могильника после раскопок является более непосредственным, в то время как публикация требует определенного осмысления и некоторых коррекций, в основу настоящего описания положены данные отчета с указанием в каждом случае расхождений с публикацией. Ниже приводится описание только тех курганов, где можно предполагать следы андроновских могил (Мартынов, 1964, с.235).

Курган 1 (по отчету 1956 г.). Диаметр 10 м, высота 0.6 м, из дернового и поддернового слоя. В юго-западной и юго-восточной частях следы выброса.

М о г и л а. Грунтовая яма прямоугольной формы, 200 x 150 x 60 см, В-З (220 x 170 x 75 см, ЮВ-СЗ), точные границы не устанавливаются. В южном углу ямы горшок (табл. I, д), рядом череп барана, а в центре конусовидная сферическая бронзовая бляшка. Следов погребения не обнаружено.

Курган 2 (по отчету 1957 г., В I). Диаметр 8 м, высота 0.3 м. Под насыпью глиняный выброс. В насыпи мелкие обломки керамики (табл. II, з, ж, и, л). При описании этого кургана приведены данные отчета и публикации, так как здесь имеются наибольшие расхождения, исключавшие друг друга.

М о г и л а. Грунтовая яма неясных очертаний, 220 x 140 x 190 см (410 x 140 x 90 см). В публикации сказано, что на уровне погребенной почвы наблюдались куски сгнившего дерева от перекрытия. Я могиле по отчету трое погребенных: один андровец и два тагарца (по публикации четверо погребенных: два андровца и два тагарца).

Сведения по отчету. Первый скелет-андровец лежал скорченно, на левом боку, головой на З. У колен продольные следы дерева. На шее связки бус из мелких боченковидных свинцового цвета бусинок (в центре одна крупная) и из пастовых красных и светлых цилиндриков. На груди два клыка кабана с отверстиями. Скелеты второй и третий (тагарцы) находились рядом с первым скелетом. Они лежали вытянуто на спине, головой на ЮЗ. На втором скелете бронзовые бусы и пронизка, а на голове бляшки. В ногах между костями бронзовые и две костяные стрелы и два зеркала.

2 Вещи хранятся в Кемеровском педагогическом институте.

3 Здесь и при описании материалов Большого Пичугина указаны таблицы из работы А. И. Мартынова (Мартынов, 1964).

Сведения по публикации. «В центре могилы находилось три костяка. Два костяка скорченны, на левом боку, головой на ЮЗ. На одном полностью сохранившемся костяке на груди большое дисковидное зеркало и амулет из клыков кабана с просверленными отверстиями. Около головы и в ногах костяка стояло по одному сосуду (табл. II, о; табл. I, е). У второго костяка отсутствовал череп. Он был разрушен более поздним тагарским погребением (костяк 3). На костях этого погребенного находилось бронзовое зеркало. В ногах погребенных лежали кости ребенка. На них было зеркало и связка бус. На ремennom шнурке, красиво завязанном в бант, были нанизаны боченковидные мелкие бусы свинцово-матового цвета и бусинки в форме цилиндров из розового камня» (Мартынов, 1964, с. 236).

Внутри могил срубом (неясно, в один или два венца) был отгорожен участок в северо-западном углу, который А. И. Мартынов в отчете называет тайником. В нем стояло пять горшков (табл. I, а, в, е; II, а, н). (Один из этих горшков в публикации отнесен и к тайнику, и к первому скелету). Кроме того, к этому же кургану в отчете отнесен другой горшок.

Описания этой могилы настолько разнятся, что найти точки соприкосновения между ними невозможно. Скорее всего более близким истине является описание отчета, что находит некоторое соответствие и с приведенным в отчете схематическим планом этой могилы. Украшения, относимые в отчете к первому скелету, в обиде могут быть и андроновскими, так как подобные бусы встречались в андроновских могилах других территорий. Необычными являются только клыки кабана. Что же касается бронзового зеркала, упомянутого в публикации, то оно для андроновских памятников не характерно. Отнесение второго разрушенного костяка к андроновскому времени не обосновано. В отношении тайника можно сказать, что это, по всей видимости, восточный угол другой, не раскопанной до конца андроновской могилы.

Приведенные сведения позволяют восстановить картину последовательности захоронений в этом кургане. Первоначально в этом месте находился земляной андроновский курган с двумя могилами, обложенными деревом. В одной из них по андроновскому обычаю лежал один скелет с двумя горшками, а в другой с погребенным

стояли пять горшков, что встречается в андроновских могилах Западной Сибири. В тагарское время курган был вторично использован для захоронения. Тагарская могила попала между двумя андроновскими, только отчасти задев одну из них.

Курган 4 (по публикации). «Диаметр 12 м, высота 0.55 м. Под насыпью было обнаружено два погребения в грунтовых ямах.

П о г р е б е н и е I. В яме 0.90 x 1.70 м, глубиной 0.60 м находился костяк на правом боку, скорченно. Около лицевой части черепа лежали обломки горшка (табл. II, г).

П о г р е б е н и е 2. В прямоугольной яме 1.20 x 1.80 м на глубине 0.75 м находился костяк скорченно, на левом боку, ориентированный головой на юго-запад. С костяком не было никаких предметов» (Мартынов, 1964, с. 236).

Курган 6 (по отчету 1957 г., № 5). Диаметр 10 м, высота 0.3 м. В насыпи мелкие обломки костей и мелкие фрагменты андроновской керамики (табл. II, д).

М о г и л а. Грунтовая яма, 240 x 200 x 80 см, ССВ-ЮЮЗ. В южной части уступ. В глубокой части следы «очага» (можно было думать, что это остатки андроновского сожжения). В яме фрагменты керамики — андроновской и тагарской. «В яме остатки двух погребений: андроновского и более позднего — тагарского, расположенного на 30 см ниже андроновского. Поэтому очертания могильной ямы неправильные.

От тагарского погребения остались череп человека, неорнаментированная керамика и кости ноги лошади. От андроновского погребения остались только разрушенные неловеческие кости ног, ребра и несколько фрагментов керамики коричнево-красного цвета, покрытых мелкозубчатым штампом, составляющим равнобедренные треугольники» (Мартынов, 1964, с. 237; табл. II, е, ж, м; III, г).

Курган 7 (по отчету 1957 г., № 6). Здесь имеются расхождения и в описании могил, и в нумерации.

Ч о г и л а I (по отчету). Грунтовая яма прямоугольной формы, глубиной 130 см, ЮЗ-СВ. Скелет лежал вытянуто на спине, у колен остатки костра. Слева у ног два сосуда, справа один.

По публикации. «М о г и л а 2. Яма прямоугольной формы размером 1.4 x 2 м, глубиной 1.3 м. На дне ямы костяк человека на спине, с подогнутыми ногами. Кости ног свалились влево. Возле колен следы костра, в

ногах обломки сероглиняных сосудов, заштрихованной одной острой, другой тупой насечкой елочкой" (Мартынов, 1964, с.237; табл. III, д, е, з; IV, в, г, д).

М о г и л а 2 (по отчету). Грунтовая яма неправильных очертаний, глубиной 130 см, в ней следы очагов и мелкие обломки керамики (воспринималась как андроновская могила с сожжением).

По публикации. «**М о г и л а 1**. В южной половине кургана под бровкой яма, вытянутая по линии ЮЗ-СВ. Размеры сторон 1.6 м х 1.1 м, глубина 1 м, в северо-западной части могилы прослежен уступ. На уступе на дне могилы около уступа угли, зола, три ребра бараньей кости черепа и ребра человека. На остальной площади могилы обнаружены только фрагменты керамики» (Мартынов, 1964, с.237; табл. III, н, о).

КУРГАН 9 (по отчету 1957 г., № 8). Диаметр 8 м, высота 0.3 м (0.45 м). Под насыпью три могилы. Могила 1 тагарская.

М о г и л а 2. Грунтовая яма прямоугольной формы, 216 x 160 см (160 x 160 см). Все разрушено. В могиле кости рук и ног человека, кости барана и серая керамика. «Мелкие фрагменты керамики, покрытые косыми заштрихованными треугольниками и елочкой. Здесь были фрагменты высокой горловины сосуда, украшенной тупым предметом параллельными линиями» (Мартынов, 1964, с. 237; табл. II, б; III, а, и; IV, и, р).

М о г и л а 3. Грунтовая яма прямоугольной формы (200 x 140 см). Скопление костей и керамики в восточной части. Обломки сосудов с геометрическим орнаментом (табл. III, б, в; IV, о).

В публикации этого памятника есть сведения еще об одной могиле.

«В 1957 г. под насыпью кургана II в первой могиле было открыто погребение, которое, несмотря на отсутствие вещевого материала, можно отнести к андроновским. В яме размером 1.8 м х 1.2 м, глубиной 0.60 м лежал костяк на правом боку, с сильно подогнутыми костями ног и рук» (Мартынов, 1964, с.238).

А Н Д Р О Н О В О

Могильник открыт при строительстве железной дороги Ачинск-Абакан. Он находится в 4 км от деревни, у железнодорожного моста через р.Сарт, на второй террасе. В 1914 г. А.Я.Тугаринов исследовал три могилы, а

из разрушенных могил от рабочих получил вещи. Над исследованными могилами наблюдались остатки ограды из положенных плашмя плит в виде двух концентрических кругов диаметром 10-12 м (Тугаринов, 1926; Теплоухов, 1927, с.70; Киселев, 1951, с.68).

М о г и л а 1. Обнаружена в откосе. Прямоугольная яма, 200 x 60-70 x 250 см, В-З. На дне рама в один венец, перекрытая поперек накатом из 5 полубревен диаметром 40 см. Погребенный лежал у южной стены на левом боку, с согнутыми руками и ногами, головой на З. За головой в углу горшок (табл. XII, 1 или 5), на дне кусочки угля и зола.

М о г и л а 2. Обнаружена в откосе. Прямоугольная яма глубиной 300 см, В-З. На дне рама в один венец, перекрытая накатом. Погребенный лежал у южной стены с согнутыми руками и ногами, головой на З. За головой горшок (табл. XII, 2).

М о г и л а 3. Обнаружена в откосе. Прямоугольная яма глубиной 200 см, В-З. На дне каменный ящик шириной 80 и высотой 60 см, покрыт двумя рядами плит. Восточная часть могилы и часть скелета разрушены. Скелет лежал у южной стены на левом боку, руки (и ноги?) согнуты, головой на З. За головой горшок (табл. XII, 4). На тазовых костях следы окиси меди, под костями развалившиеся бляшки.

М о г и л а 4. Разрушена рабочими. По их словам, на дне была рама. Найдены горшок (табл. XII, 3), остатки шерстяной шапочки и костяная лопка-черпак.

М о г и л ы 5-7. В обрыве следы поперечных бревен от рам, на глубине от 30 до 250 см. Из них А.Я.Тугаринову передан горшок (табл. XII, 1 или 5).

О Р А К (М О Г И Л Ь Н И К У К Р А С Н О Й Г О Р Ы)

В 20 км к западу от г.Ужур, в лесостепной местности находится улус Орак. В 1.5 км к ВСВ от него с левой стороны по дороге на Красное озеро находятся могильник из 14 курганов минусинской курганной (тагарской) культуры и 32 плоских кургана андроновской и карасукской культур. Г.П.Сосновским в 1925-1928 гг. раскопано 30 курганов, содержащих 41 погребение андроновской культуры. В 1964 г. группа сотрудников Красноярской экспедиции под руководством М.П. Грязнова обследовала этот памятник с целью проверки

наблюдений Г.П.Сосновского, так как он не исследовал сооружение целиком, а раскапывал только могилы. Был снят новый план могильника, на который нанесено 52 кургана андроновской культуры. И, кроме того, раскопано еще 3 кургана, содержащих по одной могиле. Эти курганы получили номера, продолжающие нумерацию Г.П.Сосновского⁴ (Киселев, 1951, с.70; Комарова, 1961, с.32-73).

По данным Г.П.Сосновского, опубликованным М.Н.Комаровой, курганы окружены круглыми каменными оградками из врытых вертикально плит. Новые же раскопки показали, что здесь есть и ограды, сооруженные из лежащих положенных плит. Иногда имеется плоские земляные насыпи до 25 см высотой. Каждая из 30 отдельных оград содержала по одной могиле. Исключение составляют два больших кургана «А» и «Б» - это системы оград, в каждой из которых по одной могиле. В кургане «А» находится 7 могил, а в кургане «Б» - 4 могилы. Высота каждого кургана 70 см. Диаметры оград от 3 до 10 м. В 13 случаях в ограде под насыпью встречался уголь. Могилы прямоугольной формы, вытянуты с ЮЗ на СВ (табл. II-УIII). Размеры могил для детей - около 100 см в длину и 50 см в ширину, для взрослых - до 260 см в длину и 200 см в ширину, а в середине - 150-200 см в длину и около 100 см в ширину. Могилы трех видов: 1) деревянные рамы из четырех бревен, всегда перекрыты бревенчатым накатом, в шести случаях имеется только по два бревна на коротких или длинных сторонах могилы (табл. II, 6, 7; III, 5, 11, 12, 17; УII, 11, 12; УIII, 5, 6); 2) каменные гробницы-плиты из горизонтально положенных плит в 13-42 ряда, это наиболее распространенный вид (в четырех случаях одна стена - вертикальная плита), они перекрыты либо накатом (шесть случаев), либо плитами (16 случаев) (табл. II, 3, 4; III, 14; IV, 2-5, 7, 8; V, 22; УII, 1, 2); 3) каменные ящики, иногда сверху дополненные кладкой (три случая), перекрыты плитами (табл. IV, 10; УII, 14). На дне могил следы подстилки из травы.

⁴ Документация находится в архиве ЛОИА, вещи хранятся в Эрмитаже, МАЭ и Музее антропологии при МГУ. Обобщенная характеристика могильника дана по публикации М.Н.Комаровой со ссылками на таблицы из ее статьи (Комарова, 1961).

Погребенные лежат на левом боку, с согнутыми руками и ногами, головой на ЮЗ, с небольшими отклонениями к З или Ю (табл. II, 4, 7; III, 12, 14, 17; IV, 3, 4, 8, 13, 19; V, 7, 12, 17, 22; УII, 11-14; УIII, 2, 6). В одном случае скелет лежал на правом боку, головой на СВ (табл. V, 18), в другом - два погребенных лежали на спине вытянуто (табл. III, 2). В трех случаях наблюдается трупосожнение (табл. IV, 5).

В могильнике похоронены: в 12 могилах - дети от двух лет и старше, в 4 - женщины, в 9 - мужчины, в 5 - мужчина и женщина, в 1 - женщина и грудной ребенок, в 1 - мужчина, женщина и ребенок, в 6 случаях пол и возраст не определены. В парных погребениях женщина всегда лежит на левом боку за спиной мужчины (табл. IV, 3, 19; V, 22; УIII, 2).

При всех женских скелетах найдены серьги, из них одна (могила 10) с раструбом, а остальные в виде кольца из круглой или сплюсненной проволоки (табл. XV, 1, 3, 10-14, 16, 21, 25). При женских скелетах найдены и бусы, свернутые из кусочков плоской или с ребром бронзовой пластинки. Они являлись украшением обуви (табл. XV, 2, 4, 5, 8, 15, 22, 23). В могиле 5 найдены четырехугольная медная бляшка (табл. XV, 7) и круглая пуговица (табл. XV, 6), а в могиле 32 - полусферическая бронзовая бляшка и костяная пуговица (табл. XV, 19, 20). В могилах 32 и 35 найдены обрывки плетеной из шерстяной нитки тесьмы, окрашенной в ярко-красный цвет. В могилах 1, 3, 32, 35 обнаружены обрывки меховой обуви, а в могиле 37 на мужском черепе оказались остатки вязаной шапочки.

В ряде могил найдены орудия труда. Ч женской могиле 30 обнаружена бронзовая игла (табл. XV, 17), а в мужской могиле 13 - обломок четырехугольного шила (табл. XV, 9). В двух могилах лежали астрагалы барана (в могиле 15 - 18 штук, а в могиле 27 - 7 штук). В могиле 31 найден костяной наконечник стрелы (табл. XV, 18).

В 9 могилах встречены кости животных, в том числе и домашних - быка и барана.

Керамика представлена плоскодонной посудой двух основных видов (табл. IX-XII): банками и нарядными горшками, но есть и переходные виды сосудов (табл. IX, 4; X, 10, 11; XI, 3, 8, 10; XII, 1, 2, 4, 5, 7, 9; XIII, 4, 9). Всего найден 51 горшок. Банки имеют несколько выпуклые стенки в верхней трети сосуда (табл. IX, 7; X, 6, 8;

XI, 2, 4, 5, 7, 9; XII, 8; XIII, 2, 6, 7), из них 4 без орнамента. На остальных банках и сосудах переходных форм орнамент из горизонтальной или вертикальной елочки или ямок. На двух сосудах есть заштрихованные треугольники, на третьем - валик (табл. XII, 4), на четырех - каннелоры (табл. XII, 8). В большинстве случаев у дна сосудов нет орнамента. Нарядные горшки со сложным профилем: отогнутым венчиком, выпуклыми боками, четким дном (табл. IX, 1-3, 5, 6, 8, 9; X, 1-5, 7, 9; XI, 1, 6, 11; XII, 3, 6; XIII, 1, 3, 5, 8). Поверхность всегда лощеная, орнамент оттиснут мелкозубчатой гребенкой. Он разнообразен, варьирует от простых, как на банках, фасонов до сложных меандров и других геометрических фигур. Орнамент покрывает венчик, плечики, большую часть тулова и идет полосой из треугольников, елочки или каннелор у дна. Наиболее нарядная и сложная полоса орнамента на плечиках.

Ниже приводится описание курганов и могил, раскопанных в 1964 г. М.П.Грязновым.

Курган 45 (табл. I, 1). До раскопок земляная насыпь 25-30 см высотой и 9 м диаметром, в полах которой выступали отдельные камни. Ограда прямоугольная, 5 х 6 м, из положенных плашмя плит, сохранилось от 4 до 8 рядов. Часть камней ограды упала наружу. Над могилкой скопление костей животных: коровы и косули, а у восточной стенки могилы найдены черепки от горшка.

М о г и л а. Прямоугольная циста, 180 х 160 х 30 см, ЮЗ-СВ, из 5-8 рядов положенных плашмя плиток, сооружена на поверхности погребенной почвы. Западная стена гробницы не сохранилась. На дне в беспорядке кости взрослого. Вещей нет.

Курган 46 (табл. I, 2). До раскопок земляная насыпь 40 см высотой, 9 м диаметром, в полах которой проступали камни ограды. Ограда округлая, диаметром 8 м, из положенных плашмя плиток, сохранились 3-4 ряда.

М о г и л а. Прямоугольная циста, 170 х 180 х 80 см, ЗЮЗ-ВЗВ, из 18-20 рядов положенных плашмя плиток. Покрыта двумя большими и несколькими мелкими плитками. На них лежали черепки горшка (табл. XII, 12, 13), уголь, кости животных. На дне отдельные кости взрослого. Вещей нет.

Курган 47 (табл. I, 3). До раскопок земляная насыпь высотой 70 см, размером 15 х 13 м. Ограда прямоугольная, 13 х 9 м, из положенных плашмя плиток, сохрани-

лись 3-4 ряда. В юго-западном углу ограды найдены черепки, а ближе к могиле - кости лошади.

М о г и л а. Прямоугольная циста, 170 х 110 х 90 см, из 14-18 рядов положенных плашмя плиток. Покрыта тремя большими плитами. Северо-западный и юго-восточный углы могилы разобраны грабителями, сделавшими здесь лазы. На плитах покрытия впускное разграбленное таштыкское погребение. В заполнении могилы встречены обломки горшка (табл. XII, 14), нижняя часть которого находилась на дне в северо-восточном углу, рядом обломки черепа новорожденного. Под могильной плитой скелет младенца одного года, лежал скорченно, головой на СЗ. Вещей нет.

Г О Р А Я Л В А Г - Т А Г (С У Х О Е О З Е Р О)

В 1.5-2 км к ЮЗ от улуса Орак, между Окуновым и Сухим озерами, в могильнике карасукской эпохи у горы Ялваг-таг Г.П.Сосновский раскопал (в 1925-1928 гг.) две андроновские могилы⁵ (Комарова, 1961, с. 45).

Курганы представляли собой овальные ограды диаметром 7.5-5.5 и 5.4-4.8 м из поставленных на ребро плит. В центре находились грунтовые ямы, в одной из которых на дне была циста, покрытая плитой, в другой найдены плиты и следы дерева. В заполнении могил встречаются угли. В могилах по одному погребенному (в первой могиле скелет частично разрушен). Погребенные в могилах лежали на левом боку, скорченно, головой на ЮЗ. В каждой могиле у юго-западной стены стоял горшок (Комарова, 1961, с. 72, табл. XIV, 1, 2). В первой могиле был найден скелет барана, внутри ограды кости животных.

Б О Л О Т О

В 1.5 км от улуса Орак, у болота, в карасукском могильнике Г.П.Сосновским в 1925-1928 гг. раскопана одна андроновская могила⁶ (Комарова, 1961, с. 45).

Овальная ограда из поставленных на ребро плит, содержащая ящик размером 80 х 50 см, ЗЮЗ-ВЗВ, в нем разрушенное погребение ребенка и черепки горшка (Комарова, 1961, с. 72, табл. XIV, 3-13).

5 Вещи хранятся в Эрмитаже.

6 Вещи хранятся в Эрмитаже.

Могильник, состоящий из курганов разного времени: андроновских, карасукских и тагарских. Находится в 2 км к юго-юго-востоку от ст. Ужур, на левом берегу р. Каменки, впадающей в р. Ужур.

Здесь среди других курганов Н.Л. Членовой было раскопано 10 курганов андроновской культуры.

П Р И С Т А Н Ь I

Могильник находится на краю высокой надпойменной террасы левого берега Енисея, в 1,5-2 км ниже пристани Новоселово (имеется в виду старое Новоселово). Поверхность террасы покрыта навеванным песком. Отсюда в 1916 г. А.Н. Пиккуевич и С.И. Сергеев доставили в Красноярский музей 10 целых сосудов и 11 крупных фрагментов горшков из разрушенных могил (Теплоухов, 1927, с. 79, табл. УП, 4, 6-8, 10, 11). В 1923 г. С.А. Теплоухов раскопал здесь же три могилы, перекрытые двумя слоями погребенной почвы, между которыми и сверху лежали слои наносного песка. Могилы находились под нижним, вторым, слоем почвы. В 1962 г. этот памятник был обследован М.П. Грязновым и М.Н. Комаровой, которые раскопали четыре могилы: три андроновские и одну, по всей видимости, окуневскую. В 1963 г. А.Аскаров продолжил исследование могильника и раскопал еще 17 могил андроновского времени и сарагашинский курган⁷ (Теплоухов, 1927, с. 77, 78; Киселев, 1951, с. 70).

М о г и л а 1 (1923 г.). Остатки кольца из плашмя положенных плит. В центре каменный ящик, 50 x 30 x 30 см, ДЗ-СВ, из вертикально врытых плит. Могила была перекрыта плитой. На дне скелет младенца, лежал на правом боку, скорченно, головой на СВ. В восточном углу у головы горшок (Теплоухов, 1927, с. 84, табл. IX, 4, 5). На костях следы окиси меди.

М о г и л а 2 (1923 г.). Каменный ящик, 100 x 60 x 60 см, ДЗ-СВ, из вертикально поставленных плит. Могила была перекрыта плитой. В ящике скелет ребенка около 6 лет. У юго-западной стены горшок (табл. XLV, 4). На костях следы окиси меди.

М о г и л а 3 (1923 г.). Разрушенный ящик. На дне черепки от двух горшков (табл. XLV, 7).

М о г и л а 1 (1962 г.) (табл. П, 1). Каменный ящик из вертикально поставленных плит, сохранились северная и восточная стенки, рядом с могилой найдены горшок (табл. XLIV, 2) и кости взрослого человека.

М о г и л а 2 (1962 г.) (табл. П, 2, 3). Прямоугольная гробница, 180 x 110 x 50 см, ДЗ-СВ, стенки из 5-7 рядов плашмя положенных плит. Юго-западная и юго-восточная стенки и плита покрытия сползли под откос. На дне сохранились в первоначальном положении кисти рук и кости ног, судя по которым, погребенный - мужчина 25 лет - был положен скорченно, на левом боку, головой на ДЗ. У головы два горшка (табл. XLV, 6).

М о г и л а 4 (1962 г.) (табл. П, 4, 5). Прямоугольный каменный ящик, 180 x 80 x 70 см, из поставленных на ребро плит, сверху дополнен кладкой. Перекрыт тремя плитами. В могиле в беспорядке кости подростка 14 лет.

Ограда 5 (1963 г.) (табл. III, 3). Овальная ограда, 5 x 4 м, с пристройкой, 4,5 x 4 м, из плашмя положенных плит, сохранившихся в 1-2 ряда. В ограде и пристройке по одной могиле.

М о г и л а 1. В центре основной ограды разрушенное могильное сооружение. В ее северной части неполный скелет ребенка.

М о г и л а 2. В пристройке разрушенный ящик из поставленных на ребро плит. Среди них берцовая кость взрослого человека и фрагменты горшка.

Ограда 6 (1963 г.). Курган сарагашинского этапа тагарской культуры. В пределах его южной части оказалась одна андроновская могила.

М о г и л а 2 (1963 г.) (табл. IV, 1, 3). Каменный подпрямоугольный ящик, 180 x 150 x 110 см, В-З. Сверху дополнен кладкой из плитняка. От покрытия сохранились куски горбылей и мелкие плитки. В могиле в беспорядке кости взрослого человека и фрагменты горшка.

Ограда 7 (1963 г.) (табл. III, 5). Группа пристроенных или тесно примыкающих одна к другой круглых и овальных оград из вертикально поставленных плит. Порядок сооружения из-за плохой сохранности установить трудно. Первой, видимо, была сделана ограда могила 6 и 7, овальная, 5 x 4,5 м; с севера к ней примыкала

⁷ Вещи хранятся в Эрмитаже, отчеты - в архиве ИА и ЛОИА АН СССР.

Рис. 1. Виды андроновских погребений в могильнике
 Пристань I (огр. 7).

1 - мог. 4; 2 - мог. 2; 3 - мог. 5; 4 - мог. 9; 5, 6 -
 мог. 7; 7 - мог. 10.

круглая ограда диаметром 5 м с могилой 2, еще севернее - круглая ограда с могилой I. К юго-западу от первой находилась ограда диаметром 5 м с могилой 5, пристроенная к большой разрушенной ограде с могилой 3, раскопанной в 1962 г. К западу от описанных оград расположено 6 могил, ограды которых не сохранились. Всего в этой группе раскопано 12 могил, в том числе и могила 3.

М о г и л а 1 (табл. V, 6). В яме, на глубине 135 см от поверхности погребенной почвы ящик, 160 x 120 x 75 см, ДЗ-СВ, из вертикально поставленных плит, перекрытый четырьмя плитами. На дне, на месте, кости ступней взрослого человека. Судя по их положению, погребенный первоначально лежал головой на ДЗ. Остальные кости перемешаны. У юго-западной стенки скелет новорожденного. В южном углу рядом с черепом горшок (табл. XLIV, 3).

М о г и л а 2 (табл. V, 1, 3; рис. 1, 2). На глубине 170 см каменная гробница трапециевидной формы, 180 x 80 x 90 см, ДЗ-СВ, комбинированная: северная и южная стенки из 13-19 горизонтальных рядов плитняка, западная и восточная - из вертикальных плит. Гробница перекрыта двумя плитами, под которыми было 50 см свободного от земли пространства. На дне скелет взрослого человека, лежал на левом боку, скорченно, головой на ДЗ. В северо-западном углу перед головой два горшка (табл. XLV, 12; XLIV, 5), в юго-восточном - один.

М о г и л а 3 (табл. V, 5). На глубине 145 см ка-

Рис. 2. Деревянная бадейка (1) и берестяной туес (2) из могильника Пристань I (огр. 7, мог. 4).

менный ящик, 200 x 80 x 85 см, ДЗ-СВ, перекрыт тремя плитами. Могила разграблена, кости в беспорядке.

М о г и л а 4 (табл. V, 2, 4). На глубине 170 см каменная гробница, 155 x 90 x 90 см, ДЗ-СВ, северная и южная стенки из 22 горизонтальных рядов плитняка, западная и восточная - из вертикальных плит. Покрыта двумя плитами, под которыми было 70 см свободного от земли пространства. В могиле на дне скелет мужчины, лежал скорченно, на левом боку, головой на ДЗ, за его спиной в той же позе скелет женщины. Между взрослыми потревоженные кости младенца. В головах взрослых по одному горшку (табл. XLIV, 4; XLV, 5), у локтей мужчины берестяной туес (рис. 2, 2), за спиной женщины деревянная бадейка (рис. 2, 1) с нитками и иглой (табл. LII, 6), в ухе женщины бронзовая серьга (табл. LII, 2), на голени остатки кожаной обуви с бронзовыми бусами (табл. LII, 9). На черепках мужчины и женщины имелись остатки шерстяных головных уборов.

М о г и л а 5 (табл. VI, 1; рис. 1, 3). На глубине 200 см каменная гробница, 180 x 80 x 80 см, ДЗ-СВ. Северная и южная стенки из 13-15 рядов мелких плит, западная и восточная - из вертикальных плит. Перекрыт тремя плитами. На дне потревоженный скелет женщины, лежал скорченно, на левом боку, головой на ДЗ. Слева у головы горшок (табл. XLIV, 8).

М о г и л а 6 (табл. VI, 2). На глубине 175 см каменная гробница, 170 x 60 x 75 см, ДЗ-СВ, северная и южная стенки из 11-13 рядов мелких плит, западная и восточная - из вертикальных плит. Покрытие разбито, погребение в беспорядке, на месте кости кистей рук. Судя по их положению, погребенный был положен на левом боку, головой на ДЗ.

М о г и л а 7 (табл. VI, 3; рис. I, 5, 6). На глубине 150 см каменный ящик, 125 x 70 x 50 см, ДЗ-СВ. Верх доложен тремя рядами мелких плит. На дне частично потревоженный скелет подростка, лежал скорченно, на левом боку, головой на ДЗ. В центре могилы два горшка (табл. XLIY, 7; XLV, 13), под ними астрагалы барана.

М о г и л а 8 (табл. VI, 4). Каменный ящик, 130 x 75 x 60 см, ЗСЗ-ВДВ, из вертикально поставленных плит. Покрытие нарушено. На дне детский скелет, лежал на левом боку, скорченно, головой на ЗСЗ. У головы два горшка (табл. XLIY, 1; XLV, 8).

М о г и л а 9 (табл. VI, 5; рис. I, 4). Каменный ящик, 125 x 60 x 60 см, ДЗ-СВ, из вертикально поставленных плит. Покрытие разрушено. На дне скелет подростка, лежал скорченно, на левом боку, головой на ДЗ. У головы горшок (табл. XLIY, 6).

М о г и л а 10 (табл. VI, 6; рис. I, 7). Каменный ящик, 160 x 100 x 80 см, ДЗ-СВ, из вертикально поставленных плит. Перекрыт четырьмя плитами. На дне скелет взрослого мужчины, лежавшего на левом боку, головой на ДЗ. Слева у головы горшок, справа лопатки барана, а в ногах два его ребра.

М о г и л а 11 (табл. VI, 7). Каменный комбинированный ящик, 170 x 90 x 90 см, ДЗ-СВ, северная и южная стенки из вертикальных плит, а западная и восточная - из плит, положенных плашмя. Покрыт тремя плитами. Погребение разрушено, среди костей обломки бронзовой бляшки.

Ограда 8 (1963 г.). Не сохранилась.

М о г и л а (табл. IY, 6). Комбинированная каменная гробница, 160 x 90 x 80 см, З-В, северная и южная стенки из плашмя положенных в 13-14 рядов мелких плиток, а западная и восточная - из вертикальных плит. Перекрыта тремя плитами. Скелет разрушен. На месте кости голени и ступней взрослого человека. Судя по их положению, первоначально погребенный лежал скорченно, на левом боку, головой на З. В западном углу два горшка (табл. XLY, I, 9).

Ограда 9 (1963 г.). Овальная ограда плохой сохранности, диаметром 5 м, из плашмя положенных плит (табл. II, 4).

М о г и л а (табл. IY, 2, 4). Каменная гробница, 150 x 110 x 65 см, ЗСЗ-ВДВ, из 8-10 рядов положенных плашмя плит. Покрытие не сохранилось. На месте, на дне, верхняя часть скелета, Судя по ней, погребенный первоначально лежал скорченно, на правом боку, головой на ВДВ. У головы обломки горшка (табл. XIV, 2), под северной стенкой другой горшок (табл. XLY, 11), в разных местах могилы обломки третьего горшка.

Ограда 10 (1963 г.). Не сохранилась.

М о г и л а (табл. IY, 5). Комбинированная каменная гробница, 210 x 110 x 40 см, З-В, северная и южная стенки из плитняка в 8-10 рядов, западная и восточная - из плит, поставленных вертикально. Погребение разграблено. На месте кости голени и ступней ног. Судя по ним, погребенный первоначально был положен скорченно, на левом боку, головой на ДЗ. На голених низки из бронзовых бус (табл. III, 8), среди костей обломки серьги (табл. III, 1).

Н О В О С Е Л О В О

Могильник расположен несколько к западу от ручья Полоски, в овражке, на месте дороги из Старого Новоселова на тракт. Обнаружен М.П. Грязновым в 1967 г. в результате подмыва берега Енисея, происшедшего при заполнении водохранилища. Здесь оказались четыре могилы, разрушенные и опустошенные в 1967 г. неизвестным лицом. Три из них принадлежат взрослым и одна детская. Продольные стены могил сложены из плитняка, а поперечные - из вертикально поставленных плит. М.П. Грязнов на этом месте собрал кости взрослых людей и одного подростка, а также черепки от андроновского нарядного горшка.⁸

С О Л Е Н О О З Е Р Н А Я I

Могильник андроновской культуры, расположенный на правом берегу р. Белый Ирс, в 2 км к северо-востоку

⁸ Материалы хранятся в Эрмитаже, отчеты - в архиве ИА и ЛОИА АН СССР.

ку от дер. Соленоозерной, или Фарпус. Здесь по берегу Ибса тянутся береговые пески, которые обследовал сотрудник Красноярского музея В.Н.Намекин. Он нашел здесь несколько могильников разного времени, в том числе и андроновский. Первые могилы были обнаружены в двух котловинах выдувов, на площади которых им были заложены раскопы. В 1964 г. было раскопано 24 могилы, а в следующем году - еще некоторое количество, но отчет о последних раскопках отсутствует.⁹

М о г и л а 1. На поверхности было видно несколько камней. После снятия земли обнаружено разрушенное кольцо в 1,5-2 м диаметром. В центре его ящик, 70 x 50 см, ДЗ-СВ, из вертикально поставленных плит. На дне могилы грудная клетка и бедро ребенка около 1 года. У восточной стены обломки черепа, в северо-западном углу горшок (табл. XLIII, 13).

М о г и л а 2. Каменный прямоугольный ящик, 155 x 100 см, ДЗ-СВ, из вертикально поставленных плит. На дне скелет человека 30-40 лет, лежал скорченно, на левом боку, головой на ДЗ. В заполнении могилы фрагменты горшка.

М о г и л а 3. Прямоугольный каменный ящик, 190 x 140 см, ДЗ-СВ, из вертикально поставленных плит. Покрыт массивной плитой. В могиле остатки пепла от сожженного человека и фрагменты горшка.

М о г и л а 4 (табл. VII, 5). Каменный прямоугольный ящик, 140 x 100 см, ДЗ-СВ. Покрыт плитой 200 x 150 x 15 см. В могиле найден скелет женщины примерно 18 лет, лежавший скорченно, на левом боку, головой на ДЗ. В ушах серьги с раструбом, правая сохранилась хорошо, левая распалась. На голеностопных суставах следы вязаной обуви и бронзовые бусы. У юго-западной стены, у головы, два горшка (табл. XLIII, 2, 5).

М о г и л а 5. Каменный прямоугольный ящик 60 x 45 см, ДЗ-СВ. На дне отдельные кости ребенка. В западном углу горшок (табл. XLIII, 10). Судя по месту, которое он занимал, погребенный лежал головой на З.

М о г и л а 6. Каменный четырехугольный ящик неправильных очертаний, 40 x 30 см, ДЗ-СВ, из вертикально поставленных плит. В заполнении могилы отдельные кости ребенка.

М о г и л а 7. Прямоугольный каменный ящик, 70 x 35 см, ДЗ-СВ, из вертикально поставленных плит. Юго-западная стенка отсутствует. В заполнении могилы отдельные кости ребенка.

М о г и л а 8. Прямоугольная каменная гробница, 70 x 60 см, из положенных плашмя плит. Перекрыта несколькими плитами. На дне разрушенный скелет ребенка. В западном и южном углах по горшку (табл. XLIII, 6). Судя по положению горшков, первоначально погребенный лежал головой на ДЗ.

М о г и л а 9. Каменный прямоугольный ящик, 45 x 25 см, ДЗ-СВ, из вертикально поставленных плит. Кости ребенка разбросаны по всей могиле. В западном углу горшок (табл. XLIII, 11). Судя по его положению, погребенный первоначально был положен головой на ДЗ.

М о г и л а 10. Каменный прямоугольный ящик, 65 x 45 см, ДЗ-СВ, из вертикально поставленных плит. Перекрыт плитой. В могиле разрозненные кости ребенка. В западном углу горшок (табл. XLIII, 14). Судя по его положению, погребенный первоначально был положен головой на ДЗ.

М о г и л а 11. Каменный прямоугольный ящик, 50 x 30 см, З-В, из вертикально поставленных плит. Перекрыт небольшой плитой. В могиле разрозненные кости скелета ребенка. В западном углу горшок. Судя по его положению, погребенный был положен головой на З.

М о г и л а 12. Каменный разрушенный ящик, ДЗ-ЗВ. На дне скелет ребенка плохой сохранности, без черепа, лежал скорченно, на левом боку, головой на ДЗ.

М о г и л а 13. Каменный прямоугольный ящик, ДЗ-СВ. Перекрыт плитами. На дне, на месте, грудная клетка. Судя по ней, погребенный первоначально лежал на левом боку, головой на ДЗ. В западном углу горшок (табл. XLIII, 7, 9).

М о г и л а 14. Каменный прямоугольный ящик, разрушенный, СЗ-ДВ, из вертикально поставленных плит. Найлены остатки пепла от сожженного человека и мелкие фрагменты стенок сосуда.

М о г и л а 15 (табл. VII, 3). Каменная гробница, 180 x 100 см, ДЗ-СВ, из положенных плашмя плит. Перекрыта плитой. В могиле скелет взрослого человека, лежал скорченно, на левом боку, головой на ДЗ. В западном углу у головы горшок (табл. XLIII, 4).

⁹ Материалы хранятся в Красноярском музее, а отчет - в архиве ИА АН СССР.

М о г и л а 16 (табл. VII, 2). Каменная гробница, 160 x 80 см, ДЗ-СВ, из положенных плашмя плит. В могиле скелет взрослого человека, лежавший скорченно, на левом боку, головой на ДЗ. В западном углу у головы горшок (табл. XIII, 8).

М о г и л а 17. Каменный четырехугольный ящик неправильных очертаний, 30 x 20 x 30 см, З-С, из вертикально поставленных плит. На дне отдельные кости ребенка. Судя по их положению, он был первоначально положен на левом боку, головой на З.

М о г и л а 18. Каменный четырехугольный ящик неправильных очертаний, 45 x 30 x 30 см, З-В, из вертикально поставленных плит. На дне несколько костей ребенка.

М о г и л а 19. Каменный прямоугольный ящик, 50 x 50 см, З-В, из вертикально поставленных плит. Ящик разрушен. На дне несколько костей ребенка.

М о г и л а 20 (табл. VII, 1). Каменный прямоугольный ящик, 130 x 95 x 90 см, ЗДЗ-ВСВ, из вертикально поставленных плит. Перекрыт плитой. На дне скелет молодой женщины (?), лежавший скорченно, на левом боку, головой на ЗДЗ. В западном углу у головы горшок (табл. XIII, 3). У рук 40 астрагадов барана.

М о г и л а 21 (табл. VII, 6). Комбинированная каменная гробница, 140 x 90 x 95 см, ДЗ-СВ. Северо-западная и юго-восточная стены из вертикально поставленных плит, юго-западная и северо-восточная - из плит, положенных плашмя. В могиле остатки пепла от трупосожжения. В южном и восточном углах по горшку (табл. XIII, 1, 15).

М о г и л а 22. Каменная гробница, 200 x 80 см, ДЗ-СВ, из плашмя положенных плит. Разрушена. Найдены отдельные кости.

М о г и л а 23. Прямоугольный каменный ящик, 120 x 50 см, З-В, из вертикально поставленных плит. Ящик разрушен. На дне отдельные кости и горшок (табл. XIII, 12).

М о г и л а 24 (табл. VII, 4). Прямоугольная гробница, 130 x 100 см, ДЗ-СВ, из положенных плашмя плит. На дне скелет, лежавший на левом боку, скорченно, головой на ДЗ.

С У Х О Е О З Е Р О I

Могильник расположен на северном берегу Сухого озера, лежащего в центре котлообразной долины, по

которой протекает речка Черновая, левый приток Енисея. От могильника до берега Енисея, у устья речки, примерно 4 км. Это место находится на севере Хакасии, на границе с Новоселовским районом Красноярского края.

Могильник открыт во время разведок 1962 г. сотрудником Минусинского музея Н.В. Леонтьевым. Он занимает площадь 2 км длиной и около 800 м шириной и состоит из курганов трех эпох - андроновской, карасукской и тагарской. Общее количество видимых курганов превышает 700. На могильнике производились работы автором с 1963 по 1968 г. За это время здесь было раскопано почти 300 карасукских курганов, несколько тагарских, а в 1963-1964 и 1967-1968 гг. - 56 андроновских, содержащих 88 могил.

Курганы андроновского времени объединены под названием „Сухое озеро I". Они образуют на площади могильника две группы. Основная по количеству курганов группа занимает центральную часть могильника и состоит примерно из шести десятков курганов. Точное их количество установить без раскопок трудно, так как некоторые сооружения внешне похожи на карасукские. Здесь раскопано 34 кургана. Андроновские курганы в отличие от карасукских расположены свободно. В промежутках между большими андроновскими курганами, в которых похоронены взрослые, в процессе работы были обнаружены небольшие, почти невидимые на поверхности оградки с детскими погребениями. Этот детский могильник выделен в самостоятельный и получил название „Сухое озеро IA". Вторая, меньшая, группа в составе шести сохранившихся курганов находится на юго-восточной окраине могильника. По всей видимости, здесь первоначально было больше курганов, но они в настоящее время распаханы. В этой группе раскопано 4 кургана. Ниже приводится описание курганов могильника взрослых, в котором раскопано 39 курганов с 57 могилами.¹⁰

Курган 1 (1968 г.) (табл. VII). До раскопок представлял собой земляной холм высотой 2 м от окружающей поверхности и диаметром у подножья примерно 30 м. У

¹⁰ Все хранятся в Эрмитаже, отчеты - в архиве ИА и ЛОИА АН СССР.

основания насыпи прослеживалась кольцевая дорожка шириной около метра. На этой полосе травы почти не было, здесь выступала на поверхность кладка ограды. В самом центре кургана были видны камни вертикальных плит могилы. Особенно хорошо прослеживались юго-западная и северо-восточная плиты. В связи с большим объемом работ и накопленным опытом раскопок таких курганов он был раскопан колодцем, 14 x 8 м, включившим видимые плиты.

М о г и л а (табл. XII, 1). Прямоугольный каменный ящик, 260 x 180 x 200 см, ЗДС-ВСВ, из вертикально поставленных плит. Ящик сооружен на древней поверхности почвы. Нижние концы плит стенок могилы немного углублены в землю и укреплены небольшими каменными клиньями. У верхних краев ящик с внешней стороны был обложен мелкими плитками. Плита покрытия не сохранилась, ее обломки разбросаны вокруг могилы. В заполнении могилы найдены обломки плит, кости взрослого человека и кости животных: фрагмент черепа, нижняя челюсть, три правых и два левых ребра овцы, левая лопатка коровы, фрагмент левой лопатки косули, плечевая кость утки. На дне, у северо-восточной стены, находился раздавленный горшок (табл. XIII, 1).

Курган 2А (1967 г.) (табл. IX). Самый большой из курганов Сухого озера. До раскопок представлял собой задернованный округлый холм, в основании которого прослеживалась кольцевая дорожка шириной около одного метра, на которой проступали отдельные камни скрытой под землей ограды. Диаметр кольца 33 м, а высота насыпи от окружающей поверхности примерно 150 см. Насыпь выходила за пределы каменного кольца, перекрывая его, так что диаметр видимой насыпи был на несколько метров больше диаметра кольца. Бульдозером была снята восточная часть насыпи и с наружной стороны оконтурена ограда, которая была сооружена из положенных плашмя плит и сохранилась в некоторых местах на высоту до пяти рядов. В центре кургана обнаружена основная могила, а к востоку от нее — куполообразное культовое каменное сооружение.

М о г и л а (табл. IX). Прямоугольная каменная циста, 150 x 150 x 125 см, В-3, из 18-20 рядов положенных плашмя плит. Внутренние стены цисты образованы аккуратно подобранными торцами плиток, в то время как снаружи они не выровнены. Нижние ряды кладки сделаны из мелких плит, а верхние — из крупных, дости-

гающих иногда длины внутренней стены цисты. Циста перекрыта массивными плитами, лежащими на своих местах. Только в северной части покрытия был выбит кусок плиты, провалившийся затем в могилу. Циста углублена в материк всего на 50 см, основная ее часть возведена выше древней поверхности почвы. С наружной стороны вокруг цисты лежал незначительный выброс щебенки. Могила ограблена через лаз в северной части. На дне находились два бедра и два черепа от двух взрослых людей, они были смещены со своих мест. Остальные кости и обломки горшков найдены в заполнении.

Культовое сооружение. В 1 м к востоку от могилы, ближе к северо-восточному углу, на древней поверхности почвы расположено куполообразное, в плане округлое сооружение из мелких плиток диаметром 120 см. Под ним оказался треугольник из вертикально поставленных плит, в центре которого на основании стоял череп человека.

Курган 2 (1963 г.) (табл. XI, 1). До раскопок это была округлая, невысокая (до 30 см), уплощенная возвышенность, в полях которой прослеживались отдельные вертикально стоявшие плиты, образовывавшие круг диаметром 9,2 м. Первоначально вся ограда была сделана из вертикально поставленных камней, многие из которых упали. Стоящие камни имели наклон наружу. В центре насыпи на поверхность выступали две плиты могилы.

М о г и л а (табл. XV, 1). Прямоугольная, 180 x 140 x 55 см, ЗВ, комбинированная: северная и южная стены — вертикально поставленные плиты, западная и восточная — положенные плашмя в пять рядов плитки. Покрытие не сохранилось. Дно могилы было ниже уровня погребенной почвы на 20 см. Снаружи могила обложена землей, видимо, она сооружалась зимой. В могиле кости трех взрослых людей, лежавшие кучей у северной стены. У восточной стены раздавленный горшок (табл. XVI, 1). Среди костей обломки нижней части другого горшка (табл. XVI, 1), зуб кабарги и обломки медных бус. Судя по положению горшка, можно предполагать, что один из погребенных был похоронен головой на В.

Курган 3 (1963 г.) (табл. XVI, 2). До раскопок это была округлая, едва заметная (высотой 20 см), плоская возвышенность, в полях которой были видны поставленные на ребро или лежавшие плашмя камни, образую-

вавшие круг диаметром 8.4 м. Первоначально ограда была сооружена из вертикально поставленных плит, а затем отдельные плиты упали. Стоявшие плиты имели наклон наружу. В пределах ограды выброс из могилы.

М о г и л а. Прямоугольная циста, 150 x 110 x 35 см, С-В, из шести рядов положенных плашмя плит. Покрытие не сохранилось. Могила совершенно пустая.

Курган 4 (1963 г.) (табл. X, 3). До раскопок это была насыпь полусферической формы, высотой от окружающей поверхности 80 см, а от погребенной почвы 60 см. У подножия в двух местах были видны камни. После снятия насыпи обнаружены остатки ограды в виде небольших вертикально стоявших плиток, в некоторых случаях отклоненных наружу. Они образовали круг диаметром 13 м. В центре кургана под насыпью большое скопление камней и щебень, выброшенный из могил. В середине кургана под развалом из камней две могилы. В насыпи найдены обломки горшка (табл. XIV, 7).

М о г и л а I (табл. XV, 4). Прямоугольная, 165 x 95 x 90 см, ДЗ-СВ, комбинированная: западная и восточная стены - из вертикальных плит, северная - из 10 рядов положенных плашмя плит, а южная - из 8 рядов. Могила в восточной части перекрыта двумя большими плитами, а в западной части остались лишь обломки плит. Общие размеры перекрытия 180 x 140 см. В могиле в полном беспорядке кости двух скелетов взрослых людей. На голених одного из них следы окиси меди. В заполнении могилы бронзовые вещи: бусы, игла и обломок кольца (табл. I, 2, II).

М о г и л а 2 (табл. XV, 5). Прямоугольная циста, 170 x 100 x 90 см, ДЗ-СВ, из горизонтально положенных в 16 рядов плит. Северная стена разрушена грабителями. Покрытие не тронуто и состоит из трех больших плит. Общие размеры его 280 x 160 см. В могиле в полном беспорядке кости скелета взрослого человека. На нижней челюсти следы окиси меди. В заполнении очень мелкие обломки бронзовых бус.

Курган 5 (1963 г.) (табл. XIV, 4). До раскопок это была округлая, невысокая (до 10 см), плоская возвышенность, окруженная кольцом из выступающих на поверхность торцами плит, диаметром 5.8 м. Некоторые камни ограды отклонены наружу. В центре кургана могила.

М о г и л а. Прямоугольная циста, 70 x 45 x 40 см, З-В, из 4-5 рядов положенных плашмя плит. Покрытие

не сохранилось. Судя по глубине могилы, она была сооружена зимой. В могиле ничего нет.

Курган 7 (1964 г.) (табл. X, 4). До раскопок представлял собой относительно невысокий, 80 см от окружающей поверхности почвы, пологий холм диаметром около 22 м. В основании холма по его окружности были видны положенные плашмя камни. После снятия насыпи выявлена ограда диаметром 19 м из положенных плашмя плит. В некоторых случаях сохранились 3-4 ряда. Ограда сильно разрушена, видимо, с нее брали камень для сооружения более поздних могил. Сохранившиеся камни кладки сползли на внешнюю сторону. Внутри ограды упавших камней не было, что указывает на наличие в пределах ограды земляного сооружения, которое при разрушении, видимо, довольно скоро заполнило всю внутреннюю часть ограды. Расползавшееся земляное сооружение сталкивало камни на внешнюю сторону. Ограда кургана несколько необычна. В подавляющем большинстве ограды круглые, сложенные в перевязку. В данном же кургане, как и в ряде других нераскопанных, ограда в плане имела вид многогранника. В ней примерно через равные промежутки стояли вертикальные камни, делившие стену на прямые отрезки от 3 до 5 м длиной. В разрезе кургана хорошо прослеживался слой погребенной почвы, который был прорезан ямой при сооружении могилы. Выброс из ямы перекрывал погребенную почву и весь располагался внутри ограды. Слой погребенной почвы за пределами ограды сливается с современной поверхностью.

М о г и л а (табл. XX, 8). Прямоугольная циста, 250 x 130 x 100 см, СВ-ДЗ, из 12-15 рядов положенных плашмя плит. Юго-восточная ее часть была перекрыта массивной плитой, 220 x 105 x 20 см, а над северо-западной частью находилось два больших обломка плит, сдвинутых со своих мест. По всей площади могилы в полном беспорядке разбросаны кости скелета мужчины 30 лет. Среди человеческих костей и в заполнении могилы найдены фрагменты горшка (табл. XIV, 5).

Курган 8 (1964 г.) (табл. XIV, 3). До раскопок представлял собой невысокий (до 40 см), сильно расплывшийся, пологий холм диаметром 13 м. После снятия насыпи выяснилось, что в центре ее находится груда камней, под которой была могила. От ограды сохранилось несколько отдельно лежащих в восточной части раскопа каменных плиток. А вокруг могилы наблюдался выброс из могильной ямы.

150 x 100 x 90 см, СВ-ДС, стены которой были сложены из 27 рядов тонких плит, положенных плашмя. Над северо-западной частью могилы лежала большая разбитая плита, 180 x 100 x 10 см, а с юго-востока находились мелкие обломки плиток. Могила была в древности ограблена. На ее дне в беспорядке лежали кости женщины 40 лет, а в заполнении встречались кости новорожденного младенца. Среди костей найдены обломки горшка с четырехугольным верхом (табл. XLVI, 3), а также бронзовые бусы (табл. III, 12).

Курган 10 (1968 г.) (табл. XI). До раскопок на поверхности почвы хорошо был виден земляной холм высотой от окружающей поверхности 75 см и диаметром 16 м. В основании холма проступали края плит ограды диаметром 14 м. В центре кургана лежала одна плита. Курган раскапывался колодезем, заложенным в центре с таким расчетом, чтобы выявить могилу со всех сторон. Кроме того, была сделана кольцевая траншея, для того чтобы выяснить конструкцию ограды. Ограда комбинированная: с внешней стороны стоят вертикально, с некоторым наклоном наружу, массивные плиты, а внутри идет кладка из небольших плиток, положенных плашмя в 2-3 ряда. Такая конструкция ограды встречена в раскопанных курганах на Сухом озере впервые.

М о г и л а (табл. XII, 3). Прямоугольная циста, 190 x 120 x 100 см, 3-В, из 11 рядов положенных плашмя плиток. Над могилкой, на глубине 45 см от поверхности кургана, сохранилась расколотая плита покрытия. В могиле разрозненные кости двух скелетов взрослых людей. На дне могилы, в северо-западном углу, находились груды костей и два черепа. В заполнении могилы найден костяной игольник с обломком бронзовой иглы внутри него (табл. III, 6, 7, 10) и фрагмент нижней челюсти овцы.

Курган 14 (1964 г.) (табл. X, 2). До раскопок это был невысокий (до 40 см), сильно расплывшийся, овальный, пологий холм диаметром более 13 м. Овал вытянут с С на Ю. В южной части на поверхности почвы проступали отдельные, стоявшие вертикально плиты ограды. После снятия насыпи выяснилось, что в центре кургана расположена могила, вокруг которой была сооружена ограда из вертикально стоявших камней. Ограда сохранилась только в южной части. Северная ее часть разрушена и представляет собой развал плиток, среди кото-

рых лишь небольшие обломки сохранили свое первоначальное вертикальное положение. Плиты ограды отклонены наружу, что указывает на наличие земляного сооружения внутри ограды. Примерно в 3 м от могилы заметны наклонно стоящие плитки второй оградки, эти плитки сохранились с севера и запада от могилы.

М о г и л а (табл. XXX, 5). Прямоугольная циста, 160 x 110 x 80 см, ВСВ-ЗДЗ, сложенная из 12 рядов мелких плиток. Стенки могилы ко дну несколько расширяются. Циста углублена в землю только наполовину (на 40 см) и на 40 см возвышается над погребенной почвой. Видимо, она была сооружена зимой. Покрытие могилы не сохранилось. В могиле найдены только отдельные кости скелета взрослого человека.

Курган 16 (1964 г.) (табл. XLV, 1). До раскопок на поверхности земли проступали лежавшие плашмя плиты, образовывавшие круг диаметром 7 м. После снятия земли и зачистки выявлена круглая ограда из положенных плашмя плит, сохранившихся в 1-2 ряда, диаметром 5.4 м. Все пространство внутри заполнено щебенчатым выбросом, который за пределами ограды не обнаружен. В центре кургана на уровне погребенной почвы прослеживалось пятно неправильной подпрямоугольной формы.

М о г и л а 1 (табл. XLII, 1). Грунтовая яма, 190 x 140 x 300 см, 3-В. На дне ямы оказался деревянный сруб в один венец. Концы длинных бревен были несколько затесаны для закрепления поперечных бревен. Сверху сруб перекрыт плахами шириной до 40 см. На плахах в отдельных местах видны следы раскалывания бревен клиньями. Перекрытие провалилось в могилу. В отдельных местах можно было видеть следы бересты, покрывавшей первоначально сверху плахи. На дне могилы, в северо-западном ее конце, стоял горшок (табл. XLVIII, 1), а в центре лежала кучка пепла от сожженного человека.

М о г и л а 2. У северо-восточной стороны ограды, снаружи, находился маленький, 30 x 30 x 20 см, СВ-ЗД, ящик, его покрытие не сохранилось. В ящике обнаружен пепел, может быть, это следы сожжения умершего ребенка.

Курган 20 (1968 г.) (табл. XII, 1). До раскопок на поверхности почвы было небольшое земляное всхолмление диаметром 10 м, возвышавшееся на 30 см. В полах кургана ограда не видна. Для обнаружения ограды примерно с С на Ю была заложена траншея, но ограду об-

наружить не удалось. В центре кургана найдена могила, над которой был заложен прямоугольный раскоп.

М о г и л а (табл. XIII, 2). Прямоугольный каменный ящик, 200 x 160 x 100, ДЗ-СВ, из вертикально поставленных плит. У верхних краев ящика с наружной стороны имелась выкладка из положенных плашмя плит. Над северо-восточной частью ящика сохранились обломки плит покрытия. В заполнении могилы встречены кости человека и животных: скелеты четырех барсуков и двух овец. Скелеты всех животных без нижних челюстей и конечностей. Основная масса костей взрослого человека находилась на дне могилы, в западном углу и вдоль северной стены. У северо-восточной стены найдены альчик и бронзовая бляшка (табл. LVII, 8). Северная стенка могилы с внутренней стороны имела прочерченные рисунки.

Курган 23 (1963 г.) (табл. XLV, 2). До раскопок на поверхности земли прослеживалась прямоугольная ограда из вертикально поставленных плит, 5.4 (С-Д) x 2.5 (В-З) м, с прямоугольной пристройкой с восточной стороны, 3.8 (С-Д) x 2.7 (В-З) м. Плиты оград имели наклон наружу. В центре основной ограды видны камни вокруг могилы.

М о г и л а 1. Прямоугольный каменный ящик, 80 x 65 x 65 см, ДЗ-СВ, по краю обложен плитками, нет восточной стены. Покрытие не сохранилось. В заполнении мелкие обломки костей.

М о г и л а 2 (табл. XV, 2). Трапециевидный каменный ящик, 140 x 190 (СВ) - 60 (ДЗ) x 30 см, ДЗ-СВ, обложен двумя плитами, поставленными впритык к восточной стене основной ограды. Восточной стены могилы нет. Покрытие не сохранилось. В могиле несколько костей скелета и обломки сосуда (табл. XLVIII, 3).

Курган 26 (1968 г.). До раскопок на поверхности почвы прослеживалось едва заметное возвышение, на котором не было видно ограды. Для обнаружения ограды через возвышение была проложена траншея 10 м длиной. В результате в центре насыпи обнаружена могила, оградку найти не удалось. Над могилой разбит раскоп 5 x 5 м.

М о г и л а. Прямоугольная каменная гробница, 160 x 70 см, ДЗ-СВ. Северо-западная и юго-восточная стенки сделаны из 14-15 рядов положенных плашмя плит юго-западной частью могилы сохранился обломок покрытия. В могиле в полном беспорядке разроз-

ненные кости скелета взрослого человека. Часть костей лежала у северного угла могилы. В юго-западной части, в центре ее, находилась кучка пепла. В заполнении могилы найдены обломки сосуда (табл. XLIX, 11) и кости овцы от семи кусков мяса: лопатка, таз, голень, два предплечья (все левые) и ребра.

Курган 29 (1963 г.) (табл. XVI, 1). До раскопок это была округлая насыпь высотой от окружающей поверхности 20 см, а от уровня погребенной почвы 30 см. По краю насыпи была видна ограда диаметром 7.3 м, от которой сохранился один ряд положенных плашмя плит. После снятия насыпи в центре ограды выявилась могила, вокруг которой в пределах ограды лежал щебенчатый выброс.

М о г и л а (табл. XVII, 6). Прямоугольная циста, 150 x 100 x 110 см, З-В, из 16-18 рядов положенных плашмя плит. Перекрыта двумя большими плитами. Общие размеры покрытия 120 x 75 см. Часть северной стены у северо-западного угла была разобрана до глубины 70 см, и внутрь могилы был всунут труп женщины (?). Ее скелет лежал на животе, голова находилась в северо-западном углу. В заполнении могилы и на ее дне оказались в полном беспорядке кости скелета взрослого человека, и среди них, а также в грабительском ходе обнаружены обломки горшков (табл. XLV, 14; XVII, 11), а на дне могилы - астрагалы барана.

Курган 30 (1963 г.) (табл. XVI, 4). До раскопок это была округлая, плоская, невысокая (около 15 см) возвышенность диаметром 8 м. После снятия насыпи ограду обнаружить не удалось, от нее сохранился, видимо, только один камень в северной части раскопа. В центре выступали две плиты - стены могилы. В кургане одна могила.

М о г и л а (табл. XV, 6). Прямоугольная каменная гробница, 150 x 100 x 20 см, З-В. Западная и восточная стены - вертикально поставленные плиты, северная и южная - плохо сохранившаяся кладка из 5-6 рядов горизонтально положенных плит. Могила сооружена на древней поверхности, видимо, злияная. Перекрытие не сохранилось. В могиле отдельные кости скелета взрослого человека. У восточной стены половина горшка (табл. XLVIII, 4), по положению которого можно предполагать, что погребенный первоначально лежал головой на В.

Курган 31 (1963 г.) (табл. XVI, 5). До раскопок пред-

ставлял собой округлую земляную насыпь высотой 70 см и диаметром 16 м. В основании ее по окружности выступали торцами края плит ограды диаметром 15 м. В центре кургана был виден ящик.

М о г и л а. Квадратная циста, 180 x 180 x 70 см, ДЗ-СВ, стены которой сложены из 6-7 рядов положенных плашмя плит. Внутри могила разделена каменной плитой на два равных отсека. Покрытие не сохранилось. В северной части отдельные разрозненные кости скелета взрослого человека и обломки горшка (табл. XLVII, 4). Южная часть пуста, но в ней сооружена могила 2.

М о г и л а 2. (табл. XV, 3). Каменный ящик, 60 x 40 x 25 см, ДЗ-СВ, из вертикально поставленных плит в центре южной части основной могилы. Покрытие не сохранилось. На дне ящика скелет ребенка, головой на СВ.

Курган 33 (1964 г.) (табл. XVI, 3). До раскопок на поверхности земли наблюдалось едва приметное всхолмление диаметром 8 м. На его территории, в центре и по краям, просматривались проступавшие из земли камни. После снятия земли выявилась ограда округлой формы, диаметром 7 м, из стоявших вертикально плит. Ограда плохо сохранилась. Плиты имели наклон как внутрь, так и наружу. Часть из них упала и лежала плашмя. В центре ограды могила.

М о г и л а. Прямоугольная циста, 180 x 110 x 30 см, З-В, из 3-4 рядов положенных плашмя плоских плит. Могила сооружена на поверхности почвы, видимо, зимой. Покрытие не сохранилось. В могиле найдено бедно взрослого человека.

Курган 94 (1963 г.) (табл. XVIII, 4). До раскопок это была округлая, невысокая (до 15 см) возвышенность, в пределах которой прослеживались в некоторых местах поставленные на ребро каменные плиты. Они образовывали кольцо диаметром в 7 м. Часть плит ограды стояла с наклоном наружу. В ограде одна могила.

М о г и л а (табл. XV, 7). Прямоугольный каменный ящик, 135 x 100 x 85 см, З-В, из поставленных на ребро плит. Верхняя часть ящика достроена горизонтально положенными в 2-3 ряда плитками. От покрытия сохранились обломки плит в заполнении могилы. В могиле в беспорядке кости скелета взрослого человека. В юго-западном углу горшок (табл. XLVI, 8). Судя по положению горшка, погребенный лежал головой на З.

Курган 97 (1963 г.) (табл. XVI, 6). До раскопок на поверхности почвы выступали отдельные вертикально стоявшие камни ограды, образовывавшие круг диаметром 4.5 м. После снятия земли выяснилось, что плиты имели наклон как внутрь, так и наружу. В центре кургана одна могила.

М о г и л а (табл. XVII, 2). Комбинированная прямоугольная гробница, 150 x 135 x 90 см, З-В. Северная и южная стены - вертикально поставленные плиты, западная и восточная - плиты, положенные горизонтально в 11-12 рядов. С трех сторон, кроме южной, могила на поверхности обложена плитами. От покрытия сохранились два обломка плит к северу от могилы. В могиле, в северо-западном углу, в куче кости скелета взрослого человека. Среди костей обломки горшка (табл. XLVII, 3).

Курган 107 (1963 г.) (табл. XVI, 7, 8). До раскопок представлял собой возвышенность овальных очертаний, невысокую, до 30 см от окружающей поверхности, диаметром 14 м. Ограда не обнаружена, под насыпью отдельные разбросанные камни. Могила сооружена на 20 см ниже погребенной почвы, уровень которой устанавливается по хорошо видимому выбросу из могилы. В кургане одна могила.

М о г и л а (табл. XVII, 1). Прямоугольная циста, 170 x 95 x 74 см, З-В. Сложена из 9-10 рядов положенных плашмя плит. Восточная стена несколько разрушена. Над могилой разбитые большие плиты покрытия. Общие размеры покрытия 160 x 140 см. В могиле, в северо-западном углу, горшок (табл. XLVII, 10). Никаких следов погребения не обнаружено. Можно думать, что здесь имело место погребение по обряду трупосожжения.

Курган 239 (табл. XVIII, 2). До раскопок это была невысокая (до 20 см), округлая возвышенность диаметром 8 м. После снятия насыпи ограда не обнаружена. В центре под насыпью могила, вокруг выброс.

М о г и л а. Прямоугольная комбинированная гробница, 100 x 50 x 85 см, ДЗ-СВ. Стены могилы комбинированные: верх северной и южной стен - вертикально поставленные плиты, низ - горизонтальные плиты, западная и восточная стены - вертикально стоявшие плиты. Покрытие - две большие плиты. Общий размер покрытия 150 x 95 см. Могила пустая, найдены обломки горшка (табл. XLVII, 2).

Курган 241 (1964 г.) (табл. XVIII, 1). До раскопок на поверхности земли прослеживалось едва заметное возвышение (до 30 см). В центре его проступали отдельные камни. После снятия земли обнаружена четырехугольная ограда из вертикально поставленных плит, размером 8.6(С-Д) x 7.6(В-З) м. Плиты ограды имели наклон наружу. В центре ограды плиты над могилкой, а вокруг в пределах ограды выброс.

М о г и л а (табл. XVIII, 4). Прямоугольная циста, 150 x 100 x 100 см, В-З, сложенная из 15 рядов тонких плит. Над могилкой обломки плит разной величины. В могилке отдельные разбросанные кости скелета взрослого человека.

Курган 243 (1963 г.) (табл. XVIII, 3). До раскопок это была круглая, невысокая (до 30 см) возвышенность, на которой в двух местах выступали вертикально стоявшие небольшие камни. После снятия насыпи выявилась сильно разрушенная ограда из поставленных на ребро плит диаметром 10 м. В центре ее могилка.

М о г и л а (табл. XVIII, 3). Квадратная циста, 110 x 110 x 90 см, ЗПЗ-ВЗВ. Все стены сложены из горизонтально положенных в 17 рядов плит. С западной стороны могилки обнаружена часть большой плиты покрытия размером 180 x 140 см. В могилке в полном беспорядке кости трех взрослых людей. Среди костей обломки двух горшков (табл. XIV, 16; XIV, 2) и обрывки шерстяной ткани.

Курган 303 (1963 г.) (табл. XVIII, 5). До раскопок это была невысокая (до 10 см), округлая возвышенность диаметром 4 м, по краям которой были видны отдельные вертикально поставленные плиты. В центре одна могилка.

М о г и л а (табл. XVIII, 2). Прямоугольная циста, 165 x 110 x 90 см, ПЗЗ-СЗВ. Сложена из 13 рядов положенных плашмя плит. Часть южной и северной стен разобрана. От покрытия над южной частью могилки сохранился один обломок плиты размером 110 x 100 см. В могилке, в северной части, груды костей двух скелетов взрослых людей. В заполнении могилки два обломка горшка.

Курган 303 А (1963 г.). В 2 м от могилки кургана 303 обнаружена вторая могилка, вокруг которой находились отдельные плиты ограды. Зависимость этих могил не устанавливается.

М о г и л а. Прямоугольный каменный ящик, 65 x

45 x 40 см, ЗСЗ-ВЗВ, из поставленных на ребро плит. Покрытие не сохранилось. Могилка пуста.

Курган 305 (1963 г.) (табл. XIX, 3). До раскопок это было небольшое возвышение на поверхности почвы, в центре которого торчала одна плита. После снятия земли выяснилось, что ограда не сохранилась. Только на севере и юге раскопа можно было видеть отдельные, стоявшие вертикально плиты с наклоном внутрь. В центре раскопа могилка.

М о г и л а (табл. XIX, 1; рис. 3, 1). Прямоугольная циста, 150 x 100 x 90 см, ПЗ-СВ, из 16 рядов положенных горизонтально плиток. От покрытия сохранились две плиты, одна стояла вертикально к западу от могилки, а вторая лежала над восточной частью. В могилке в беспорядке кости скелета взрослого человека.

Курган 307 (1964 г.) (табл. XIX, 1). До раскопок это был холм до 80 см высотой, диаметром около 15 м. Полю кургана очень пологие и сильно расплывшиеся. После снятия насыпи выявилась вся ограда из положенных плашмя мелких плиток, кое-где сохранившихся в два ряда. В северной части за оградой находился маленький треугольник, сделанный из вертикально поставленных плиток. В пределах ограды вокруг могилки хорошо был виден выброс, лежавший на погребенной почве. К северу от могилки прослеживалось углистое пятно, 150 x 150 см, толщиной около 20 см. В центре ограды могилка.

М о г и л а (табл. XIX, 6). Прямоугольная циста, 150 x 100 x 75 см, СВ-ПЗ, сложенная из 17 горизонтальных рядов тонких плит. Ко дну гробница расширялась. Над могилкой находились остатки плит покрытия. В могилке отдельные кости скелета младенца 6 месяцев. В северном углу могилки горшок (табл. XVIII, 2). Судя по положению горшка, погребенный лежал головой на СВ.

Курган 409 (1963 г.). До раскопок это была округлая (диаметром около 9 м), невысокая (до 20 см) возвышенность. После снятия земли ограды не оказалось. В центре раскопа одна могилка.

М о г и л а (табл. XVIII, 5). Прямоугольная грунтовая яма, 190 x 100 x 50 см, ПЗ-СВ. От покрытия сохранились обломки плит по краям ямы. В могилке в беспорядке кости взрослого человека. В северном углу горшок (табл. XIV, 15). Судя по положению горшка, погребенный лежал головой на СВ.

Курган 413 (1964 г.) (табл. XXI; рис. 3, 2). До рас-

копок на поверхности земли был виден холм длиной 29 м, вытянутый с ЮВ на ССЗ. В болах его прослеживались лежащие плашмя камни. В процессе раскопок выявлена ограда кургана прямоугольной формы, 27 x 8.5 м, сложенная из положенных плашмя плит. Сохранность стен различная: западная стена сохранилась на 7-9 рядов камня и доходила в высоту до 80 см (рис. 3, 3, 4), восточная стена в большинстве случаев имела 1-2 ряда камня, северная - до 3-4 рядов, а южная - до 5 рядов камня. В западной части кургана в четырех местах прослеживались группы плиток, образывавшие подчетыреугольные выкладки и имевшие наклон внутрь. Под тремя из них могилы не обнаружены, только под центральной группой оказалась одна могила.

В разрезе кургана хорошо был виден ненарушенный слой погребенной почвы, на котором лежал выброс из могилы.

М о г и л а (табл. XXII, 5). Прямоугольная циста, 180 x 120 x 100 см, СВ-ЮЗ, сложенная из 18-20 рядов тонких каменных плиток. Над восточной частью могилы лежала плита размером 200 x 200 x 15 см, над западной частью сохранились только обломки от плит покрытия. Могила ограблена, восточная ее стена разобрана наполовину. В могиле разрозненные кости скелета взрослого человека. Видимо, на месте в первоначальном положении лежали предплечье и кисть руки, рядом с ней бронзовая бляха (табл. III, 9). В заполнении могилы черепки (табл. XLVI, 4).

Курган 417 (1964 г.) (табл. XLX, 2). До раскопок на поверхности почвы прослеживалась низкая (до 50 см), сильно расплывшаяся возвышенность диаметром 13 м. После снятия насыпи в пределах раскопа можно было видеть отдельные, лежащие плашмя и стоявшие вертикально камни - остатки ограды. В центре пространства, между остатками ограды, находилась куча камней. Под ней обнаружена могила. Вокруг следы выброса из могилы.

М о г и л а (табл. XLII, 7). Прямоугольный ящик, 160 x 100 x 90 см, СВВ-ЮЗ, из вертикально поставленных плит. Восточная стена ящика отсутствовала. Над западной частью могилы лежал обломок плиты покрытия размером 230 x 100 x 15 см, над восточной частью сохранились только мелкие обломки плит. Судя по черепкам, в могиле кости трех скелетов взрослых людей, находившиеся в полном беспорядке. Вместе с костями

в северо-западном углу лежал раздавленный тагарский горшок, второй горшок стоял в юго-западном углу. Это впускные тагарские погребения в андроновской могиле.

Курган 430 (1964 г.) (табл. XLIII). До раскопок представлял собой невысокий (до 50 см) холм, сильно расплывшийся и не имевший правильных очертаний. Только в отдельных его местах едва проступали плитки, стоявшие вертикально. После снятия земли выявилась система пристроенных одна к другой оград. Основная ограда („А“), юго-западная, была сооружена из положенных плашмя плит, сохранившихся в 1-2, реже в 3 ряда. Западная и южная стены ограды отсутствовали. Ограда имела подчетыреугольную форму с закругленными углами, ее примерные размеры - 11(С-Ю) x 9(З-В) м. В ней расположены две могилы - № 6 и 7.

С севера от нее находилась вторая ограда („Б“), двойная, имевшая вид неправильной восьмерки. Она сооружена из вертикально поставленных плит, имевших наклон наружу. Ее общие размеры - с З на В 15 м, а с С на Ю от 6 до 9 м. Первоначально была сделана западная ее часть, являвшаяся ее отдельной пристройкой, в которой находилась одна могила (№ 1), затем восточная часть пристройки была разобрана и с востока к первым двум оградкам пристроена третья, где сейчас находятся две могилы (№ 2 и 3). Вполне возможно, что могила 2 имела самостоятельную ограду, пристроенную к основной, юго-западной, ограде, с севера от которой была сооружена третья ограда для могилы 3. Но следов этой второй ограды не сохранилось.

К южной части западной стены первой ограды была пристроена маленькая подчетыреугольная ограда („Г“) также из вертикально поставленных плит, имевших наклон наружу. Ее размеры 3.5(В-З) x 3(С-Ю). В ней расположена могила 5.

Между оградками „Б“ и „Г“ находится пристройка „В“ четырехугольной формы, 6(З-В) x 5(С-Ю) м, из вертикально поставленных камней, имевших наклон наружу. В этой пристройке обнаружена могила 4.

Все пространство внутри оград было заполнено щебенчатым выбросом из могил, который за пределами оград отсутствовал. Все глубины ям даются от верхнего уровня погребенной почвы, хорошо отграниченной выбросом.

М о г и л а 1 (табл. XLIV, I). Яма глубиной 2 м, границы не установлены. На дне каменный ящик, 170 x

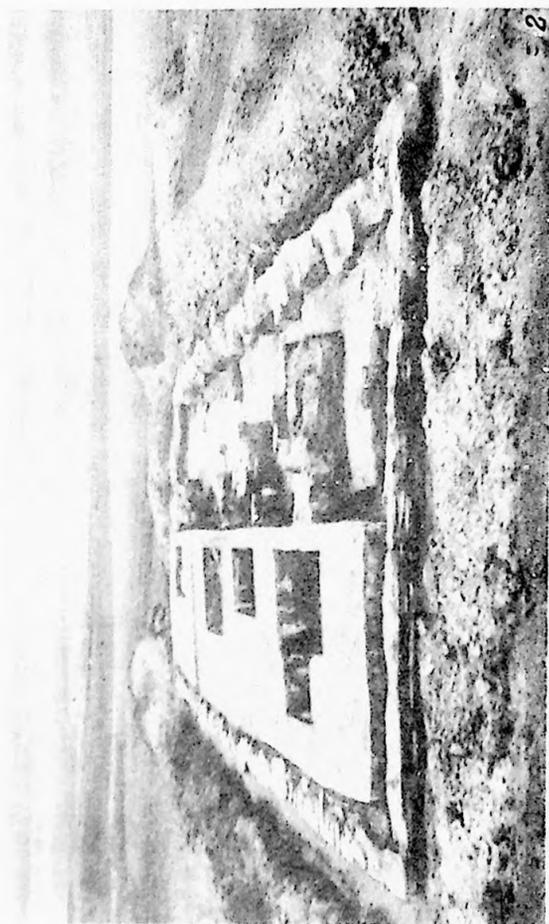

Рис.3. Сухое озеро I.

1 - внутренний вид мог. кург. 305; 2-4 - общий вид и детали кладки стен кург. 413.

100 x 90 см, ЗДЗ-ВСВ, из вертикально поставленных плит. По верхнему краю ящика горизонтально лежат отдельные плитки. Над ящиком сохранились плиты покрытия, несколько сдвинутые со своего места. Общие размеры покрытия - 240 x 160 x 15 см. Восточная плита разбита. В могиле, у западной стены, грудой лежали кости скелета мужчины 35-40 лет. У середины северной стены череп и обломки горшка.

М о г и л а 2 (табл. XXIV, 2). Яма глубиной 180 см, границы не установлены. На дне каменный ящик, 180 x 110 x 95 см, З-В, из вертикально поставленных плит. По верхнему краю ящика сохранились две плиты покрытия, каждая размером 200 x 60 x 10 см; над восточной частью - обломок плиты и мелкие осколки. Вся внутренняя часть могилы была забита обломками плит, среди которых встречались разрозненные кости скелета мужчины 35-40 лет и ребенка 9-10 лет. На дне могилы отдельные кости лежали у северной и восточной стен. У западной стены находилась нижняя часть горшка.

М о г и л а 3 (табл. XXIV, 5). Яма глубиной 140 см, ее точные границы не установлены. На дне каменный ящик, 115 x 80 x 70 см, ЗДЗВ-ВСВ, из поставленных на ребро плит. По верхнему краю ящика плашмя лежали отдельные плитки. Над могилкой плита покрытия размером 140 x 120 x 10 см. В могиле скелет ребенка 10 лет, лежал скорченно, на левом боку, головой на З. Перед головой на боку лежал горшок (табл. XLV, 9).

М о г и л а 4 (табл. XXIV, 4). Яма глубиной 200 см, ее точные границы не установлены. На дне каменный ящик, 185 x 90 x 90 см, З-В, из вертикально поставленных плит. По верхнему краю ящика горизонтально лежали плитки. Одна из плит западной стены была выше другой и выступала над покрытием на 80 см. Над могилкой сохранилась плита покрытия размером 200 x 160 x 10 см, юго-восточная ее часть разбита, и обломки провалились в могилу. В юго-восточном углу среди обломков плиты лежали кости скелета взрослого человека, а череп находился у середины западной стены. Среди костей обломки горшка (табл. XLVI, 6).

М о г и л а 5 (табл. XXIV, 6). Яма глубиной 160 см, точные ее границы не установлены. На дне каменный ящик, 80 x 55 x 60 см, ЗДЗВ-ВСВ, из вертикально поставленных плит. По краям ящика горизонтально

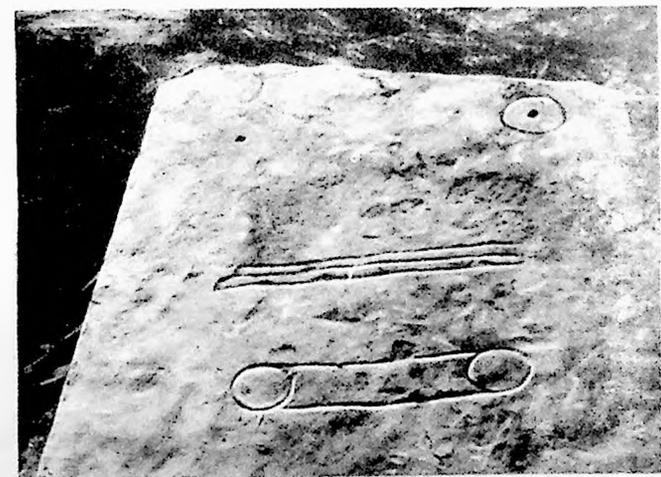
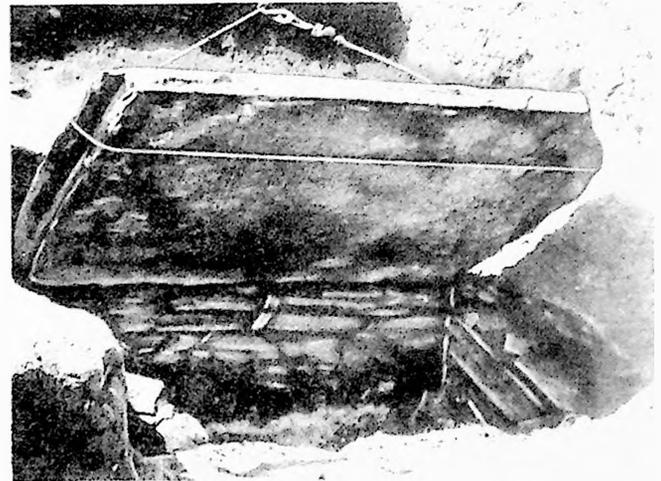

Рис. 4. Вскрытие мог. 7 кург. 430 у Сухого озера I.

лежали плитки. Над ящиком сохранилось покрытие из двух рядов плит. Общие размеры покрытия – 140 x 120 x 20 см. В могиле скорченно, на левом боку, головой на 3 лежал потревоженный скелет подростка. В северо-западном углу могилы у головы горшок (табл. XLVII, 12).

М о г и л а 6 (табл. XXIV, 7). Грунтовая яма, 270 x 200 x 220 см, ЗЗСЗ-ВВКВ. На дне ямы сруб в один венец, 230 x 155 см. На концах продольных бревен сделаны пазы для укрепления поперечных бревен. Бревна сохраняли толщину до 60 см. Сруб был перекрыт пятью поперечными плахами толщиной до 20 см, поверх которых прослеживаются следы бересты. Между бревнами и стенами ямы были вставлены мелкие плиты, часть из которых к настоящему времени наклонилась и лежит на плахах. Центральная часть плах повалилась внутрь

На дне могилы, в ее центре, лежал скорченно, на левом боку, головой на 3 скелет мужчины 25-30 лет. В северо-западном углу у головы стоял горшок (табл. XLVI, 5).

М о г и л а 7 (табл. XXIV, 3). Яма глубиной 190 см, точные ее границы не установлены. На дне каменная комбинированная гробница, 180 x 90 x 80 см, З-В. Длнная стена – вертикально поставленная плита, остальные стены сложены из 15 рядов горизонтально положенных плиток. Могила была перекрыта одной плитой размером 280 x 100 x 15 см, которая оказалась окуневской стелой, лежавшей изображением вниз (рис. 4). Могила не была заполнена землей. В ней лежал скорченно, на левом боку, головой на 3 скелет женщины 40-50 лет. У головы в северо-западном углу стоял горшок (табл. XLVI, 10). Рядом с головой был органический тлен неясного происхождения.

Курган 440 (1968 г.) (табл. XXV, 1). До раскопок на возвышенности, несколько выделявшейся на окружающей ровной поверхности почвы, были видны отдельные вертикальные камни ограды. Для выявления ограды были заложены траншеи. С их помощью удалось обнаружить северную и восточную стороны ограды из вертикально поставленных плит. Размеры ограды в этом направлении 7 м. Восточная и западная стены практически не сохранились. С севера от основной ограды обнаружена пристройка, ее размеры 2(С-Д) x 2.5(В-З) м, а в углу между оградой и пристройкой найдена могила. В ос-

новной ограде могила была обнаружена с помощью поперечной траншеи на глубине 1 м.

М о г и л а 1 (основная ограда) (табл. XXVIII, 1). Прямоугольный каменный ящик, 180 x 100 x 70 см, З-В, из вертикально поставленных плит. Над могилой отдельные плиты покрытия, особенно хорошо сохранились плиты над восточной частью могилы. Здесь промежутки между ними были закрыты слоем бересты. Могила нарушена. В ее заполнении встретились кости человека и таз овцы. На дне могилы разрозненные кости взрослого человека и обломки горшка (табл. XXIX, 12).

М о г и л а 2 (пристройка) (табл. XXVIII, 2). Прямоугольный каменный ящик, 70 x 60 x 50 см, ЗСЗ-ВСВ, из вертикально поставленных плит. Над могилой по ее краям сохранились обломки плит покрытия. На дне могилы лежал скорченно, на левом боку, головой на ЗЮЗ скелет ребенка. В западном углу могилы у головы стоял горшок (табл. XXIX, 3).

М о г и л а 3 (в углу между оградой и пристройкой) (табл. XXVIII, 3). Пятиугольный каменный ящик, 40 x 40 x 30 см, З-В, из вертикально поставленных плит. Над могилой мелкие плиты покрытия. В могиле лежал скорченно, на правом боку, головой на В скелет ребенка. В северном углу могилы у головы стоял горшок (табл. XXIX, 7).

Курган 442 (1968 г.) (табл. XXV). До раскопок на поверхности земли было видно небольшое возвышение. После снятия насыпи обнаружена система из пристроенных оград. Основная ограда „А“, она круглой формы, из положенных плашмя плит, диаметром 7 м. С юго-востока к ней пристроена вторая ограда „Б“. Она могла быть и самостоятельной, так как у нее обнаружены все четыре стены, но расстояние между стенами второй ограды „Б“ и первой ограды „А“ очень маленькое. Эта ограда имела овальную форму, 5(СВ-ДЗ) x 3.5(СЗ-ДВ). В ней обнаружена могила 2. С востока к ней были пристроены, видимо, две ограды, но от них сохранились только отдельные камни северной и восточной стен. В этой пристройке „В“ две могилы – 3 и 4. К южному углу последней ограды пристроена небольшая круглая ограда „Г“ диаметром 2 м с могилой 5.

М о г и л а 1 (ограда „А“) (табл. XXVI, 1; рис. 5, 4). Грунтовая яма глубиной 3 м. На дне сруб, 200 x

100 см, ЗСЗ-ВСВ, в один или два венца, со следами поперечного перекрытия. Между срубом и стенами ямы поставлены мелкие плиты. На дне, на беловатом глеме, видимо от берестяной подстилки, лежал скорченно, на левом боку, головой на З скелет взрослого человека. У головы, у западной и юго-западной стен, стоял раздавленный горшок.

М о г и л а 2 (ограда „Б“) (табл. XXVI, 4; рис. 5, 1-3). Обнаружена на глубине 60 см. Прямоугольная комбинированная гробница, 120 x 80 x 55 см, ЗСЗ-ВВВ. Северо-восточная и юго-западная стены сделаны из полужелезных плашмя плит, а две другие стены сооружены из вертикально поставленных плит, доложенных сверху кладкой. Над могилой имелось непо тревоженное перекрытие из двух плит, промежутки между которыми закры-

Рис. 5. Сухое озеро I. Виды покрытий и содержание могил кург. 442.

1-3 - мог. 2; 4 - мог. 1; 5 - мог. 4.

ты мелкими плитками. После снятия покрытия оказалось, что могила не заполнена землей. На дне ее лежали два скелета детей, один за спиной другого. Они лежали скорченно, на левом боку, головами на ЗСЗ. Перед лицом первого скелета находилась грудка альчи́ков, а у головы стоял горшок (табл. XLIX, 4), покрытый деревянной крышкой (табл. LII, 12). За горшком лежал деревянный предмет (табл. LII, 11). У головы второго скелета также стоял горшок (табл. XLIX, 5).

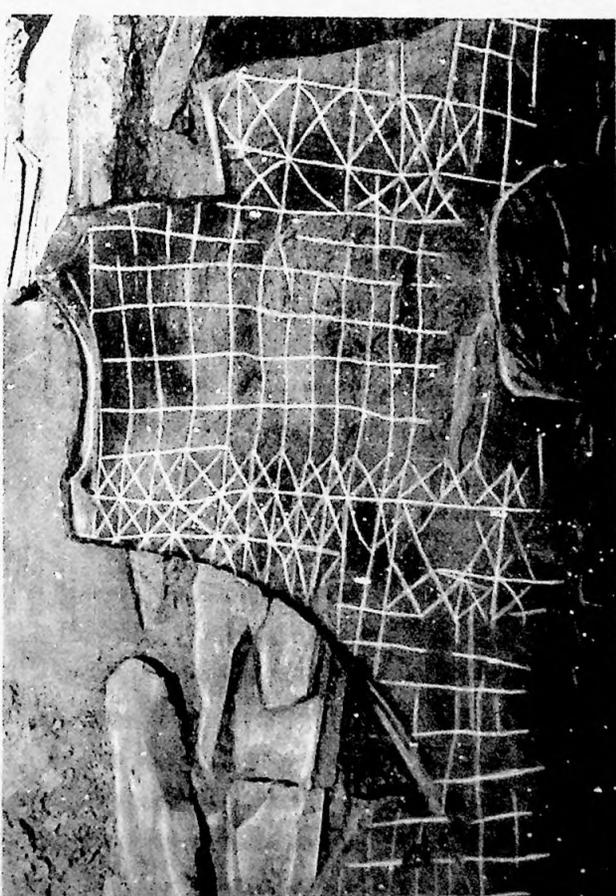
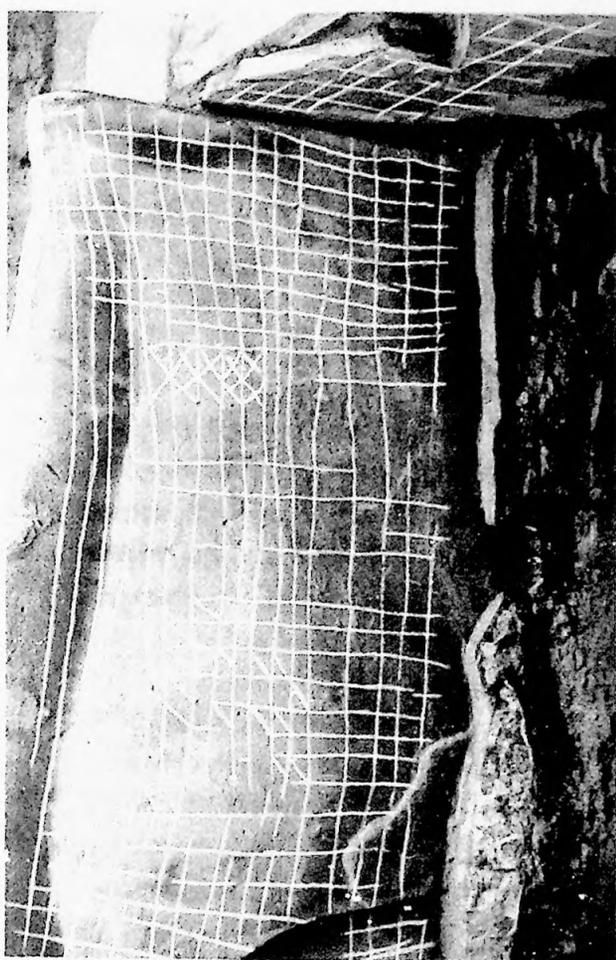
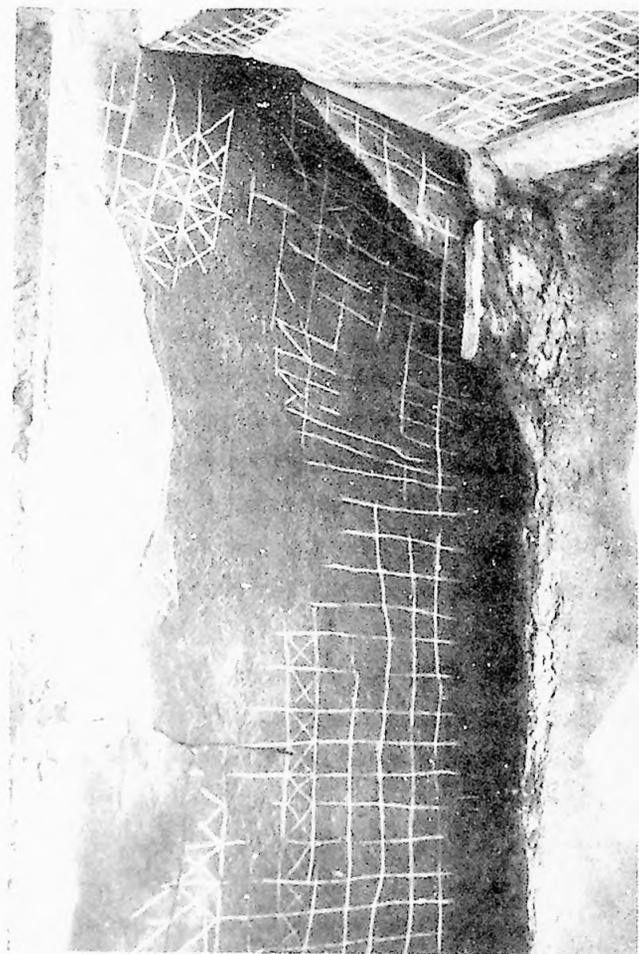

Рис. 6. Сухое озеро I, кург. 462. Внутренний вид стен ящика.

М о г и л а 3 (ограда „В“) (табл. XXVI, 3). Могила открыта на глубине 80 см. Прямоугольный каменный ящик, 120 x 90 x 60 см, ДЗ-ВЗВ, из вертикально поставленных плит. Над могилой две плиты покрытия, промежутки между которыми закрыты мелкими плитками. На дне несколько потревоженный скелет подростка, лежал скорченно, на левом боку, головой на ЗВЗ. В северо-западном углу у головы горшок (табл. XLIX, 8).

М о г и л а 4 (ограда „В“) (табл. XXVI, 5; рис. 5, 5). Обнаружена на глубине 1 м. Прямоугольный каменный ящик, 160 x 100 x 75 см, ЗСЗ-ВЗВ, из вертикально поставленных плит. Перекрыт плитами. На дне ящика пепел сожженного человека. В северном углу горшок (табл. XLIX, 2), а вдоль северо-западной стены кости барана от четырех кусков мяса: два фрагмента таза, одно предплечье, шесть ребер.

М о г и л а 5 (ограда „Г“) (табл. XXVI, 2). Обнаружена на глубине 60 см. Прямоугольный каменный ящик, 60 x 40 x 50 см, З-В, из вертикально поставленных плит. Могила была перекрыта плитой. В заполнении могилы и на дне разрозненные кости ребенка. У западной стены горшок (табл. XLIX, 6).

Курган 462 (1968 г.) (табл. XXVII, 2). До раскопок это был земляной холм неправильных очертаний, видимо, образовавшийся из слияния нескольких насыпей, высотой около 2 м. Ограда кургана не прослежена. В центре его виднелись края плит, над которыми был разбит раскоп.

М о г и л а (табл. XXVIII, 4; рис. 6). Прямоугольный каменный ящик, 300 x 170 x 150 см, ДЗ-СВ, из вертикально поставленных плит, несколько врытых в погребенную почву и укрепленных снаружи кладкой из 12 рядов положенных плашмя плит, а внутри двумя брусками. Плиты покрытия разбиты, их обломки встречались в западном основании могилы. Там же найдены кости двух скелетов взрослых людей, обломки горшка и затылочная кость лошади. Внутренние стороны стен имели прочерченные рисунки в виде квадратов (рис. 6).

Курган 468 (1964 г.) (табл. XXIX). До раскопок это был относительно невысокий (до 60 см), сильно оплывший холм. После снятия земли была обнаружена ограда с пристройкой. Ограда круглой формы, диаметром 11,5 м, из вертикально врытых плиток. Все плитки имели наклон наружу. Внутри ограды одна могила - № 2.

С северо-запада основной ограды сооружена пристройка,

от которой сохранились отдельные плиты, стоявшие вертикально. В северной части ограды могила 1. Середина и впадина часть пристройки свободны. На территории ограды и пристройки лежал выброс из могил, которого не было за пределами ограды.

М о г и л а 1 (табл. XXXI, 9). Яма глубиной 120 см от поверхности погребенного слоя почвы. На дне ящик, 150 x 90 x 70 см, ДЗ-СВ, из поставленных на ребро плит. По краям ящика лежали горизонтальные плитки. Ящик перекрыт двумя плитами. Общие размеры покрытия - 200 x 140 x 10 см. В могиле разбросанные кости скелета мужчины около 50 лет. В западном углу могилы горшок (табл. XLVI, 7).

М о г и л а 2 (табл. XXXII, 16). Яма глубиной 160 см от поверхности погребенного слоя почвы. На дне ящик, 200 x 120 x 100 см, ДЗ-СВ, из поставленных на ребро плит. Над ящиком большие, сдвинутые со своих мест плиты. В могиле, у северо-восточной стены, вплотную к ней лежал на левом боку, почти на груди, сильно скорченный скелет женщины 50 с лишним лет. Это впускное погребение.

На дне могилы в полном беспорядке разбросаны отдельные кости скелета мужчины 40-45 лет. Среди костей обломки сосудов.

Курган 470 (1964 г.) (табл. XLIX, 4). До раскопок это была округлая возвышенность высотой до 30 см, диаметром 12 м. После снятия насыпи выявилась кольцевая ограда из поставленных на ребро плит диаметром 11 м. Плиты ограды отклонены наружу. В пределах ограды выброс из могилы. В центре ее могила.

М о г и л а (табл. XX, 3). Прямоугольный каменный ящик, 190 x 155 x 165 см, ДЗ-СВ, из поставленных на ребро очень больших плит. Могила была перекрыта целой плитой, разбитой и провалившейся внутрь. В центре могилы кучка пепла от сожженного человека, в северном углу горшок (табл. XLVII, 1).

Курган 617 (1968 г.) (табл. XII, 2). До раскопок на поверхности почвы была видна небольшая возвышенность высотой до 30 см. Ограда не прослеживалась. Для выявления ограды почти с С на Ю была заложена траншея. Ограда не обнаружена. В центре насыпи над выбросом раскоп был расширен, и на глубине 70 см обнаружена могила.

М о г и л а (табл. XIII, 4). Прямоугольная комбинированная гробница, 190 x 100 x 120 см, ЗДЗ-ВЗВ. По-

западная и северо-восточная стены сделаны из вертикально поставленных плит, две другие - из положенных плашмя в 8 рядов плиток. Могила была покрыта двумя плитами. В ней обнаружено разрушенное погребение взрослого человека. В заполнении могилы, кроме костей человека, найдены обломки горшка, золоченая серьга с раструбом (табл. LI, 4), золотое кольцо (табл. LI, 3), бронзовые бусы (табл. LI, 3) и костяная подвеска (табл. LI, 5).

Курган 662 (1968 г.). До раскопок на поверхности почвы наблюдалось небольшое возвышение. Заложением раскопом ограда не прослежена. В центре его оказались две расположенные рядом в одной яме могилы, разделенные стенкой, сложенной из 19 рядов положенных плашмя тонких плиток.

М о г и л а 1. Прямоугольная циста, 135 x 65 x 80 см, СВ-ДЗ, из 13 рядов горизонтально положенных плиток. Вокруг могилы обкладка из горизонтальных плит. В заполнении могилы найдены кости взрослого человека.

М о г и л а 2. Прямоугольная циста, 140 x 100 x 80 см, СВ-ДЗ, из 19 рядов плит. Могила перекрыта плитами. На ее дне, у северо-восточной стены, по углам стояли два горшка (табл. XLIX, 9, 10). В заполнении могилы обломки костей взрослого человека и мелкие фрагменты керамики.

С У Х О Е О З Е Р О I А

Детский андроновский могильник, курганы которого почти не имели заметных внешних признаков. Они располагались на ровных участках в промежутках между курганами взрослых. Раскапывались в 1963-1964 гг. Всего открыто 17 детских курганов, содержащих 31 могилу.

Курган 243 А (1963 г.) (табл. XVII, 3). К югу от кургана 243 находилась ограда из вертикально поставленных плиток диаметром 2 м. Соотношение большой и малой оград не устанавливается, так как южная часть большой ограды разрушена. Можно думать, что это самостоятельная ограда. В ней одна могила.

М о г и л а (табл. XVII, 4). Каменный прямоугольный ящик, 70 x 50 x 40 см, ССЗ-ЮВ, из вертикально поставленных плит. От покрытия сохранились обломки над северной частью могилы. В могиле бедро и обломок черепа ребенка. В западном углу горшок (табл. XLVIII, 17). Судя по его положению, погребенный лежал головой на ССЗ.

Курган 436 (1964 г.) (табл. XXXI, 9). До раскопок на ровной поверхности почвы проступали отдельные камни, образывавшие систему оград. После снятия земли выявилась ограда с тремя пристройками. Основная ограда („А“) находится в южной части кургана. Она имеет прямоугольную форму: 4.6(С-Д) x 4(В-З) м. Сооружена из поставленных вертикально плит, большая часть плит наклонена наружу. В оградке одна могила - № 5. Внутри ее к северной стенке пристроена небольшая оградка, 1.2(С-Д) x 1.6(В-З) м, также из вертикальных плит, но несколько более массивных. В ней тоже одна могила - № 4.

К северу от ограды „А“, на расстоянии 1 м находится ограда „В“, которая первоначально была самостоятельным сооружением и вплотную к ограде „А“ не примыкала. Она квадратной формы - 2.8(З-В) x 2.7(С-Д) м. Сооружена из вертикальных плит. В ней одна могила - № 1.

К востоку от оград „А“ и „В“, примыкая к ним, расположена ограда „Г“, западная стена которой связывает ограды „А“ и „В“. Ее размеры: 2.2(З-В) x 1.8(С-Д). Сооружена она из вертикально поставленных плит, имевших наклон наружу. В ней одна могила № 3.

Угол, образованный восточной стеной ограды „В“ и северной стеной ограды „Г“, занимает ограда „Д“. Ее размеры: 1.4(В-З) x 1(С-Д) м. Она также сделана из вертикальных плиток. В ней одна могила - № 2.

М о г и л а 1. Каменный ящик, 100 x 70 x 50 см, ЗДЗ-ВВВ, из вертикально поставленных плит. Над его южной частью обломки плит покрытия. Могила оказалась пустой.

М о г и л а 2 (табл. XXXI, 1). Грунтовая яма, 30 x 40 x 50 см, ЗДЗ-ВВВ. Над ней обнаружены отдельные плитки покрытия. В могиле разрозненные кости скелета ребенка. В западном углу горшок (табл. XLVIII, 6).

М о г и л а 3 (табл. XXXI, 3). Каменный ящик, 65 x 40 x 45 см, ЗДЗ-ВВВ, из вертикально поставленных плит. Покрытие могилы не сохранилось. В могиле отдельные разрозненные кости скелета ребенка. У восточной стенки горшок (табл. XLVIII, 8).

М о г и л а 4 (табл. XXXI, 2). Каменный ящик, 80 x 50 x 55, ДЗ-СВ, из вертикально поставленных плит. По верхнему краю плит лежали положенные плашмя небольшие плитки. Могила была перекрыта плитой размером 120 x 60 x 10 см. В могиле разрозненные кости скеле-

та ребенка и фрагменты горшка (табл. XLVIII, 21).

М о г и л а 5. Каменный ящик, 110 x 70 x 60 см, ДЗ-СВ, из вертикально поставленных плит. Над восточной частью обломки плит покрытия. Могила пустая.

Курган 442 (1963 г.) (табл. XXXI, 5). До раскопок на ровной поверхности выступал ряд плит, поставленных на ребро. Они не образовывали точных фигур. После снятия земли обнаружилась группа оград, пристроенных друг к другу или находившихся очень близко одна от другой. Порядок пристроек не всегда устанавливается.

Оградка «А» имела вид кольца диаметром 2 м, плиты которого наклонены наружу. Непосредственно с другими оградками не соприкасалась. В центре могила 2. Оградка «Б» (к востоку от оградки «А») была круглой, диаметром 2 м, из вертикальных плиток. Северная часть ее не сохранилась. В центре могила 1. Оградка «В» была четырехугольной, 2,5(В-З) x 2(С-Д) м. В центре вертикальная плита. Могила не обнаружена. Оградка «Г» представляла собой полукольцо из вертикальных плит с наклоном наружу. Пристроена с востока к оградкам «Б» и «В», ее диаметр 4 м. У стенки оградки «В» могила 3. Оградка «Д» имела подчетыреугольную форму. Плиты ее были отклонены наружу. Западная и южная стены не сохранились. В центре могила 4. К югу от ограды «Д» еще одна могила - № 5, ограда которой не прослеживается.

М о г и л а 1 (табл. XX, 4). Прямоугольный каменный ящик, 90 x 55 x 54 см, ЗДЗ-ВСВ, из поставленных на ребро плит. Перекрита каменной плитой. В могиле отдельные кости ребенка.

М о г и л а 2 (табл. XX, 5). Прямоугольный каменный ящик, 65 x 55 x 40 см, СВ-ДЗ, из поставленных на ребро плит. Скелет ребенка лежал скорченно, на левом боку, головой на СВ. В восточном углу у головы горшок (табл. XLVIII, 12).

М о г и л а 3 (табл. XX, 6). Прямоугольный каменный ящик, 90 x 90 x 50 см, ДДЗ-ССВ, из поставленных вертикально плиток. Скелет ребенка лежал на правом боку, головой на ССВ.

М о г и л а 4 (табл. XX, 7). Прямоугольный каменный ящик, 75 x 50 x 60 см, ДЗ-СВ, из поставленных на ребро плит. Сохранялась грудная часть скелета ребенка. Судя по ней, погребенный первоначально был положен на левом боку, головой на ДЗ. У северо-запад

ной стенки, у головы, горшок (табл. XLVIII, 9).

М о г и л а 5 (табл. XX, 8). Прямоугольный каменный ящик, 45 x 40 x 40 см, ДЗ-СВ, из поставленных на ребро плит. Разрушенный скелет ребенка, лежавший головой на СВ. У северо-западной стены, у головы, горшок (табл. XLVIII, 10).

Группа детских курганов к северу и востоку от кургана 430, расположенная на совершенно ровной поверхности, была обнаружена благодаря выступавшим отдельным камням.

Курган А (1964 г.) (табл. XXXI, 1). До раскопок на поверхности выступали отдельные камни, образовывавшие дугу. После снятия земли выявилась круглая ограда диаметром 1,8 м из поставленных на ребро мелких плиток. В центре ее находилась могила.

М о г и л а (табл. XXXII, 1). Каменный ящик, 45 x 40 x 40 см, ЗДЗ-ВСВ, из поставленных на ребро небольших плит. Покрытие могилы отсутствовало. В могиле найдены отдельные черепки.

Курган Б (1964 г.) (табл. XXXI, 8). До раскопок на поверхности земли выступали отдельные камни, образовывавшие круг. После снятия земли выявилась ограда круглой формы, диаметром 3 м, из поставленных на ребро плиток. Внутри ограды все заполнено выбросом из могилы. В центре ограды одна могила.

М о г и л а. Каменный ящик, 60 x 40 x 45 см, З-В, из поставленных на ребро плит. Покрытие отсутствовало. В ящике отдельные разрозненные кости младенца.

Курган В (1964 г.) (табл. XIV, 5). До раскопок на поверхности почвы выступали отдельные камни. После снятия земли выявилась разрушенная ограда, сооруженная из вертикально поставленных плит. Первоначально диаметр ограды, судя по сохранившейся части, видимо, был 3,8 м. В центре ограды могила.

М о г и л а (табл. XXXII, 2). Каменный ящик, 100 x 50 x 40 см, СЗ-ДВ, из вертикально поставленных плит. На верхних частях плит находились горизонтальные плитки. Над северо-западной частью могилы и южным углом в несколько рядов лежали обломки плит покрытия. В могиле (как бы по диагонали) лежал скорченно, на правом боку, головой почти на З потревоженный скелет ребенка. Около него обломки горшка (табл. XLVIII, 18).

Курган Г (1964 г.) (табл. XIV, 6). До раскопок на поверхности почвы выступали отдельные камни, образо-

вивавшие кольцо. После снятия земли выявилась кольцевая ограда диаметром 4 м из вертикально поставленных плит, имевших наклон наружу. Все внутреннее пространство заполнено выбросом из могилы. В центре одна могила.

М о г и л а (табл. XXXII, 12). Каменный ящик, 120 x 80 x 70 см, ДЗ-СВ, из вертикально поставленных плит. Над юго-западной стенкой часть плиты покрытия. Северо-восточная стенка наполовину разрушена. В могиле отдельные кости скелета ребенка.

Курган Д (1964 г.) (табл. XXXI, 2). До раскопок на поверхности почвы был виден один камень. Ограда не обнаружена. В раскопе оказалась одна могила.

М о г и л а (табл. XXXI, 2). Прямоугольный каменный ящик, 70 x 40 x 40, СВ-ДЗ, из вертикально поставленных плит. Над ящиком отдельные плитки от покрытия. В могиле скорченно, на правом боку, головой на СВ лежал сильно потревоженный скелет ребенка.

Курган Е (1964 г.) (табл. XXXI, 7). До раскопок на поверхности почвы выступали отдельные, не связанные друг с другом камни. От ограды сохранилось всего три камня. Судя по ним, она могла иметь четырехугольные очертания. В раскопе оказалась одна могила.

М о г и л а (табл. XXXI, 3). Прямоугольный каменный ящик, 65 x 50 x 45 см, ЗДЗ-ВСВ, из вертикально поставленных плит, в заполнении могилы встречались обломки плит покрытия. На дне могилы разрозненные кости скелета ребенка. В одном углу горшок (табл. XLVШ, 13). Судя по его положению, погребенный мог лежать головой на З.

Курган И (1964 г.) (табл. XXXI, 6). До раскопок на поверхности почвы выступали отдельные камни. После снятия земли выявилась система из трех оградок. Ограда «А», западная, была сооружена первой, она имела вид кольца диаметром 2.5 м из вертикально поставленных плит, имевших наклон наружу. Все внутреннее пространство заполнял выброс из могилы. В ней могила 1. Ограда «Б» была пристроена к ограде «А» с востока. Видимо, имела четырехугольную форму. Ее размеры: 1.4(В-З) x 1.8(С-Д) м. Сооружена из вертикально поставленных плит, имевших наклон наружу. В ней могила 2. Ограда «В» была пристроена к ограде «Б». От нее сохранились три вертикально стоявших камня. В ней могила 3.

М о г и л а 1 (табл. XXXI, 9). Неправильный прямо-

угольный каменный ящик, 80 x 60 x 50 см, СВ-ДЗ, из вертикально поставленных плит. Он стоял на дне ямы глубиной 130 см от погребенного слоя почвы. Над северо-восточной частью сохранились два обломка плит покрытия. В могиле в беспорядке лежали кости скелета ребенка и черепки горшка (табл. XLVШ, 23).

М о г и л а 2 (табл. XXXI, 6). Прямоугольный каменный ящик, 55 x 45 x 45 см, З-В, из вертикально поставленных плит. Ящик был перекрыт двумя плитами. Общие размеры покрытия - 100 x 60 x 5 см. В могиле лежал скорченно, на левом боку, головой на З несколько потревоженный скелет ребенка. За головой у западной стенки стоял горшок (табл. XLVШ, 7).

М о г и л а 3 (табл. XXXI, 7). Прямоугольный каменный ящик, 50 x 40 x 50 см, СВ-ДВ, из вертикально поставленных плит. Южная стена не сохранилась. Ящик перекрыт плитой размером 100 x 90 x 5 см. В могиле разрушенный скелет ребенка и разбитый горшок (табл. XLVШ, 15).

Курган З (1964 г.) (табл. XXXI, 3). До раскопок на поверхности почвы выступали камни, не образующие правильной фигуры. После снятия земли обнаружена система плохо сохранившихся оград.

Ограда «А», южная, представляла собой кольцо из вертикально поставленных плит диаметром 2.2 м, имевших наклон в разные стороны. В ней могила 3. Ограда «Б» пристроена с северо-запада к ограде «А». Сохранились отдельные камни. Размеры не устанавливаются. В ней могила 2.

К северо-востоку от ограды «А» находилась могила 1. Около нее следов ограды не обнаружено. В какой зависимости они находятся, неясно. За юго-западной стеной ограды «А» находилась могила 4, ограда которой также не установлена.

М о г и л а 1 (табл. XXXII, 5). Прямоугольный каменный ящик, 60 x 40 x 45 см, ЗДЗ-ВСВ, из вертикально поставленных плит. Над ящиком отдельные битые плитки от покрытия. В могиле на глубине 40 см лежали разрозненные кости скелета ребенка и обломки горшка (табл. XLVШ, 19). На дне на правом боку, головой на СВ лежала верхняя неповрежденная часть скелета собаки.

М о г и л а 2 (табл. XXXII, 6) Прямоугольный каменный ящик, 65 x 40 x 30 см, ДЗ-СВ, из поставленных на ребро плит. Над могилкой обломки плит покры-

тия. В могиле остатки скелета ребенка, судя по которым, погребенный первоначально лежал скорченно, на левом боку, головой на ЮЗ. Рядом с головой разбитый горшок (табл. XLV, 24).

М о г и л а 3 (табл. XXXII, 7). Каменная гробница, 60 x 40 x 40 см, ЗЮЗ-ВВВ, из 14 рядов положенных плашмя тонких плиток. Могила была покрыта плитой размером 50 x 35 x 5 см. После снятия плиты оказалось, что она не была заполнена землей. В могиле два скелета детей. Кости смещены со своего места грызунами. Но по положению черепа можно установить, что один из погребенных лежал на левом боку, головой на ЗЮЗ. В северо-западном углу у головы стоял горшок (табл. XLV, 5).

М о г и л а 4 (табл. XXXII, 8). Прямоугольный каменный ящик, 70 x 50 x 40 см, З-В, из вертикально поставленных плит. Сверху могила покрыта плитой размером 40 x 30 x 5 см. В могиле лежал скорченно, на левом боку, головой на З скелет ребенка. В северо-западном углу у головы стоял горшок (табл. XLV, 11).

Курган И (1964 г.) (табл. XXXI, 4). До раскопок на поверхности почвы выступали отдельные камни. После снятия земли выявились остатки разрушенной ограды, видимо, круглой формы, диаметром 3.6 м, из вертикально поставленных плит. В центре ограды могила.

М о г и л а (табл. XXXII, 3). Прямоугольная циста, 80 x 60 x 30 см, СЗ-ЮВ, из 4-5 рядов положенных плашмя плит. Плиты покрытия отсутствовали. В могиле остатки скелета ребенка. На месте кости левой, согнутой в локте руки и часть ребер. Судя по ним, погребенный первоначально лежал скорченно, на левом боку, головой на ЮВ. У левого запястья бронзовая бляшка (табл. LI, 10).

Курган К (1964 г.) (табл. XIV, 8). До раскопок на поверхности почвы выступали отдельные камни. После снятия земли обнаружилась ограда круглой формы, диаметром 3.2 м, из вертикально поставленных плит, которые имели наклон наружу. Вся внутренняя часть ограды заполнена выбросом из могилы. В яме глубиной 110 см обнаружена могила.

М о г и л а (табл. XXXII, 11). Каменный прямоугольный ящик, 120 x 70 x 45 см, СВ-ЮЗ, из вертикально поставленных плит. Над ящиком обломки плит покрытия. В могиле разрозненные кости скелета ребенка.

Курган Л (1964 г.) (табл. XIV, 7). На поверхности

ничем не выделялся. Ограда не сохранилась. В раскопе обнаружена могила.

М о г и л а (табл. XXXII, 14). Прямоугольный каменный ящик, 55 x 40 x 30 см, ЗСЗ-ВВВ, из вертикально поставленных плит. Покрытие отсутствовало. В могиле разрозненные кости скелета ребенка.

Курган М (1964 г.). На поверхности почвы выступала одна плита от ящика. Ограда не обнаружена. В раскопе оказалась одна могила.

М о г и л а (табл. XXXII, 13). Каменный ящик неправильной прямоугольной формы, 60 x 40 x 55 см, З-В, из вертикально поставленных плит. Покрытие не сохранилось. В могиле отдельные кости скелета ребенка. В юго-восточном углу горшок (табл. XLV, 16). Судя по его положению, погребенный первоначально был положен головой на В.

Курган Н (1964 г.). В раскопе оказались две расположенные рядом могилы. Следов ограды не найдено.

М о г и л а 1 (табл. XXXII, 4). Каменный ящик правильной прямоугольной формы, 40 x 30 x 25 см, З-В, из вертикально поставленных плит. Покрытие не сохранилось. В могиле обломки костей скелета ребенка. В юго-западном углу горшок (табл. XLV, 20). Судя по его положению, погребенный первоначально лежал головой на З.

М о г и л а 2 (табл. XXXII, 10). Прямоугольный каменный ящик, 30 x 25 x 30 см, З-В, из вертикально поставленных плит. Покрытие не сохранилось. В могиле лежал скорченно, на левом боку, головой на З скелет ребенка. В северо-западном углу у головы горшок (табл. XLV, 14).

Курган О (1964 г.). В раскопе оказалась одна могила. Ограда не обнаружена.

М о г и л а (табл. XXXII, 15). Разрушенный каменный ящик, 60 x 40 x 30 см, ЗЮЗ-ВВВ. В могиле остатки скелета ребенка. В северо-западном углу горшок (табл. XLV, 22). Судя по его положению, погребенный первоначально лежал головой на З.

Н О В А Я Ч Е Р Н А Я П

Могильник расположен на берегу Енисея, на террасе, протянувшейся параллельно реке от Сарагашинского увала на юге до горы, отделяющей долину р. Черновой, на севере. Могильник находится у подножья горн, при-

мерно в 2 км к югу от устья р. Черновой. Здесь на распаханной поверхности почвы в отдельных местах можно было наблюдать невысокие всхолмления, на поверхности которых были разбросаны камни. Могили раскопаны полностью в 1965 г. Г.А.Максименковым.¹¹ Всего в нем оказалось 12 курганов, содержащих 15 могил.

Курган 1 (табл. XXXIII, 1). До раскопок на невысоком всхолмлении, около 30 см от окружающей поверхности, лежали отдельные камни, не образывавшие каких-либо конструкций. Заложенным раскопом выявлена система из трех пристроенных одна к другой оград общими размерами 17 x 10 м, вытянутая с СЗ на СВ.

Ограда «А», видимо, основная, окая. Представляет собой кольцо из положенных плашмя некрупных плит, сохранилась в некоторых местах на 4-5 рядов. Камни упали за пределы ограды. Северная часть ограды разрушена при сооружении центральной ограды. Первоначальные размеры этой ограды - 10 м в диаметре. В центре ограды могила 3.

Ограда «Б» средняя, четырехугольная. Северная и окая стены сложены из вертикально поставленных плит, западная и восточная - из положенных плашмя плиток, сохранившихся на 2-3 ряда. Ее размеры: 7(З-В) x 5(С-Ю) м. Окая стена вплотную подходит к могиле 3. В центре ограды могила 2.

Ограда «В» северная. Пристроена к северной стене ограды «Б». Три другие стены сооружены из положенных плашмя плиток в 1-3 ряда. Ее размеры: 5(З-В) x 4(С-Ю) м. В центре могила 1.

Судя по развалу камней, во всех оградах в древности были какие-то земляные сооружения.

М о г и л а 1 (табл. XXXV, 4). Прямоугольная комбинированная гробница, 200 x 150 x 40 см, ЮЗ-СВ. Юго-западная и часть юго-восточной стены сложены из вертикально поставленных плит, остальные - из 11-12 рядов плит, положенных плашмя. От покрытия над западной частью сохранились обломки плит. Могила полностью ограблена. В заполнении отдельные кости взрослого человека. У северо-восточной стены горшок (табл. Л, 2).

М о г и л а 2. Прямоугольная циста, 200 x 110 x 40 см, ЮЗ-СВ, из 3-4 рядов положенных плашмя крупных плит. Юго-западная стена разрушена. Могила полностью ограблена. Вещи хранятся в Эрмитаже, отчеты - в архиве ИА и ЛОИА АН СССР.

ность разграблена. В заполнении обломки плит.

М о г и л а 3. Прямоугольная комбинированная гробница, 180 x 110 x 40 см, ЮЗ-СВ. Северо-восточная и юго-западная стены сделаны из 5-7 рядов положенных плашмя плит, северо-западная стена - вертикально поставленная плита, юго-восточная стена полностью разрушена. Могила пуста.

Курган 2 (табл. XXXIII, 1). Расположен в 20 см от северо-южного угла ограды «Б». Кольцо из вертикально поставленных мелких плит диаметром 2.4 м. Плиты отклонены наружу, что свидетельствует о бывшем здесь когда-то земляном сооружении. В центре ограды могила.

М о г и л а (табл. XXXV, 1). Прямоугольный каменный ящик, 60 x 40 x 40 см, СВ-ЮЗ, из вертикально поставленных плит. По краям ящика горизонтально положены плитки. Над могилой плита размером 80 x 60 см. В могиле лежал скорченно, на левом боку, головой на СВ скелет ребенка. В восточном углу у головы горшок (табл. Л, 1).

Курган 3 (табл. XXXIII, 4). До раскопок на распаханной поверхности просматривалось еле заметное возвышение, на котором встречались отдельные камни, не образывавшие каких-либо конструкций. Заложенным раскопом выявлена ограда круглой формы, диаметром 9.5 м, сделанная из небольших плиток, положенных плашмя. В отдельных местах сохранилось до трех рядов плит. В местах развалов плиты отклонены наружу, что указывает на наличие в древности какого-то земляного сооружения внутри кургана. В центре кургана одна могила.

М о г и л а. Прямоугольная комбинированная гробница, 190 x 100 x 35 см, З-В. Западная и восточная стены - плиты, поставленные вертикально, северная и окая - 4-6 рядов положенных плашмя плит. Могила полностью разграблена. В заполнении обломки плит. Вещей нет.

Курган 4 (табл. XXXIV, 4). На распаханной поверхности почвы прослеживалось едва заметное возвышение, на котором лежали отдельные камни. Заложенным раскопом выявлена четырехугольная ограда, 7 x 7 м, СВ-ЮВ, из плашмя положенных плит. В некоторых местах кладка сохранилась от 2 до 6 рядов. Все плиты отклонены наружу, что указывает на наличие в древности земляного сооружения внутри ограды. По углам ограды, за ее пределами, имеются небольшие «усы». Внутри ограды одна могила.

М о г и л а. Прямоугольная циста, 160 x 100 x 70 см, ПЗ-СЗ, из 7-9 рядов положенных плашмя плит. Над юго-западной частью могилы сохранилась плита покрытия размером 150 x 80 см. На дне могилы обнаружены отдельные угольки: видимо, здесь совершено погребение по обряду трупосожжения. Вещей нет.

Курган 5 (табл. XXXIV, 2). До раскопок на распаханной поверхности почвы просматривалось едва заметное возвышение, на котором лежали отдельные камни. Заложением раскопом выявлена ограда круглой формы, диаметром 12 м, из 2-3 рядов мелких плит, положенных плашмя. Во многих местах ограда разрушена. Плиты отклонены наружу. Это свидетельствует о том, что внутри ограды в древности было какое-то земляное сооружение. В центре ограды одна могила.

М о г и л а. Прямоугольный каменный ящик, 150 x 130 x 70 см, ПЗ-СЗ, из поставленных на ребро плит. Могила пуста.

Курган 6 (табл. XXXIV, 3). До раскопок на распаханной поверхности почвы прослеживалось невысокое (до 20 см) возвышение, на поверхности которого лежали отдельные камни. Заложением раскопом выявлена круглая ограда диаметром 13 м, сооруженная из мелких плит, положенных плашмя. В некоторых местах кладка сохранилась на 2-3 ряда, в других она разрушена. Камни отклонены наружу, что указывает на бывшее внутри ограды земляное сооружение. В ограде две могилы в центре основная и в северной части впускная детская.

М о г и л а 1. Прямоугольная циста, 220 x 100 x 70 см, В-З, из 4-5 рядов положенных плашмя крупных плит. Покрытие могилы отсутствует. Могила пуста.

М о г и л а 2. Прямоугольный каменный ящик, 100 x 60 x 40 см, В-З, из вертикально поставленных плит. Покрытие отсутствует. Могила пуста.

Курган 7 (табл. XXXIV, 2). До раскопок на распаханной поверхности почвы прослеживалось едва заметное возвышение, на котором лежали отдельные камни. Заложением раскопом выявлена круглая ограда диаметром 12 м, сооруженная из мелких плит, положенных плашмя. В некоторых местах плиты сохранились в три ряда. Плиты отклонены наружу, что указывает на наличие в древности какого-то земляного сооружения внутри ограды. В центре ограды могила.

М о г и л а. Прямоугольная циста, 230 x 130 x 50

см, ПЗ-СЗ, сложенная из 6-8 рядов положенных плашмя плит. Над могилкой найдены мелкие обломки от плит покрытия. Найдены отдельные кости взрослого человека.

Курган 8 (табл. XXXIV, 1). До раскопок на распаханной поверхности почвы просматривалось небольшое возвышение, на котором лежали отдельные камни. Заложением раскопом выявлена круглая ограда, диаметром 13 м, из вертикально поставленных плит. Все плиты отклонены наружу, что свидетельствует о бывшем когда-то внутри ограды земляном сооружении. В центре ограды могила.

М о г и л а. Прямоугольный каменный ящик, 120 x 110 x 60 см, З-В, из вертикально поставленных плит. Покрытие не сохранилось. В могиле найдено несколько обломков костей человека.

Курган 9 (табл. XXXIV, 3). До раскопок на распаханной поверхности почвы прослеживалось возвышение 30-40 см высотой, на котором встречались отдельные камни. Заложением раскопом выявлена круглая ограда диаметром 15 м. В свое время она была сооружена из плашмя положенных плит, сохранившихся в 1-2 ряда. Ограда сильно разрушена. Все камни отклонены наружу, что свидетельствует о бывшем когда-то внутри ограды земляном сооружении. В центре ограды могила.

М о г и л а. Прямоугольная каменная циста, 240 x 180 x 55 см, ПЗ-СВ, сделанная из 7 рядов горизонтально положенных плит. Над могилкой обломки плит покрытия. Могила пустая.

Курган 10. На распаханной поверхности почвы были видны отдельные камни. В раскопе выявлена могила. Ограду обнаружить не удалось. Возможно, здесь была не каменная, а деревянная или дерновая ограда, не сохранившаяся к настоящему времени.

М о г и л а (табл. XXXV, 2). Прямоугольная циста, 170 x 125 x 80 см, ПЗ-СЗ, сложенная из 5-6 рядов довольно крупных камней. Сверху встречались небольшие камни от плит покрытия, а по краям цисты обнаружены следы дерева от плах, на которых лежали плиты. Могила ограблена. Северная стена разрушена. На этом месте встречено много костей женского (?) скелета, обломки горшка и бусы (табл. LV, 1). У западной стенки найдено дно горшка. (табл. LV, 3).

Курган 11. На распаханной поверхности почвы выступали отдельные камни. Раскопом вокруг камней выявлена кладка из плит разного размера. Во все стороны

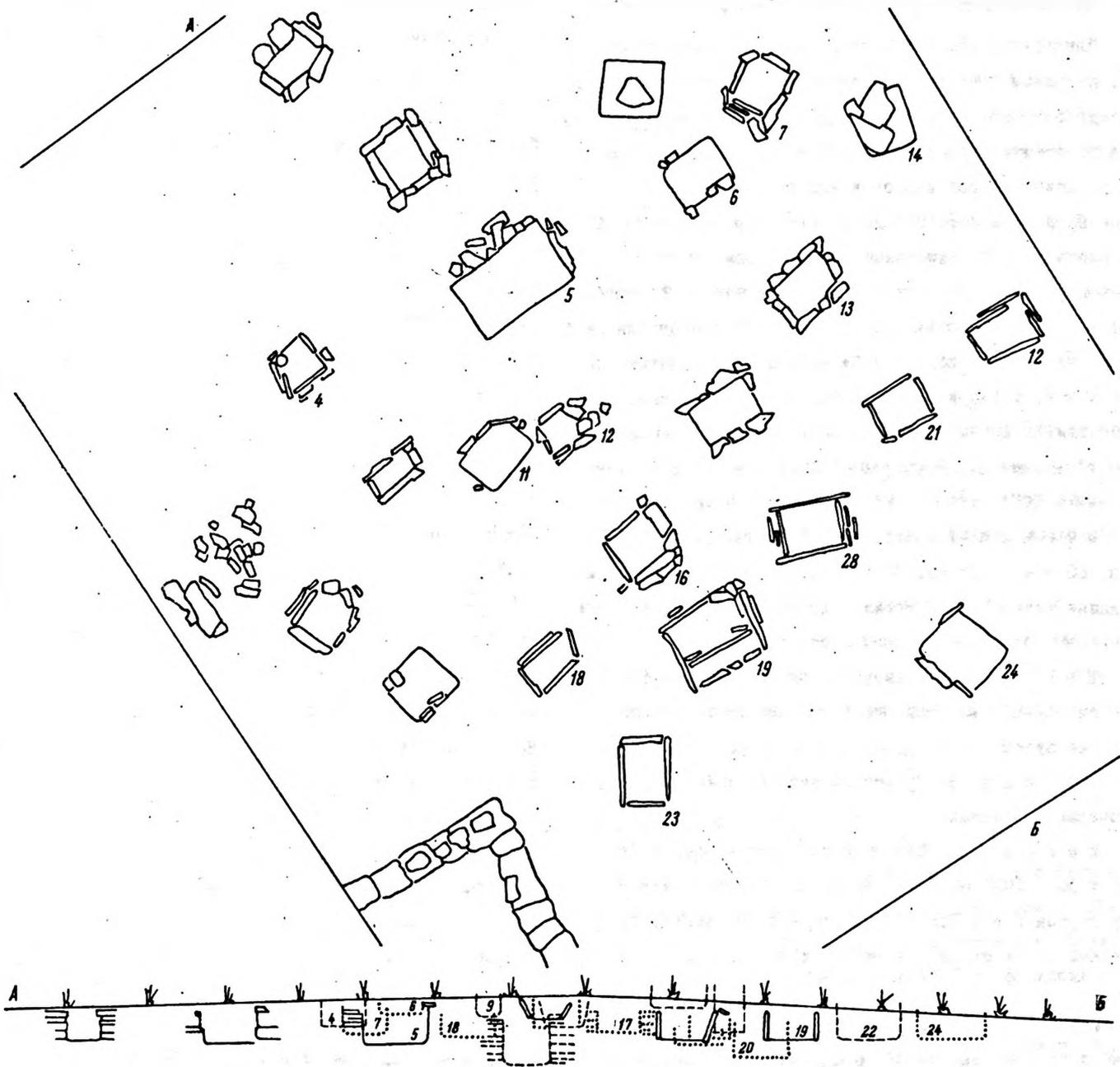

Рис. 7. План могильника у Новой Черной II.

были пробиты траншеи, но ограду обнаружить не удалось. Видимо, здесь, как и в кургане 10, ограда была сделана не из камня.

М о г и л а (табл. XXXV, 3). Под кладкой, оказавшейся покрытием могилы, находился каменный ящик, 165 x 70 x 65 см, ДЗ-СВ, из вертикально поставленных плит. На дне ящика скелет взрослого человека, лежащий вытянуто на спине, головой на ДЗ, черепа нет. Может быть, это более позднее впускное погребение.

Курган 12. На распаханной поверхности почвы дела-

ли отдельные камни. Заложенным раскопом и траншеями выявлена могила. Ограду найти не удалось.

М о г и л а. Прямоугольная циста, 190 x 90 x 50 см, ДЗ-СВ, из 3-4 рядов положенных плашмя плит песчаника. От покрытия ничего не сохранилось. В могиле череп и в беспорядке несколько костей взрослого человека.

Примерко в 250-300 м от могильника Новая Черная II, на самом крае первой надпойменной террасы Енисея, между остатками разрушенных домов и курганами тагарского времени был раскопан один курган (рис. 7), сохранивший детские андроновские погребения. До раскопок на поверхности прослеживались торцы плит, образовавшие небольшие ямки. Заложенным раскопом, размером 12 x 14 м, удалось выявить группу из 24 могил, расположенных близко друг к другу. Следов ограды не обнаружено. За пределами раскопа могилы находиться не могут, так как с одной стороны раскоп ограничен обрывом, с других сторон - остатками построек и старыми следами земляных работ. Раскопан Г.А.Максименковым в 1965 г.¹²

М о г и л а 1 (табл. XXXVI, 1). Прямоугольная циста, 60 x 40 x 35 см, СВ-ДЗ, из 4-5 рядов положенных плашмя плит. На дне могилы, в северном углу, обломки черепа ребенка, а в южном - отдельные кости.

М о г и л а 2. Прямоугольная циста, 70 x 55 x 40 см, СЗ-ДВ, из трех рядов положенных плашмя плит. Могила пустая.

М о г и л а 3. Грунтовая яма, 80 x 60 x 30 см, совершенно пустая.

М о г и л а 4. Каменный подтрапециевидный ящик, 55 x 50 (СЗ)-60(ДВ) x 30 см, СЗ-ДВ. В западном углу горшок (табл. L, 14). Судя по его положению, погребенный здесь ребенок должен был лежать головой на СЗ.

М о г и л а 5 (табл. XXXVI, 2). Прямоугольная яма, 140 x 85 x 45 см, ДВ-СЗ. Юго-западная и северо-западная стены сложены из плитняка, две другие грунтовые. На дне лежал скорченно, на левом боку, головой на ДВ почти целый скелет ребенка. В восточном углу обломок горшка.

М о г и л а 6 (табл. XXXVI, 3). Грунтовая яма, 60 x 55 x 20 см, ДЗ-СВ. В южной части могилы фрагменты горшка (табл. L, 22).

М о г и л а 7 (табл. XXXVI, 4). Прямоугольный каменный ящик, 70 x 55 x 35 см, ДЗ-СВ, из поставленных на ребро плит. У юго-восточной стены часть черепа

ребенка. В западном углу горшок (табл. L, 9). Судя по его положению, погребенный здесь ребенок первоначально был положен головой на ДЗ.

М о г и л а 8 (табл. XXXVI, 6). Груда плиток небольших размеров. Между ними встречались разрозненные кости ребенка, куски дерева и обломки керамики (табл. L, 15).

М о г и л а 9 (табл. XXXVI, 7). Прямоугольный каменный ящик, 55 x 30 x 30 см, З-В. На дне лежал скорченно, на левом боку, головой на З скелет младенца. В северо-западном углу у головы горшок (табл. L, 11).

М о г и л а 10 (табл. XXXVI, 8). Прямоугольный каменный ящик, 60 x 45 x 35 см, ДВ-СЗ, из поставленных на ребро плит. В южном углу горшок (табл. L, 7). Судя по нему, погребенный здесь ребенок мог лежать головой на ДВ.

М о г и л а 11 (табл. XXXVI, 5). Прямоугольная циста, 85 x 55 x 55 см, З-В, из 7 рядов мелких плиток, положенных плашмя. У западной стены череп ребенка.

М о г и л а 12 (табл. XXXVI, 9). Разрушенный прямоугольный каменный ящик, 55 x 40 x 25 см, СЗ-ДВ. Все плиты отклонены наружу. В юго-западном углу обломок горшка (табл. L, 17). Судя по нему, погребенный здесь ребенок мог лежать головой на СВ.

М о г и л а 13 (табл. XXXVI, 10). Грунтовая яма, 55 x 50 x 30 см, ДВ-СЗ. Перекрыта небольшими плитками. В восточном углу горшок (табл. L, 8). Судя по нему, погребенный здесь ребенок мог лежать головой на ДВ.

М о г и л а 14 (табл. XXXVI, 11). Прямоугольная циста, 65 x 50 x 35 см, ДДЗ-ССВ, сложенная из 5-6 рядов мелких плиток. У юго-западной стены горшок (табл. L, 18), покрытый обломком песчаниковой плитки. Судя по положению горшка, погребенный здесь ребенок мог лежать головой на ДЗ.

М о г и л а 15 (табл. XXXVI, 12). Прямоугольная грунтовая яма, 80 x 70 x 30 см, СЗ-ДВ. У северной и южной стенок стояло по плитке. В центре могилы перемешанные кости скелета ребенка. Вдоль северо-восточной стены три горшка (табл. L, 5, 10, 16).

М о г и л а 16 (табл. XXXVI, 14). Прямоугольный каменный ящик, 70 x 55 x 35 см, З-В, из вертикально поставленных плит. В юго-западном углу горшок (табл. L, 12), у северной стенки обломки другого горшка (табл. L, 20). Судя по положению горшка, погребенный здесь ребенок мог лежать головой на З.

¹² Вещи хранятся в Эрмитаже, отчеты - в архиве ИА и ЛОИА АН СССР.

М о г и л а 17. Прямоугольная циста, 80 х 60 х 25 см, ДЗ-СВ, сложенная из четырех рядов медких плиток. Могила совершенно пустая.

М о г и л а 18 (табл. XXXVI, 13). Прямоугольный каменный ящик, 60 х 30 х 35 см, ДЗ-СВ, из вертикально поставленных плит. На дне разрушенный скелет младенца. В западном углу горшок (табл. L, 13).

М о г и л а 19 (табл. XXXVI, 15). Прямоугольный каменный ящик, 100 х 50 х 35 см, ДЗ-СВ, из поставленных на ребро плит. На дне лежал, видимо, скорченно, на левом боку, головой на ДЗ разрушенный скелет ребенка. В западном углу у головы горшок (табл. L, 4), покрытый плиткой.

М о г и л а 20 (табл. XXXVI, 18). Прямоугольный каменный ящик, 90 х 55 х 50 см, СЗ-ДВ, из вертикально поставленных плит. На дне отдельные кости скелета ребенка. У северо-западной стены горшок (табл. L, 6).

М о г и л а 21. Прямоугольный каменный ящик, 70 х 50 х 40 см, ДЗ-СВ, из вертикально поставленных плит. Могила пустая.

М о г и л а 22 (табл. XXXVI, 17). Прямоугольный каменный ящик, 70 х 45 х 25 см, З-В, из вертикально поставленных плит. На дне лежал скорченно, на левом боку, головой на З полуразрушенный скелет ребенка. В северо-западном углу у головы горшок (табл. L, 21).

М о г и л а 23. Прямоугольный каменный ящик, 75 х 60 х 50 см, ДЗ-СВ, из вертикально поставленных плит. На дне разрозненные кости ребенка. В западном углу горшок (табл. L, 19).

М о г и л а 24 (табл. XXXVI, 16). Прямоугольная грунтовая яма, 80 х 75 х 25 см, СЗ-ДВ (может быть, в прошлом ящик). У юго-западной стены и северного угла стояли плиты. Могила пустая.

Б А Т Е Н И Я Р К И I

На левом берегу Енисея, в 1.5 км к СЗ от с. Батени, на край развезаемой ветром надпойменной террасы, рядом с карасукским могильником раскопаны четыре детские андроновские могилы (С.А. Теплоухов в 1923 г. раскопал одну могилу, в 1924 г. - еще могилу; М.П. Грязнов в 1962 г. раскопал две могилы)¹³ (Теплоухов,

1927, с. 77, 78; Киселев, 1951, с. 70; Рахимов, 1965, с. 51).

М о г и л а 1 (1923 г.). В верхнем слое чернозема и отчасти в песке обнаружен медкий плитняк. Под ним маленький горшок без орнамента. По-видимому, это младенческая могила.

М о г и л а 2 (1924 г.). Каменный ящик, 120 х 77 х 50 см, ДЗ-СВ, из поставленных на ребро плит. Сохранились юго-западная и юго-восточная стенки. На дне скорченно, на левом боку, головой на ДЗ лежал скелет отрока. В западном углу горшок (табл. II, 13).

М о г и л а 3 (1962 г.). Каменный ящик, 85 х 75 х 40 см, СЗ-ДВ, из тонких, поставленных на ребро плит. Нет северо-восточной стенки. Вокруг ящика мелкие плитки, видимо, от покрытия. На дне скорченно, на правом боку, головой на СВ лежал скелет младенца 6 месяцев (табл. II, 12).

М о г и л а 4 (1962 г.). Каменный ящик, 70 х 60 х 40 см, из тонких, поставленных на ребро плит. Нет северной стенки. Покрытие разрушено. В заполнении ящика найдены обломки плит. Могила ограблена. Горшок стоял поверх плит (табл. LI, 10).

Б А Т Е Н И Я Р К И II

На левом берегу Енисея, в 500 м к СЗ от с. Батени и в 800 м к ДВ от могильника Ярки I, на край развезаемой ветром надпойменной террасы раскопано 10 андроновских могил (С.П. Ермолаев в 1913 г. раскопал две могилы; С.А. Теплоухов в 1920 г. - одну могилу, в 1921 г. - две могилы, в 1926 г. - две могилы, а в 1929 г. - одну могилу; М.П. Грязнов в 1962 г. раскопал две могилы)¹⁴ (Теплоухов, 1927, с. 78; Киселев, 1951, с. 70; Рахимов, 1965, с. 51).

М о г и л а 1 (1923 г.). Каменный ящик. На дне скелет ребенка (?) на левом (?) боку, в скорченном положении. При нем горшок (Теплоухов, 1927, с. 79, табл. VII, 12) с геометрическим орнаментом и два серебряных височных кольца.

М о г и л а 2 (1913 г.). Разрушенная могила, обложенная деревом. В ней обнаружен орнаментированный горшок (Теплоухов, 1927, с. 79, табл. VII, 9).

¹³ Вещи хранятся в Эрмитаже, отчет - в архиве ИА и ЛОИА АН СССР.

¹⁴ Вещи хранятся в Эрмитаже, отчет - в архиве ИА и ЛОИА АН СССР.

М о г и л а 3 (1920 г.). Каменный ящик. В нем скелет отрока в скорченном положении, на левом боку. Слева у головы «следы горшка».

М о г и л а 4 (1921 г.). Могила разрушена. Сохранились в небольшом количестве кости человека, куски дерева и горшок.

М о г и л а 5 (1921 г.). В ней скелет взрослого человека в скорченном положении, на левом боку, головой на ЮЗ. У головы орнаментированный горшок (Теплоухов, 1927, с. 79, табл. VII, 5).

М о г и л а 6 (1926 г.). Могила частично разрушена. В ней на левом боку, головой на ЮЗ лежал скелет. Кости ног не сохранились. При нем орнаментированный горшок (табл. VII, 8).

М о г и л а 7 (1926 г.). Деревянный сруб, 160 x 125 x 32 см, ЮЗ-СВ, частично разрушенный. Скелет в скорченном положении, на левом боку, головой на ЮЗ. Справа у головы горшок (табл. VII, 2).

М о г и л а 8 (1929 г.). Могила разрушена. В ней на площади 60 см² в слое толщиной в 40 см обнаружена кучка костей человека. Среди них горшок (табл. VII, 15).

М о г и л а 9 (1962 г.) (рис. 8, I). Грунтовая яма глубиной 110 см от погребенного слоя почвы. В ней сруб, 185 x 60 x 25 см, ЮЗ-СВ, из бревен толщиной 20-30 см. На концах продольных бревен пазы, куда вставлены скошенными концами поперечные бревна. Перекрытие - пять продольных плах. В могиле скелет мужчины 40-60 лет, в скорченном положении, на левом боку, головой на ЮЗ. Слева у головы горшок (табл. VII, 1).

М о г и л а 10 (1962 г.) (рис. 8, 2). Находится в 3 м от предыдущей могилы. Грунтовая яма глубиной 170 см от погребенного слоя почвы. В ней сруб, 200 x 90 x 25 см, ЮЗ-СВ, из бревен толщиной 20-30 см. Устройство сруба такое же, как в могиле 9. В могиле скелет мужчины старше 60 лет, в скорченном положении, на левом боку, головой на ЮЗ. Слева у головы горшок (табл. VII, 4).

Из Ярков получено также несколько целых сосудов и обломков андроновских горшков, не имеющих точного указания на условия находки. Большинство из них помещено 1925 г. с указанием, что они найдены на выдувах или резах у разрушенных могил (табл. VII, 3, 5-7, 9, 14, 16).

В 5 км к югу от с. Усть-Ербы, на правом берегу р. Ербы, у подножья северного склона хребта Коровы, между берегом реки и дорогой из села на Копёны, среди курганов тагарского и карасукского времени в 1935 г. С. В. Киселев раскопал три ограды, содержавшие восемь могил андроновского времени¹⁵ (Киселев, 1935, с. 206; 1951, с. 72).

На поверхности просматривались ограды овальной формы, диаметром с С на Ю 4.5-6.5 м. Первая содержала одну могилу, вторая - четыре, третья - три. Длина могил для взрослых - 150-250 см, для детей - менее 100 см; ширина могил для взрослых - от 100 до 250 см, для детей - около 50 см; глубина могил для взрослых - 150 см, для детей - до 50 см. Могилы ориентированы по линии ЮЗ-СВ, в двух случаях - по линии ССЗ-ВЮВ. Могилы - в трех случаях ящики, в трех - цисты, в двух - комбинированные: восточная стенка сложена из мелких плиток, а остальные - из вертикально поставленных плит. Все перекрыты плитами. В могилах по одному погребенному. Лежали скорченно, на левом боку, головой на ЮЗ, ноги согнуты в коленях, кисти рук у лица. В одной могиле погребен пепел сожженного человека. В двух могилах кости детей, в остальных кости взрослых. В двух могилах под скелетами наблюдался коричневый тлен от подстилки, в одной могиле лежали плитки.

Во всех могилах по одному горшку в головах погребенного - либо в западном углу, либо у западной стены. Сосуды двух форм: четыре горшка, хорошо профилированных, с отогнутым венчиком и плечиками, украшенных геометрическим андроновским орнаментом, нанесенным мелкозубчатым штампом (табл. VII, 19, 20, 22), и три банки с выпуклыми стенками (табл. VII, 17, 18, 21).

Вещи найдены только в двух могилах. В одной - 45 бронзовых бус, свернутых из массивных пластинок, и костяной тупой наконечник стрелы с выемчатым основанием, а также кусочек плетеной ткани. В другой - обрезанная трубчатая кость, вероятно игольник, и долотообразная костяная пластинка.

В заполнении могилы кургана I найдены кости ног коровы и барана, а под дерном кургана 3 - два скелета собак и кости овцы.

¹⁵ Вещи хранятся в ГИМе.

Могильник находится на второй надпойменной террасе правого берега р. Енисей, в 2 км выше с. Байкалово, в логу Каменка, приблизительно в 350 м от берега реки. Поверхность террасы покрыта слоем недавно надутых песков, под которыми залегают два слоя погребенной почвы, разделенных полосой чистого песка от 20 до 120 см толщиной.

В 1963 г. С. Рахимовым здесь раскопано семь андроновских оград, содержащих 14 могил. Кроме того, были изучены три карасукские и одна тагарская ограды. Раскопки этого могильника, по мнению С. Рахимова, позволят установить стратиграфию андроновских и карасукских могил. По мнению С. Рахимова, андроновские памятники приурочены к нижнему погребенному слою почвы, а карасукские - к верхнему. Эти соображения были им опубликованы. Признавая чрезвычайную важность сделанных выводов, в 1964 г., уже после отправки работы С. Рахимова в печать, начальник Красноярской экспедиции М. П. Грязнов вместе с автором раскопок проверил на месте его наблюдения. В результате оказалось, что С. Рахимов в данном случае ошибся. Точной стратиграфической привязки к разным слоям погребенной почвы андроновских и карасукских памятников установить не удалось. Все могилы сооружены с верхнего почвенного слоя, так что выводы С. Рахимова нельзя считать правильными¹⁶ (Рахимов, 1965б, с. 61).

В могильнике оказались сооружения с захоронениями взрослых людей и с захоронениями только детей.

Ограды с могилами взрослых. Ограда 3 (табл. XXXVII, 3). До раскопок были видны плиты покрытия могил. Ограда диаметром 6 м, из мелких плит, поставленных на ребро. Северная половина стены разрушена. В ограде найдены кости барана и коровы.

М о г и л а (табл. XXXVII, 2). Комбинированная гробница, 200 x 100 x 100 см, ДЗ-СВ. Восточная и западная стенки сооружены из вертикально поставленных плит, дополненных сверху кладкой из 4-8 рядов положенных горизонтально плит; северная и южная - слоены из 16-21 ряда плитняка. На дне в беспорядке кости женщины 30-40 лет. У северо-восточной стенки низка

из 23 бронзовых бус (табл. LIU, 12). У северной стенки черепок от венчика банки с орнаментом.

Ограда 6. Диаметр ее около 4 м, видимо, овальная. Сохранились отдельные плитки, лежавшие плашмя.

М о г и л а. Каменный ящик, 140 x 90 x 75 см, 3-3, из шести крупных плит. Поверх ящика и вокруг него несколько мелких плит от разбитого покрытия. На дне в беспорядке кости взрослого человека. В северо-восточном углу каменная подвеска (табл. LIU, 13).

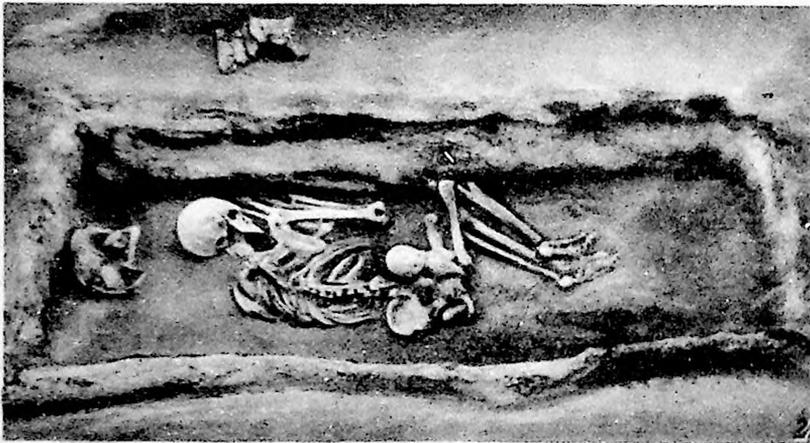
Ограда 8 (табл. XXXVII, 2). Сохранилась частично. Видимо, овальная. Сложена из плитняка. Размеры не устанавливаются.

М о г и л а (табл. XXXVII, 1). Находилась на глубине 150 см. Комбинированная гробница, 180 x 110 x 85 см, ДЗ-СВ. Восточная и западная стенки сделаны из массивных плит толщиной 20-40 см, северная и южная - из плитняка в 22-25 рядов. Вокруг ящика находились положенные плашмя плиты. Покрытие составляли две плиты размером 185 x 95 x 30 см и 180 x 20 см. На дне скрещенно, на левом боку, головой на ДЗ лежал скелет женщины 20-25 лет. Около лба бронзовая бляшка (табл. LIU, 9); по бокам черепа два бронзовых височных кольца (табл. LIU, 2); у локтевого сустава, видимо, остатки кожаной сумочки, украшенной бронзовыми бусами; у шейных позвонков выпуклая, тонкая, бронзовая бляшка (табл. LIU, 9) и обломок серьги (табл. LIU, 6); такая же бляшка у тазовой кости; у лодыжек остатки кожаной обуви, украшенные бронзовыми бусами (50 шт.) (табл. LIU, 12).

Ограда 10 (табл. XXXVII, 5). До раскопок на поверхности выступал край плиты. Ограда прямоугольная, 8 x 7 м, направлена почти с С на Д. Северная стена полностью уничтожена оврагом. В насыпи фрагмент венчика нарядного горшка, мелкие кости животных и несколько кусков древесного угля.

М о г и л а (табл. XXXVII, 1, 2). Находилась на глубине 140 см. Прямоугольная циста, 160 x 110 x 95 см, ДЗ-СВ. Все стены сложены из плитняка в 17-22 ряда. Вокруг могилы обнаружены положенные плашмя плиты. В юго-западном углу на плите следы костра. Могила покрыта двумя плитами, каждая размером 170 x 80 x 12 см. На дне в беспорядке кости мужчины 30-35 лет и новорожденного ребенка. На месте сохранились только несколько позвонков мужчины. Судя по ним, он лежал головой на ДЗ. Среди костей костяная бляшка с медными

¹⁶ Вещи хранятся в Эрмитаже, отчеты - в архиве ИА и ЛОИА АН СССР.

гвоздиками (табл. LIV, 8) и баночный сосуд. В северо-восточном углу остатки берестяного тусеска. По дну могилы разбросаны древесные угольки и кусочки бересты.

Ограда 24 (табл. XXXII, 4). Овальная, 10 x 6 м, сложена из плитняка. Сохранилась на высоту 15-30 см. В ограде три могилы. Вероятно, она первоначально состояла из двух пристроенных одна к другой оград. При устройстве могилы 3 каменную перегородку, по-видимому, разобрали. Стенки северной половины ограды обвалились внутрь. Среди этого развала плитняка найдено несколько орнаментированных черепков.

М о г и л а 1. Грунтовая яма, 220 x 110 x 240 см, ДЗ-СВ. На дне рама из четырех бревен, 200 x 60 x 20 см. Толщина бревен 20-25 см. На концах продольных бревен пазы, в которые вставлены поперечные бревна с ровно срезанными концами. Покрытие из пяти поперечных бревен. Толщина покрытия 8-10 см. В головной части могилы стоял вертикальный столб диаметром 8-10 см, сохранившийся на высоту 180 см. Он несколько не доходил до покрытия сруба. На дне могилы скорченно, на правом боку, головой на ДЗ лежал скелет женщины 35-40 лет. В головах нарядный горшок.

Рис. 8. Ярки II. Содержание могил.
1 - мог. 9; 2 - мог. 10.

М о г и л а 2. Грунтовая яма, 260 x 120 x 220 см, ДЗ-ВСВ. На дне сруб в два венца из восьми бревен, 220 x 70 x 30 см, по устройству аналогичный предыдущему. Покрит семь поперечными бревнами. В головной части могилы был воткнут заостренный столб диаметром 15-20 см, сохранившийся на высоту 180 см. На дне могилы скорченно, на левом боку, головой на ДЗ лежал скелет мужчины 30-35 лет. В головах нарядный горшок.

М о г и л а 3. Грунтовая яма, 220 x 110 x 230 см, ДЗ-ВСВ. На дне сруб в два венца из шести бревен, 170 x 50 x 30 см, такого же устройства, что и в предыдущих могилах. Покрит шесть бревнами толщиной 10-25 см. В головной части могилы столб диаметром 8-10 см, сохранившийся на высоту 180 см. В могиле скелет ребенка и женщины 20-25 лет. Женский скелет лежал скорченно, на левом боку, головой на ДЗ. В головах два маленьких баночных сосуда и нарядный горшок.

Ограды детских могил. Ограда IИ. На поверхности погребенного слоя почвы овал из беспорядочно лежавших камней, 8 x 5 м. В ограде четыре могилы.

М о г и л а 1 (табл. XXXIX, 3.4). Каменный ящик, 100 x 50 x 20 см, ДЗ-СВ. Покрыт плитами. На дне могилы скорченно, на правом боку, головой на ДЗ лежал скелет младенца 6-8 месяцев. В ногах семь ребер барана. Под черепом бронзовая проволочная серьга. В северо-восточном углу баночный горшок (табл. XII, 4).

М о г и л а 2 (табл. XXXIX, 7). Каменный ящик, 90 x 80 x 50 см, ДЗ-СВ. Покрыт плитами. На дне могилы скорченно, на правом боку, головой на ДЗ лежал скелет младенца 6 месяцев. Перед лицом баночный сосуд, под черепом плохо сохранившаяся серьга из белого металла.

М о г и л а 3 (табл. XXXIX, 8,9). Грунтовая яма, 70 x 50 x 50 см, ДЗ-СВ. Покрытие - мелкие плитки. На дне могилы скорченно, на левом боку, головой на ДЗ лежал скелет младенца 6 месяцев. У головы орнаментированный баночный сосуд.

М о г и л а 4 (табл. XXXIX, 5,6). Грунтовая яма, 70 x 50 x 40 см, ДДВ-ССЗ. Покрытие - три мелкие плитки. На дне могилы скорченно, на левом боку, головой на Д лежал скелет младенца 9-12 месяцев. У головы баночный горшок.

Ограда 23 (табл. XXXVII, 1). Круглая, диаметром 3 м, из вертикально врытых плит. В ней две могилы. С севера пристройка с одной могилой.

М о г и л а 1 (табл. XXXVII, 4). Каменный ящик, 55 x 30 x 25 см, ДЗ-СВ, из четырех плит. Покрыт двумя плитами. На дне могилы скорченно, на правом боку, головой на ДЗ лежал скелет новорожденного. У головы баночный горшок.

М о г и л а 2 (табл. XXXVII, 3). Каменный ящик, 110 x 60 x 80 см, ЗДЗ-ВСВ. Верх дополнен кладкой из плитняка. Вокруг могилы обнаружены лежавшие плашмя плиты. Могила разграблена. В ней кости ребенка 5-6 лет и новорожденного. На месте сохранились кости голени и ступни ребенка. Судя по ним, он был положен на левом боку, головой на ДЗ. Среди костей фрагмент от баночного орнаментированного сосуда и два височных кольца - одно, видимо, серебряное, а другое медное (табл. LIY, 4).

М о г и л а 3 (пристройка) (табл. XXXVII, 5). Каменный ящик, 55 x 30 x 30 см, ДЗ-СВ. Покрыт одной

плитой размером 60 x 40 x 7 см. На дне могилы скорченно, на левом боку, головой на ДЗ лежал скелет ребенка. В головах орнаментированный сосуд.

Л А Н И Н Л О Г

Находится на левом берегу р.Сыды, на край высокой надпойменной террасы, около устья Ланина Лога, в 500 м к ДЗ от р.Карасук - притока р.Сыды. Состоит из 18 курганов округлой формы с невысокими насыпями и кольцевыми оградками из бутового камня.

В 1964 г. С.Рахимов раскопал здесь два кургана, содержавших шесть могил¹⁷ (Рахимов, 1968, с.70).

Курган 1. Невсокая насыпь (высота 30-40 см) диаметром 15-16 м. На поверхности местами видна ограда. Курган представляет собой систему четырех пристроенных одна к другой кольцевых оград. Первыми сооружены ограды могил 1 и 3, к ним пристроены ограды могил 2 и 4.

М о г и л а 1. Ограда диаметром 6-7 м. Сохранилась на высоту 3-6 рядов камня, некоторые из них свалились наружу. В насыпи найдены обломки черепков андроновских горшков, кости барана и лошади. В юго-западном углу могильного пятна следы деревянного столба. В прямоугольной яме, 300 x 180 x 320 см, ЗСЗ-ВДВ деревянный сруб в один венец, 270 x 150 x 30 см. Поперечные бревна вставлены в пазы продольных. Сруб покрыт берестой и пятью поперечными плахами. Между бревнами и стенками ямы камня. На дне кучка пепла с мелкими обломками пережженных человеческих костей. В юго-западном углу горшок (табл. XLII, 8).

М о г и л а 2. Ограда диаметром 5 м. Сохранилась на высоту 5-7 рядов камня, часть из них сползла наружу. У одной стенки ограды пустой каменный ящик, 60 x 30 x 30 см. У другой стенки, частично под ней, яма, 240 x 240 x 315 см, ЗСЗ-ВДВ. На дне сруб, 220 x 120 x 20 см. Покрытие не сохранилось. У юго-западной стенки сруба большой камень. На дне пепел от сожженного человека. В северо-западном углу горшок (табл. XLII, 9).

М о г и л а 3. Ограда диаметром 6.5 м. Сохранилась на высоту 3-6 рядов камня. В насыпи скелет мла-

¹⁷ Вещи хранятся в Эрмитаже. Этчеты - в архиве ИА и ЛОИА АН СССР.

денца одного года, лежавший на боку, головой на СВ, разрозненные кости младенца двух лет, бронзовый нож подгорновского типа, обломки андроновских горшков, кости лошади и коровы. Прямоугольная яма, 260 x 240 x 200 см, ЗСЗ-ВДВ. На дне сруб, 210 x 120 x 30 см, подобный сруб могилы I, перекрыт семью плахами. В покрытие воткнут столб. На дне пепел и фрагменты рядного горшка (Рахимов, 1966, с. 73, рис. 35, 3).

М о г и л а 4. Ограда диаметром 6 м. Сохранилась на высоту 3-6 рядов камня. Яма глубиной 170 см. На дне сруб, 240 x 150 x 20 см, ЗСЗ-ВДВ, перекрыт шестью плахами. Могила разграблена. На дне пепел от сожженного человека и фрагменты горшка.

Курган 2. Округлая ограда. Сохранились 1-3 ряда камней. В западной части ограды фрагменты горшков, кости новорожденного, ребенка одного года и трехлетнего ребенка.

М о г и л а 1. Яма, 145 x 105 x 110 см, З-В. На дне сруб в один венец, 145 x 105 x 35 см, перекрыт тремя плахами. На дне скорченно, на правом боку, головой на ЮЗ лежал скелет полуторгодовалого младенца. У головы горшок (табл. XLII, 7).

М о г и л а 2. К юго-западу от ограды каменный ящик, 130 x 70 x 35 см, З-В. Покрытие разрушено. На дне неполный скелет ребенка двух лет, положенный головой на В. Справа у головы горшок (табл. XLII, 6), а у северной стены бронзовая пластинка.

Т Е П С Е Й

На правом берегу р. Енисей, при впадении в него р. Тубы находится гора Тепсей. У северного ее подножья на надпойменной террасе, протянувшейся узкой полосой вдоль берега Енисея, расположены памятники разного времени, начиная от афанасьевских и кончая кыргызскими. Здесь во время разведки 1966 г. М. П. Грязновым были раскопаны две андроновские могилы, находившиеся рядом с тагтыкским склепом, раскопанным в 1968 г.

На поверхности выступали края плит одной ограды в двух каменных ящиках андроновской культуры.¹⁸

¹⁸ Вещи хранятся в Эрмитаже, отчеты - в архиве ИА в ЛОИА АН СССР.

М о г и л а 1. Каменный ящик, 150 x 90 см, из вертикально поставленных плит. Покрытие не сохранилось. На дне и в заполнении могилы кости скелета женщины 20-25 лет. На носовой части черепа следы окиси меди. Среди костей несколько черепков горшка.

М о г и л а 2. Круглая ограда диаметром 4 м. В центре каменный ящик, 100 x 60 см. Покрытие отсутствует. На дне плохо сохранившийся скелет ребенка 2 лет. Судя по черепу и костям правой руки, погребенный лежал на правом боку, головой на СВ. На дне несколько бронзовых бус плохой сохранности.

М О Х О В 1 У

В 4 км к северу от дер. Моховой, на западной окраине кладбища этого поселка сотрудник Минусинского музея Н. В. Леонтьев в 1969 г. раскопал одну андроновскую могилу.¹⁹

М о г и л а. До раскопок на пологом склоне выступали две плиты ящика. Ограда вокруг могилы не прослеживалась. После расчистки выявлен прямоугольный каменный ящик, 80 x 60 x 20 см, З-В, из вертикально поставленных плит. Западная и южная стены сделаны из плит, восточная - из нескольких мелких плиток, северная стена отсутствовала. Покрытие не сохранилось. У западной стены найдены обломки баночного горшка.

М О Х О В II

В 300-400 м к югу от дер. Моховой, у устья р. Биджи, на правом ее берегу сейчас находится гравийный карьер. Все пространство от правого берега р. Биджи до окраины деревни занято большим могильником, состоящим из карасукских и андроновских курганов. Часть из них разрушена карьером. В 1967 г. сотрудником Минусинского музея Н. В. Леонтьевым здесь была исследована одна разрушенная андроновская могила.²⁰

М о г и л а. Прямоугольная циста, 170 x 90 x 50 см, ЗДЗ-ВСВ, из положенных плащия плит. Надмогильное сооружение, западная стена и часть других стен цисты срезаны бульдозером. В могиле скорченно, на левом боку, головой на ЗДЗ лежал скелет мужчины (?) 30-40

¹⁹ Вещи хранятся в Эрмитаже.

²⁰ Вещи хранятся в Минусинском музее, отчет - там же и в архиве ИА АН СССР.

лет. За спиной мужчины в той же позе лежал скелет младенца, часть его костей омыта сползшей землей. На поверхности земли оказался разбитый горшок, который, видимо, стоял у головы. На левой щиколотке мужчины была низка бронзовых бус, вторая низка лежала в стороне от правой ноги. Всего найдено их 90 штук. Недалеко от лица несколько ребер молодого барана, под которыми оказался тлен от деревянной чаши прямоугольной формы со скругленными углами.

УЛУС ПОДКУНИНСКИЙ

Между дорогами на Абакан и Черногорск за юго-восточным краем улуса среди карасукских оград обнаружено 10 курганов андроновского времени. В.П.Левашовой в 1930 и 1931 гг. раскопано шесть курганов²¹ (Киселев, 1951, с.73).

Курганы - плоские земляные насыпи округлой формы. На поверхности их прослеживались ограды в виде кольца из небольших плит, положенных плашмя. Раскопаны прямоугольным колодезем, вписанным в кольцо.

Курган 1 (табл. XL, 3). Диаметр 6.5 м, высота 20 см. Ограда того же диаметра, ширина 20 см.

М о г и л а (табл. XL, 1). Прямоугольная яма с закругленными углами, 220 x 185 x 100 см, ВСВ-ЗЮЗ. Перекрыта плитами. На дне ящик из блоков, 210 x 180 x 125 см. В заполнении разрозненные кости человека. На дне три скелета: верхний - взрослого человека, лежал на правом боку, с согнутыми в коленях ногами, головой на СВ; под ним второй - тоже взрослого человека, лежал на животе, скорченно, с согнутыми в коленях ногами, головой на ДЮВ; третий - подростка 12 лет, лежал вдоль юго-западной стенки, на спине, с согнутыми в коленях ногами, головой на СВ. Вещей нет. В насыпи впускное детское погребение.

Курган 2 (табл. XL, 1). Диаметр 12 м, высота 35 см. Ограда диаметром 9.5 м, шириной 30 см. Под насыпью на горизонте ребра животного.

М о г и л а (табл. XL, 2). Прямоугольная яма с за-

кругленными углами, 320 x 200 x 130 см, В-З. На дне сруб, 290 x 175 x 45 см, в один венец, из лиственных бревен, перекрытый накатом. В центре кучка пепла от сожженного человека. В юго-западном углу горшок (табл. XLII, 10).

Курган 3 (табл. XL, 4). Диаметр 18 м, высота 30 см. Ограда диаметром 10 м, шириной 50 см. В насыпи и на горизонте кости коровы, обломки дерева и плиты.

М о г и л а (табл. XL, 4). Прямоугольная яма с закругленными углами, 350 x 30 x 80 см, З-В. На дне сруб в один венец, перекрытый накатом. В засыпке ямы кости человека и коровы. В могиле два скелета. Первый скелет, видимо взрослого человека, находился выше дна; он был разрушен - сохранились только кости ног, согнутых в коленях; первоначально он лежал на левом боку, головой на З. Второй скелет ребенка лежал на дне, у северной стенки, на спине, с согнутыми в коленях ногами, головой на З. Вещей нет.

Курган 4 (табл. XL, 2). Эллипсоидная насыпь покрывает два кургана (№ 4 и 5). Диаметр кургана 4-18 м. Диаметр ограды 8.7 м, ширина 80 см. К юго-западу от ограды между камнями кости коровы. В насыпи скелет овцы, кости коровы и человека.

М о г и л а (табл. XL, 3). Прямоугольная яма с закругленными углами, 370 x 290 x 230 см, З-В. В заполнении кости коровы, овцы и угля. На дне сруб в один венец, 225 x 160 x 40 см, перекрытый накатом. Между срубом и стенками ямы по углам плиты. На дне слой пепла толщиной 6-7 см, - видимо, следы сожжения нескольких человек. В северо-западном углу горшок (табл. XLII, 11).

Курган 5 (табл. XL, 2). Диаметр 16.3 м. Ограда примыкает к ограде кургана 4, ее диаметр 6 м, ширина 50 см.

М о г и л а (табл. XL, 5). Овальная яма, 300 x 210 x 92 см, З-В. В заполнении уголь. На дне кучка пепла от сожженного человека. Вещей нет.

Курган 6 (табл. XL, 5). Без насыпи. Ограда диаметром 6.4 м, шириной 30 см. Под насыпью на горизонте кости коровы.

М о г и л а (табл. XL, 6). Прямоугольная яма с закругленными углами, 320 x 240 x 140 см, З-В. В яме циста, 270 x 190 x 80 см, перекрытая шестью плитами. На дне скелет женщины на левом боку, головой на З, с согнутыми в коленях ногами. В тазовых костях кости младенца. Под костями тлен. Вещей нет.

²¹ Отчет хранится в архиве ЛОИА АН СССР.

ПОСЕЛЕНИЯ

О Б Ъ О Л

На правом берегу р.Обьюла, в 1 км выше дер.Ивановки, в современной пойме на лугу в 1957 г. Н.Л. Членова произвела значительные земляные работы, на общей площади 705 кв.м.²²

Был зачищен обрыв берега, получен профиль стоянки и зафиксирован культурный слой от 20 до 110 см толщиной. Заложены раскопы № 1, площадью 324 кв. м, обнаружен культурный слой, в котором встречены андроновские черепки и найдена яма с обломками андроновских горшков и костями животных. В раскопе оказалось четыре открытых очага в виде обожженных пятен глины и зола на уровне материка. В них встречались фрагменты андроновских горшков. Всего в раскопе найдено 178 черепков от андроновских сосудов, 27 - от тагарских, а также 2 обломка литейных форм.

Раскопом № 2, площадью 215 кв.м, обнаружено 5 современных ям. Здесь собраны 3 андроновских черепка, 10 тагарских, кости животных, разбитая зернотерка, заготовки костяных наконечников стрел, точило, бусина и проколка.

Кроме того, были проведены две траншеи площадью 72 и 94 кв.м, шириной в 1 м. В них собраны некоторое количество костей животных и черепки. По мнению Н.Л. Членовой, это место заселялось трижды: в андроновское время, в тагарскую и фоминскую эпохи.

К Л О Ч И

В центре долины речки Черновой, левого притока Енисея, находится Сухое озеро. С запада в него впадает ручей, протекающий в узкой долине, пересекающей современную автомобильную трассу Красноярск-Абакан. Примерно в 1 км по направлению от шоссе к Енисею, на северо-западном обрывистом берегу долины расположена узкая, длинная площадка, ограниченная с юго-востока обрывом, с юго-запада резким понижением в небольшую чашеобразную котловину, а с северо-востока холмом. Здесь Г.А.Максименковым раскопано андроновское сооружение.²³

На этой площадке в 1961 г., когда из-за засухи совсем не было травы, можно было видеть среди массы разбросанных мелких обломков плит едва проступавшие на поверхности земли торцы плит - остатки каких-то сооружений. Плиты образовывали два длинных прямоугольных сооружения, расположенных параллельно. Юго-восточное из них, находящееся у самого обрыва, имело размеры 40 x 14 м, а северо-западное - 30 x 15 м. От юго-западных стен обоих сооружений отходили ряды вертикальных плит, которые как бы буквой "П" соединяли эти оба сооружения. Точно установить форму и характер остатков третьего сооружения без раскопок оказалось невозможным из-за его плохой сохранности.

Своеобразие этих сооружений, необычно большие их размеры и форма, заставило произвести раскопки с целью выяснения их времени, конструкции и назначения. Объектом работ было выбрано северо-западное сооружение, на месте которого был разбит четырехугольный раскоп, включавший все видимые торцы плит (рис. 9). На всей площади раскопа был снят слой земли на один штык лопаты. Этот слой состоял из тонкого (5-10 см) дерна, ниже которого залегала щебенка. После снятия первого слоя земли раскоп был зачищен на всей площади. В результате выявилось четырехугольное сооружение плохой сохранности. Его стены выглядели по-разному. Лучше других сохранился юго-восточный угол сооружения с примыкающими к нему отрезками северо-восточной и юго-восточной стен. Он представлял собой ряд раздробленных, плотно стоявших мелких плит, отклоненных наружу. Северо-восточная стена была сложена из отдельных, вертикально стоявших плиток. В средней части стена разрушена, а остатки плит лежали на земле. В несколько лучшем состоянии был отрезок, примыкавший к восточному и северо-восточному углу. Северо-западная стена прослеживалась на всем протяжении большими отрезками, между которыми имелись перерывы. Многие обломки камней этой стены, отломавшиеся от вертикальных плит, лежали на боку за ее пределами. Остатки юго-западной стены сохранились почти полностью. Между образующими ее плитами имелись небольшие перерывы. Юго-восточная стена сохранилась хуже других. Здесь только в отдельных местах можно было видеть вертикально стоявшие плитки, в большинстве же случаев это были их обломки, лежавшие горизонтально. В некоторых местах, особенно

²² Отчет находится в архиве ИА АН СССР.

²³ Вещи хранятся в Эрмитаже, отчеты - в архивах ИА и ЛОИА АН СССР.

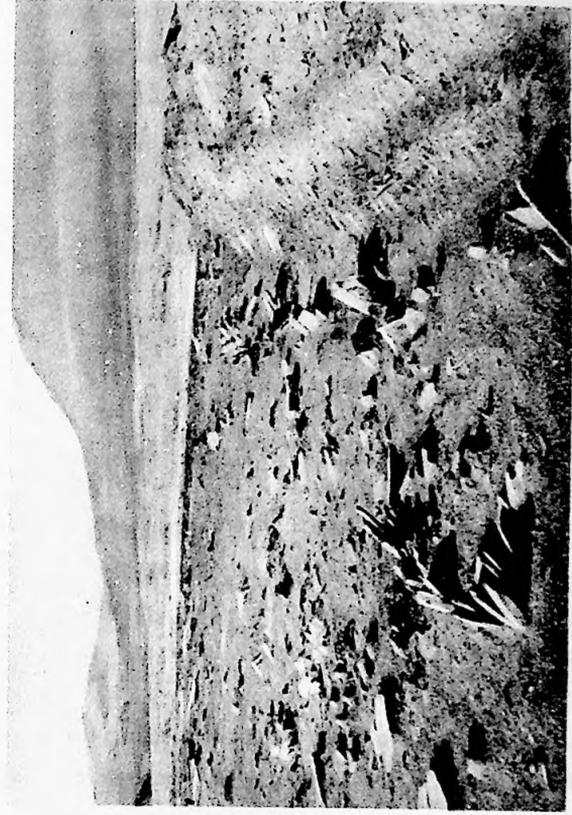

Рис. 9. Андроновское сооружение в поселении Ключи.

вдоль северо-западной стены, на расстоянии примерно 150 см от нее, внутри сооружения стоял второй ряд вертикальных плит, являвшийся, по-видимому, остатками внутренней стены. Отдельные плиты от нее встречались и вдоль юго-восточной стены.

Вся внутренняя часть сооружения представляла собой беспорядочное скопление мелких и мельчайших обломков плит песчаника, разбросанных без всякого порядка. Наибольшее количество их находилось в середине северо-восточной половины сооружения. В юго-западной половине их обнаружено значительно меньше, и здесь они были более крупных размеров. Зачистка отдельных скоплений плит в юго-западной части ничего не дала. Выяснилось, что они лежали на глинистом материке. Та же картина наблюдалась и в северо-восточной части: под слоем мелких плиток залегал глинистый слой.

Для поисков культурного слоя вдоль юго-западной стены, на расстоянии 3 м от нее, внутри сооружения была заложена траншея. Прокопка ее на штык лопаты с последующей зачисткой показала, что ниже идет глина с мелкой щебенкой - результат разрушения верхней части материка. С помощью этой же траншеи удалось выяснить, что вертикальные плиты ограды уходили в землю всего на 15-17 см. Они являлись нижними, закопанными в землю, частями стен бывшего здесь в древности сооружения. Что же касается культурного слоя, то его остатков не найдено; он должен был находиться выше.

Действительно, все собранные здесь находки - фрагменты керамики и кости животных - были найдены только в дерновом слое. Причем подавляющее большинство находок сделано при снятии дерна в юго-западной части сооружения, и почти ничего не найдено в северо-восточной части. Всего же удалось обнаружить около 130 фрагментов от 30 горшков и банок (рис. 10).

В разных местах сооружения в виде небольших обломков, не позволяющих установить количество особей, были найдены кости животных (табл. 1).

В юго-западной части сооружения, кроме скопления плит, можно было видеть и торчащие вертикально плитки. Эти плитки были зачищены и в двух случаях привели к обнаружению конструкций.

В средней части юго-западной половины сооружения и в 3 м от северо-западной стены над уровнем зачи-

щенной поверхности торчало несколько плиток, образовавших круг (рис. 9). В результате зачистки обнаружена яма диаметром 120 см и глубиной 70 см. Стены ямы выложены мелкими плитками. Вся яма заполнена пережженными кусками песчаника, видимо, служившими бу- чильными камнями. Среди камней оказалось несколько мелких фрагментов керамики и обломков костей.

Таблица 1

Количество костей животных, обнаруженных при раскопках андроновского сооружения в местности Ключи

Кости	Корова	Лошадь	Овца	Мелкий рогатый скот	Косуля
Таз	1	3	3	-	-
Лопатка	-	3	2	3	-
Пяточная	-	1	-	-	-
Астрагал	-	1	1	-	-
Коленная чашечка	-	1	-	-	-
Позвонок	-	4	-	3	-
Ребро	2	-	-	8	2
Зубы	2	-	1	-	-
Плечо	-	-	1	3	-
Бедро	-	-	2	2	-
Голень	-	-	1	-	-
Предплечье	-	-	-	1	-
Фаланга	-	-	1	-	1
Череп	-	-	-	-	1
Метаподия	-	-	-	1	-
Всего	5	13	12	21	4

В 2 м к югу находился развал каменных плиток под- четырехугольных очертаний. Здесь также найдены фрагменты керамики, кости животных и очень мелкие куски шлака.

Были произведены также зачистки и других скоплений камней в этой части сооружения, но они, как выяснилось, не образовывали каких-либо конструкций, в них ничего не было найдено и определить их назначение не удалось.

Несмотря на очень плохую сохранность раскопанного сооружения, все же можно судить о его назначении в древности. Это ничтожные остатки андроновского наземного жилища. Первоначально стены жилища представляли собой два ряда вертикально стоявших тонких и высоких плит. Одна из таких плит отломилась в древности и лежала у северо-восточной стены второго сооружения. Высота ее в древности была около 150 см. Между двумя рядами плит должно было быть какое-то заполнение, вполне возможно, что земляное, иначе трудно объяснить наличие двойных стен. Никаких следов от конструкций, поддерживавших перекрытие, не сохранилось. Каким образом огромная площадь жилища была перекрыта, судить невозможно. Жилище, судя по расположению находок, состояло из двух частей. Юго-западная часть его, видимо, жилая, так как здесь собраны керамика, кости животных (остатки мясной пищи) и обнаружена яма с бучильными камнями. Что же касается северо-восточной части, где почти нет никаких находок, то она могла быть приспособлена для зимнего содержания скота, хотя доказать такое ее использование невозможно.

Обломки из мелких плиток, лежавших под дерном и заполнявших всю внутреннюю часть жилища, являются остатками каменных конструкций. Плитки эти не естественного происхождения, хотя выходы плитняка лежат здесь неглубоко. Эти обломки могли быть верхними частями стен, либо они специально набросаны на пол для уменьшения грязи, особенно если там был скот, либо в свое время находились на крыше жилища вместе с покрывавшей ее землей. Пол древнего жилища должен был находиться на уровне современного дернового слоя, в котором расчистить его, естественно, невозможно. Именно о таком расположении пола свидетельствуют верхние края ямы, выкопанной с этого уровня. Видимо, по этой причине не удастся найти каких-либо других остатков внутри жилища. Его современное состояние обусловлено в первую очередь местоположением и первоначальной конструкцией. Жилище было сооружено на поверхности почвы, поэтому продукты его разрушения и культурные остатки находились на поверхности. Место жилища на узкой площадке, открытое ветрам и дождям, способствовало тому, что водой все смывалось либо в ручей, либо в распадок. За многие века сохранились только отдельные камни, которые были углуб-

лены в землю, и те культурные остатки, которые попали между разрушенными плитами.

КАРАСУК У

На правом берегу р. Карасук, рядом с известным Карасукским могильником, непосредственно у афанасьевских колец могильника Карасук III были обнаружены андроновские черепки. В 1962 г. здесь производил работы М. П. Грязнов.²⁴

Заложенные траншеи общей площадью более 100 кв. м дали остатки эпохи неолита, кости животных и очень небольшое количество черепков от андроновских сосудов. Андроновского культурного слоя не обнаружено. Основное количество обломков принадлежало баночным сосудам и только 3-4 фрагмента - нарядным горшкам.

БАТЕНЕВСКАЯ ПРотока

В 2 км к северу от с. Батени и в 1 км к северо-западу от могильника Ярки I, на край высокой пойменной террасы расположено разрушенное поселение. Оно обнаружено С. А. Теплоуховым в 1927 г., в 1962-1964 гг. исследовано С. Рахимовым²⁵ (Теплоухов, 1927, с. 83, 102-105).

С. А. Теплоухов заложил небольшой раскоп, выявивший культурный слой, залегающий на глубине 50 см. В раскопе оказался каменный очаг диаметром 70 см. Было собрано небольшое количество обломков сосудов. Зачистка обнажения, произведенная С. Рахимовым, показала следующую стратиграфию:

1. Дерновый слой	10-15 см
2. Темно-серый иловый песок	20-25 см
3. Темный гумусированный слой песка	35-40 см
4. Иловый песок светло-желтого цвета	30-40 см
5. Гумусированный слой с черепками
без орнамента и костями животных	10-15 см
6. Темный иловый песок с черепками,
костями животных и камнями	-
7. Иловый песок	-

24 Вещи хранятся в Эрмитаже, отчеты - в архивах ИА и ЛОИА АН СССР.

25 Вещи хранятся в Эрмитаже, отчеты - в архивах ИА и ЛОИА АН СССР.

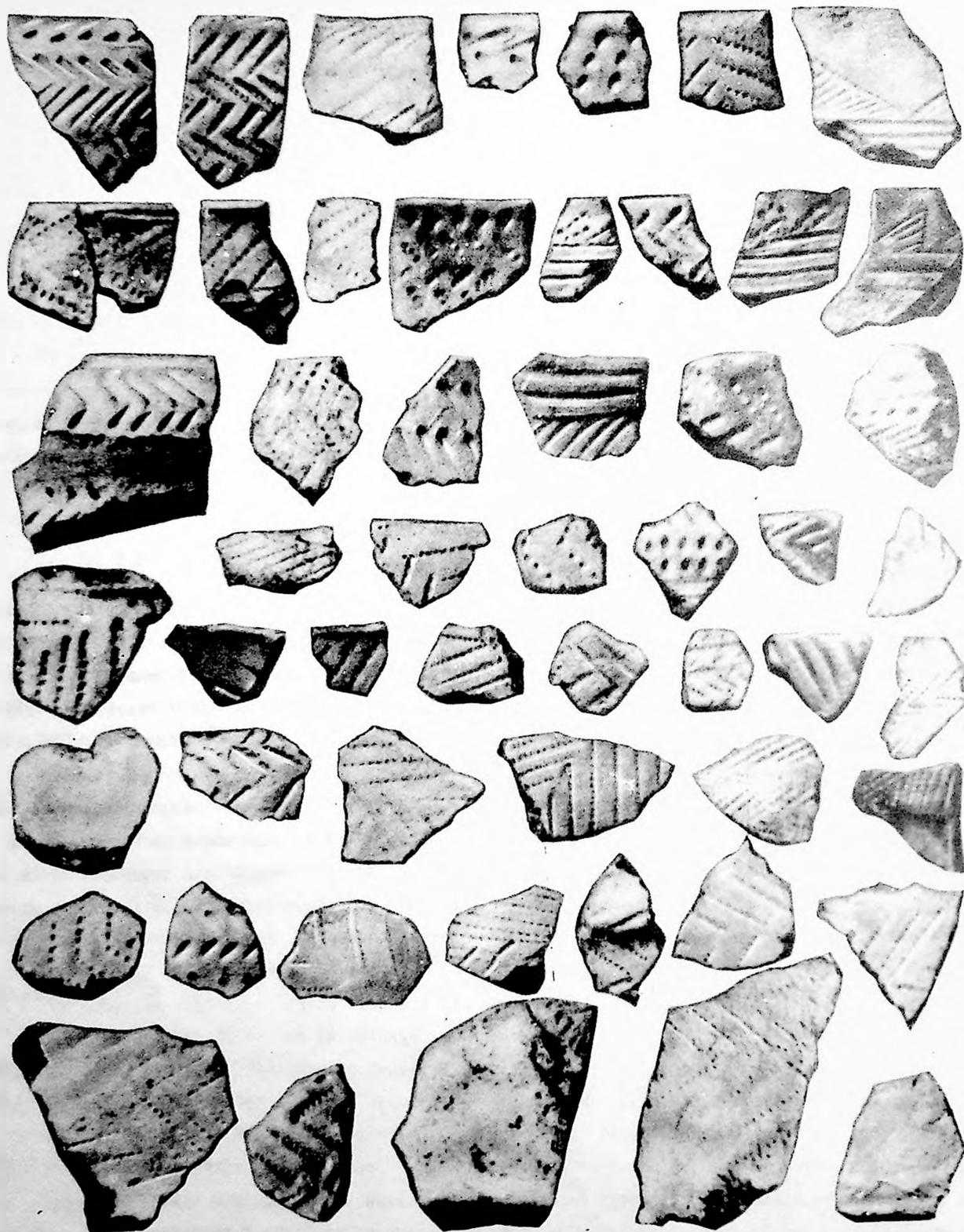

Рис. 10. Керамика из андроновского сооружения в поселении Клочи.

Б Е Л О Я Р С К О Е

К моменту исследования С.Рахимовым поселение было полностью смыто Енисеем, все находки сделаны на дне протоки. Найдено 336 черепков от 42 орнаментированных и 7 неорнаментированных сосудов. Из них только 9 принадлежало нарядным горшкам, остальные - баночным сосудам.

Найдено также значительное количество костей, из которых 85 определено:

Корова	57 костей	7 особей
Баран	14 "	4 особи
Лошадь	12 "	3 "
Косуля	2 кости	1 особь

С И Д А

В 1 км к западу от с.Сиды, на первой надпойменной террасе правого берега р.Сиды в 1965 г. А.С.Загородным были обнаружены неглубокие западины, более интенсивно заросшие травой, чем остальная местность.²⁶

Расстояние между крайними западинами около 140 м. В некоторых местах на поверхности почвы были видны торцы плит. Западины были приняты за видимые остатки жилищ, а каменные плиты - за их стены. Для проверки в 1965 г. М.П.Грязнов заложил три шурфа и одну западину прорезал траншеей. С их помощью было получено некоторое количество андроновских горшков.

В 1968 г. на этом же месте М.П.Грязнов заложил вторую траншею, поперечную по отношению к первой, с целью найти границы ямы. В результате раскопок границы предполагаемых жилищ не были обнаружены. Найдены только бедный культурный слой с андроновской керамикой. Что же касается каменных плит, то они оказались остатками могил тесинского этапа тагарской культуры.

На правом берегу р.Сиды, на восточной окраине с.Белоярского в 1955 г. А.А.Гавриловой было открыто древнее поселение. Раскопки в 1964 г. проводил С.Рахимов²⁷ (Рахимов, 1968, с.70).

А.А.Гаврилова произвела зачистку обнажения берега и нашла яму глубиной 150 см и длиной 3.5 м, а также собрала подъемный материал. С.Рахимов заложил раскоп на площади 80 кв.м и траншею для определения протяженности поселения. Основное количество культурных остатков находилось на глубине 25-50 см. Всего найдено 540 черепков не менее чем от 85 сосудов, в том числе фрагменты примерно от 17 сосудов, украшенных геометрическим орнаментом. Встречались также черепки карасукских сосудов. Найдено два зарытых в землю, раздавленных, больших, грубых сосуда с елочным орнаментом. В слое встречены бусина, проколка, шило и обломок рогового стержня.

Обнаружены также кости животных, из которых 114 определено:

Баран	26 костей	9 особей
Корова	34 кости	8 "
Лошадь	30 костей	6 "
Коза	4 кости	2 особи
Мелкий рогатый скот	10 костей	1 особь
Косуля	8 "	3 особи
Сайга	2 кости	1 особь
Кулан	2 "	1 "
Заяц	1 кость	1 "
Гусь	1 "	1 "
Рыба	-	1 "

Из Минусинской котловины известен также ряд андроновских горшков, чаще всего без указания точного места нахождения.

²⁶ Вещи хранятся в Эрмитаже, отчеты - в архивах ИА и ЛОИА АН СССР.

²⁷ Вещи хранятся в Эрмитаже, отчеты - в архивах ИА и ЛОИА АН СССР.

Глава II

ХАРАКТЕРИСТИКА АНДРОНОВСКОЙ КУЛЬТУРЫ ЕНИСЕЯ

Приведенными в публикационной части материалами практически исчерпывается все то, что известно об андроновской культуре на Енисее. Казалось бы, эти материалы дают возможность охарактеризовать андроновскую культуру наиболее восточного района с исчерпывающей полнотой, но это, к сожалению, далеко не так. По сравнению с тем, что вообще известно об андроновской культуре, енисейский материал в общем невелик и односторонен. Если на всей остальной территории распространения андроновской культуры, начиная с Оби и далее на запад, до Урала, кроме могильных памятников, хорошо известны и поселения, то здесь, на востоке, основным источником являются могильники, что не дает возможности изучить андроновскую культуру в восточных районах во всей ее многогранности.

На изучении андроновской культуры Минусинской котловины сказывается и то, что она была впервые открыта на Енисее, в результате чего енисейские могильники с их материалами превратились как бы в эталоны, с которыми сравнивали все вновь открываемые памятники на других территориях. Нет, пожалуй, ни одной работы по андроновской культуре, где не упоминались или не рассматривались бы памятники Енисея. Постоянно обращаясь к восточным памятникам, исследователи не выделяли их в особую группу, а рассматривали вместе со всеми известными материалами. Это делали не только те, кто занимался более западными районами, что в общем естественно, но и исследователи, непосредственно изучавшие историю самой Минусинской котловины.

Даже в специально посвященной истории Южной Сибири работе С. В. Киселева характеристика андроновской

культуры дана в обобщенном виде на основе памятников разных территорий, в том числе и самых западных, что скрыло от исследователя особенности культуры на Енисее (Киселев, 1951, с. 67-105). Только работа М. Н. Комаровой, где детально разбирается наиболее крупный енисейский андроновский могильник Орак, в известной степени близко подходит к теме специального изучения культуры восточных районов (Комарова, 1961).

В этой работе М. Н. Комарова впервые отметила отдельные черты андроновской культуры, присущие только восточным районам. Отмеченные М. Н. Комаровой особенности заставляют обратить более пристальное внимание на енисейские памятники с целью выяснения других, пока не замеченных исследователями, их своеобразных черт.

Значение памятников восточных районов андроновской культуры определяется не только тем, что она здесь была впервые открыта. Так уж получилось, что именно на материалах Минусинской котловины удалось достаточно убедительно для своего времени сформулировать возможность происхождения андроновской культуры на Енисее (Комарова, 1947). Весь имевшийся в то время материал подтверждал такие представления. Это привело в свою очередь к выводу, что андроновская культура представлена здесь ранним федоровским этапом. Такое мнение поддерживалось и единством известных енисейских памятников. Поэтому при установлении этапов развития андроновской культуры в других районах для выявления ранних федоровских памятников наряду с собственно федоровскими зауральскими материалами привлекались и енисейские (Оразбаев, 1958).

Мнение о принадлежности памятников Енисея федоровскому этапу, естественно, создало представление о

том, что развитие культуры на Енисее должно было бы идти теми же путями, как и в других районах, и, следовательно, здесь должны быть и более поздние памятники алакульского этапа, пока еще не найденные (Комарова, 1961, с. 58; 1962, с. 53). Некоторым подтверждением этому явились отдельные находки, имевшие алакульские черты. Правда, это мнение разделяют далеко не все исследователи (Кривцова-Гракова, 1948, с. 150; Сальников, 1951, с. 119), и поэтому оно пока остается дискуссионным.

Таким образом, енисейские памятники широко используются специалистами, занимающимися вопросами андроновской культуры, и привлекаются для подтверждения тех или иных выводов. Вместе с тем такое широкое их использование не всегда оправдано, так как нет ясного и четкого представления о характере и особенностях этих памятников. Поэтому первая задача, которая стоит перед исследователем минусинских материалов, состоит в том, чтобы дать их полную археологическую характеристику.

В настоящее время памятники андроновской культуры на Енисее известны в 30 пунктах. Из них 24 могильника и 6 поселений. Приводимая ниже характеристика составлена на материалах 21 могильного памятника, в которых учтено 135 курганов, содержащих 228 могил, и еще на материалах 60 могил, об оградах которых ничего неизвестно. Таким образом, здесь используется материал 288 могил. Всего же их раскопано более 300. Сохранность андроновских могильников в большинстве случаев плохая, поэтому приводимые в тексте цифровые данные о тех или иных чертах культуры не всегда составляют в сумме исходную цифру 288. Тем не менее даже при таком состоянии источников, по-видимому, можно характеризовать саму культуру с относительной полнотой.

В последние годы в результате раскопок андроновских памятников не только на левом берегу Енисея (они были известны и ранее), но и на правом его берегу — могильников Каменика, Ланин Лог и Тепсей и следов поселения у Сыды и Белоярского, а также двух пунктов у Мохова улуса в собственно Минусинской котловине — представление о распространении андроновской культуры по котловинам значительно расширилось. Несмотря на то что подавляющее большинство андроновских памятников изучено в непосредственной близости

от Енисея, можно говорить, что эта культура была распространена во всех минусинских котловинах. Наличие же андроновских памятников на Оби (Грязнов, 1956, с. 14)¹ и в Кузбассе (Елькин, 1967, с. 89), а также между Обью и Енисеем (Мартынов, 1964, с. 227; 1963) может свидетельствовать о сплошном заселении андроновцами степной и лесостепной полосы Южной Сибири.

Могильники андроновской культуры представляют собой компактные группы курганов, располагающиеся на площади довольно свободно в отличие от более поздних, например карасукских, курганов, которые очень близко подходят один к другому. В могильниках бывает разное количество курганов. Самый маленький, целиком раскопанный памятник — Новая Черная II — состоял из 12 курганов, а самый большой из известных пока на Енисее — Сухое озеро I — насчитывает в своем составе более шести десятков сооружений. Впрочем, их точное количество без раскопок установить трудно из-за внешнего сходства с аналогичными по форме карасукскими оградами. И тем не менее возможно предположить, что андроновские могильники Енисея насчитывали по нескольку десятков курганов.

Могильник состоит как бы из двух видов курганов: каменных оград с невысокими земляными насыпями и оград без насыпей. В отличие от Енисея в более западных районах, на Оби и в Кузбассе, где камень как строительный материал отсутствует, андроновские курганы повсеместно представлены земляными холмами без оград.

Исследователи андроновской культуры неоднократно отмечали особенности внешнего вида ее памятников (Сорокин, 1962, с. 37).² Обращалось внимание на то, какой вид могильных сооружений преобладает в той или иной местности: курганы или ограды без земляных насыпей. За этими различиями пытались усмотреть особенности культуры и ее локальные проявления. Однако такой подход к внешнему виду памятников верен лишь

¹ М. П. Грязновым раскопано несколько андроновских памятников в зоне затопления Новосибирской ГЭС, но они пока не изданы и известны только по кратким публикациям (Грязнов, 1960, с. 221).

² Там же дана исчерпывающая библиография.

до известной степени. Дело в том, что курганы и кольца в настоящее время представляют собой также и продукт многовекового разрушения древних сооружений природными факторами. Поэтому их современный вид не может быть точным отражением их первоначального облика. Кроме того, в отдельных местностях вообще отсутствует камень или его мало. Там ограды могил могли делать из нестойкого материала, например из дерева или земли, не сохранившихся к моменту раскопок.

Эти два обстоятельства не позволяют использовать внешний вид для сравнения памятников без раскопок и изучения конструкции сооружения, тем более что и курганы, и кольца, как будет показано дальше, принципиально ничем не отличаются друг от друга. Их отличие, как выяснилось, проявляется в большем или меньшем количестве земли или дерна внутри ограды. При раскопках внешне земляных курганов под насыпью обнаруживаются следы каменных конструкций, указывающие на существование ограды (Сальников, 1940, с. 58; 1967, с. 249 и сл.; Сорокин, 1966, с. 9 и сл.), а камни бескурганных колец разваливаются во внешнюю сторону, что возможно только при заполнении внутреннего пространства землей, которая при разрушении могла оказывать давление на ограду изнутри (Сорокин, 1962, с. 37).

В специальной работе М. П. Грязнов убедительно показал, что любой курган представляет собой архитектурное сооружение (Грязнов, 1961, с. 22). Установление его первоначального облика возможно только после раскопок и детального изучения сохранившихся остатков сооружения и на этом основании после его реконструкции. Восстановление кургана в его первоначальном виде относительно легко сделать только тогда, когда при сооружении памятника использовался камень, развалы которого все же сохраняют форму ограды. Естественно, что если вместо камня употреблялись дерево или дерн, реконструировать курган значительно сложнее, но иногда все же возможно. Соотношение формы насыпи и господствующих в данной местности ветров, а также иных причин, приведших к современному состоянию памятника, позволяет и в этом случае более или менее точно восстановить первоначальный вид сооружения.

Следовательно, сравнение могильных сооружений может дать какие-либо интересные факты только в случае,

если будет сравниваться не современное состояние курганов и оград, а их реконструкция, основанная на наблюдениях раскопок и представляющая курганы в первоначальном их виде. Только так удастся выяснить конструктивные особенности надмогильных сооружений разных территорий.

До недавнего времени енисейские памятники представлялись каменными оградами без насыпей. Только в могильниках у Орака и Подкуниинского улуса были отмечены отдельные ограды с невысокой насыпью. Но эти памятники, как и остальные, раскапывались колодцами, что не позволяло выяснить их конструктивные особенности. Раскопки последних лет преследовали цель не только вскрыть могилу, но и изучить, насколько возможно, конструкции надмогильных сооружений.

Ограды андроновских енисейских курганов встречаются двух основных видов: одиночные и в виде системы из нескольких пристроенных оград. Подавляющее число оград - одиночные, их раскопано 119, а оград с пристройками - только 16. По форме ограды делятся на два основных типа: круглые и четырехугольные. Ведущей формой являются круглые, их насчитано 103; значительно меньше четырехугольных, их всего 26. В указанное число оград (119) входят не только одиночные сооружения, но и пристройки из системы оград, отнесенные по их форме к той или иной группе. У части курганов ограды не сохранились или от них остались отдельные камни, по которым судить с достоверностью о первоначальной форме труднее. Такие курганы, хотя и имеют округлые очертания насыпи, в указанные подсчеты не вошли.

Кроме этих двух основных типов оград, встречаются отдельные ограды необычной формы. Они раскопаны на Сухом озере. Это курган 413 (табл. XXI) в виде сильно удлиненного прямоугольника и курган 7 (табл. X, 4), имевший в плане вид многогранника. Его ограда сооружена из отрезков прямых стен. Последняя форма, видимо, на Сухом озере не единична, так как среди оставшихся нераскопанными курганов в некоторых случаях можно видеть проступавшие на поверхности почвы камни ограды такой формы.

Размеры андроновских оград на Енисее довольно устойчивые. Основная масса круглых оград имеет диаметр от 5 до 10 м. Что же касается четырехугольных, то их длина, то есть больший размер, также укладыва-

этца в эти пределы. Всего учтены размеры 94 курганов, сооруженных для взрослых (табл.2).

Таблица 3

Распределение оград в погребениях для детей по их размерам

Таблица 2
Распределение оград в погребениях для взрослых по их размерам

Диаметр (или длина) ограды (в м)	Количество оград				
	Орак	Сухое озеро	Новая Черная II	все остальные	всего
5	5	4	1 ^X	6	16
6	8	1 и 1 ^X	-	8	18
7	5	5	2 ^X	-	12
8	4	1	-	2 и 2 ^X	9
9	3	1 и 1 ^X	1	-	6
10	1	1	1	5 и 1 ^X	9
11	2 ^X	2 и 1 ^X	-	-	5
12	-	-	2	1	3
13	1 ^X	2	2	-	5
15	-	1	1	-	2
22	-	1	-	-	1
27	-	1 ^X	-	-	1
30-33	-	2	-	-	2

Примечание. В таблице большие могильники выделены в самостоятельные графы, а все мелкие объединены.

^X Указано количество четырехугольных оград, у которых дана их длина.

Как можно видеть из табл.2, по размерам оград два могильника - Сухое озеро и Новая Черная II - несколько отличаются от других. На Сухом озере, кроме отмеченных необычных по форме курганов № 413 (размер 27 x 8.5 м) и № 7 (диаметр 19 м), были раскопаны еще два - 1 и 2А, с диаметрами соответственно 30 и 32 м (табл.УШ; IX). Эти последние являются самыми большими из известных андроновских курганов Енисея.

На Енисее, как и на Оби, были найдены особые детские могильники или группы курганов (Грязнов, 1956, с.22 и сл.), расположенные между курганами взрослых. Размеры этих сооружений не превышают 5 м (табл.3). Такие детские сооружения обнаружены в могильниках Орак, Пристань, Сухое озеро, Новая Черная III, Каменка

Диаметр (или длина) ограды (в м)	Количество оград				
	Орак	Сухое озеро	Пристань I	Каменка	всего
от 1 до 2	-	3 ^X	-	-	3
2	-	8 и 2 ^X	-	-	10
3	3	2 и 2 ^X	-	1	8
4	4	5	-	-	9
5	2	1 ^X	1	-	4

^X Указано количество четырехугольных оград, у которых дана их длина.

Из табл.3 видно, что больше половины детских оград имеет размеры 2-3 м, а оград, приближающихся по размерам к оградкам взрослых захоронений, всего 4.

По конструкции андроновские ограды Енисея можно разделить также на два вида: сооруженные из вертикально врытых плит и из мелких плиток, положенных плашмя. Способ сооружений учтен всего у 153 оград и пристроек. Из них независимо от формы ограды 99 сделаны из вертикально врытых плит и только 54 - из положенных плашмя плит. Детские ограды в основном сооружены из вертикально врытых плит: на 37 оград, сооруженных этим способом, приходится только 5 оград, сделанных из положенных плашмя плиток. Каждая детская ограда строилась для одной могилы.

Особняком стоит только могильник Новая Черная III, где ограда не обнаружена. Видимо, она была разрушена прежде при возведении на этом месте деревни. Можно только с уверенностью говорить, что между могилами перегородок не было. Вероятно, все они находились в одной общей большой ограде (рис.7).

Наряду с обычными оградками встречаются единичные ограды особых конструкций. Так, курган 10 на Сухом озере (табл.XI) отличается тем, что у него с внутренней стороны ограды из вертикальных крупных блоков имелась еще кладка из мелких плиток. Необычны для Енисея и курганы с двойной оградой, у которых внутри основной большой ограды на некотором расстоянии от нее идет вторая ограда, сделанная из мелких плит. Таких курганов известно всего шесть, но это не меняет общей картины. Ведущим способом сооружения андроновских оград на Енисее нужно считать способ

сооружения их из вертикально поставленных плит.

В распределении оград разной конструкции по могильникам можно заметить, что в разных могильниках преобладает тот или иной способ сооружения оград. Ограды из плашмя положенных плит преобладают в Ярках, Каменке, Ланином Логу, в Подкунинском удесе, а из вертикально поставленных — в Ораке, Сухом озере, Усть-Ербе. Правда, в отношении Орака в этом полной уверенности нет, так как Г.П.Сосновский не раскапывал сооружение целиком, а судил о конструкции ограды по внешнему виду. После раскопок М.П.Грязнова выяснилось, что в Ораке имеются ограды и из плашмя положенных плит, хотя с поверхности они казались сделанными из вертикальных плит (табл. I). Вполне возможно, что часть оград, раскопанных Г.П.Сосновским, могла быть составлена и из плашмя положенных плит.

Отмеченное для разных могильников преобладание одного или другого способа сооружения оград пока не может быть достаточно убедительно истолковано, потому что, во-первых, могильники целиком не раскопаны, а во-вторых, эти особенности необходимо рассматривать в совокупности с другими чертами могильников. Поэтому сейчас трудно говорить, являются ли они локальными или хронологическими отличиями или же это случайное явление, особенно если учитывать, что оба способа встречаются в одном и том же могильнике и даже в одном кургане. Так, в кургане 430 на Сухом озере основная ограда четырехугольной формы с закругленными углами сложена из мелких плит, а ее пристройки сделаны из вертикально врытых плит (табл. XXII). Следовательно, этот вопрос остается пока открытым.

Так как сохранность оград в большинстве случаев плохая, нельзя точно установить и их первоначальную высоту. Вертикально стоявшие плиты обломаны и разрушены временем, кладки в более позднее время, возможно, разбирались для возведения других оград или разваливались. Только в кургане 413 северо-восточная стена из положенных плашмя плит сохранилась на высоту до 70 см, но и она отчасти разрушена. В связи с этим можно утверждать, что ограды курганов, сооружавшихся для взрослых, могли быть не ниже 70 см, хотя, возможно, в большинстве случаев они были первоначально и выше. В детских же оградах плиты, из которых

они сооружались, настолько плохо сохранились, что судить о первоначальной высоте их трудно даже предположительно.

Порядок сооружения андроновских курганов во всех случаях, где это можно было проследить, показывает, что сначала делали ограду, а затем внутри ее выкапывали могилу. На Сухом озере под тонким почвенным слоем, не превышавшим 15 см, идет щебенка. При рытье могил ее выбрасывали, и сейчас она лежит внутри ограды. Выброс ни разу не был обнаружен за пределами оград (табл. X, 3, 4; XVI, 7; XVII, 1). Точно такой же порядок наблюдал В.С.Сорокин при раскопках могильника Тасты-Бутак, где выброс представлял собой белую материковую глину (Сорокин, 1962, с. 37).

После погребения внутреннюю часть ограды заполняли землей. О форме земляного сооружения судить трудно, но о том, что оно имелось в свое время во всех случаях, даже тогда, когда на поверхности почвы не заметно никаких следов, можно говорить с уверенностью, ибо камни оград, врытых вертикально, имеют хотя бы слабый наклон наружу. У оград, сложенных из мелких плит, развалы также находятся с внешней стороны стен. Только в некоторых случаях отдельные верхние камни имеют наклон внутрь. Это можно попытаться объяснить двояко: либо камни и первоначально лежали не очень аккуратно, либо земляное сооружение вначале не доходило до стен и занимало только центральную часть ограды. На то, что такое предположение возможно, указывают, в частности, двойные кольца: внутреннее могло непосредственно обрамлять основание земляного сооружения, а наружное служить собственно оградой.

Заканчивая рассмотрение характера надмогильного сооружения андроновского времени, целесообразно представить его реконструированный вид³ (рис. II). После

³ Для установления первоначального вида андроновского кургана были произведены подсчеты объема насыпей шести курганов. При этом допускалось, что современная насыпь имеет правильную сферическую форму. Ее высота бралась от уровня погребенной почвы, а диаметр определялся точками пересечения уровня погребенной почвы с современной поверхностью.

совершения захоронения внутри ограды возводилось земляное сооружение из дерна. О том, что использовался именно дерн, а не насыпная земля, можно судить по прослойкам щебенки, которые видны в насыпях. Щебенка на Сухом озере лежит непосредственно под дерном. Объем земляного сооружения зависел от величины ограды, от того, когда она была возведена - летом или зимой - и для кого предназначалась - для ребенка или взрослого. В детских оградах он был незначительный. На поверхности земли над детскими оградами не заметно никаких возвышений. В то же время в процессе разрушения земляного сооружения плиты оград отклонились наружу, а находившаяся внутри ограды земля перекрыла саму ограду после разрушения верхних частей плит и скрыла от глаз детскую могилу. Над могилами, углубленными в землю, возводилось также

ство насыпи. Высота ограды установлена в 80 см, исходя из высоты наиболее сохранившихся стен оград в кургане 413 на Сухом озере и в кургане 45 в Ораке. Оказалось, что объем земли сохранившейся насыпи в два раза меньше объема внутренней части могильного сооружения, имевшего вид цилиндра высотой 80 см. Если разместить всю землю ровным слоем внутри ограды, то толщина ее будет равна высоте сохранившейся к настоящему времени насыпи (или будет меньше ее). На Сухом озере в кургане 14 были обнаружены остатки двух оград: внутренней (диаметром около 7 м) и внешней (диаметром около 9 м). Объем насыпи был равен примерно 50 м³. В этом случае размещенная внутри большой ограды земля легла бы слоем, толщина которого равнялась бы наибольшей высоте сохранившейся насыпи. При размещении земли только внутри малой ограды из нее можно было бы сделать цилиндр высотой 130 см, между стенками которого и внешней оградой оказалась бы свободная от земли кольцевая дорожка шириной в 1 м. Основываясь на этом наблюдении, в четырех других курганах были высчитаны диаметры цилиндров высотой в 1 м, сложенных из земли сохранившихся насыпей. В результате оказалось, что при такой высоте земляного сооружения между ним и оградой также образуется кольцевая дорожка шириной от 1 до 2 м, в зависимости от диаметра ограды.

небольшое сооружение. Эти курганы часто имеют едва заметную насыпь, особенно при значительном диаметре ограды. В то же время в курганах с захоронениями, произведенными, возможно, зимой, когда из-за промерзания почвы андроновцы вынуждены были возводить могилы прямо на поверхности, имелись значительные по объему земляные сооружения. Их могли делать не в момент погребения, когда было практически невозможно резать промерзший грунт, а после оттаивания земли.

По развалу камней оград и объему сохранившейся земли можно говорить лишь о том, что у части курганов их земляное сооружение не доходило до самой ограды и что между "насыпью" и оградой была небольшая кольцевая дорожка. Судить же о самой форме сооружения трудно. Можно только предполагать, что оно походило на усеченную пирамиду, как на наиболее устойчивое сооружение.

Могилы выкапывали или сооружали всегда в центре ограды. Подавляющее большинство оград содержало по одной могиле (каждая пристройка считается как отдельная ограда). Но наряду с ними встречаются ограды с двумя расположенными рядом могилами (табл. X, 3; XXII; XXXII, 1, 4). Всего таких оград на Енисее раскопано 11, в том числе одна детская. В двух могильниках (Усть-Ерба, Каменка) в одной оградке оказались три и четыре могилы, правда, в Каменке это были могилы для детей.

Могилы на Енисее сооружались либо в земляных ямах, либо на поверхности почвы. Подавляющее большинство захоронений произведено в ямах, и только 13 могил возведено на поверхности, их, как уже говорилось, можно предположительно считать зимними.

Могильные ямы имеют разную глубину. В одних случаях яма неглубокая и равна высоте могильного сооружения, сделанного в ней; в других - глубина ямы больше высоты построенной в ней могилы, а в некоторых случаях яма достигала глубины 3 и более метров (табл. XXV).

Сами могильные сооружения можно разделить на пять видов: простые грунтовые ямы без каких-либо конструкций; срубы или рамы в один венец; каменные ящики из вертикально поставленных плит; цисты - гробницами из нескольких рядов горизонтально подложенных плиток и комбинированные могилы, сочетающие в своей конструкции черты ящиков и цист (табл. 4).

Таблица 4

Распределение могил по видам могильных сооружений

Вид могильного сооружения	Количество могил		
	для взрослых	для детей	всего
Грунтовая яма	5	7	12
Сруб	35	7	42
Ящик	36	85	121
Циста	57	10	67
Комбинированные сооружения	31	8	39
Итого	164	117	281

Грунтовые ямы чрезвычайно редки. Причем не всегда даже в этих единичных случаях можно быть уверенным, что здесь была действительно просто грунтовая яма, а не сруб, который к моменту раскопок мог полностью сгнить. Использование грунтовых ям для детских погребений зафиксировано более точно.

Несколько чаще встречаются ямы, на дне которых сделан сруб в один венец (рис. 8). Известны 42 такие могилы. Продольные бревна венца имеют пазы, в которые вставлены поперечные бревна. Иногда между стенами ямы и срубом заложены плиты, видимо, для того, чтобы в большой яме сруб не развалился. Срубы перекрыты плахами, лежащими поперек могилы, иногда сверху они застланы еще и берестой.

Срубы чаще встречаются в могильниках Большое Пичугино, Ярки, Орак, Каменка, Ланин Лог; на Сухом озере и в Новой Черной они редки. В могилах со срубам замечены некоторые особенности, которые вряд ли являются конструктивной чертой. Скорее всего они относятся к области культа. В Ораке, Каменке и Ланином Логу над покрытием сруба были обнаружены вертикально стоявшие жерди или тонкие, длинные столбы (иногда они были воткнуты в покрытие). В могилах с каменными конструкциями вертикальных столбов не наблюдалось, хотя в одной могиле на Сухом озере одна из плит изголовья ящика была значительно длиннее другой и возвышалась над могилкой.

Среди типов могильных сооружений для взрослых каменные ящики занимают по числу второе место. Но, несмотря на это, их нельзя рассматривать как очень характерный вид могилы. В то же время при сооруже-

нии могил для детей этот тип является ведущим. Наибольшее количество каменных ящиков встречено на Сухом озере и в Ораке; в первую очередь, видимо, потому, что здесь раскопано больше всего могил.

Значительно чаще могилы взрослых представлены цистами (табл. IV, 4; V, 3, 4). Все могилы, возведенные на поверхности почвы, сооружены именно таким способом, за исключением двух случаев, о которых будет сказано ниже. При сооружении детских могил такая конструкция использовалась редко. Цисты очень часто суживаются кверху. Они возводились в ямах больших размеров, чем само сооружение. Внутреннюю поверхность стены тщательно выкладывали подобранными ровными торцами плит, а неровности наружных стен после сооружения гробницы засыпали землей.

Комбинированные могилы сочетают в себе черты ящиков и цист. В этих случаях чаще всего либо две стены сложены из мелких плиток, а две другие представляют собой плиты, поставленные вертикально, либо нижняя часть могилы — это вертикально поставленные плиты, а верх доложен мелкими плитками, но иногда бывает и другие сочетания вертикальных плит с кладкой. Каменные гробницы и ящики почти всегда перекрыты каменными плитами. Только для могильника Орак зафиксировано несколько случаев, когда каменные могильные сооружения были перекрыты накатом из плах. Все могилы независимо от их конструкции имели покрытие. Отсутствие его — результат разграбления могил, а не особая их черта. Различные виды могильных сооружений иногда встречаются в одном кургане, и поэтому видеть в них локальные или хронологические особенности пока затруднительно. Однако надо иметь в виду отмеченное преобладание срубов в одних могильниках и их незначительное количество в других. В более западных районах, на Оби, преобладают срубы.

Могилы обычно обширны по своим размерам и имеют от 150 до 300 см в длину, от 100 до 200 см в ширину и до 100 см в глубину.⁴

⁴ Под глубиной могилы подразумевается высота сооружения, а не глубина ямы, в которой оно сделано. Глубина ям в некоторых случаях достигает 3, а иногда и более метров.

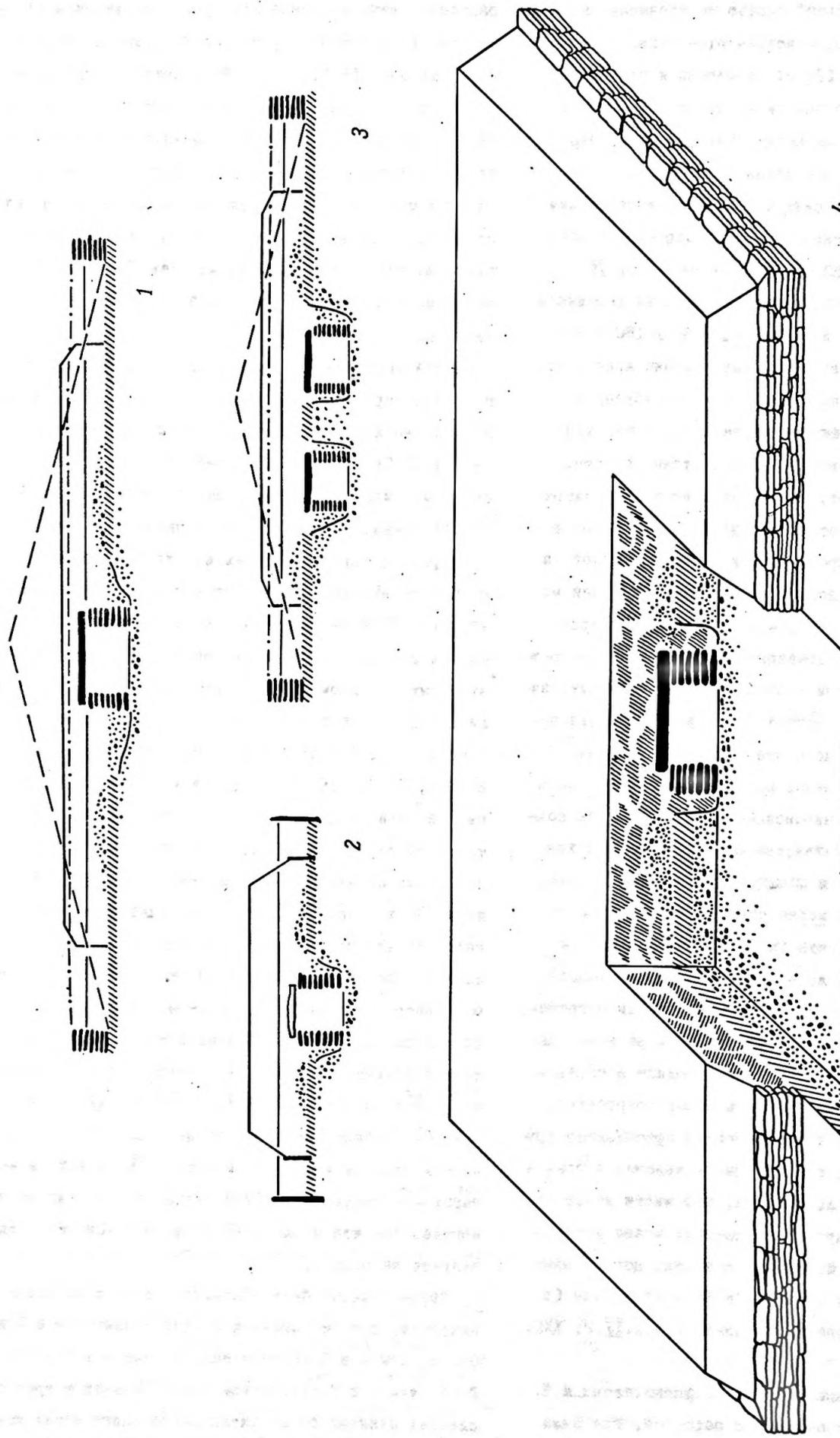

Рис. 11. Сухое озеро I. Реконструкция андроновских курганов.
 1 - кург. 7; 2 - кург. 14; 3 - кург. 4; 4 - кург. 413.

Детские могилы большей частью не превышают в длину 100 см, и очень редко встречаются такие, у которых длина доходит до 120 см, а ширина и глубина от 25 до 80 см. Нетрудно заметить, что пропорции как взрослых, так и детских могил примерно одинаковы: ширина наполовину меньше длины.

Среди всех андроновских могил выделяются своими конструктивными особенностями и размерами две могилы из курганов I и 462 на Сухом озере (табл. VII; XXIII, 4). В первом случае каменный ящик из вертикально поставленных плит имел размеры 260 x 180 x 200 см. Он стоял на поверхности, хотя нижние края плит ящика на несколько сантиметров были углублены в землю. Чтобы такой ящик не развалился, с наружной стороны он был укреплен мелкими плитами, а затем обложен дерном. Во втором случае ящик имел размеры 300 x 170 x 150 см, от уровня древней поверхности почвы с наружной стороны он был обложен кладкой, а затем уже покрыт дерном. Особенностью последней могилы является также и то, что внутренние поверхности плит покрыты прочерченными рисунками в виде сетки (рис. 6). Могилы эти сооружались, по-видимому, зимой, но в отличие от других могил в них использованы не встречавшиеся до этого приемы сооружения.

Не по всем раскопанным могилам можно установить погребальный обряд андроновцев Енисея, так как сохранность могил в большинстве случаев очень плохая. Из 257 могил, где были обнаружены хотя бы остатки погребения, 65 могил можно считать сохранившимися полностью, 51 — частично (в этих могилах хотя бы часть скелета сохраняла первоначальное положение), и 139 могил полностью испорчены, а остатки погребения оказались в заполнении могилы. Тем не менее даже этот фрагментарный материал позволяет с определенной полнотой характеризовать обряд погребения.

На Енисее в андроновских могилах преобладает труположение на боку, с согнутыми в коленях ногами и руками, согнутыми в локтях так, что кисти лежат напротив лица. В 96 случаях, в которых можно установить первоначальное положение скелета, погребенные лежали на левом боку и только в 16 — на правом (в 12 случаях это детские погребения) (табл. IV, 2; XII, 2; XVII, 3).

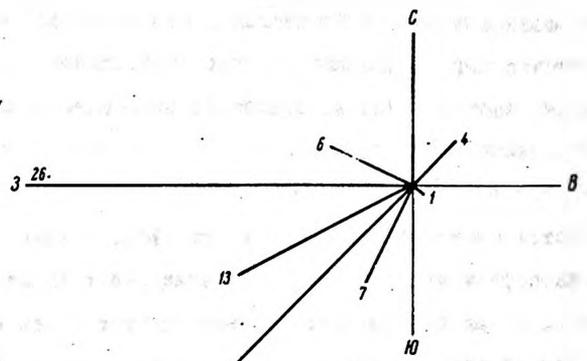
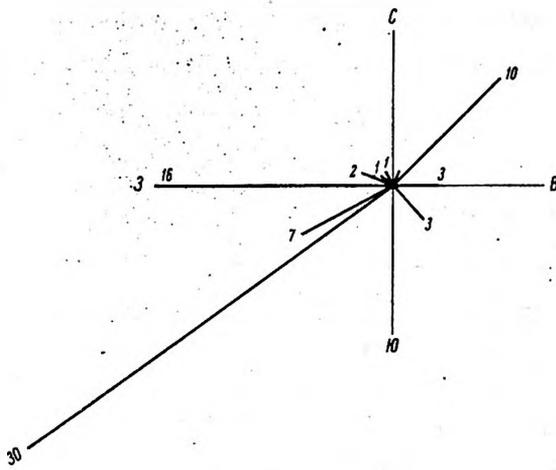
В парных погребениях, как было установлено М. Н. Комаровой, в отличие от других областей, где была

распространена андроновская культура, женщины всегда лежали на левом боку за спиной мужчины (табл. V, 2) (Комарова, 1961, с. 49). Этот порядок погребения сохранялся и в том случае, когда могила предназначалась для двоих, но в ней по неизвестным причинам оказался только один из погребенных, который всегда занимал место в соответствии со своим полом. В тех случаях, когда в кургане находятся две расположенные рядом могилы, в передней могиле лежит скелет мужчины, а за его спиной, в соседней могиле, — скелет женщины.

Детей хоронили так же, как и взрослых, но всегда по обряду труположения. Встречаются не только одиночные, но и парные детские могилы (например, в кург. 442, мог. 2 Сухого озера, см. табл. XXVI, 4), где детские скелеты, видимо, в зависимости от пола лежат в том же положении, что и взрослые в парных могилах.

Наряду с труположением в андроновских могилах на Енисее иногда встречается и трупосожжение. Всего известна 21 могила, где был зафиксирован этот обряд, причем все они по размерам соответствуют могилам взрослых. В одном случае (Орак, мог. 29) в пеще были две кучки пепла, которые могут свидетельствовать о том, что в ней произведено парное захоронение (Комарова, 1961, с. 63). В детских могилах трупосожжение не зафиксировано, за исключением одного сомнительного случая (в кург. 16 Сухого озера), где за пределами ограды основной могилы находился каменный ящик (25 x 25 см) с пеплом. Но было ли это детское сожжение или что-то другое, осталось неясным. Могилы с трупосожжением ничем, кроме самого обряда, не отличаются от других. Их размеры, форма, способ сооружения аналогичны могилам с труположением, а сопровождавший инвентарь находится в тех же местах, что и при скелетах (табл. VII, 4; VIII, 1; IX, 3; XII, 1; XXV, 5). Захоронения с сожжением были произведены в семи случаях в срубках, в шести — в ящиках, в четырех — в пещерах и в одном случае в комбинированной могиле. Так что и здесь какой-либо закономерности выявить не удалось.

Трупосожжения были обнаружены в могилах Большое Пичугино, три несомненных и одно сомнительное — в Ораке, три — в Соленоозерной, четыре — в Лапном Логу, три — в Подкуниинском улусе. Причем в трех последних пунктах общее число раскопанных могил не-

лико, в связи с чем сожжения там приобретают значительный удельный вес. Сожжения найдены также в четырех могилах Сухого озера, в одной могиле Новой Черной II и в одной могиле в Усть-Ербе. Однако, несмотря на большое количество могил Сухого озера, трупосожжение занимает относительно малое место.

Видимо, с обрядом трупосожжения связаны частые находки углей в насыпях курганов, в заполнениях ям и в самих ямах в Ораке. Эта особенность не наблюдается на Сухом озере. Вполне возможно, что наличие угля в Ораке — это пережиточное явление, связанное с отмиранием обряда трупосожжения.

Таким образом, для андроновских погребений Енисея ведущим являлся обряд трупоположения и редким — обряд трупосожжения. В то же время на Оби обряд трупосожжения использовался гораздо чаще, и, видимо, там его можно считать основным.

Ориентировка погребенных зафиксирована в 189 случаях в могилах взрослых и детей (табл. 5).

Из табл. 5 видно, что ориентировка взрослых погребенных довольно устойчива и колеблется в пределах западных румбов (рис. 12). Преобладает юго-западное направление. Нечастые отклонения в сторону от основного румба, видимо, связаны с перемещением точки

Рис. 12. Ориентировка андроновских погребений на Енисее.

Таблица 5

Распределение погребенных по их ориентировке

Ориентировка	Число погребенных	
	взрослых	детей
ССЗ	-	1
СЗ	-	1
ЗСЗ	6	2
З	26	16
ЗДС	13	7
ДС	58	30
ДДС	7	-
ДВ	-	3
ВДВ	1	-
В	-	3
СВ	4	10
ССВ	-	1
Итого	115	74

восхода солнца в разное время года. Что же касается пяти случаев погребения людей в противоположном, восточном, направлении, то объяснить появление такой ориентировки пока трудно.

Значительно большее разнообразие в ориентировке наблюдается в детских погребениях (рис. 12). И хотя здесь на первом месте по частоте также стоят западные направления (в том числе больше всего случаев с юго-западной ориентировкой), значительно увеличивается количество восточных румбов (особенно противоположная ориентировка головой на СВ) и появляются в одиночных случаях неизвестные у взрослых северные направления.

Разнообразие ориентировок погребенных, пусть даже в единичных случаях, свойственно не всем памятникам, что можно видеть из табл. 6.

Таблица 6

Распределение погребенных по их ориентировке в разных могильниках

Ориентировка	Число погребенных					
	Орак	Сухое озеро I	Ярки	Усть-Ерба	Каменка II	Ланин Лог
ЗСЗ	-	-	-	2	-	4
З	2	16	-	-	-	-
ЗДЗ	1	6	-	6	-	-
ДЗ	35	11	5	-	4	-
ДДЗ	5	1	-	-	1	-
ВДВ	1	-	-	-	-	-
СВ	1	3	-	-	-	-

Из табл. 6 вытекает, что наибольшее разнообразие ориентировки свойственно могильнику Сухое озеро, в то время как для остальных памятников она более устойчива, и только Ланин Лог имеет своеобразную ориентировку, несколько отличную от других памятников. Более пеструю картину ориентировки погребенных дает табл. 7.

Как явствует из табл. 7, в большинстве детских андроновских могильников юго-западная ориентировка, характерная для могил взрослых, не является ведущей. Только в Каменке она преобладает. Чаще всего наблюдаются более западные румбы и увеличивается количество диаметрально противоположных ориентиров восточ-

ных румбов. И опять-таки наибольшую пестроту дает могильник Сухое озеро.

Таблица 7

Распределение погребенных по их ориентировке в детских могилах

Ориентировка	Число погребенных					
	Орак	Сухое озеро I	Ярки	Усть-Ерба	Каменка II	Ланин Лог
ЗСЗ	1	1	-	-	-	-
З	3	9	-	-	-	-
ЗДЗ	3	4	-	-	-	-
ДЗ	4	-	1	-	7	1
ДВ	-	11	-	-	-	-
В	-	2	-	-	-	1
СВ	1	5	5	-	-	1
ССВ	-	-	-	-	-	-

Таким образом, в андроновских памятниках Енисея преобладает юго-западная ориентировка, хотя наблюдается значительная пестрота в западных направлениях и в отдельных случаях появляется диаметрально противоположное, восточное, направление, что особенно заметно по детским погребениям.

При раскопках некоторых андроновских могил зафиксирован органический тлен, располагающийся на полу под скелетом. Такие наблюдения были сделаны в могильниках Орак, Каменка, Подкуниинский улус, Усть-Ерба и на Сухом озере. По всей видимости, погребенного укладывали не на землю, а на подстилку из какого-то органического материала.

Труп был одет, видимо, в обычную одежду с теми украшениями, которые всегда находились при нем. В могилах только в отдельных случаях находят вещи производственного назначения. Можно предполагать, что по андроновскому обряду класть их погребенному не полагалось. Но зато почти во всех могилах обязательно ставился горшок. Он занимает всегда совершенно определенное положение: у головы погребенного, чаще всего перед лицом, реже за головой. На Енисее в могилу ставили только один горшок в отличие от Оби, где при одном погребенном их бывало до четырех. Из всех взрослых могил только в 13 оказалось два или реже три горшка (табл. IV, 6; V, 1; VII, 5, 6). Из восьми дет-

ских могил в двух обнаружено по три горшка (табл. XXXVI, 12), а в остальных — по два. По нескольким горшкам при погребенном найдено в северо-западных могильниках Минусинских степей: в Большом Пичугино, Ораке, Соленоозерной. То же относится и к детским могилам. Правда, две могилы с двумя горшками оказались в детском могильнике на Новой Черной III. Такое положение для северо-западных могильников, видимо, не случайно. Все названные могильники находятся ближе других к району Оби, где эта черта обряда является обычной.

В андроновских могилах редки кости животных. Кладь мясную пищу погребенному, видимо, не полагалось, хотя примерно в 30 могилах были обнаружены ее остатки. В большинстве случаев это несколько ребер барана или коровы, реже лопатка или плечо, иногда тазовые кости. В двух случаях обнаружены осколки черепа овцы и лошади. Кроме костей домашних животных, в могилах встречены кости косули, утки, а в могиле 20 Сухого озера I — кости двух овец и четырех барсучков. Может быть, последние не имеют отношения к погребальной пище, но могила ограблена, и установить это трудно. Наличие остатков мясной пищи только в некоторых могилах — и, следовательно, необычность этой черты — свидетельствует о том, что на Енисее в обрядности андроновцев начинали в то время происходить какие-то изменения, характер которых пока неясен.

Посуда является основным инвентарем енисейских андроновских могил. Другие его виды представлены небольшим количеством металлических украшений, несколькими чрезвычайно редкими вещами производственного назначения, уникальными находками берестяных туесков и деревянной бадейкой (рис. 2). В общем это характерно и для других областей распространения андроновской культуры, что надо, по-видимому, объяснять требованиями андроновского погребального ритуала. Именно поэтому андроновская посуда приобретает для исследователя особое значение, так как только она является массовым видом вещей того времени. Изменение деталей формы и орнаментации андроновской посуды позволяет устанавливать хронологические и локальные особенности культуры на разных территориях.

В керамике енисейских могил андроновского времени имеются два ведущих типа посуды: горшки и банки.

В тех случаях, когда эти формы сосудов представлены классическими образцами, они легко выделяются из общей массы посуды. Но на Енисее часть сосудов сочетает в себе черты как одной, так и другой формы. Их нельзя считать составляющими какую-то третью группу — посуду переходного или промежуточного типа, так как у одних экземпляров преобладают черты одного типа, а у других — иного. Это не комплекс признаков, а скорее неустойчивое сочетание разных черт в одном сосуде. Поэтому отнесение некоторых экземпляров к той или иной ведущей группе на первый взгляд оказывается затруднительным. И все же, учитывая их форму и элементы орнаментации, которые, как будет показано в дальнейшем, характерны для каждого типа, можно с большой долей вероятности относить сосуды с сочетанием разных черт к тому или иному основному типу.

Более половины сосудов из могил представлены горшками (табл. XLIV; XLVI; рис. 13). Для них характерно плоское дно, диаметр которого почти всегда вдвое меньше диаметра горла, а высота горшка в большинстве случаев примерно равна диаметру горла. Самая широкая часть горшка приходится на середину или верхнюю треть тулова. Венчик у них отогнут наружу. Встречаются отдельные экземпляры более вытянутых, удлиненных пропорций. Их особенностью является несколько меньшая профилированность, а наиболее широкое место тулова оказывается в верхней четверти. Но таких горшков немного, и они укладываются в серию горшковидных сосудов.

В отличие от последних баночные сосуды менее профилированы, у них наблюдаются некоторая неярко выраженная раздутость тулова и значительно более широкое дно (рис. 14). Стенки в верхней трети либо прямые, либо немного загнуты внутрь, в средней части сосуд, как правило, имеет раздутое тулово. Сосудов баночной формы несколько меньше, они составляют примерно 40% от общей массы андроновской керамики на Енисее.

Особенностью формы, известной только в восточных районах распространения андроновской культуры, является четырехугольное устье некоторых горшков и банок. Эти сосуды имеют все основные признаки их типа и принципиально ничем не выделяются. Основное отличие заключается в приеме изготовления: еще сырой горшок в верхней части был приплюснут с четырех

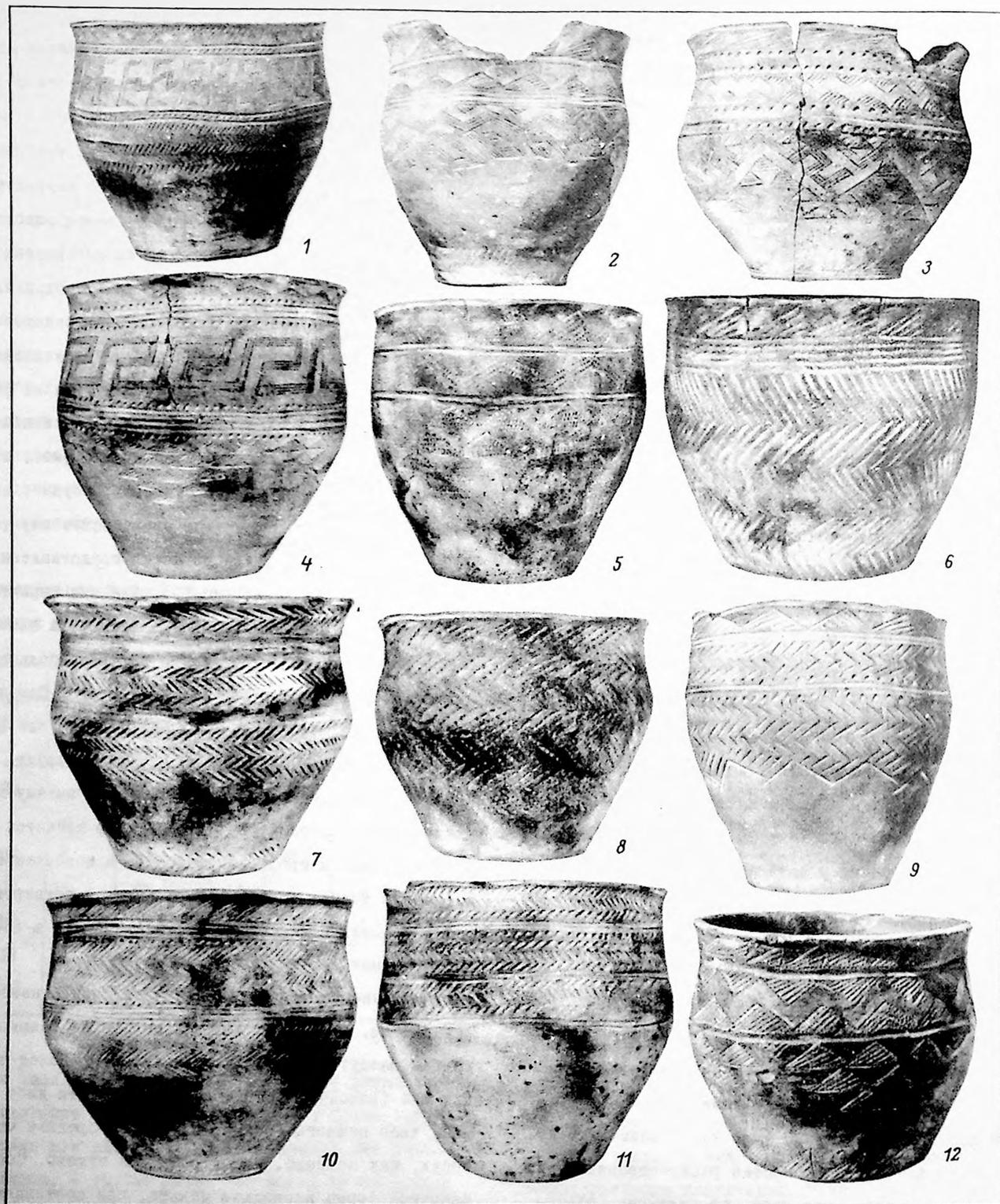

Рис. 13. Образцы нарядных горшков.
 Пристань I (1, 3-7, 10, 11); Ярки (2); Сухое озеро I
 (8, 9); Ланин Лог (12).

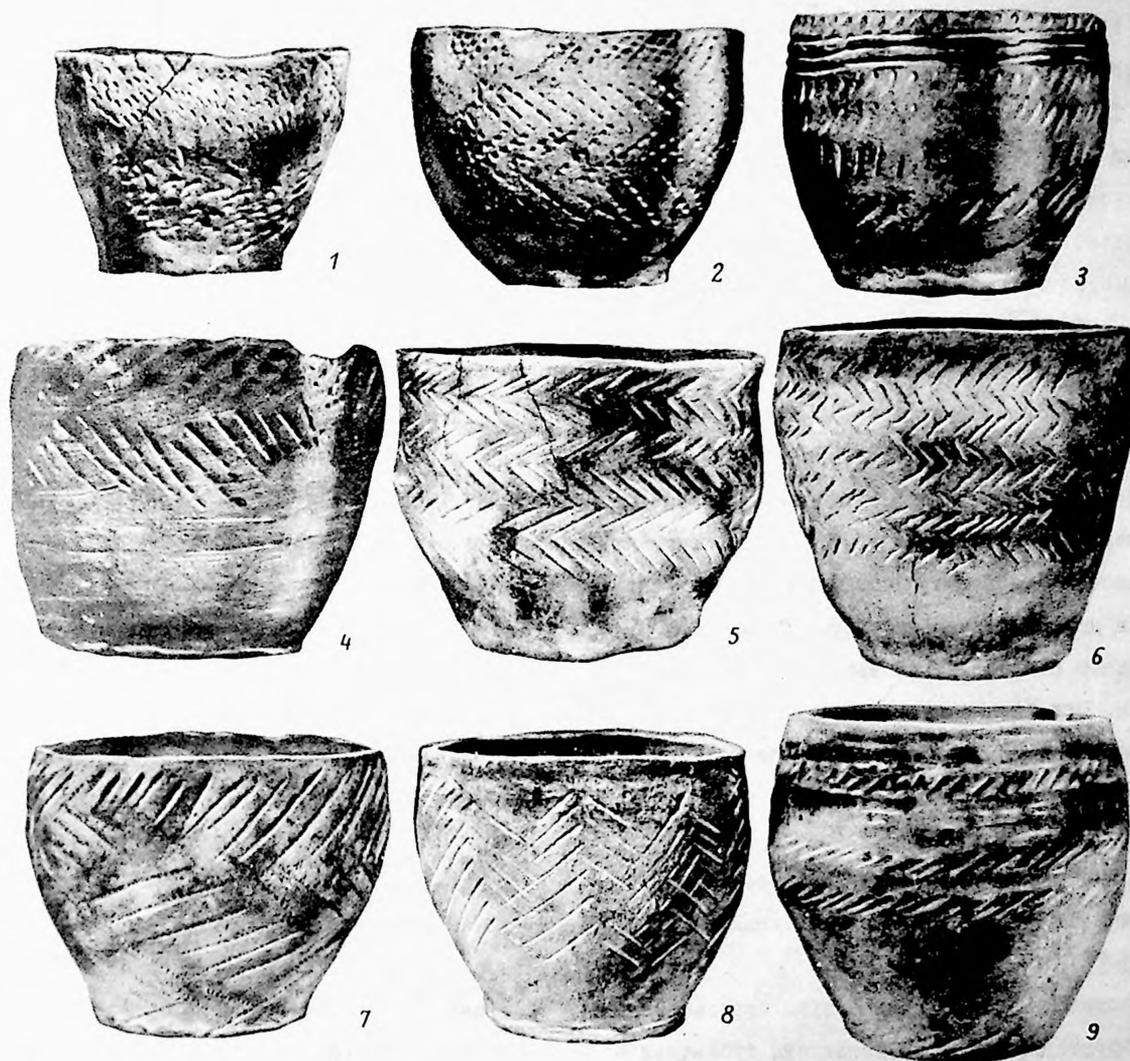

Рис. 14. Образцы банок.

Новая Черная III (1-4); Пристань I (5,6); Каменка II (7); Ланин Лог (8); Сухое озеро IA (9).

сторон, и его устье в плане приобрело не круглое, а четырехугольное очертание (табл. XLV, 14-16; XLVIII, 9; L, 2, 3). Такие сосуды известны на Ближнем Востоке и только один - на Оби. Эта особенность, видимо, заимствована от окуневцев.

Несколько сосудов горшочной формы имеют кольцевой поддон, но сохраняют при этом все основные черты их типа (табл. XLVI, 4; L, 1).

Интересно, что в распределении форм сосудов по могильникам можно заметить некоторую закономерность. Для детских могил более характерной формой являются баночные сосуды, для могил взрослых - горшки. Однако это можно наблюдать только при соотношении находок горшков и банок в могильниках взрослых и детей, ибо в тех и в других можно найти обе формы.

Орнаменты сосудов по внешнему виду довольно разнообразны. Они различаются композицией рисунка, распределением его на теле горшка и приемами орнаментации. Вместе с тем наряду с горшками, украшенными многочисленными и многофигурными орнаментами (рис. 13, I-5, 12), имеется большое количество сосудов, покрытых ритмически повторяющимся однотонным рисунком (рис. 13, 6-11).

Все орнаменты нанесены на сосуды небольшим количеством орудий, которые представлены зубчатыми и гладкими штампами. Применялись зубчатые штампы двух вариантов, мелкозубчатые, пунктирные, и крупнозубчатые. Вместе с тем широко использовался и гладкий штамп различной длины и толщины. Наряду со штампами применялась острая палочка с концом различной конфигурации.

Все композиции орнаментов на горшках состоят из комбинации отдельных элементов орнамента, повторяющихся на разных сосудах. Этим элементам удалось насчитать 44. Но их значение, определяемое повторяемостью того или иного элемента, различно. Некоторые из них присутствуют на большом количестве сосудов, другие индивидуальны и встречаются один или два раза. Все они сведены в таблицу (рис. 15). Для удобства описания близкие по характеру элементы объединены в группы. Начинается описание с тех групп элементов, которые встречаются чаще.

1. Тонкие желобки, нанесенные концом палочки (элементы 11, 12). Они обычно украшают шейку сосудов, реже венчик. В последнем случае желобки нанесены в

несколько рядов. Но значительно чаще они служат разделителями зон орнамента и наносятся в виде двух, реже трех параллельных линий.

2. Горизонтальные елочочки (элементы 22 и 23). Это параллельные ряды крупнозубчатого или гладкого штампа. Оттиски каждого второго ряда образуют с оттисками соседних рядов острый угол. Вариант 22 встречается в два раза реже основного. В этом случае концы штампов соединяются и образуют как бы вертикальные зигзагообразные линии. Он обычно наносился пунктирным или гладким штампом.

3. Косые треугольнички (элементы 24 и 25). Они обычно расположены по венчику или у дна. Этот элемент представлен и другой разновидностью: прямоугольными треугольничками (элементы 26, 30). На одном и том же горшке могут быть рядом расположены остроугольный и прямоугольный треугольнички.

Наносились треугольнички, как правило, мелкозубчатым штампом, но наряду с ним использовался для этой цели и гладкий штамп. Иногда треугольнички обрамлены мелкими ямками.

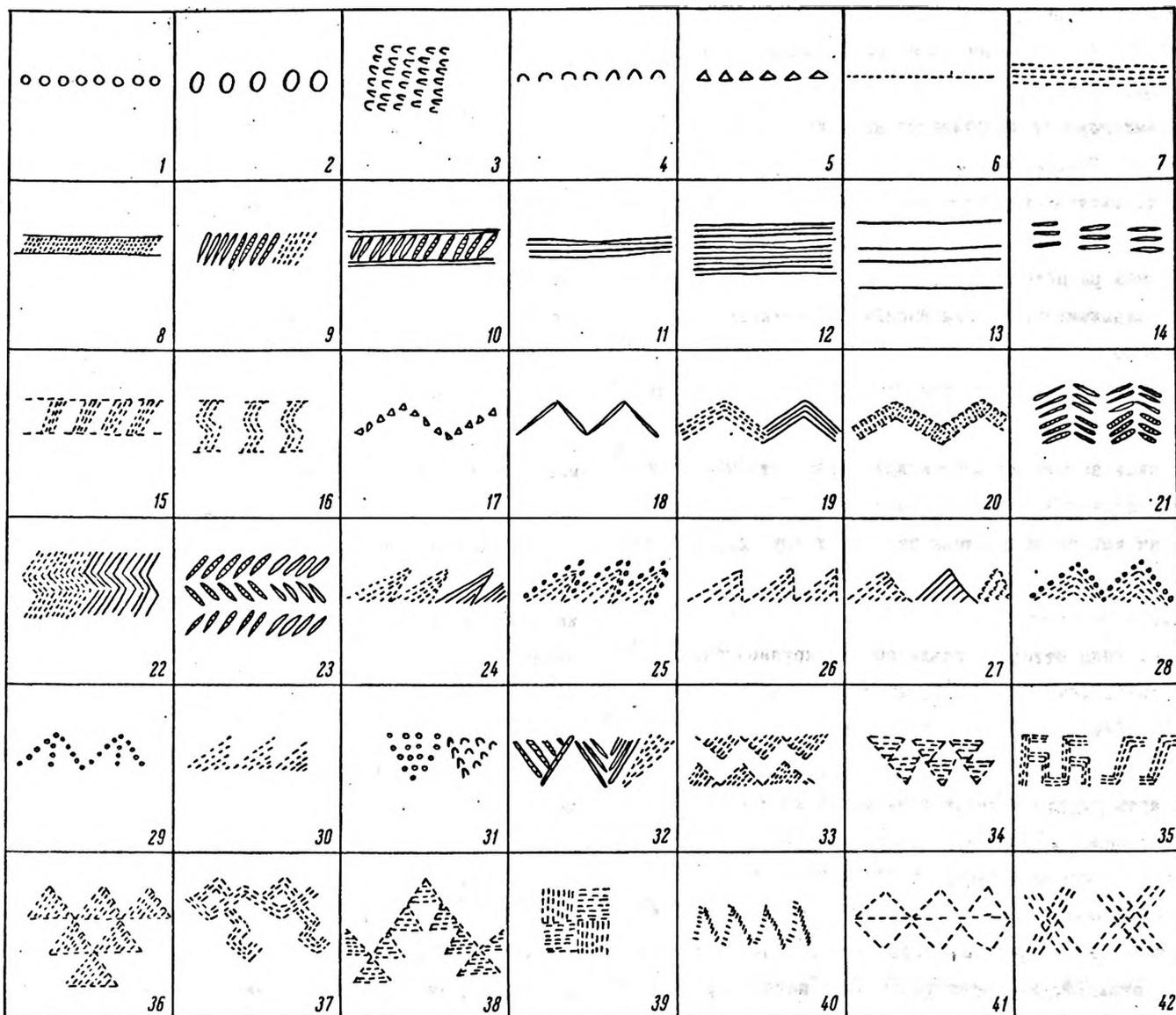
4. Параллельные ряды оттисков наклонно поставленного гладкого, крупнозубчатого или мелкозубчатого штампов (элемент 9). Встречается вариант этого элемента, у которого параллельные ряды разделены бороздками (8 и 10).

5. Ряды боковых оттисков круглой или треугольной палочки (элементы 4 и 5). Они обычно разделяют зоны орнамента.

6. Равносторонние косо заштрихованные треугольнички (элементы 27-29). Расположены как по венчику сосудов, так и у их дна (элементы 27-29). Они наносились чаще всего гладким штампом, реже крупнозубчатым, еще реже мелкозубчатым и один раз круглыми ямками. В последних вариантах несколько изменено направление штриховки. В двух случаях треугольнички обрамлены мелкими ямками.

7. Концевые оттиски круглой или овальной палочки, поставленной вертикально (элементы 1 и 2). Обычно они наносятся в один ряд и связаны с разделителями.

8. Зигзагообразная, горизонтально опоясывающая сосуд полоса (элемент 19). Чаще всего она продольно заштрихована мелкозубчатым или гладким штампом. В одном случае (элемент 20) такая полоса оказалась заштрихованной в поперечном направлении. Разновидно-

ство этого орнамента можно считать зигзагообразные линии, нанесенные гладким (элемент 18) или крупнозубчатым (элемент 17) штампами.

9. Пирамидки из треугольников, косо или горизонтально заштрихованных (элемент 36). Это сложный элемент, служащий украшением тулова нарядных горшков. Чаще всего они образованы тремя рядами треугольников, причем в верхнем ряду три треугольника, во втором - два, в третьем - один. Каждый нижний ряд треугольников упирается вершинами в промежутки верхнего. Но есть отдельные исключения, когда вершины нижних треугольников находятся под серединой основания верхних.

10. Различные варианты меандровых орнаментов (элемент 35). Нанесены мелкозубчатым штампом и расположены на шейках нарядных горшков. Отдельные фигуры в

Рис.15. Элементы орнаментации, встречающиеся на андроновских сосудах Енисея.

них либо связаны и образуют линию меандра разной формы, либо разорваны и состоят из повторяющихся отдельных кусков меандра.

11. Полоса из нескольких пунктирных линий (элемент 7). Вариантом этого элемента можно считать одиночную пунктирную линию (элемент 6).

12. Треугольники, обращенные вершинами вниз (элементы 31 и 32). Чаще всего они выполнены концевыми оттисками вертикально поставленной круглой палочки или ее боковыми оттисками. Несколько реже нанесены гладким, крупнозубчатым или мелкозубчатым штампами. Эти треугольники украшают плечики сосудов.

13. Сложный переплетающийся меандровый узор (элемент 37). Он является украшением плечиков нарядных горшков. Обычно расположен внутри фестоны, но на отдельных горшках встречается как самостоятельное украшение. Наносился только мелкозубчатым штампом.

14. Фестоны (элемент 38). Сложный элемент, украшающий стенки нарядных горшков. С внешней стороны фестонов расположены горизонтально заштрихованные треугольники. Он всегда выполнялся мелкозубчатым штампом.

15. Орнаментальная полоса на шейке сосудов (элемент 33). Образована двумя рядами треугольников, обращенных вершинами друг к другу так, что между ними идет гладкая зигзагообразная лента. В других случаях они как бы направлены навстречу друг другу. Треугольники нанесены и заштрихованы мелкозубчатым штампом.

16. Ряды оттисков гладкого или крупнозубчатого штампов (элемент 21). Образуют вертикальную елочку.

17. Наклонные группы из коротких пунктирных линий (элементы 15 и 44). Иногда сверху и снизу подчеркнуты горизонтальной пунктирной линией.

18. Широкие желобки под венчиком (элемент 19). Иногда украшены елочкой.

19. Флажки (элемент 34). Это косо поставленные группы из двух треугольников, нанесенных мелкозубчатым штампом. Являются украшением шейки нарядных горшков.

20. Концевые оттиски палочки (элемент 3). Покрывает стенку сосуда.

21. Короткие вертикальные зигзаги (элемент 16). Сверху и снизу подчеркнуты пунктирными линиями.

22. Элементы, встреченные однократно: оттиски штампа в виде креста (42); горизонтальные разорванные линии из трех расположенных один под другим оттисков гладкого штампа (14); шагающий зубчатый штамп (40); пунктирные ромбы (41); продольно разделенные пунктирной линией группы коротких трехчленных насечек (43); сплошной шахматный узор из оттисков крупнозубчатого штампа (39).

Рассмотрение элементов орнамента само по себе дает только представление о тех составных частях, которые образуют богатство мотивов андроновских горшков на Енисее, но оно не отражает самих приемов и не дает возможности связать формы сосудов с их орна-

ментами, что в андроновской посуде является не только характерной, но и характеризующей ее чертой.

Наиболее богато орнаментированы сосуды горшечной формы. Это достигалось несколькими способами: первый из них - членение поверхности сосуда на зоны, соответствующие профилю горшка; второй - использование для каждой зоны нескольких элементов орнамента или его вариантов; третий - различные сочетания этих элементов в каждой зоне; четвертый - использование разных штампов на одном и том же сосуде и исполнение одного и того же элемента, но разными штампами и на разных сосудах. Сочетание всех этих приемов создает видимое разнообразие и воспринимается как отсутствие повторяемости орнаментации.

Однако при внимательном сопоставлении сосудов можно заметить не только повторяемость одних и тех же приемов, но и совершенно определенный принцип орнаментирования наиболее богатых украшениями сосудов. Для выявления характера этого принципа необходимо рассмотреть каждый из используемых приемов.

Благодаря изогнутому профилю горшка образуется несколько кольцевых поверхностей, пригодных для нанесения орнамента. Но, так как профиль горшков на Енисее плавный, без естественных границ между кольцевыми зонами, эти зоны искусственно подчеркнуты простейшим орнаментом. В первую очередь они разделяются для этой цели горизонтальными узкими желобками, нанесенными острой палочкой. Иногда это только один желобок, иногда их несколько. Часто они бывают дополнены боковыми оттисками палочки, идущими либо сверху и снизу полосы, либо только с одной ее стороны. В других случаях желобки несколько раздвинуты и образующееся при этом узкое кольцевое поле заполнено оттисками поставленного наклонно гладкого или зубчатого штампов, чаще всего отличных от того штампа, которым выполнен основной узор в зонах. Разделительные полосы наносили между венчиком и шейкой сосуда и между шейкой и плечиками. В некоторых случаях они идут и у самого дна. Нужно отметить, что, как правило, разделительные полосы на одном и том же сосуде совершенно одинаковы.

Каждая зона украшена определенными, только ей присущими элементами орнамента. Исключения чрезвычайно редки.

На венчике чаще всего нанесены косые, прямоуголь-

ные или реже равнобедренные треугольники (табл. XLIV, 1-5; рис. 13, 1-6, 9, 10, 12), иногда венчик не орнаментирован (табл. XLI, 4, 10; XLVI, 11) или же покрыт трехрядовой елочкой (табл. XLIV, 6, 7; рис. 13, 1). Еще реже использовались для этой цели концевые отпечатки палочки (табл. XLVI, 7; XLVII, 4; XLVIII, 15).

На шейке основной вид орнамента - бегущий меандр или же отдельный повторяющийся его элемент (табл. XLIV, 3, 5; XLVI, 1-6; XLIX, 1, 2; рис. 13, 1, 4). Известно также и использование параллельных борозд, сплошь покрывающих шейку (табл. XLI, 4, 10; XLV, 1, 15; XLVII, 1, 3, 11; XLIX, 12; Л, 2). Реже шейка орнаментирована двумя рядами треугольников, обращенных вершинами друг к другу, с гладкой зигзагообразной лентой между ними (табл. XLI, 8, 9, 11; XLIV, 1, 2; Л, 5; рис. 13, 2, 12). Иногда шейка покрыта горизонтальной елочкой (табл. XLII, 2, 3; XLIV, 6-8; XLV, 4; XLVI, 8-10; рис. 13, 7, 9, 11), еще реже на ней изображены треугольники, которые обычно использовались для украшения венчика (табл. XLVI, 7; Л, 20; рис. 13, 2).

На плечиках чаще всего встречаются пирамидки из треугольников (табл. XLI, 1-3, 8-11, 14, 15; XLII, 1, 6; XLIV, 4, 5; XLVI, 1, 2, 4; XLIX, 1; рис. 13, 4, 5, 12) или же фестоны, украшенные снаружи треугольниками, внутри которых расположены ромбы с меандровыми отростками (табл. XLIV, 2, 3; XLIX, 2, 4; рис. 13, 3). Реже можно увидеть горизонтальную елочку (табл. XLIII, 2, 3, 5; XLIV, 6-8; XLV, 1-4; XLVI, 7-10; XLVII, 1-3; XLIX, 3, 12; рис. 13, 7, 9, 10), продольно заштрихованные зигзагообразные полосы (табл. XLII, 4, 5; XLIV, 1; Л, 4), меандр (рис. 13, 2) или углы, направленные вершинами вниз (табл. XLVI, 8; Л, 15).

У дна встречаются отмеченные выше борозды (табл. XLIV, 3; XLV, 15; XLVI, 10). Чаще всего нанесены равнобедренные треугольники, реже - остроугольные или прямоугольные (табл. XLI, 3, 5, 8, 9; XLII, 1, 3, 5; XLIV, 1, 2; XLV, 14; XLVI, 1, 4, 5; XLIX, 1, 2, 4), редко наблюдается елочка (табл. XLIV, 7; рис. 13, 1, 3, 5, 7).

Как можно заметить, количество орнаментальных мотивов, используемых для украшения каждой зоны, не очень велико, но различное их сочетание в зонах создает значительное разнообразие. Однако и здесь улавливается совершенно определенная закономерность. Она состоит в том, что если на плечиках нанесена пирамидка или фестоны с заключенным в них меандром, то

на шейке всегда можно увидеть вариант меандрового узора или треугольники, обращенные вершинами друг к другу (рис. 13, 2-3, 12), реже - борозды, покрывающие шейку (табл. XLI, 10), но не встретится елочка или зигзаг. На венчике при этом будут в основном остроугольные или прямоугольные треугольники (рис. 13, 1-5, 12).

Если же на плечиках имеется горизонтальная елочка, то она почти всегда будет и на шейке, и на венчике. Причем часто отсутствуют разделители (рис. 13, 7-11). Иногда с ней встречается желобки, украшающие шейку горшка (табл. XLVII, 1, 3; XLIX, 3, 12).

В том случае, когда на плечики нанесена зигзагообразная полоса, она чаще всего есть и на шейке, а иногда такие полосы с промежутками покрывают сосуд от венчика до плечиков, но при этом нет разделителей (табл. XLIII, 5).

Правда, в крайне редких случаях можно заметить некоторые отклонения, но именно они еще больше подчеркивают эту определенную закономерность.

При нанесении орнамента на сосуд использовали разные штампы: концевые отпечатки палочки и зубчатый штамп, разделительные полосы и рисунок пунктирным штампом (рис. 13, 1-5). Кроме того, один и тот же рисунок на разных горшках исполнен различными штампами, особенно это относится к елочке и лентам (рис. 13, 7-11).

Меандры, остроугольные треугольники, фестоны и пирамидки в основном наносились мелкозубчатым штампом; елочки и зигзагообразные ленты - крупнозубчатым и гладким штампами, хотя изредка применялся и мелкозубчатый штамп.

Хорошо профилированные сосуды - горшки по использованию мотивов орнаментации делятся на два вида: сосуды с богатым и сложным орнаментом (рис. 13, 1-5, 12) и сосуды с простым, чаще всего елочным орнаментом (рис. 13, 6-11).

Для первого вида наиболее характерным является украшение тулова всего двумя основными мотивами - фестонами с меандром внутри и пирамидками и использование меандра и треугольников на шейке и остроугольных треугольников на венчике. При этом отсутствует сочетание простых елочных узоров с геометрическими. Вырабатывается как бы канонический образец украшений горшков, найденных во всех памятниках ад-

андоновской культуры на Енисее. Он существует в неизменном виде, несмотря на некоторое разнообразие в мотивах орнаментации шейки, являющееся в конечном счете различным выражением одного и того же меандрового рисунка.

Вторая группа горшков украшена беднее. Для нее характерны елочные узоры, более грубые штампы, часто отсутствуют разделительные полосы, подчеркивающие орнаментальные зоны. Орнаментом сплошь покрыты две трети сосуда, но иногда имеется еще зона у дна с тем же рисунком. Редки случаи, когда сосуды покрыты орнаментом до самого дна, обычно это горизонтальная елочка.

Орнаментация баночных сосудов значительно проще. Сама форма сосуда не дает основания выделять на ее поверхности особые зоны, поэтому естественно, что и орнамент здесь оказывается более простым, нерасчлененным. На банках никогда не встречаются геометрические узоры, характерные для богато орнаментированных горшков (рис. 14).

На целом ряде банок, несмотря на явную смысловую неоправданность такого приема, орнамент делится на зоны (табл. XLII, 12; XLIX, 11; рис. 14, 9). Вдоль венчика располагаются ряды (от одного до трех) оттисков гладкого или зубчатого штампов (табл. XLVII, 5, 6; L, 14) или ямки (табл. XLV, 9; XLVI, 9, 13; XLIX, 11; L, 9, 11, 21), реже треугольники, из них чаще всего равнобедренные. Ниже идут горизонтальные линии, резные или выполненные тем же гладким или зубчатым штампами; под ними нанесена горизонтальная или же вертикальная елочка. У отдельных сосудов встречается орнаментальная зона у дна (табл. XLVII, 11, 13, 17; XLIX, 6). Иногда можно наблюдать разновидность членения орнамента на банке. У венчика это либо горизонтальные линии, либо ряды ямок, образующих углы вершинами вниз, под которыми идет горизонтальная или вертикальная елочка.

Чаще всего тоновый рисунок банок не покрывает их целиком, что также обусловлено формой. Им покрыта примерно на две трети высоты только верхняя часть сосуда, нижняя же часть не орнаментирована. И только в редких случаях можно встретить банки, сплошь орнаментированные от венчика до дна (рис. 14, 7).

Разделение орнамента на зоны на баночных сосудах и отсутствие в большинстве случаев сплошного покры-

тия стенок орнаментом, — видимо, результат перенесения приемов орнаментации горшков. Но одновременно с этим можно видеть и обратную закономерность; использование для украшения горшков орнаментов, характерных для банок.

Таким образом, в орнаментации енисейских сосудов можно видеть две тенденции: с одной стороны, использование для определенных форм (горшков) строго определенных мотивов орнаментации в их канонизированном виде, с другой — перенесение приемов орнаментации с горшков на банки и использование баночных орнаментов на горшках. Именно это в известной степени теснит обе формы и несколько затрудняет отнесение отдельных экземпляров, сочетающих в себе разные черты, к тому или иному типу посуды.

Установленные особенности енисейской керамики в равной степени присущи и посуде из более западных обских памятников. Здесь также выявляется канонизированный тип горшка с принадлежащим только ему видом сложных геометрических узоров, представленных теми же их вариантами. Наблюдается и перенесение приемов орнаментации горшков на банки и использование баночных орнаментов на горшках. Однако особенностями обской керамики являются меньшее количество банок и преобладание там горшковидных сосудов, а также более частое использование отдельных элементов, редко встречающихся на енисейских горшках.

Кроме керамики, инвентарь андроновских могил представлен другими вещами. В первую очередь это украшения, встречающиеся в женских и детских могилах, несколько вещей из бересты, дерева, обрывки одежды и в единичных случаях предметы производственного назначения. Перечисленные вещи найдены в 54 могилах, что, видимо, объясняется состоянием андроновских могил, большинство которых разграблено еще в древности. Тем не менее в некоторых могилах сохранились редкие вещи, сделанные из органического материала. Будучи найденными только в двух могилах, они все же дополняют представления о первоначальном наборе погребального инвентаря.

В могильнике Пристань у Новоселова, в могиле 4 ограды 7, в цисте, перекрытой двумя плитами, где лежали мужчина и женщина, а между ними ребенок, у локтей мужчины стоял берестяной туес, а за спиной женщины — деревянная бадейка. Часть берестяного туеса

найдена была и в могиле 34 могильника Орак, где были погребены также мужчина, женщина и ребенок. Туес в пристанской могиле оказался пустым (рис. 2, 2), в оракской могиле также не оказалось вещей, которые можно было бы связать с туеском. Поставленные в могилу туески, видимо, не являлись хранилищами вещей, а содержали в себе какую-то пищу для мужчины. Вполне возможно, что и в другие могилы с погребениями мужчин ставили такие же туески, полностью истлевшие к настоящему времени. В деревянной же бадейке, украшенной резным орнаментом (рис. 2, 1) и находившейся за спиной женщины, хранились вещи для рукоделия. Там оказались бронзовая игла (табл. LVII, 1) и шерстяные нитки. Были ли такие деревянные сосуды и в других женских могилах, судить трудно. Можно только предположить, что в могилы того времени деревянные сосуды ставили часто. Как уже указывалось, в могилах встречаются и кости животных — остатки мясной пищи, положенной с погребенными. Вряд ли куски мяса клали просто на землю. Скорее они находились на деревянном подносе или блюде, остатки которого были обнаружены в могиле у Мохова улуса и которые в большинстве могил полностью исчезли к моменту раскопок. О том, что такое предположение правомочно, косвенно могут свидетельствовать находки в могиле 2 кургана 442 на Сухом озере I и в могиле 4 ограды 7 могильника у Пристани I — деревянные крышки на глиняных сосудах, которые использовались для того, чтобы сохранить положенную в горшки пищу от попадания в нее земли (рис. 5, 2). Возможно, первоначально крышками были покрыты все сосуды. Иногда для этой цели использовались каменные плитки, как, например, в некоторых могилах Новой Черной III. О том, что деревянные крышки были широко распространены, свидетельствуют и наблюдения, сделанные В.С. Сорокиным при раскопках могильника Тасты-Бутак (Сорокин, 1962, с. 67).

Таким образом, можно считать, что наряду с дошедшими до нас горшками в могилах андроновского времени в качестве погребального инвентаря находились и деревянные вещи различного назначения.

Кроме упомянутой бронзовой иглы в деревянной бадейке, аналогичные вещи найдены еще в двух могилах в Усть-Ербе и на Сухом озере I. Но здесь вместе с ними оказались костяные игольники, сделанные из трубчатых костей с отпиленными эпифизами (табл. LVI, 6). У

игольника с Сухого озера I на одном конце сделано отверстие для подвешивания этого предмета. Бронзовые иглы андроновского времени сделаны из тонкой кованой проволоки, один конец которой заострен, а другой раскован, загнут вниз и приварен к телу иглы, в результате чего образовано ушко (табл. LII, 6; LIII, 1). Этим и черпывается производственный инвентарь женских могил.

В мужских могилах вещи вообще не встречались, за исключением двух случаев. В Усть-Ербе в одной из могил найден костяной наконечник стрелы с выемчатым основанием (Киселев, 1935). Он мог попасть в могилу скорее не как предмет погребального инвентаря, а вместе с самим человеком, в теле которого находился. Другой костяной наконечник, но иного вида найден в могиле 31 Орака. Однако, как правильно полагает М.Н. Комарова, он может относиться не к андроновскому времени (Комарова, 1961, с. 48, 49), ибо принадлежность могилы андроновцу сомнительна. В том же Ораке в могиле 13 найдено острие бронзового шила. Других вещей в мужских могилах не найдено.

В нескольких могилах обнаружены вещи, представленные единичными экземплярами, о назначении которых судить трудно. В одной из могил у дер. Андронovo найдена костяная ложка — черпак. На Сухом озере I, в той же могиле, где была обнаружена деревянная крышка, рядом с горшком лежали остатки деревянного предмета округлой формы, назначение которого осталось неясным (табл. LII, 11). В Каменке, в ограде 6, оказалась каменная поделка, один конец которой острый, а другой шарообразный (табл. LIV, 13). Являлась ли она культовым предметом или же это орудие для нанесения некоторых орнаментов на горшках, судить трудно.

В шести могилах Соленоозерной, Пристани, Сухого озера и Орака оказались альчики барана. В трех случаях они находились (по несколько экземпляров) в могилах с детьми и подростками. Отсутствие этих находок в могилах взрослых может свидетельствовать о том, что альчики представляли собой какую-то игру, варианты которой были широко распространены у скотоводов. Из других костей животных, не имеющих отношения к пище, нужно отметить просверленный клык барана из могилы 2 в могильнике Большое Пичугино, зуб кабарги из кургана 2 в Сухом озере, челюсть лисицы и фаланги медведя из Орака. Все эти находки производят впечатление культовых, хотя из-за их немногочис-

ленности говорить об этом приходится с осторожностью.

Украшения андроновского времени немногочисленны. Андроновцы хоронили умерших в одежде и с теми вещами, которые находились всегда при человеке. Одежда делалась из кожи и шерстяной ткани. Кожа шла также на изготовление обуви, ткань — на платье и головные уборы. Об этом свидетельствуют обрывки вязаных шерстяных изделий, найденные в шести могилах, в том числе в Андронове и Ораке, где они являлись остатками шерстяных шапочек. Принадлежность других найденных обрывков не устанавливается.

Самыми частыми находками в андроновских могилах являются бронзовые бусы, которые в виде низок на шерстяном или кожаном шнурке находятся обычно на щиколотках (табл. III, 7-9; III, 10-12; LIY, 11-13). Даже в тех могилах, где бусы не были найдены, на нижних концах голени наблюдались следы окиси меди.

Сами бусы представлены двумя разновидностями: колечками из плоской узкой пластинки и боченковидными экземплярами, сделанными из пластин с ребром (табл. III, 5; III, 10-12; LIY, 12-13). Способ их изготовления, надо полагать, был одним и тем же: пластина наворачивалась на стержень плотной спиралью, а затем разрубалась вдоль. Полученные таким образом колечки дополнительно обжимались, и им придавалась кольцевидная форма. Такие бусы найдены в 20 могилах из разных могильников. Происходят они, видимо, из женских могил.

Вторыми по частоте находок являются серьги и височные кольца. Точно установить принадлежность украшений к тому или иному виду трудно. Серьги и височные кольца найдены в 25 могилах с женскими и детскими скелетами. Последние, видимо, принадлежат девочкам. Изготавливали эти украшения в основном из меди, но в трех случаях найдены серебряные колечки, а в одном — на Сухом озере I — и золотое (табл. III, 3). Они представлены несколькими разновидностями: проволочные колечки в один или полтора оборота (табл. LIY, 2, 4), из плоской проволоки с несходящимися концами, аналогичные им колечки из пластинки, навернутой на органическую основу (табл. III, 2; LIY, 6, 8), и серьги с раструбом (табл. III, 2, 4). Одна из них (Сухое озеро I, кург. 617) была покрыта золотом (табл. III, 4), а другая (из могильника Соленоозерная I) имела гравированный орнамент в виде заштрихованных тре-

угольников. Ведущим видом серег на Енисее являются проволочные колечки, найденные в 18 могилах. Серьги с раструбом, широко распространенные к западу от Енисея, найдены в трех могилах и для Енисея, видимо, не характерны. Вполне возможно усмотреть в проволочных колечках этнографическую черту, свойственную андроновцам Минусинской котловины. Но, говоря о серьгах, нужно отметить еще одну особенность — это количество серег в женских и детских могилах. Делать категорические выводы на основании этой особенности пока еще преждевременно, но внимание на нее обратить необходимо.

В могилах, где похоронены взрослые женщины, и в могилах с погребениями мужчины и женщины обычно встречаются две серьги; в тех же могилах, где лежат подростки женского пола или молодые женщины, обычно находится одна серьга. В то же время в детских могилах обнаружены только колечки из тонкой проволоки. Серьги же из плоской проволоки с несходящимися концами, аналогичные им серьги на органической основе и серьги с раструбом встречаются лишь в женских погребениях. Все это с известной долей вероятности позволяет говорить о специфике женских и детских украшений и, следовательно, о возрастном разделении.

В женских могилах найдены и бронзовые бляшки. В большинстве случаев они круглые, выпуклые, сделаны из тонкого бронзового листа (табл. LIY, 9). Часто по краю с внутренней стороны выдавлен орнамент в виде мелких точек (табл. LIY, 9). Такие бляшки имеют два отверстия, расположенных по краям, в отличие от более поздних — тагарских, у которых отверстия в центре. В Ораке и Каменке II встречены аналогичные бляшки, но четырехугольной формы (табл. LIY, 9). В двух случаях на Сухом озере I найдены большие, литые, круглые бляхи диаметром около 5 см (табл. III, 8, 9). К сожалению, они сильно корродированы, так что установить, были ли они в древности украшены орнаментом, невозможно. В Ораке, кроме того, найдена выпуклая литая бляшка с петелькой на обороте.

Известно также несколько отдельных предметов, представленных единичными экземплярами: это обломки медных пластинок, проволочные спиральки из Каменки II и Сухого озера I (табл. LIY, 3), роговая пуговица из Орака, костяная бляшка с медными гвоздиками и отверстиями из Каменки II (табл. LIY, 8), а также свин-

цовые и пастовые бусы из могильника Большое Пичугино. Перечисленными предметами исчерпывается весь инвентарь андроновских могил Минусинской котловины.

Как можно видеть, этот инвентарь невелик и однообразен. На Енисее нет могил с богатым набором украшений, если не считать курган 617 в Сухом озере I, где оказались золотое кольцо и позолоченная серьга с раструбом. Но эти серьги, как установила М.Ч. Комарова, нужно считать импортом из более западных районов, где они широко были распространены (Комарова, 1961, с. 49).

Их находки на Сухом озере в известной степени подтверждают правильность заключения М.Ч. Комаровой, поскольку в настоящее время из могильников Кузбасса и Оби стало известно большое количество разнообразных украшений андроновского времени, изготовленных из золота, в том числе и золотые серьги с раструбом. Тогда как на Енисее это первая и единственная пока находка.

Особенности андроновских памятников на Енисее в результате проведенного анализа проявляются достаточно определенно. Подводя итог, необходимо отметить то новое в характере культуры на этой территории, что выявилось в последнее время. Прежде всего обращает на себя внимание отсутствие каменных оград, так сказать, в чистом виде, то есть установление того факта, что все ограды независимо от их современного состояния первоначально представляли собой курганы — сооружения, внутри которых имелись земляные конструкции большего или меньшего объема. Их возводили в строго определенном порядке, видимо, связанном с погребальными представлениями андроновцев, по которым первоначально сооружали ограду, а потом делали могилу и производили погребение.

Андроновцы хоронили умерших вскоре же после смерти, в любое время года, о чем свидетельствуют зимние и летние могилы. Особенности сибирских условий, глубокая промораживаемость грунта и незначительный почвенный слой, под которым идет щебенка, трудная для выкапывания могил даже в летнее время и совершенно не поддававшаяся землекопным орудиям андроновцев зимой, приводили к необходимости сооружать наземные гробницы. Видимо, в тех местах, где был песок (Каменка или Новоселово), надобность в сооружении наземных могил отпадала. Нужно сказать, что и в насто-

ящее время в районе Сухого озера зимой копать могилы очень трудно, поэтому и современные зимние могилы очень неглубоки.

Другой особенностью, связанной исключительно с местными условиями, а не с характером самой культуры, а именно с наличием большого количества камня, является повсеместное его использование для сооружения могил и оград, в то время как на Оби, где камня нет, этой цели служили дерево или дерн.

Характеризуя андроновскую культуру на Верхней Оби, Ч.П. Грязнов обратил внимание на то, что среди известных андроновских памятников, за исключением Алакульского могильника, практически отсутствуют детские погребения. В связи с находкой на Ближних Елбанах особого детского кладбища он высказал предположение, что дети должны были быть похоронены на особых кладбищах, и погребальный обряд несколько отличался от обряда, по которому хоронили взрослых (Грязнов, 1956, с. 24). Это заключение Ч.П. Грязнова полностью подтвердили раскопки на Енисее. В настоящее время здесь в нескольких пунктах открыты детские курганы. Они в миниатюре целиком повторяют курганы взрослых и принципиально ничем от них не отличаются. Детские курганы не представляют собой совершенно обособленных кладбищ, за исключением, может быть, Новой Черной III, и в большинстве случаев располагаются компактными группами в промежутках между курганами взрослых, часто образуя сложную сетку почти сливающихся миниатюрных оград. Их отличает от могил для взрослых лишь то, что в них чаще находят более примитивные баночные сосуды и значительно реже — нарядные горшки. Кроме того, в детских могилах наблюдается большое разнообразие в положении погребенных — они лежат и на левом, и на правом боку — и в их ориентировке. Значительная часть случаев необычной для андроновцев ориентировки погребенных представлена детскими могилами.

Для обряда погребения андроновцев Енисея характерно, что здесь в подавляющем большинстве случаев погребенному ставили только один горшок и всегда у головы, чаще всего перед лицом, в то время как на Оби в могилах встречается до четырех горшков. Положение мужчин и женщин в енисейских могилах отличается от положения погребенных в других областях распространения андроновской культуры. Здесь в парных

погребениях женщина всегда лежит за спиной мужчины. Свойственный всем андроновцам обычай не класть в могилы производственный инвентарь проявляется и на Енисее. Большинство андроновских украшений Енисея представлено и в других районах распространения культуры, но височные кольца или серьги имеют вполне заметные этнографические особенности.

В то же время в керамике наблюдается ряд черт, свойственных только восточным районам: это четырехугольное устье у горшков и банок, устойчивая, застывшая композиция наиболее нарядных горшков, а также перенесение приемов орнаментации с горшков на банки и использование баночных орнаментов на горшках.

Следовательно, отмеченные выше особенности позволяют говорить о локальном варианте андроновской культуры на востоке ее распространения.

Изучение локальных вариантов имеет первостепенное значение, так как за ними, видимо, скрываются

определенные этнические образования, и, следовательно, речь может идти об изучении конкретных андроновских племен или их групп. Выявление же особенностей культуры каждого локального варианта и общих закономерностей, свойственных нескольким или всем вариантам, позволяет подойти к решению основных вопросов андроновской культуры с конкретно-исторической позицией.

Несмотря на то что по андроновской культуре Енисея собран относительно большой материал, пока не представляется возможным коснуться всех или хотя бы многих сторон андроновской культуры в этом районе. Так, например, еще очень мало данных о хозяйстве, быте, занятиях андроновцев восточных районов. В то же время некоторые наиболее общие вопросы могут быть рассмотрены. К ним относятся появление андроновской культуры на Енисее, хронология памятников восточных районов и исторические судьбы андроновцев Енисея.

Глава III

О ПОЯВЛЕНИИ АНДРОНОВСКОЙ КУЛЬТУРЫ НА ЕНИСЕЕ

Вопрос о происхождении андроновской культуры является одним из основных и наиболее важных. От его решения во многом зависят представления об истории и развитии андроновской культуры в целом. Но до настоящего времени он продолжает оставаться нерешенным, хотя целый ряд исследователей в той или иной степени пытались его выяснить. Связано это в первую очередь с тем, что почти по всей территории распространения андроновской культуры неизвестны или почти неизвестны культуры предшествующего энеолитического периода, в результате чего найти несомненные корни андроновской культуры пока не удалось. Только в одном районе — на Енисее — непосредственные предшественники андроновцев изучены достаточно полно. Именно поэтому на востоке распространения андроновской культуры удалось в конце 50-х годов достаточно убедительно установить генетическую связь андроновцев с предшествующей культурой (Комарова, 1947; 1961, с. 57). Но такое решение вопроса полностью удовлетворить исследователей не могло, так как Минусинские степи — крайняя, восточная территория распространения этой культуры. В результате появились и другие представления, в основе которых лежат мнения или о нескольких очагах возникновения андроновской культуры, или об одном очаге, но не восточном, а южном или приуральском.¹

¹ Здесь нет необходимости рассматривать все взгляды о происхождении андроновской культуры, ибо андроновские материалы Енисея не позволяют ответить на этот широкий вопрос. Систематизированная сводка этих представлений дана в работах А. И. Мартынова и С. Рахимова (Мартынов, 1963; 1964, с. 227; Рахимов, 1966).

Значительно усложнился этот вопрос в связи с появлением новых представлений об андроновской культуре в целом. Ряд исследователей (см. с. 87) считают, что андроновская культура не одна, а состоит из двух культур — федоровской и алакульской и, следовательно, вопрос о происхождении раздваивается: придется искать истоки двух культур. Эти исследователи считают местом формирования «алакульской» культуры степи Западного Казахстана и Южного Приуралья (Федорова-Давыдова, 1964, с. 92), а «федоровской» — Зауралья и Притоболье (Косарев, 1965, с. 244).

Независимо от того, каких взглядов придерживаться, вопрос о происхождении андроновской культуры не может быть решен на енисейских материалах, которые позволяют исследовать только часть этой проблемы: могла или не могла возникнуть данная культура непосредственно на Енисее.

Установление факта невозможности происхождения андроновской культуры на Енисее направит внимание исследователей на поиски ее «прародины» на более узкой территории. В то же время противоположное решение расширит область, где нужно будет искать ее истоки.

Но в любом случае независимо от результатов исследования полученный вывод будет иметь не только местное, но и общеандоновское значение, так как неизбежно скажется на всей проблеме происхождения андроновской культуры. Поэтому нет необходимости рассматривать здесь общий вопрос, а достаточно лишь разобратся в нем на местном материале.

Решение поставленной задачи сводится к установлению наличия или отсутствия генетических связей между андроновской культурой восточных районов и предшест-

вущими ей на этой территории энеолитическими культурами: афанасьевской и окуневской. После того как Ч.Н. Комарова вывела окуневский - раннеандроновский - этап (Комарова, 1947), который в настоящее время рассматривается как особая культура (Максименков, 1964а; 1965б; 1968, с.165), на первое место выступает вопрос о соотношении окуневской и андроновской культур.

Еще до открытия окуневского этапа предпринимались попытки проследить связь андроновской культуры с предшествующей ей афанасьевской. Так, С.А. Теплоухов в 1927 г., характеризуя андроновскую культуру, отмечал некоторую преемственность между погребальными обрядами и керамикой андроновцев и афанасьевцев, что, по его мнению, проявлялось в скорченном положении погребенных на боку, головой на ЮЗ, и в сходстве двух горшков из афанасьевского могильника с некоторыми, как он считал, андроновскими горшками с орнаментированным дном (Теплоухов, 1927, с.83). Вся же остальная керамика афанасьевского могильника резко отличается от андроновской. С.А. Теплоухов не сделал широких выводов из отмеченных им свидетельств сходства афанасьевской и андроновской культур, а только заострил на них внимание. Поэтому, не останавливаясь детально на указанных им чертах сходства, нужно отметить, что горшки из Афанасьевой горы, как теперь стало ясным, происходят из впускных окуневских могил (Максименков, 1965а; Иванова, 1966), а сравниваемые с ними андроновские сосуды - из сборов на разрушенном окуневском могильнике в Ярках. Таким образом, С.А. Теплоухов сравнивал между собой горшки окуневской культуры, а не афанасьевские и андроновские.

Та же мысль о некоторых общих чертах андроновцев и афанасьевцев С.А. Теплоухов повторил и в более поздней работе, но он отметил, что физический тип андроновцев отличался от типа предшествующих афанасьевцев (Теплоухов, 1929, с.44).

На чертах сходства андроновской и афанасьевской керамики останавливались и другие исследователи. Так, О.А. Кривцова-Гракова считает, что как на западе можно проследить все стадии образования плоскодонной катакомбной керамики из остродонной ямной, так и на востоке можно видеть этот процесс, но в недрах афанасьевской культуры, в конце развития которой появляется керамика с украшенным дном. Она осмысливается при этом на афанасьевский могильник и на

могильник у аула Курота, где, по ее мнению, уже в афанасьевской культуре вырабатываются не только базальные, но и другие формы плоскодонных сосудов.

Но, установив факт развития плоскодонной посуды из остродонной афанасьевской, она не делает вывода о происхождении андроновских форм керамики из афанасьевских (Кривцова-Гракова, 1948, с.151).

Действительно, среди афанасьевских горшков Алтай есть и остродонные, и плоскодонные, однако появление посуды с плоским дном еще не является абсолютным показателем зарождения андроновской посуды в недрах афанасьевской культуры, хотя плоское дно - один из ее признаков.

В отличие от С.А. Кривцовой-Граковой другие исследователи рассматривают афанасьевскую культуру как генетическую предшественницу андроновской. Так, К.З. Зальников считает, что одним из компонентов андроновской культуры наряду с неолитическими степными культурами Центрального и Северного Казахстана, культурой андреевских и раннешигирских племен бассейна нижнего течения р. Исети явилась энеолитическая афанасьевская. В основе возникновения андроновской культуры, по его мнению, лежит новая экономика - скотоводство (Сальников, 1951, с.145).

Несмотря на то что с момента опубликования этих взглядов прошло довольно много времени, в течение которого появились новые факты, не позволяющие считать афанасьевскую культуру генетическим предшественником андроновской, К.В. Сальников продолжал придерживаться своей первоначальной точки зрения, хотя и в несколько смягченном виде (Сальников, 1967, с.340).

Мнению К.В. Сальникова близка точка зрения А.А. Формозова, который видит генетических предшественников андроновской культуры в кельтеминарской, одноуральской и афанасьевской культурах. В них, по его мнению, имеются элементы перехода к андроновской культуре. Единство же андроновской культуры произошло в результате распространения скотоводства и земледелия, широких культурных связей на степных просторах, слияния и взаимодействия различных племен, что создало не только единую культуру, но и единый андроновский тип. Что же касается непосредственно афанасьевской культуры, то здесь он ссылается на работы С.В. Киселева и М.Н. Комарова, коротко отмечая

только сходство надмогильных и могильных сооружений, а также возникновение плоскодонной андроновской керамики и яйцевидной афанасьевской, в чем он видит генетические связи этих культур (Формозов, 1951).

Много внимания генетической связи афанасьевской и андроновской культур уделил С.В.Киселев в работе „Древняя история Южной Сибири“. В более же поздних работах под влиянием новых факторов он от этой точки зрения отказался.

Первоначально С.В.Киселев в категорической форме отрицал какую бы то ни было возможность появления андроновцев на Енисее с запада, а сходство андроновской культуры на широких пространствах ее распространения объяснял единством социально-экономической базы² (Киселев, 1933).

Менее категорично, но значительно более аргументированно генетическая связь афанасьевцев и андроновцев рассмотрена С.В.Киселевым в его основной работе. По его мнению, преемственность между этими культурами прослеживается на ряде признаков. В первую очередь он обращает внимание на появление еще в афанасьевское время, особенно на Алтае, плоскодонных баночных сосудов и использование для их украшения афанасьевских орнаментов: горизонтальных полос-елочек, вертикальных елочек, горизонтальных рядов наклонных вдавлений зубчатого штампа, ямочек вдоль бортика, жемчужин, орнаментации дна.

Другим, по его мнению, признаком этой связи являются горшковидные сосуды, в которых невозможно видеть „какую-то совершенно новую форму, возникшую неожиданно, вне зависимости от предшествующего развития глиняной посуды на Саяно-Алтайском нагорье“ (Киселев, 1951, с.82,83), и украшение их елочным орнаментом.

Эта связь прослеживается и в применении всех афанасьевских могильных форм — колец из вертикально врытых или плашмя положенных плит, одинаковых внутри могильных сооружений: ящиков, деревянных рам и накатов, — а также в обряде трупоположения на боку. Близики, как считал С.В.Киселев, афанасьевские и андроновские могилы и по составу погребенных.

2 Критику этих положений С.В.Киселева см.: Дебелец Г.Ф. Палеоантропология СССР. М.-Л., 1948, с.73 и сл.

Таким образом, С.В.Киселев прослеживает генетическую связь фактически по всем чертам культуры (Киселев, 1951, с.82,83,91,99,100,103,104).

Мнение С.В.Киселева на первый взгляд кажется достаточно обоснованным. Когда он писал свою работу, состояние источников было таково, что в известной степени позволяло делать те выводы, к которым пришел исследователь. Однако и тогда уже были ясны отдельные сомнительные положения его концепции. Прежде всего это касалось данных антропологии, которые свидетельствовали об отличии афанасьевского и андроновского типов, что не позволяло выводить андроновскую культуру непосредственно из афанасьевской. Пытаясь согласовать данные археологии и антропологии, С.В.Киселев писал: „Приходится, очевидно, говорить не о простом проникновении на Енисей уже сложившихся где-то на неопределенном «западе» «андоновцев», но о широком внедрении на всем пространстве от Енисея до Урала новых, очевидно родственных между собой, этнических групп, способствовавших своим участием в историческом развитии окончательному сложению андроновской культуры“ (Киселев, 1951, с.104). Такая постановка вопроса хотя и не снимала полностью противоречия между двумя науками, но в значительной мере смягчала его и создавала определенную основу для дальнейшего развития взглядов С.В.Киселева по данной проблеме. Поэтому его мнение относительно появления андроновцев на Енисее, высказанное в 1957 г., не выглядит совершенно новым и ничем не оправданным. В своей работе он писал: „... сейчас начинают накапливаться факты, указывающие пути, которым андроновские племена с запада проникли на Енисей через северные пределы Кемеровской области на верхнее течение Чулыма“ (Киселев, 1957, с.42).

Следовательно, С.В.Киселев к этому времени полностью отказался от автохтонного для Енисея происхождения андроновской культуры, хотя и не привел для этого никаких доказательств и не указал на возможное место ее возникновения. Только в более ранней своей работе он указывает на Южное Приуралье как на прародину андроновцев, но опять-таки для доказательства этого положения не приводит никаких фактов (Киселев, 1955, с.454).

Рассматривать здесь более ранние работы С.В.Киселева, в которых затрагиваются вопросы происхожде-

ния андроновцев на Енисее, нет необходимости по двум причинам: во-первых, он полностью отошел от своей первоначальной точки зрения, а во-вторых, ниже будет подробно рассмотрена близкая С.В.Киселеву аргументация работы М.Н.Комаровой, что позволит избежать ненужных повторений.

Хотя работа М.Н.Комаровой „Погребения Окунева улуса“ по времени предшествует трудам С.В.Киселева и других исследователей, ее необходимо рассмотреть особо, так как она является единственной статьей по теме, затрагиваемой в этой главе.

Вопроса об отношении афанасьевской и андроновской культур касается и С.С.Черников, который, однако, считает, что первая культура не связана со второй: По его мнению, андроновская культура возникла на базе малоизвестных неолитических культур Казахстана, а затем распространилась на Енисей (Черников 1957).

Что же касается окуневского этапа, то С.С.Черников считает его результатом ассимиляции андроновцами (усть-буконьцами) афанасьевцев (Черников, 1960, с.110).

Несмотря на то что мнение С.С.Черникова об отсутствии генетической связи между афанасьевской и андроновской культурами в принципе верно, оно основано только на рассуждениях, не подкрепленных фактическим материалом. А его конструирование продвижения усть-буконьцев на восток и появления таким образом культуры окуневского этапа³ без критического разбора обстоятельной аргументации М.Н.Комаровой, по-видимому, не правомочно. По С.С.Черникову, усть-буконьцы ассимилировали афанасьевцев, следовательно, появившийся таким образом окуневский этап должен включать в себя афанасьевские черты. С.С.Черников не отрицает генетической связи окуневцев и андроновцев на Енисее, но тем самым он соглашается и с тем, что андроновская культура определенным образом связана через окуневцев и с афанасьевцами, что приводит к противоречию в его концепции.

Вопрос взаимосвязи афанасьевской и андроновской

культур затрагивает в своих работах и А.И.Мартынов в связи с общими представлениями о происхождении андроновской культуры. Поводом для постановки такого вопроса послужили его раскопки андроновских могил в Большом Пичугине и Михайловке. Состояние же этих памятников, как было показано, такое, что делать из них какие-нибудь широкие исторические выводы затруднительно. По мнению А.И.Мартынова, окуневский этап должен относиться к афанасьевской культуре, а не к андроновской. Через него от афанасьевской культуры андроновцы заимствовали следующее: „1. Баночную форму посуды. 2. Резной орнамент (горизонтальный или вертикальный зигзаг). 3. Грунтовые могильные ямы, выложенные каменными плитами“ и, как он говорит в другом месте работы, скорченное положение погребенных (Мартынов, 1963, с.7).

Но эти признаки не полностью характеризуют федоровский этап андроновской культуры, и поэтому появление горшковидной посуды и ведущих андроновских орнаментов А.И.Мартынов объясняет проникновением в Минусинскую котловину нового населения. Эти люди, по его мнению, пришли из Приаралья и являлись потомками носителей тазабагыябской культуры. Они расселились по Казахстану, Приуралья и Южной Сибири (Мартынов, 1963, с.8).

Продвижение потомков тазабагыябцев привело к ассимиляции локальных культур, распространению домашнего скотоводства, мотыжного земледелия и бронзолитейного производства, то есть произошла эволюция хозяйства у целого ряда племен Зауралья Сибири и Казахстана (Мартынов, 1963, с.8; 1964, с.230).

Возникшая таким образом андроновская культура сначала попала в Кузбасс, а затем, освоив его, через степной коридор проникла в Минусинскую котловину, „принесла с запада совершенно новую для тех времен и мест земледельческую культуру, более прогрессивный способ ведения хозяйства“ (Мартынов, Елькин, Эрдниева, 1967, с.18).

Рассматривая эту концепцию, нужно отметить, что подобные взгляды не новы. Впервые их высказал С.В.Киселев, пытаясь согласовать данные антропологии и археологии, но он не указал места, откуда появилось это новое население, а только отметил, что не стоит забывать тазабагыябской культуры, в которой имеются черты, развитые в андроновской (Киселев, 1951, с.104).

³ В настоящее время С.С.Черников от этого мнения отказался.

А.И.Мартынов развил дальше именно эту сторону построений С.В.Киселева, хотя достаточных оснований для подобных построений ни тогда, ни теперь не имелось.

Кроме того, в представлениях А.И.Мартынова имеются противоречия. Если андроновская культура в ее федоровском виде проникла на Енисей с запада, то тогда не приходится говорить об ее связи с афанасьевской. Если же андроновская культура возникла на Енисее, восприняв от афанасьевской почти все, кроме формы горшков и их геометрической орнаментации, то что же пришло с запада? И как на западе появились те черты, которые, с одной стороны, свойственны всем федоровским памятникам, а с другой, — по мнению А.И.Мартынова, восприняты от афанасьевцев? Все это остается неясным.

Проблему происхождения андроновской культуры изучал и С.Рахимов, который отрицал какую бы то ни было связь андроновской культуры с предшествующими ей энеолитическими культурами Минусинской котловины (Рахимов, 1966, с.14).⁴

Все рассмотренные мнения о происхождении андроновской культуры на Енисее из афанасьевской, как можно было видеть, основываются на общем положении о возможности появления андроновской культуры в разных местах из предшествующих ей энеолитических культур в связи с развитием скотоводства и земледелия. Однако убедительных доказательств в пользу этого утверждения никто не привел. Даже построения С.В.Киселева, в которых довольно подробно рассмотрены различные афанасьевские черты в андроновской культуре, имеют некоторые натяжки, ставящие под сомнение выводы. Это объясняется в первую очередь тем, что общий характер афанасьевской и андроновской культур различен, а переходные черты, которые указывали бы на сам процесс

4 Изложенные в работе С.Рахимова соображения по рассматриваемому вопросу появились у него после андроновского совещания осенью 1964 г., где мною был сделан доклад „Об андроновской культуре восточных районов“, в котором освещался вопрос о невозможности происхождения андроновской культуры на Енисее. Аргументация этого положения приводится в настоящей главе.

изменения культуры, не были отмечены исследователем, что ослабило его построения.

В противоположность почти всем приведенным работам только статья М.Н.Комаровой „Погребения Окунева улуса“ (Комарова, 1947) в полной мере соответствовала всем имеющимся фактам, в результате чего ей удалось построить линию развития культуры в Минусинской степи от афанасьевской до андроновской. Причем ее построения не были опровергнуты ни в момент выхода ее работы, ни значительно позже. Это, в частности, сказалось в том, что С.С.Черников не смог критически рассмотреть и показать неправомерность взглядов М.Н.Комаровой, так как до самого последнего времени не было фактов, противоречащих ее выводам. Кроме того, М.Н.Комарова подошла к вопросу с различных сторон, рассматривая категории археологического материала и устанавливая для каждой из них общие черты, указывающие на преемственность афанасьевской и андроновской культур. В результате этого ей выделен переходный этап, принадлежавший уже к андроновской культуре, но имевший еще ряд более древних афанасьевских черт.

Переходный, или, вернее, раннеандроновский, этап, получивший название „окуневский“, выделен М.Н.Комаровой на основании изучения керамики, в которой, по ее мнению, при наличии уже новых плоскодонных баночных форм сохраняются старшие афанасьевские орнаменты. Новая форма — банки с прямыми стенками — через переходную форму — банки с выпуклыми стенками — связывается с наиболее характерными для андроновской культуры горшечными сосудами. Этот вывод подтвержден результатами, полученными при изучении устройства могил и погребального обряда, в которых М.Н.Комарова также усматривает процесс перехода от афанасьевской культуры к андроновской.

Учитывая распространение памятников окуневского этапа, М.Н.Комарова также установила, что они должны отличаться от афанасьевских и андроновских не территориально, не социальными или возрастными особенностями, а только хронологически, в результате чего пришла к выводу, что эти памятники занимают место между афанасьевской и андроновской культурами.

В другой своей работе „Памятники андроновской культуры близ улуса Орак“ М.Н.Комарова возвращается к первой своей статье в связи с новыми находками

памятников окуневского типа и справедливо указывает, что они не противоречат высказанным ранее соображениям. В этой же работе ее прежние взгляды дополнительно подтверждаются косвенными доказательствами - особенностями андроновской культуры на Енисее, которые, как она считает, носят этнографический характер - отличающий енисейцев от андроновцев других районов. Эти этнографические особенности указывают, по ее мнению, на местные корни андроновской культуры. К ним относятся: труположение на Енисее и в восточных районах на федоровском этапе, положение женщин за спиной мужчин в парных погребениях, своеобразные проводочные серьги, сооружение каменных изваяний "матери-прародительницы" (Комарова, 1961, с. 56, 57).

Не противоречил построениям М.Н. Комаровой и неясный тогда антропологический тип окуневцев. Все это придавало ее концепции стройность и неопровержимость.

Правда, в последнее время начали раздаваться отдельные голоса, не согласные с мнением М.Н. Комаровой о принадлежности окуневского этапа к андроновской культуре и считающие его концом афанасьевской. Эти мнения основаны на новых раскопках на юге Хакасии: А.Н. Липского - в Тас-хаазе и Л.Р. Кызласова на Уйбате (Липский, 1961; Кызласов, 1962). Однако возражения эти базировались лишь на отдельных случайных наблюдениях, на разграбленных могилах, в которых встречались окуневские вещи и черепки афанасьевских сосудов. Ни один из упомянутых авторов не привел развернутой аргументации в пользу своих соображений, что же позволяет объективно сопоставлять их мнения с хорошо аргументированными построениями М.Н. Комаровой. Более того, как удалось выяснить, могилы, на которые ссылаются названные авторы, являются впускными окуневскими погребениями в более ранние афанасьевские сооружения (Максименков, 1965а; Иванова, 1966).

Подводя итог, можно заметить основную черту всех высказываний, заключающуюся в том, что ряд исследователей считает возможным выводить происхождение андроновской культуры на востоке из афанасьевской. Большинство связывает ее непосредственно с афанасьевской, не выделяя при этом переходных этапов. М.Н. Комарова выделяет этап, занимающий промежуточное положение между обеими культурами, но принадлежащий уже андроновской культуре, а некоторые исследователи относят этот этап к афанасьевской культуре. Следова-

тельно, в настоящее время вопрос о возможности происхождения андроновской культуры на Енисее сводится по существу к выяснению отношения окуневского этапа к андроновской культуре. Установление принадлежности окуневского этапа андроновской культуре будет являться одновременно и доказательством связи афанасьевской и андроновской культур, так как никто из исследователей не отрицает связи окуневских и афанасьевских памятников. В то же время противоположное решение вопроса - отрицание связи окуневского этапа с андроновской культурой - одновременно отрицает и возможность происхождения андроновской культуры из афанасьевской.

Поэтому происхождение андроновской культуры будет рассматриваться здесь по возможности в первую очередь во взаимосвязи окуневцев и андроновцев, так как именно этот аспект является наиболее важным для решения поставленного вопроса. Что же касается второго аспекта - связи окуневцев и афанасьевцев, то он будет затрагиваться для создания более полной и объективной картины.

Нелишне заметить, что для выяснения поставленной задачи нынче появились новые возможности, обусловленные тем, что за последнее время археологический материал по афанасьевской культуре, окуневскому этапу и по андроновской культуре увеличился более чем в два раза.⁵ М.Н. Комарова при своих сопоставлениях могла использовать только шесть афанасьевских могильников, в составе которых было раскопано 59 могил. В настоящее время известно уже 14 могильников, в которых раскопано 159 могил.

Материалы по окуневскому этапу увеличились в

5 В основе дальнейшего изложения лежат материалы, известные к 1964 г. и использованные мною для доклада на андроновском совещании. Несмотря на то что за последние годы они пополнились, на основные выводы они не влияют, несколько меняются только отдельные цифры. Поэтому автор счел возможным оставить их на уровне 1964 г. тем более что к аналогичной работе придется возвращаться при подготовке к изданию окуневских материалов - к моменту их вычисления в печати все новое будет учтено.

еще больших размерах. М.Н. Комарова могла опираться только на три памятника, содержащих около 15 могил. В последнее время окуневские памятники выявлены в 26 пунктах Минусинской котловины, где исследована 171 могила. К тому же был раскопан целый могильник на Черновой из 14 курганов, содержащих 114 могил.

Даже при первом знакомстве с новыми фактами можно заметить, что они не всегда соответствуют представлениям, имеющимся в литературе. Чтобы выяснить, в чем их несоответствие, и, следовательно, решить поставленную задачу, можно использовать несколько путей и приемов. Было бы заманчиво найти новый подход к решению вопроса. Однако любой, даже самый правильный путь затрудняет сопоставление с результатами, уже достигнутыми наукой. Поэтому лучше воспользоваться тем путем, по которому шла М.Н. Комарова в своих исследованиях окуневского этапа. Использование этого метода облегчает сопоставление ее выводов с теми выводами, к которым можно прийти, изучая новый материал. В основе метода лежит анализ керамики, могильных сооружений и обряда погребения трех исторических периодов. Кроме того, необходимо сравнить и надмогильные сооружения, неясные для окуневского этапа в прошлом, но достаточно хорошо выясненные в настоящее время. Что касается инвентаря могил, то он плохо сопоставим, так как в андроновских и афанасьевских могилах таких вещей очень мало, и довольно многочисленные окуневские находки практически не с чем сравнивать.

В этой связи ведущим материалом становится керамика, и выводы, полученные при ее изучении, приобретают особое значение. Вместе с тем сравнительный анализ логичнее начинать не с посуды, а с внешних и внутренних особенностей памятников.

Надмогильные сооружения (рис. 16). В настоящее время для периодов энеолита и начала бронзового века, афанасьевской, окуневской и андроновской культур, известно пять разновидностей оград. Но распределение их по этим этапам различно. Афанасьевские ограды представлены относительно небольшими кольцами из плит, положенных плашмя, или, что встречается реже, из вертикально поставленных тонких плит, или же, что не самое, из обломков камней неправильной формы в тех местах, где нет плитняка. В таких оградах обычно заключены одна, две и значительно реже три моги-

лы, расположенные параллельно друг другу. В большинстве случаев значительных земляных сооружений над могилами не зафиксировано, хотя в могильнике у с. Сиды имелась насыпь высотой до 1 м. В других случаях большого количества земля над могилами не было, о чем свидетельствует развал оград как наружу, так и внутрь сооружений. Это создавало, однако, у некоторых авторов ошибочное мнение о распространении в афанасьевское время, кроме колец, еще и выложенных камнями площадок.

Для окуневского этапа известен только один вид оград — это значительных размеров подквадратные — от 10 до 20 м в длину и ширину — ограды из невысоких, относительно тонких плит, края которых не разрушены, что может указывать на их первоначальную высоту, — в среднем она была равна 30–50 см. В тех районах (Уйбат), где плитняка нет, ограды сложены из крупных глыб-каменей неправильной формы. Внутри ограды в большинстве случаев находится несколько могил, иногда их бывает до 20 и более. Расположены они в беспорядке, в основном в юго-западной и западной частях ограды, в то время как восточная и северо-восточная части обычно пусты. Над каждой отдельной могилой возводились какие-то земляные сооружения. В результате их разрушения образовалась земляная насыпь неправильной формы, зафиксированная как у Окуневского улуса, так и на речке Черновой.

Для андроновских памятников, как уже указывалось, характерны довольно высокие (до 1 м) ограды круглой формы из вертикальных или положенных плашмя плит, в которых расположена одна, реже две могилы. Редко встречаются четырехугольные ограды и ограды с пристройками. Над могилами возводились земляные сооружения. Детские могилы окружались такими же оградами (табл. XIV, XXXI).

Как можно видеть, надмогильные сооружения для каждого периода характеризуются своими особыми чертами. Сходство в форме афанасьевских и андроновских оград объясняется не их заимствованием, а скорее наиболее рациональной формой и методом сооружения. Особенности же расположения могил в ограде, характер земляного сооружения и отдельные детали конструкции оград (пристройки, многогранные, вытянутые, прямоугольные ограды) говорят о несомненных отличиях в надмогильных сооружениях сравниваемых эпох.

Могилы (рис.16). Для афанасьевской культуры характерны грунтовые ямы больших размеров, рассчитанные не на одного погребенного. Ямы перекрыты накатом из толстых бревен или же имеют патрообразное покрытие из плит песчаника (Иванова, 1968, с.68). Только в двух случаях можно предполагать наличие ящика. Правда, исследователь этих могил С.В.Киселев не называет их ящиками, а указывает, что стенки ям были обставлены плитами (Киселев, 1951, с.32). В то же время, говоря о могилах других эпох, он называет их ящиками. Но даже если среди афанасьевских могил действительно были ящики, это чрезвычайно редкий случай, не свойственный афанасьевской культуре.

Для окуневского этапа характерны небольшие, укороченных размеров каменные ящики, сделанные из тонких плит. Известно только II грунтовых ям, но они имеют те же пропорции и размеры, что и ящики. Могилы всегда перекрыты каменными плитами. Деревянных покрытий не встречено. Стены могил в тех местах, где нет плит, сложены из неправильных обломков камня. Дно могилы часто вымощено плитами, а под головами погребенных иногда стоят вертикальные или наклонные плиты - "подушки". Эти особенности никакой другой культуре неизвестны.

Андроновские могилы более разнообразны, но основное их количество представлено каменными ящиками или цистами больших, чем окуневские, размеров, с соотношением длины и ширины 1:2; они значительно глубже и объемнее. Наряду с ними встречаются могилы со срубом в один венец, и чрезвычайно редки грунтовые ямы.

Следовательно, для каждого из рассматриваемых периодов характерны могилы определенного вида. Встречавшиеся во все периоды грунтовые ямы являлись ведущим видом могил только в одной афанасьевской культуре. Ящики, широко использовавшиеся и в окуневское, и в андроновское время, имели в эти периоды различный вид и пропорции. И если для окуневцев это был преобладающий вид могилы, то для андроновцев он являлся одним из возможных видов. Отсюда логически вытекает вывод о том, что непосредственной преемственности в конструкциях могил не наблюдается.

Обряд погребения (рис.16). Здесь также видны различия. Для памятников афанасьевской культуры характерно положение погребенных на спине, реже на боку, правом или левом, с согнутыми ногами. Обычно могилы

содержат по несколько скелетов. Погребения совершались, как установил М.П.Грязнов, не круглый год, а в определенное время (Грязнов, 1965, с.63). Ориентированы погребенные в пределах одного могильника по-разному. Погребенных сопровождают горшки и очень редко отдельные вещи - украшения.

Для окуневских памятников единственным способом погребения является положение умершего на спине, с согнутыми в коленях и поднятыми вверх ногами, чем и объясняются размеры и пропорции могил. Чаще всего в могиле находится один скелет, реже два и очень редко три скелета. Ориентировка погребенных разнообразная, почти по всем направлениям. С погребенными либо ничего нет, либо редко стоит горшок или положены вещи производственного назначения: ножи, остроги, топоры, шилья, иглы, игольники, предметы культового назначения, изображения человека и животных.

В андроновских могилах всегда наблюдается скорченное положение погребенных на левом боку, головой на З или ДЗ, с чрезвычайно редкими отклонениями. В основном всегда погребено по одному человеку, реже встречаются парные захоронения мужчины и женщины, положенных в строго определенном порядке: за спиной мужчины лежит женщина (табл.У,2). Коллективные погребения отсутствуют. Вещи производственного назначения погребенных не сопровождают. В могилах только горшки и редкие украшения (табл.ЛП-ЛІУ). Детей хоронили отдельно, но по обряду взрослых (табл.ХХІУ,5,6; ХХУІ,2-4; ХХХП;Х ХХУ).

Таким образом, в обряде погребения нет ничего общего: для каждого периода характерен свой определенный погребальный культ, выраженный в положении и ориентировке погребенных, в индивидуальных и коллективных погребениях, в сопровождающем инвентаре.

В результате сопоставления надмогильных и могильных сооружений и обрядов погребения для каждого из рассматриваемого периодов выявляются вполне определенные, только каждому из них свойственные особенности, не позволяющие говорить о генетической связи между этими культурами.

Керамика (рис.16). Последние раскопки значительно увеличили число находок афанасьевских сосудов, однако ничего принципиально нового в характеристику афанасьевской керамики они не внесли. М.Н.Комарова в своей работе об окуневском этапе достаточно ясно

	Орнаменты	Посуда	Положенне	Могилы	Ограды
Андроновская культура 14 пунктов 176 могил					
Окулевская культура 26 пунктов 171 могила					
Афанасьевская культура 14 пунктов 159 могил					

показала отличия окуневской керамики от афанасьевской. А в последнее время Л. А. Иванова указала и на различия в технологии изготовления сосудов этих эпох (Иванова, 1966, с. 83; 1968, с. 251). В то же время М. Н. Комарова тесно связала окуневскую и андроновскую керамику. Поэтому, не рассматривая здесь различий между афанасьевской и окуневской керамикой, необходимо разобрать особенности окуневской керамики и ее отношение к андроновской.

М. Н. Комарова имела в своем распоряжении немногим более 10 сосудов окуневского типа. В настоящее время их известно значительно больше, что позволяет прежде, чем сравнивать их с андроновскими, установить их собственные особенности.

Находки керамики в памятниках окуневского типа представлены тремя разновидностями.

Первый вид - сосуды баночной формы с хорошо выраженным плоским дном и прямыми, отклоненными наружу стенками. Эти сосуды имеют вид перевернутого на меньшее основание усеченного конуса. Такие банки в андроновских памятниках не обнаружены.

Второй вид - сосуды горшечной формы, которые М. Н. Комарова называла банками с выпуклыми стенками. Эти сосуды отличаются от банок относительно более узким дном, несколько раздутым (преимущественно в нижней трети или на половине высоты) туловом, немного сужающимся к горлу, и слабо отогнутым венчиком.

Третий вид - сосуды индивидуальных форм. Это многогранный сосуд с валиками, сосуд на поддоне и курьильницы с перегородкой.

Первые два вида сосудов хорошо различимы в своих крайних формах, но есть отдельные экземпляры, у которых расширяющиеся кверху стенки образуют не ровную а несколько изогнутую линию, что сближает их с сосудами горшечной формы.

Характерной особенностью сосудов окуневских памятников является их орнаментация. Они сплошь покрыты орнаментом от венчика до дна, причем дно примерно на половине всех сосудов также орнаментировано.

В большинстве случаев орнамент наносился зубчатым штампом, близко напоминающим гусеничный; значительно реже использовался гладкий широкий штамп, применялась также тупая палочка.

Элементов орнаментации немного: это ямки, крупные или мелкие оттиски прямо поставленных зубчатого

или гладкого штампов, жемчужин, отступающая палочка.

Расположение орнамента на тулове двухзональное, реже выделяется третья зона у дна. На плохо выраженной у этих сосудов шейке обычно расположены горизонтальные линии зубчатого штампа или бороздки, нанесенные палочкой, опоясывавшие в несколько рядов сосуд. Реже встречаются пересекающиеся зигзагообразные линии, нанесенные зубчатым штампом, свободные промежутки внутри них образуют ромбы. Еще реже можно видеть наклонные оттиски прямо поставленного зубчатого штампа.

У венчика на баночных сосудах часто встречаются жемчужины круглых, овальных или четырехугольных очертаний, нередко перемежающиеся с ямками. У дна иной раз встречаются такие же прочерченные палочкой борозды, иногда они нанесены зубчатым штампом, как у венчика.

На стенках таких сосудов встречаются вертикальные ряды оттисков зубчатого штампа, нанесенные таким образом, что их концы часто соединены и все оттиски образуют как бы вертикальную полосу; ямки, расположенные параллельными рядами в шахматном порядке; ряды отступающей палочки; узор, выполненный зубчатым штампом в виде шахматной доски, или геометрический узор из пересекающихся линий, сделанных зубчатым штампом. Как исключение в трех случаях встречена елочка.

Дно сосудов обычно украшено теми же штампами и тем же рисунком, что и стенки. Но в основном орнамент на дне носит геометрический характер: это звезда, пересекающиеся линии, отграниченные сектора.

Если теперь сравнить андроновскую керамику с окуневской, то станут очевидными их различия.

Несмотря на то что и в андроновских, и в окуневских памятниках встречаются сосуды двух близких типов, они все же имеют значительно больше различий, чем сходства. Горшки андроновского времени лучше разработаны и профилированы. Их наиболее широкое место помещается в верхней трети сосуда (рис. 13). У окуневских сосудов форма более сглажена, шея и самое широкое место находится внизу. Андроновские банки имеют либо прямые, либо несколько загнутые внутрь стенки (рис. 14); окуневские, наоборот, широко раскрыты.

Для андроновских сосудов характерны геометрические тоновые узоры на горшках и линейный или же сплошной елочный узор на банках. Для окуневских горшков и банок орнамент в принципе одинаков, хотя на горшках чаще встречаются геометризированные узоры. Андроновские банки, как и горшки, покрыты орнаментом в верхней части, нижняя треть их почти всегда гладкая. Окуневские сосуды сплошь покрыты узором. Для андроновских банок характерен елочный узор, для окуневских он чрезвычайно редок.

Таким образом, все основные характеристики окуневской и андроновской керамики расходятся, что не позволяет связывать их генетически (рис. 16).

Распределяя сосуды по формам, М.Н. Комарова в силу небольшого количества известных тогда горшков окуневского времени объединила их по формальному признаку с андроновскими банками с раздутыми боками. Соединив две разные формы в одну, она получила переходную форму, связывающую банки с прямыми стенками окуневского типа с андроновскими горшками.

Исследуя общий характер рисунка, она выделила три его вида - сплошной, линейный и тоновый - без учета его композиционных особенностей, что также привело к ошибочному заключению о переходном характере окуневской керамики. Но все эти детали выявились позднее только в связи с накоплением нового материала.

Сравнение же широко известной афанасьевской керамики с окуневской показывает их принципиальное различие как по форме, так и по приемам орнаментации и композиции.

Таким образом, рассмотрение керамики также приводит к выводу об отсутствии генетической связи сосудов трех сравниваемых этапов (Максименков, 1964а, с. 20; 1964б, с. 244; 1965б, с. 172).

Изучая отличия окуневской и андроновской культур, нельзя обойти молчанием заключения антропологии, тем более что в литературе существует явная несовместимость данных археологии и антропологии.

Как известно, изучением антропологических материалов из могильников эпохи бронзы Минусинской котловины занимались три исследователя: Г.Ф. Дебец, М.М. Герасимов и В.П. Алексеев.

Г.Ф. Дебец первым из антропологов выделил афанасьевский и андроновский расовые типы и указал на их отличия (Дебец, 1932; 1948, с. 70), в результате чего

пришел к выводу о невозможности происхождения андроновцев от афанасьевцев и о вытеснении последних первыми. Поэтому он и предполагал приход андроновцев с запада.

Аналогичного мнения придерживается М.М. Герасимов, который также считает афанасьевский и андроновский расовые типы разными и не связанными между собой (Герасимов, 1955, с. 539).

Наиболее полно картина состава древнего населения в рассматриваемые эпохи дана в нескольких работах В.П. Алексеева (Алексеев, 1961а; 1961б). К моменту написания его работ появились новые, ранее неизвестные факты, на основании которых В.П. Алексеев среди афанасьевского материала, представленного протоевропеоидным палеоевропеоидным типом, выделенным еще Г.Ф. Дебецем, выявил, как он считает, "новый компонент". Этот "новый компонент" отличался от ранее описанных черепов афанасьевской культуры более широкой, круглой и низкой черепной коробкой, более узким лбом, значительно более широким и иногда более высоким лицом и уплощенностью лицевого скелета в горизонтальной плоскости (Алексеев, 1961б; 1963, с. 157). Черепа эти происходят из могил у Аскиза, Бельтыр, Тас-хазаа и Уйбата. Все перечисленные могилы, за исключением Тас-хазаа, как показало исследование, являются окуневскими могилами, впущенными в более ранние афанасьевские ограды (Максименков, 1965а). Эти находки позволили говорить не о двух компонентах в составе афанасьевского населения, а о новом для Минусинской котловины антропологическом типе - окуневском, который пока в литературе так не именуется, но с существованием которого согласен и сам открывший его исследователь (Алексеев, 1963, с. 196).

Что же касается андроновского антропологического типа, то В.П. Алексеев считает, что между ним и афанасьевским типом не наблюдается ощутимой преемственности (Алексеев, 1963, с. 158).

Как теперь, проанализировав сказанное, следует связывать данные археологии и антропологии? Эти три антропологических типа, если рассматривать их по культурам - афанасьевский, окуневский и андроновский, - по мнению антропологов, не имеют между собой ничего общего. Следовательно, каждой культуре свойствен свой особый антропологический тип. Иными словами, вывод антропологии полностью соответствует за-

ключению, полученному при изучении археологического материала. Здесь можно видеть абсолютное совпадение выводов двух наук.

В результате проведенного сравнительного анализа афанасьевских, окуневских и андроновских памятников можно с несомненностью говорить о том, что каждый из этих периодов характеризуется только ему свойственными видами могильных сооружений, конструкциями, размерами и формами могил, сторонами погребального обряда и, следовательно, погребального культа, различной керамикой и ее орнаментацией, а также другим своеобразным инвентарем. Эти особенности каждой культуры настолько отличаются, что не позволяют генетически их связывать, тем более что оставлены эти культуры антропологически разными людьми.

Наблюдаемые отдельные совпадения в явлениях культуры этих периодов не могут служить основанием для утверждения их взаимосвязи.⁶

Отсюда можно сделать только один вывод. В течение неолита и бронзового века в Минусинской котловине существовали, последовательно сменяя друг друга, три генетически не связанные культуры: афанасьевская, окуневская и андроновская. Никаких корней андроновской культуры в материалах более раннего времени на Енисее не наблюдается, что с несомненностью свидетельствует о приходе андроновцев в Минусинскую котловину.

Исключение Минусинской котловины из области, где могла произойти андроновская культура, заставляет отодвигать этот район куда-то на запад. Естественно, что сама андроновская культура появилась на Енисее непосредственно из Западной Сибири, как ближайшей области ее распространения. Но могла ли она там возникнуть? Достаточного количества фактов, которые позволили бы с такой достоверностью, как это сделано для Енисея, показать невозможность ее происхождения где-нибудь в Кузбассе или на Оби, нет, но отдельные факты должны быть отмечены. Речь идет о неолитических памятниках Верхней Оби. Часть из них, представленная стоянками Кротово УП и Морайка (Комарова, 1956, с.98), содержала материал, аналогичный материалу поселения начала бронзового века Самусь IУ в районе Томска (Максименков, 1959), что свидетель-

ствует о распространении этой культуры на юг от Томска. Но самусьская культура, представленная основным комплексом памятников, аналогична окуневской культуре Енисея и синхронна ей (Максименков, 1968б, с.170). Следовательно, в предшествующее андроновцам время и в Западной Сибири были распространены культуры, отличные от андроновской и с ней не связанные. Поэтому можно считать, что Западная Сибирь не была родиной андроновской культуры и предполагаемое место ее возникновения должно быть отодвинуто еще дальше на запад, уже в пределы Казахстана. Возникла ли она в Казахстане или Приуралье, где известны ранние федоровские памятники, сейчас судить невозможно. Можно только предполагать, исходя из единства федоровского этапа андроновской культуры на разных территориях, что она должна была возникнуть где-то в одном месте, а не в нескольких и не из разных культур. В противном случае при наличии обмена, распространении скотоводства, земледелия и металлургии в этих отдельных центрах возникновения андроновской культуры должны были бы проявиться этнографические особенности, свойственные более ранним культурам. Возникшие таким путем культуры имели бы такие же отличия, какие наблюдаются между однопорядковыми андроновской и срубной культурами.

Таким образом, решение вопроса о появлении андроновской культуры на Енисее имеет значение, как уже говорилось, для изучения этой культуры не только в восточных районах, но и на всей ее территории. В результате сужается область поисков ее прародины и открывается возможность изучения новых, ранее даже не ставившихся вопросов о характере и путях распространения и развития андроновской культуры, о причинах ее движения, о хронологии памятников культуры на разных территориях ее распространения.

ентировке погребенных, о костяных игольниках из окуневских и андроновских могил, о проволочных колечках. Все эти признаки в той или иной степени можно найти и в других более поздних культурах Минусинской котловины и в культурах, территориально отдаленных. Сама по себе любая из этих особенностей, изъятая из комплекса признаков культуры, не может характеризовать какую-то определенную эпоху, так как не несет в себе необходимой для этого информации.

6 В данном случае речь идет о круглой форме ограды афанасьевцев и андроновцев, о юго-западной ори-

Глава IV

МЕСТО ПАМЯТНИКОВ ЕНИСЕЯ В АНДРОНОВСКОЙ КУЛЬТУРЕ И ИХ ХРОНОЛОГИЯ

Приход андроновцев на Енисей со сложившейся культурой ставит вопрос о времени ее появления. Пришла ли она на Енисей в собственно федоровском виде, как это принято считать, или же с момента возникновения этой культуры до появления в Минусинской котловине прошло какое-то время, в течение которого в недрах ее начали вызревать черты, характерные для более позднего этапа?

В настоящей работе нет необходимости выяснять возможную прародину андроновской культуры. Нужно отметить, что в настоящее время она географически отодвигается далее на запад, в пределы Казахстана. Является ли ее прародиной полоса казахстанских степей, как это считает С.С.Черников (Черников, 1960, с.110), или же она лежит где-нибудь в другом месте — для рассмотрения данного вопроса значения не имеет.

Важно, однако, то, что территория, где могла произойти андроновская культура, находится довольно далеко от восточных районов ее распространения и, следовательно, вскоре после возникновения эта культура не могла появиться на Оби и Енисее. Дело здесь, конечно, не только в расстоянии, но и в той обширной территории, которую занимают андроновские памятники. Андроновская культура в восточных районах была распространена не только вдоль узкого степного коридора шириной 50–70 км, как это обоснованно считает А.И.Мартынов (Мартынов, 1963, с.9), а на значительно более широких пространствах: на всей степной и лесостепной полосе Южной Сибири, о чем с достаточной убедительностью свидетельствуют вновь открытые памятники в этих районах (Елькин, 1967; Уманский, 1967).

Андроновская культура распространялась не други-

ми древними племенами, воспринявшими ее черты, а самими андроновцами, которые характеризуются совершенно определенным антропологическим типом.

Для андроновцев, как это сейчас устанавливается, характерны долговременные обширные жилища, появление которых обусловлено их образом жизни, связанным с пастушеским скотоводством и мотыжным земледелием. Расселение андроновцев могло, видимо, происходить только в силу внутренних процессов развития самой культуры: в результате разрастания человеческих коллективов и увеличения в связи с этим стад, что вело к нехватке при их образе жизни земель. Эти причины являются постоянными, но медленно действующими, что не позволяет предполагать возможность значительных по расстоянию и быстрых по времени переселений. Кроме того, распространение андроновской культуры происходило не на пустой территории. Восточные районы, во всяком случае Енисей, до андроновцев были заселены окуневцами, а Обь — носителями культуры, близкой самусевской. Следовательно, распространение андроновцев, по-видимому, было связано с вытеснением более древнего населения. Все эти причины заставляют предполагать относительно медленное, постепенное освоение восточных пространств андроновской культурой, освоение, которое могло продолжаться в течение довольно длительного времени.

Все без исключения исследователи считают, что на Енисее андроновская культура представлена федоровскими памятниками. В связи с изложенным в предыдущей главе становится совершенно очевидной необходимость анализа собранного материала, чтобы установить время появления андроновской культуры на Енисее и ее место по отношению к памятникам других территорий. Но пре-

где чем переходить к анализу материала, необходимо остановиться на новых представлениях о соотношении федоровских и алакульских памятников.

В последние годы рядом исследователей высказывается мнение, что выявленные К.В.Сальниковым этапы являются не этапами, а самостоятельными культурами. Это новое мнение нуждается в самом серьезном изучении, чтобы обоснованно провести анализ андроновских материалов Енисея и выяснить их место среди других памятников андроновской культуры. Естественно, результаты исследования восточных андроновских памятников не могут в корне изменить возникших представлений, базирующихся на материалах самых западных районов, но тем не менее они обязательно скажутся и на всей проблеме в целом, что позволит более обоснованно судить о правомочности новых воззрений.

Впервые представления о разнокультурности федоровских и алакульских памятников были высказаны Э.А. Федоровой-Давыдовой после ее раскопок у с.Кумак, в курганной группе „Близнецы“, где под насыпью № 1 было открыто уникальное для андроновской культуры погребение с копьём сейминского типа, позволившее удревнить дату алакульского этапа (Федорова-Давыдова, 1960, с.59). В могиле оказалось два горшка, один из которых имел уступчик и неорнаментированную полосу на шейке и был определен исследователем как алакульский, а второй с орнаментированной шейкой и „небольшим уступчиком на круглом плече“ (Федорова-Давыдова, 1960, с.58) отнесен к федоровским горшкам. В результате такого определения керамики и новой датировки, полученной по копьё, Э.А.Федорова-Давыдова пришла к выводу, что необходимо, с одной стороны, удревнить алакульский этап, а с другой — считать сосуществовавшими алакульские и федоровские памятники. Следовательно, мысль о параллельности федоровских и алакульских памятников возникла в связи с отнесением горшков к разным этапам. Но определение одного горшка как федоровского не обоснованно, так как в нем, кроме круглого плечика, никаких других черт федоровской керамики нет, в то время как сосуда с круглым плечиком встречаются не только в федоровских памятниках, но и в алакульских. Со временем Э.А.Федорова-Давыдова перестала называть указанный горшок федоровским и теперь считает его кокумбердинским (Мошкова, Федорова-Давыдова, 1964, с.140; Федорова-Давыдо-

ва, 1968, с.16). С выводом об удревнении алакульского этапа согласны все исследователи андроновской культуры, но второй вывод Э.А.Федоровой-Давыдовой, особенно после того как она сама признала, что горшок не федоровский, неправомерен. Тем не менее, раз появившись, мысль о параллельности федоровских и алакульских памятников продолжает развиваться, а Э.А.Федорова-Давыдова находит ей все новые подтверждения. Чтобы не повторять содержащиеся в разных работах доказательства, можно суммировать все то, что, по мнению Э.А.Федоровой-Давыдовой, отличает федоровские памятники от алакульских и заставляет считать их двумя самостоятельными культурами.

Первое и основное — это удревнение алакульского этапа и отсутствие оснований для удревнения федоровского. И второе — различия в характере памятников этих групп: своеобразие алакульской керамики, отличия в погребальном обряде, хозяйстве, материальной культуре, в различных приемах домостроительства, разные области распространения памятников и несколько антропологические типы, свойственные федоровцам и алакульцам (Мошкова, Федорова-Давыдова, 1964, с.140; Федорова-Давыдова, 1964, с.84; 1968, с.22; Смирнов, Федорова-Давыдова, 1965).

Оставляя пока в стороне первое обстоятельство, рассмотрим положение о различиях в характере памятников. В принципе если бы отсутствовали отличия в керамике, орнаментации, способе погребения и других чертах культуры, то вообще не приходилось бы говорить о разных этапах или культурах. Поэтому наблюдаемые различия в равной степени можно рассматривать и как свидетельство разнокультурности, и как доказательство того, что эти этапы имеют различные хронологические рамки. Подобные отличия сами по себе не могут говорить о разнокультурности, тем более что имеются и значительные черты сходства.

Действительно наблюдаются разные области распространения памятников. На востоке, по существующему общему представлению, распространены только федоровские памятники, на крайнем западе — только алакульские и кокумбердинские. Вопрос о восточных памятниках будет рассмотрен ниже, но в принципе на указанных территориях памятники различны. Если же брать центральные районы, то там есть и федоровские, и алакульские памятники. Поэтому разные области рас-

пространения федоровских и алакульских памятников нельзя рассматривать как абсолютное явление. В этой связи можно дать и другое объяснение наблюдаемому различию в характере памятников на востоке и на западе ареала андроновской культуры. В разные эпохи она распространилась на разных территориях: на федоровском этапе появилась на востоке, а на алакульском — в степях Западного Казахстана. Выходит, что и это положение может получить объяснение в рамках схемы развития андроновской культуры, предложенной К. В. Сальниковым.

Говоря о различиях в антропологическом типе, нужно отметить, что действительно часть алакульских памятников Западного Казахстана оставлена людьми не андроновского, а „срубного“ антропологического типа, но при этом нельзя забывать, что характерный для андроновской культуры тип выявлен по памятникам именно алакульского времени, так как в федоровском этапе практиковалось сожжение, и, следовательно, антропологического материала у нас почти нет. Отсюда следует, что алакульские памятники оставлены людьми разных антропологических типов и приписывать алакульскую „культуру“ одним людям нет никаких оснований. Суммируя все сказанное, мы видим, что различия в памятниках федоровского и алакульского этапов могут объясняться и с точки зрения последовательности этих этапов в рамках одной культуры, так что все новые факты укладываются в схему К. В. Сальникова и не требуют ее пересмотра.

В плане признания двух культур наиболее важным является установление одновременности федоровских и алакульских памятников. находка смешанных срубно-андоновских памятников на западе ареала андроновской культуры позволила удревнить алакульский этап. Для федоровского этапа таких данных нет. Правда, для точной датировки этого этапа и раньше не было данных, и К. В. Сальников, установив последовательность федоровского и алакульского этапов, поставил первый перед вторым. Поэтому казалось бы логичным, удревняя алакульский этап, отодвигать и федоровский этап вглубь, и тогда никаких новых взглядов на андроновскую культуру предлагать бы не пришлось. Э. А. Федорова-Давыдова не решает это сделать и, оставляя старую, но необоснованную дату федоровского этапа неизменной, выдвигает положение о двух культурах и пыта-

ется его обосновать археологическими фактами. Они сводятся к тому, что кокумбердинская (несущая пережитки федоровских черт) и алакульская керамика встречаются в одних и тех же памятниках, что на западе отсутствуют федоровские памятники в чистом виде и что наблюдаемые случаи сожжения в этом районе являются показателем влияния федоровцев на алакульцев. Существование кокумбердинской и алакульской керамики не может указывать на одновременность федоровской и алакульской посуды, так как это разные вещи. Сожжения же могут рассматриваться как пережиток более раннего способа погребения, как это делается для других территорий. Выходит, что и эти факты нельзя считать достаточными для утверждения разнокультурности федоровских и алакульских памятников.

Таким образом, если нет обоснованных данных для передатировки федоровских памятников более ранним временем, то нет их и для сохранения старой даты, а следовательно, нет и оснований считать федоровские и алакульские памятники одновременными. Значит, новые материалы не противоречат схеме развития андроновской культуры, предложенной К. В. Сальниковым, а требуют только удревнения федоровского этапа.

Работы Э. А. Федоровой-Давыдовой не остались без ответа, ее точку зрения воспринял М. Ф. Косарев. Он вслед за Э. А. Федоровой-Давыдовой считает, что алакульские памятники существенно отличаются от федоровских по обряду, форме сосудов, технике и существу орнаментов, по локализации, а также тем, что на востоке федоровские памятники не перерастают в алакульские (Косарев, 1965, с. 243). Говоря о форме сосудов, он отмечает, что для федоровцев характерна горшкообразная форма посуды, а для алакульцев — горшки с уступом. Действительно, преобладающей формой федоровских горшков является посуда с гладким плечом, но она же встречена и на алакульском этапе (Комарова 1962, с. 58, 60) наряду с характеризующей этот этап посудой с уступом. Следовательно, в форме сосудов имеется и определенное сходство.

М. Ф. Косарев считает, что для федоровского этапа характерен мелкозубчатый штамп, а на алакульском он заменяется резным орнаментом. В принципе это близко к истине, но алакульская керамика украшена не только резным орнаментом, не меньше сосудов орнаментировано и зубчатым штампом. Поэтому абсолютизировать

данный признак, как это делает М.Ф.Косарев, нельзя. Из нескольких десятков различных элементов орнаментов, используемых для украшения федоровских и алакульских горшков, М.Ф.Косарев выделяет для федоровских горшков четыре вида, а для алакульских — три. Эти элементы на соответствующей посуде действительно являются ведущими, однако десятки других элементов, которые встречаются на обоих типах посуды и роднят федоровскую и алакульскую керамику, он почему-то забывает. В равной мере это касается и способа погребения. Всем известно, что на федоровском этапе преобладало трупосожнение, а на алакульском — труположение. Но на обоих этапах встречаются и тот и другой способы погребения, причем на таких территориях, где исключено непосредственное воздействие федоровцев на алакульцев и наоборот.

М.Ф.Косарев выпячивает те особенности федоровских и алакульских памятников, по которым они разнятся, что позволяет ему говорить о двух культурах, и замалчивает черты, объединяющие их в одну культуру. Поэтому выводы, к которым приходит М.Ф.Косарев, и в этом плане неправомерны.

Говоря об имеющихся в литературе разных названиях локальных вариантов и хронологических этапов андроновской культуры, М.Ф.Косарев (1965, с.245), видимо, не учитывает, что, если одно и то же явление называть разными именами, оно от этого не изменится и не раздвоится. Действительно, ряд исследователей, желая подчеркнуть некоторые, часто несуществующие, особенности проявления андроновской культуры на той или иной территории, дают новые названия ее этапам. Так, С.С.Черников федоровские и алакульские памятники называет соответственно канайскими и малокрасноярскими, а археологи Казахстана — нуринскими и атакусскими (Черников, 1960; Маргулан, Акишев, Кадырбаев, Оразбаев, 1966).

Но от этого федоровский и алакульский памятники не становятся другими, а остаются все теми же, сохраняя основные свои черты. Поэтому никакой исключительной разнотипности комплексов андроновского времени в действительности нет. Наблюдаемые в рамках федоровского и алакульского этапов некоторые особенности памятников разных территорий позволяют изучать андроновскую культуру более конкретно, так как за этими особенностями можно видеть

определенные андроновские племена или их группы.

Если М.Ф.Косарев прав в своем предположении о появлении андроновской культуры на востоке в конце федоровского этапа, то предложенная им на этом основании синхронизация культур выглядит неубедительно. М.Ф.Косарев ссылается на поселение Самусь IV, которое на основании форм для отливки копий и кельтов сейминского типа датирует XIV-XIII вв. до н.э. Но эта датировка не может быть распространена на весь самусьский комплекс, так как поселение содержит явно разновременные материалы. Только один поздний комплекс этого поселения, близкий к андроновской культуре, может датироваться с помощью указанных форм, но об этом уже писалось (Максименков, 1967, с.141,145).

Вторым основанием для такой датировки, по мнению М.Ф.Косарева, являются находки керамики федоровского облика в еловских (карасукских) комплексах Западной Сибири. Но здесь М.Ф.Косарев не учел, что для Сибири все поселения, за редким исключением, содержат разновременный материал. Если бы смешение разнохарактерных материалов имело место при жизни людей, оставивших эти памятники, то это отразилось бы не только в материалах поселений, но и в соответствующих могильниках. А в них никогда не встречалось смешанного материала.

Эти два «факта» и легли в основу синхронизации, предложенной М.Ф.Косаревым. По М.Ф.Косареву, федоровский могильник Зауралья, Самусь IV и окуневская культура Енисея одновременны (Косарев, 1965, с.244). Этот вывод, с его точки зрения, подтверждает «традиция четырехугольности сосудов» в этих культурах (Косарев, 1965, с.244). Он сравнивает федоровские блюда, самусьские четырехугольные горшки и многогранный сосуд из окуневского могильника на р.Черновой. Очевидно, нет необходимости разбирать правомочность подобного сопоставления. По М.Ф.Косареву, андровцы появляются в Минусинской котловине в XIII в. до н.э., по всем же иным данным, там уже складывается карасукская культура (Киселев, 1951, с.177; Грязнов, Максименков, Пяткин, 1968, с.180).

Таким образом, приняв безоговорочно мнение о двух культурах андроновского времени, М.Ф.Косарев не только не подтверждает это положение дополнительными данными, но и еще больше запутывает вопрос.

Другим последователем Э.А.Федоровой-Давыдовой яв-

ляется и В.С.Стоколос: он конструирует совершенно своеобразную схему развития культур в Зауралье. По его мнению, в Зауралье в эпоху бронзы существовали две культуры – алакульская и замараевская, а в позднее время здесь появилась андроновская (федоровская) культура. Судить о том, на чем основаны подобные представления, довольно сложно, так как в автореферате, естественно, отсутствует развернутая аргументация, но отдельные моменты все же могут быть отмечены (Стоколос, 1967).

Отрицание генетической связи федоровских и алакульских памятников основывается на различии погребального обряда (речь идет не об обряде в целом, а о способах погребения) и на гончарстве (под последним понимается рецептура глины, обработка и цвет поверхности сосуда). О способах погребения уже говорилось. Что же касается гончарства, то, как указывает и сам исследователь, при своеобразии состава глины для каждого из этапов встречаются случаи и одинакового состава. Поэтому такой признак не может быть ведущим и характеризующим, ибо не является безусловным показателем принадлежности к тому или иному этапу. Очевидно, что двух указанных моментов для отрицания генетической связи федоровских и алакульских памятников явно недостаточно. В работе В.С.Стоколоса содержится целый ряд положений, которые, по мнению автора, доказывают правомерность основного вывода. Одним из главных в этом плане является положение, что зауральские поселения, содержащие разнотипную керамику, подтверждают мысль об ее одновременности. Аргументация при этом остается неясной. Но простое объявление одновременности найденного в одном слое материала не может стать основополагающим и убеждающим аргументом. Подобный подход к памятникам был характерен для начала нашего века (Максименков, 1966). Следуя по этому пути, без труда можно доказать синхронность неолита или даже палеолита с железным веком, найдя в одном слое материалы указанных эпох. Но В.С.Стоколос, исходя из факта, что на одних и тех же поселениях встречается федоровская и замараевская керамика с валиком, синхронизирует их и делает вывод о позднем времени федоровской посуды, а следовательно, и культуры.

Установив позднюю дату появления федоровской культуры в Зауралье, В.С. Стоколос естественно

считает наиболее ранними памятниками на этой территории алакульские. Но это построение противоречит последовательности этапов, установленной ранее К.В. Сальниковым по материалам Кипельского селца, и В.С. Стоколос пересматривает материалы Кипели. Он приходит к выводу, что на очаге, где, по К.В.Сальникову, находилась только федоровская керамика, были и сосуды с резной и желобчатой орнаментацией, характерной для землянок этого поселения. Отсюда, по В.С.Стоколосу, вытекает синхронность федоровских и алакульских материалов. Не говоря уже о том, что замечание о не попавших в публикацию горшках, опровергающих построение К.В.Сальникова, по меньшей мере не очень красиво. Простое словесное отрицание выводов предшествовавшего исследователя не может доказать правильность представлений В.С.Стоколоса. Более того, возникает сомнение в том, что В.С.Стоколос правильно определил культурную принадлежность указанной им керамики, ибо, судя по другой его работе (Стоколос, 1968), он не может отличить федоровскую керамику от алакульской. Все это позволяет не только не согласиться с выводами В.С.Стоколоса, но и рассматривать это построение как лишние аргументации.

Итак, рассмотрение новых представлений о месте федоровских и алакульских памятников показывает, что ни один из названных исследователей не привел достаточно убедительных данных, которые позволили бы поставить под сомнение деление андроновской культуры на два последовательных этапа. Все приведенные факты укладываются в схему В.К.Сальникова при условии удревления федоровского этапа. И это является в данном вопросе основным. Если новая датировка федоровского этапа – XVIII-XVI вв. до н.э., – приведенная в последней работе К.В.Сальникова (Сальников, 1967), и не может считаться, как думают некоторые исследователи (Федорова-Давыдова, 1968, с.20), полностью доказанной, она все же свидетельствует о возможности удревления времени существования федоровских памятников. Даже если нет фактов, позволяющих удревить федоровский этап, то нет и таких, которые позволили бы с полной убедительностью сохранить имеющуюся старую датировку. В этой связи нужно сказать, что приводимые исследователями отличия федоровских и алакульских памятников неубедительны и могут в равной степени свидетельствовать о различиях между этапами, а

Этапы	Федоровский			Алакульский					Восток				Федоровский			Алакульский				
	Челябинск	Сев. Казахстан	Центр. Казахстан	Зап. Казахстан	Кустанай	Челябинск	Сев. Казахстан	Центр. Казахстан	Вост. Казахстан	Обь	Енисей		Челябинск	Сев. Казахстан	Центр. Казахстан	Зап. Казахстан	Кустанай	Челябинск	Сев. Казахстан	Центр. Казахстан
	1																			
		12							8	6										
	3																			
	7	18	5		1	6		3	9	23	26		1							
		4		1		1		1		2	2		1	1						
	3	1				1		3			4		5	1						
	1			1									3							
	4	2	1		6	6		15	1	18	15			6	2					1
	4	5	2	7	12	20	2	4	2	9	19		1	8	3					
	4	3	1	6	25	20	6	3		1			7	18	4					
	1						2				1		3	3						
	3			3		3								1						1
	1	1		2	8	2	1	15	1	2	5		1							1
				2	4	1		2					5	3	1		1			3
					1	4	3	5						1						10
				2							1									6
						4	1													1
						1	1													2
							3													2
																				2
					1		2	2												1
							2			1										11
							1	1							3					2
																2				2
						3											1			2
						1														1
																	2	4		4
																				1
																				2
																				8
																				24
																				56
																				60
																				12
																				3

П Л Е Ч И К И

Восток				Федоровский			Алакульский				Восток					
Вост. Казахстан	Обь	Енисей		Челябинск	Сев. Казахстан	Центр. Казахстан	Зап. Казахстан	Кустанай	Челябинск	Сев. Казахстан	Центр. Казахстан	Вост. Казахстан	Обь	Енисей		
3	1	5	Восток		1	15	1			3		1	17	22	преим. федоровские	
	1				3	16	4				1	1		9		
	1	1			8		1			1	2		1			
			собств. федоровские		2	3	1	1		1		4	9	24	преим. алакульские	
					1		1				1					
		1			1					1						
	5	18			1	1				1						
5	12	3			1				1	1		2				
3	23	24				1				2						
1	4	4			4	7	1		12	20	3	8		12		7
					3	2	1	8	2	16	4	6	3	3		
		1			3	1		5	20	14	1	13				
					1		1	5	2		4	3				
2	3	2	преим. алакульские				4		6	2	2					
	4	4								6	3	4				
		1	собств. алакульские					18	3	1			2	1	собств. алакульские	
1	1	2								3				1		
	3	1								1	1					
										3						
1	1	4						2	1							
		2							2							
											2	1				
									1				3			
											2		2	2		

Рис. 17. Мотивы андроновской орнаментации горшков (венчика, шейки и плечиков) и их распределение по территориям и этапам.

не культурами. Следовательно, пока не доказана раз-
нокультурность федоровских и алакульских памятников,
приходится волей или неволей удревянять ранний этап
даже при отсутствии прямых данных.

Все это позволяет проводить анализ восточных ан-
дроновских памятников для установления их места и
времени, исходя из деления культуры на два последо-
вательных этапа. Полученные результаты дадут возмож-
ность лишний раз оценить правомерность разделения
андоновской культуры на два этапа и уточнить в не-
которой степени хронологию федоровских и алакульских
памятников.

Установить время появления андроновской культуры
на Енисее можно только путем сравнения материалов
восточных районов с материалами тех территорий, где
имеются как ранние, так и поздние памятники и где
можно проследить эволюцию отдельных черт культур.
После установления К.В.Сальниковым двух этапов куль-
туры для Зауралья (Сальников, 1948; 1951) и выявле-
ния тех же этапов в Северном и Центральном Казахста-
не (Акишев, 1953; Оразбаев, 1956) мы можем именно
эти три области распространения андроновской культу-
ры считать тем эталоном, с которым необходимо срав-
нивать восточные районы. Это можно делать прежде все-
го потому, что закономерность развития андроновской
культуры в указанных трех районах одинакова, несмот-
ря на некоторые локальные особенности. Поэтому, срав-
нивая те или иные черты, характеризующие андронов-
скую культуру восточных районов, с подобными явлени-
ями на указанных территориях, мы можем безошибочно
устанавливать их относительное время.

Основное место при решении этого вопроса принад-
лежит керамике. Рассмотрение ее форм, характера ор-
намента и его изменений является наиболее перспек-
тивным, хотя и не единственным путем установления от-
носительного времени того или иного памятника или
целой их группы. Такой подход к решению поставленно-
го вопроса не нов. Он хорошо разработан М.Н.Комаровой
и В.С.Сорокиным (Комарова, 1962; Сорокин, 1962, с.
61). Несмотря на некоторые различия, принципиально
аналитические схемы обоих исследователей близки. В
основе метода М.Н.Комаровой лежит изучение мотивов
орнамента на различных частях горшков - на венчике,
шейке, плечиках - и распределение каждого из них по
хронологическому (федоровские или алакульские моти-

вы) и территориальному (Западный, Центральный, Север-
ный Казахстан и т.д.) признакам.

Метод М.Н.Комаровой позволил ей выделить мотивы
орнаментов, встречающиеся только на федоровском эта-
пе или только на алакульском. Применение же террито-
риального признака выявило особенности развития ор-
наментов в разных районах распространения андронов-
ской культуры и дало возможность судить о локальных
особенностях.

В основе метода В.С.Сорокина лежит изучение не
мотивов, а элементов орнамента, которые, по его со-
вершенно правильному представлению, должны изменять-
ся не только от этапа к этапу, но и внутри каждого
этапа, что позволяет выяснить направление и характер
изменений в орнаментации и установить относительную
хронологию тех или иных памятников.

Но если работа М.Н.Комаровой основана на изучении
всех районов распространения андроновской культуры
и преследовала выяснение общеандоновских закономер-
ностей развития, то цель, которую поставил перед со-
бой В.С.Сорокин, была уже; его интересовало в первую
очередь установление относительного места могильни-
ка Тасты-Бутак среди других памятников западного
района андроновской культуры. Для решения поставлен-
ной перед нами задачи необходимо использовать оба
этих метода. Применение каких-либо новых методов в
данном случае нецелесообразно, так как это затрудни-
ло бы сопоставление с уже имеющимися выводами. Метод
М.Н.Комаровой надо использовать, как более общий, а
полученные результаты необходимо проверить по методу
В.С.Сорокина. Такая проверка будет играть роль конт-
рольного опыта и сможет подтвердить или поставить
под сомнение правильность полученных первым путем
выводов.

Подходя к изучению относительной хронологии ан-
дроновских памятников, М.Н.Комарова использовала ог-
ромный материал, накопленный к моменту написания ра-
боты. После выхода работы в свет материал по восточ-
ным районам значительно увеличился, поэтому, не изме-
няя содержания таблиц М.Н.Комаровой по другим райо-
нам, мы дополним их новыми данными по Енисею и Сби.

Являясь автором наиболее аргументированного для
своего времени мнения о происхождении андроновской
культуры на Енисее, М.Н.Комарова с полным правом счи-
тала, что развитые андроновские памятники восточных

районов принадлежат к федоровскому этапу, поэтому они и помещены в разделе федоровских. Однако установление невозможности происхождения андроновской культуры на востоке и в связи с этим необходимость сравнения восточных материалов с материалами районов, где имеются оба этапа, заставляет несколько перестроить таблицы Комаровой и поместить в раздел „федоровский этап“ памятники челябинских степей, Северного и Центрального Казахстана. В раздел „алакульский этап“, кроме упомянутых, включены также памятники Кустаная и Западного Казахстана, относимые исследователями только к позднему этапу. Восточные районы выделены в отдельную графу (рис.17).

Для установления последовательности изменений мотивов орнамента во времени вверху таблицы помещены те орнаменты, которые для трех основных территорий известны только на федоровской керамике, ниже их — мотивы, преобладающие на федоровской керамике, но встречающиеся и на алакульской, под ними — мотивы, встречающиеся на федоровской керамике, но преобладающие на алакульской, и внизу — мотивы, характерные только для алакульского этапа.

В правой части таблицы, где помещены данные об орнаментах восточных районов, отдельные мотивы, ранее считавшиеся федоровскими, перераспределяются соответственно с частотой их обнаружения на разных этапах соседних территорий, что позволяет устанавливать ранние и поздние черты орнаментов в восточных районах.

Изучаемые орнаменты представлены в основном теми, которые используются для украшения горшков. Сама форма горшка и ее особенности рассматриваются исследователями как хронологический показатель. Горшки с плавным профилем без уступчика характерны для федоровского этапа андроновской культуры (Кривцова-Гракова, 1948, с.149; Сальников, 1951, с.114). Горшки с уступчиком являются поздними — алакульскими. Но если плечо с уступом представляет собой несомненный хронологический алакульский показатель, то горшки с гладким плечиком могут быть не только федоровскими. Так, например, в Центральном Казахстане, как отмечает М.Н.Комарова, на алакульском этапе преобладают горшки без уступов (Комарова, 1962, с.66). Следовательно, сама форма горшка без уступа не является обязательным и объективным показателем раннего вре-

мени. Она может рассматриваться как таковая только с учетом других особенностей керамики того или иного района и в первую очередь с учетом орнаментов. Поэтому именно орнаменты являются основным материалом для выяснения относительной хронологии памятников по керамике. В тех случаях, когда в одном и том же могильнике встречаются горшки с уступчиком и без него, их соотношение в известной мере может указывать на относительно более раннюю или более позднюю дату памятника.

Орнаменты андроновской керамики, как указывалось, располагаются на сосуде кольцевыми зонами, для каждой из которых характерны те или иные мотивы. Рассматривая орнаментальные мотивы, используемые для украшения венчиков андроновских горшков, можно видеть, что они распадаются на четыре группы: собственно федоровские мотивы, совершенно неизвестные алакульской керамике; преимущественно федоровские, иногда встречающиеся и на алакульских горшках; преимущественно алакульские, значительно реже встречающиеся на федоровских горшках; собственно алакульские, не встречающиеся на федоровских горшках.

По этим четырем группам распадаются и орнаменты венчиков на горшках в восточных районах. Правда, их распределение по группам неравномерно: собственно федоровских — 14 случаев, преимущественно федоровских — 66, преимущественно алакульских — 74, собственно алакульских — 3. Из трех собственно федоровских приемов орнаментации венчика в восточных районах распространен лишь один: украшение венчика горизонтальной елочкой — способ, характерный для Северного Казахстана. Из четырех преимущественно федоровских приемов в подавляющем большинстве случаев используется один — косые треугольники (49 случаев), — чаще всего применявшийся также в Северном Казахстане; значительно реже (четыре случая) — поставленные под углом к обрезу венчика прямые оттиски штампа, столько же случаев — угловые оттиски по краю венчика.

Из семи преимущественно алакульских приемов в восточных районах распространено пять, но их значение различно. Чаще других (33 случая) используются прямоугольные треугольники, производные от косых, более ранних. На Енисее нередки случаи сочетания косых и прямоугольных треугольников на одном и том же сосуде. На втором месте стоят равнобедренные треуголь-

льники (26 случаев). В семи случаях венчик не орнаментирован, и по одному разу встречаются зигзагообразная, продольно заштрихованная лента и меандровый узор.

Представлены три собственно алакульских способа: один - пунктирные линии вдоль венчика, другой - вертикально заштрихованные равнобедренные треугольники и третий - горизонтальная "лесенка".

Таким образом, из 26 мотивов орнаментации венчика на андроновских горшках в восточных районах использовалось только 11, но лишь 5 из них являлись в известной степени определяющими - это косые, прямоугольные и равнобедренные треугольники, елочка и неукрашенный венчик. При этом нужно подчеркнуть, что больше половины мотивов орнаментации венчика находится уже за пределами излюбленных федоровцами приемов.

Эта же таблица (см. рис. 17) позволяет не только уточнить, какие мотивы были распространены на горшках андроновской культуры восточных районов и как они распадаются по этапам, но и сделать некоторые выводы о месте федоровского и алакульского этапов, исходя из способов орнаментации венчиков. Здесь нужно обратить внимание на то, что из 26 учтенных мотивов 10 являются общими для федоровских и алакульских памятников, то есть используются, хотя и в разном количестве, на посуде обоих этапов и на восточной керамике; три мотива встречаются только на федоровском этапе и 13 - только на алакульском. Общих для всех этапов мотивов меньше, чем собственно алакульских. Но если выразить в процентах количество учтенных случаев использования тех или иных мотивов отдельно на федоровских и алакульских горшках и тех мотивов, которые были распространены на обоих этапах и на востоке, то получится следующая картина: чисто федоровских - 6.2%, чисто алакульских - 6.9, общих для всех этапов - 84.8% (рис. 18). Отсюда можно сделать только один вывод: в орнаментации венчиков андроновских горшков, независимо от этапа или территории распространения, наблюдается значительно больше сходства, чем различий. Такое положение указывает на связанность орнаментальной традиции в украшении венчиков андроновских горшков разного времени и разных территорий.

Рассматривая мотивы орнаментации на шейке, можно

видеть, что они делятся на иные группы: собственно федоровские, преимущественно алакульские, собственно алакульские и восточные (рис. 17).

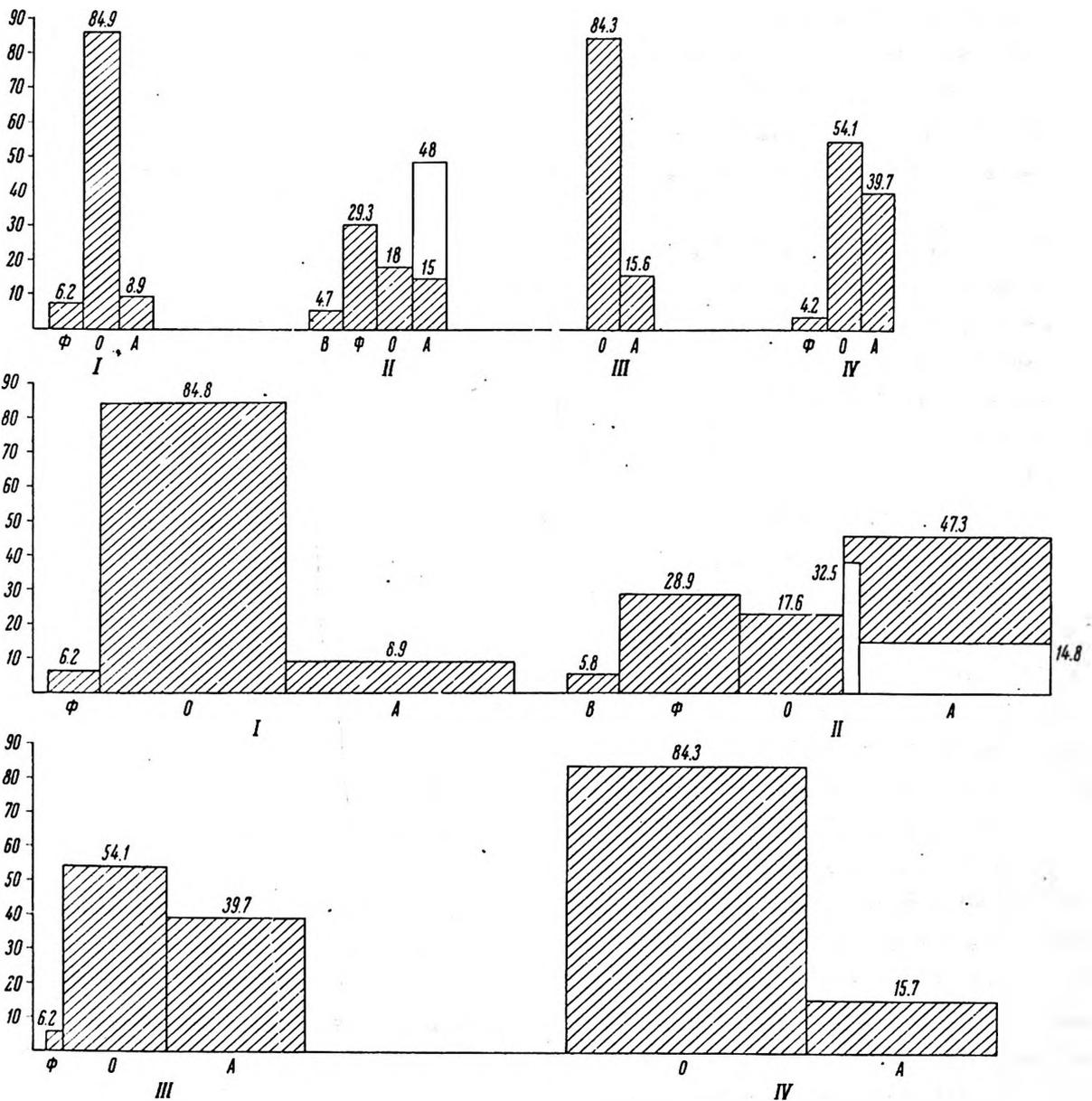
Из девяти собственно федоровских мотивов пять встречаются на горшках восточных районов. Чаще других используется прием орнаментации шейки бороздками (47 случаев), наиболее характерный для Северного Казахстана. На втором месте стоят меандровые фигуры (23 случая), на третьем - косой меандр (15 случаев), оба эти мотива также чаще встречаются в Северном Казахстане. Значительно реже (8 случаев) наблюдается зигзагообразная, продольно заштрихованная полоса и в одном случае - косые треугольники. Из четырех преимущественно алакульских приемов наиболее известны два, представляющие собой варианты одного и того же мотива, - это "гладкий зигзаг", неорнаментированная полоса между двумя рядами треугольников, обращенных вершинами друг к другу. В восьми случаях треугольники прямоугольные, а в семи - равнобедренные; эти приемы характерны для горшков алакульского времени Центрального Казахстана. В одном случае встречены косые "флажки".

Собственно алакульские орнаменты немногочисленны: из 12 их вариантов встречается пять вариантов, используемых в восточных районах. Треть раз встречены широкие каннелюры, в четырех случаях - короткие трехчленные вертикальные зигзаги, в трех - пунктирные линии и равнобедренные треугольники, в одном случае - прямой меандр.

Итак, из 28 вариантов мотивов орнамента на шейке, известных на андроновских сосудах, на востоке использовались 13, и только желобки, меандровые фигуры, косой меандр и "гладкий зигзаг" представлены в большом количестве, остальные - единичными случаями.

Но наряду с общеандоновским способом украшения шейки сосудов в восточных районах распространены и свои, только им свойственные приемы. В девяти случаях это параллельные ряды прямых оттисков штампа, поставленного наклонно, разделенные бороздками; в шести случаях - остроугольные треугольники, соединенные вершинами; в четырех случаях вся шейка покрыта горизонтальной елочкой; по два раза встречены прямые "флажки", прямоугольные треугольники и поперечно заштрихованный зигзаг.

Таким образом, для горшков восточных районов ха-

рактально преимущественное использование собственно федоровских приемов орнамента шейки. Правда, в строго ограниченном количестве встречается варианты или мотивы, свойственные только восточным районам. Значительно реже применялись украшения, характерные для алакульских сосудов. Орнаментирование шейки горшков нужно считать характерной федоровской чертой. Если рассматривать элементы орнамента на шейках андроновских горшков по той же схеме, что и элементы орнамента венчика, то получится следующая картина: восточные орнаменты - 5,8%, федоровские - 28,9, алакульские - 47,3, общие - 17,6% (см. рис. 18). Из 30 элементов общими являются только шесть. На первый

Рис. 18. Процентное соотношение федоровских (Ф), алакульских (А), восточных (В) и общих (О) элементов орнаментов (венчик - I, шейка - II, тулово - III) и украшений (IV).

взгляд создается впечатление, что подсчеты элементов орнамента шейки в корне противоречат данным, полученным при изучении орнамента венчика; здесь действительно больше расхождений, чем сходства. И это касается не только федоровских и алакульских способов орнамента, но и восточных, свойственных только керамике Енисея и Оби. Объяснить такое явление можно лишь одним: изменением на алакульском этапе формы

горшка - появлением уступчика. Эта новая деталь способствовала изменению ориентации шейки и появлению свободной от орнамента зоны. На востоке сохранилась старая федоровская форма горшка без уступчика, и поэтому шейка в основном орнаментировалась по-старому. Но в то же время, отражая общеандроновскую закономерность развития орнаментации, здесь появились и своеобразные элементы. Поэтому отсутствие совпадений в орнаментации шейки сосудов нельзя рассматривать как показатель коренного отличия федоровской и алакульской посуды, а нужно связывать с изменением формы самого горшка: с появлением уступчика на переходе шейки в плечо.

Мотивы украшения плечиков сосудов распадаются на три группы: преимущественно федоровские, преимущественно алакульские, собственно алакульские (см. рис. 17). Из пяти преимущественно федоровских мотивов на востоке использовались четыре, правда, один из них - косой меандр - встречен один раз. В 39 случаях плечики украшены горизонтальной елочкой, в 33 - пирамидкой из треугольников, в 19 - нарядным фестоном, обрамленными треугольниками.

Из девяти преимущественно алакульских приемов использовались три: зигзагообразные или реже поперечно заштрихованные полосы (23 случая), меандровый узор (четыре случая) и вертикальные елочные зигзаги (один случай).

Собственно алакульские варианты мотивов немногочисленны: из 11 известных мотивов использовались только четыре: вариант меандрового узора (три случая); вертикальная елочка (три случая); три ряда треугольников, из которых нижний ряд неполный (четыре случая); треугольники, обращенные вершинами вниз (два случая).

Таким образом, из 25 вариантов мотивов украшения плечиков на востоке встречается 11, но характерными вариантами можно считать только горизонтальную елочку, пирамидки из треугольников, горизонтальный зигзаг и фестон.

Орнамент плечиков в плане преемственности федоровской и алакульской орнаментальной традиции показывает несколько иное, чем орнамент шейки, соотношение общих мотивов и мотивов, характерных для определенного этапа. Из 25 вариантов 11 использовались только в алакульское время и отчасти, как было пока-

зано, на востоке. Остальные же 14 вариантов, хотя и в разном количестве, встречаются на посуде как алакульского, так и федоровского этапов. Орнаментальные мотивы плечиков делятся на алакульские и общие; первых - 15.6%, общих - 84.3% (см. рис. 18). Отсюда следует, что все известные в федоровское время мотивы орнамента продолжали бытовать, хотя и в меньшем количестве, и в алакульский период. Здесь, как и при рассмотрении орнамента венчика, также видна несомненная преемственность в орнаментальной традиции федоровского и алакульского времени. Более того, на плечиках она проявляется значительно нагляднее. На этой части сосудов встречаются своеобразные единичные алакульские орнаменты, но чаще обнаруживаются те, которые были известны и на федоровских, и на алакульских горшках. Такое соотношение общих и характерных только для одного периода орнаментов лишней раз позволяет убедиться в правильности оценки расхождений в орнаментации шейки в федоровский и алакульский периоды.

Рассмотрение мотивов орнамента, встречавшихся в восточных районах распространения андроновской культуры, позволяет прийти к некоторым важным выводам. Здесь наряду с собственно федоровскими, характерными для ранних этапов развития андроновской культуры мотивами использовались и такие, которые возникли в андроновской культуре значительно позже, что уже само по себе не позволяет по видам орнамента безоговорочно относить керамику восточных районов к собственно федоровскому периоду. И второе: для украшения сосудов применялись далеко не все известные мотивы, а только ограниченное их число, причем именно они и представляют собой украшения, характеризующие андроновскую керамику востока.

Первый вывод о невозможности безоговорочного отнесения восточной керамики к федоровскому этапу настолько противоречит имеющимся представлениям, что требует дополнительной проверки. Предложенный В.С.Сорокиным способ установления относительной хронологии памятников по частоте встречаемости тех или иных элементов орнамента позволяет сделать эту проверку (Сорокин, 1962, с. 78). Среди 44 элементов орнамента сосудов изнисей (см. рис. 15) 26 совпадают с элементами орнамента, выявленными В.С.Сорокиным для западных районов распространения андроновской культуры. Имен-

но эти 26 элементов можно сопоставить, выразив их в процентах к общему числу орнаментированных енисейских горшков, с результатами, полученными В.С.Сорокиным.

Сравнение построенного по принципу В.С.Сорокина графика с графиком из его работы показывает, что енисейские памятники должны быть помещены между Боровым и орскими могильниками (рис.19). Среди элементов орнамента, свойственных Енисею, имеются такие, которые не встречаются на сосудах из Борового. Такое положение можно было бы объяснить локальными особенностями, однако именно эти, неизвестные в Боровом, элементы обнаружены на сосудах орской группы и в Тасты-Бутаке. Следовательно, различия между Боровым и енисейскими могильниками носят не локальный, а хронологический характер, указывающий на то, что могильники Енисея несколько моложе федоровского могильника у курорта Боровое. Интересно отметить, что те элементы, которые не встречены в федоровском могильнике, появляются в орских памятниках и Тасты-Бутаке, то есть в той группе могильников, которые занимают промежуточное положение между собственно федоровскими и собственно алакульскими памятниками. Появление на Енисее именно тех орнаментов, которые отличают орские памятники от федоровских и алакульских, говорит о том, что эти элементы орнамента — не локальное явление, они присущи всей андроновской культуре в целом. В них проявляется общая тенденция развития андроновской орнаментации, и, следовательно, их можно рассматривать как фактор хронологический.

Таким образом, выводы, полученные на основании анализа мотивов орнамента по методу М.Н.Комаровой, полностью соответствуют выводам, полученным в результате анализа элементов орнамента по методу В.С.Сорокина.

Особенности орнаментации андроновской посуды восточных районов, где наряду с ранними федоровскими элементами и мотивами применяются поздние, характерные для алакульского времени, не позволяют считать эту керамику чисто федоровской. Если бы более поздние черты орнамента были представлены единичными случаями и не отражались бы на общих приемах орнаментации посуды, их можно было бы рассматривать как случайность, как зарождение новых орнаментальных мотивов, которые на поздних этапах культуры получают

свое развитие. Но этих новых черт довольно много, они составляют одну треть всех случаев использования мотивов орнамента. С таким соотношением нельзя не считаться. Тем более что именно поздние черты в орнаменте являются наиболее важными при установлении относительного времени памятников. Эти памятники не могли появиться раньше, чем появились поздние черты орнаментации, в то время как ранние черты даже в поздних памятниках могут свидетельствовать о пережитках в орнаментальных приемах. Здесь нужно учитывать еще и то обстоятельство, что на наиболее богатых и нарядных горшках встречается несколько мотивов одновременно, в то время как на более скромных сосудах их значительно меньше. Поэтому частота повторяемости более ранних мотивов (а именно они свойственны наиболее богатым горшкам) значительно увеличивается по сравнению с частотой повторяемости других мотивов.

Ранние федоровские или близкие к ним мотивы в нескольких вариантах повторяются часто, в то время как новые мотивы, каждый из которых представлен меньшим количеством случаев, более разнообразны. Такое положение свидетельствует о традиционности использования орнаментов, об известной их застойности, тогда как новые мотивы говорят скорее о развитии в орнаментальных приемах и, следовательно, об их молодости и прогрессе.

Таким образом, значение ранних и поздних черт в керамике Енисея неодинаково. Для относительной хронологии большую роль играют новые, более поздние черты, именно они определяют место енисейских и вообще восточных памятников. На основании анализа орнаментальных мотивов можно говорить о том, что в восточных районах андроновская культура появилась относительно поздно, примерно около начала алакульского времени или в самом конце федоровского этапа, когда в его недрах начали созревать и развиваться алакульские черты.

Такой вывод, основанный только на наблюдениях над орнаментальными приемами, несмотря на неоспоримость наличия в орнаменте поздних черт, был бы все-таки недостаточно аргументированным. Однако он позволяет рассмотреть и другие черты андроновской культуры восточных районов с позиции относительной хронологии.

Прежде всего необходимо отметить наличие значи-

	<p>22 40 32 8 40 38 32 34 39 14 36 13 21 1 37 20 52 50 28 23 3</p> <p>Топоное Шопнам, соция</p>	<p>43 19 35 17 15 54 7 10 9 5 4 6 33 44 12 11 18 2 42 31 26 24 27 45 46 25 56 16 30 55 48 47 53 57 29</p>	<p>22 40 32 8 49 38 32 34 39 14 36 13 21 1 37 20 52 50 28 23 3</p> <p>Санаарна Шопнам, соция</p>
	<p>22 40 32 8 49 38 32 34 39 14 36 13 21 1 37 20 52 50 28 23 3</p> <p>Түгээр</p>	<p>43 19 35 17 15 54 7 10 9 5 4 6 33 44 12 11 18 2 42 31 26 24 27 45 46 25 56 16 30 55 48 47 53 57 29</p>	<p>22 40 32 8 49 38 32 34 39 14 36 13 21 1 37 20 52 50 28 23 3</p> <p>Түгээр</p>
	<p>22 40 32 8 49 38 32 34 39 14 36 13 21 1 37 20 52 50 28 23 3</p> <p>Түгээр</p>	<p>43 19 35 17 15 54 7 10 9 5 4 6 33 44 12 11 18 2 42 31 26 24 27 45 46 25 56 16 30 55 48 47 53 57 29</p>	<p>22 40 32 8 49 38 32 34 39 14 36 13 21 1 37 20 52 50 28 23 3</p> <p>Түгээр</p>
	<p>22 40 32 8 49 38 32 34 39 14 36 13 21 1 37 20 52 50 28 23 3</p> <p>Түгээр</p>	<p>43 19 35 17 15 54 7 10 9 5 4 6 33 44 12 11 18 2 42 31 26 24 27 45 46 25 56 16 30 55 48 47 53 57 29</p>	<p>22 40 32 8 49 38 32 34 39 14 36 13 21 1 37 20 52 50 28 23 3</p> <p>Түгээр</p>

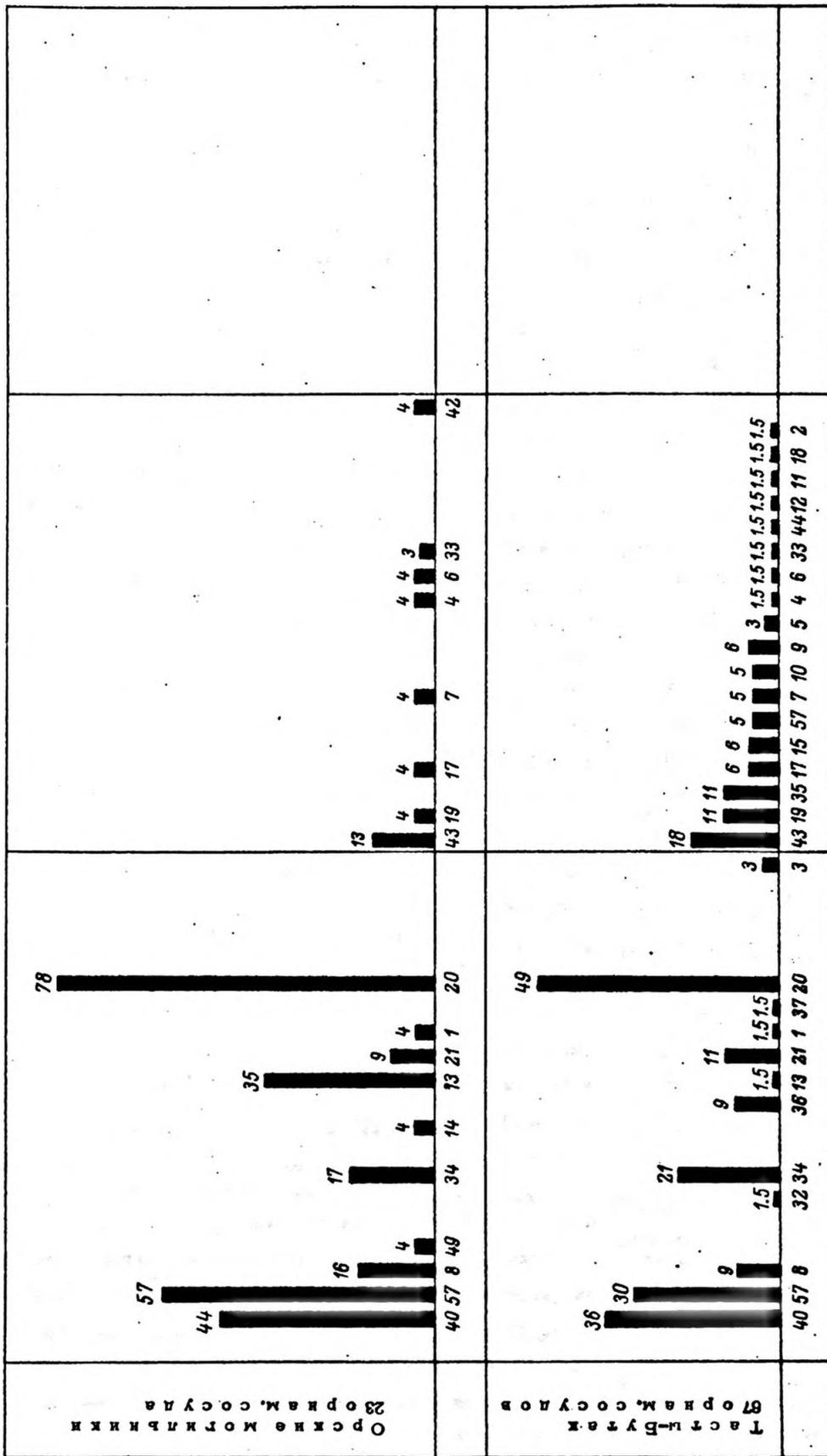

Рис.19. Характер развития и последовательность появления элементов андрозыгоской орнаментации на краях западе и на востоке распространения андрозыгоской культуры. (Частота повторности элементов орнаментации в процентах к общему числу орнаментов ванных сосудов. По В.С.Сорокину).

тельного количества баночных сосудов в могильных памятниках андроновской культуры в восточных районах. Банок в могилах собственно федоровского этапа нет, или они находятся в единичных случаях в неярко выраженной форме (Акишев, 1953, с.9; Оразбаев, 1958, с.248; Сорокин, 1962, с.80). В то же время в алакульских памятниках они встречаются повсеместно. Правда, в свое время О.А.Кривцова-Гракова считала, что наличие простейших форм сосудов является показателем большей древности могильника, и на этом основании относила Орак к древнейшему периоду андроновской культуры (Кривцова-Гракова, 1948, с.152).

В настоящее время такое представление не может считаться правильным, так как появившиеся со времени выхода работы О.А.Кривцовой-Граковой новые материалы свидетельствуют о противоположном.

На Енисее баночные сосуды имеют алакульские черты. Достаточно вспомнить сосуд из 35-й могилы Орака, который М.Н.Комарова выделяет среди других и считает более характерным для позднего времени (Комарова, 1961, с.58; 1962, с.62). Поздней чертой в его орнаментации являются широкие каннелюры под взанчиком. Такие сосуды с каннелюрами найдены и в других могильниках Енисея (табл. XLII, 5; LI, 4, 18), правда, здесь они иногда украшены горизонтальной елочкой. Эти сосуды напоминают группу сосудов "В" из могильника Тасты-Бутақ (Сорокин, 1962, с.67), а также сосуд из могильника Атакен-Сай, кольцо 37 (Кузьмина, 1964). На баночных сосудах часто встречается вертикальная елочка (табл. XLII, 7; XLV, 6; XLIX, 6; I, 13), характерная для Алексеевского поселения, а также треугольники, опущенные вершинами вниз, - прием чисто алакульский (табл. II, 15; XLVI, 2). Орнамент банок, характерный для алакульского времени, лишней раз позволяет рассматривать большое количество этих сосудов в могилах восточных районов как позднюю особенность.

Появление и развитие баночных форм, которые в небольшом количестве встречаются в федоровских памятниках, но получают широкое распространение в алакульских, нельзя рассматривать как указание на разнотипность этих памятников. Баночная форма сосудов характерна не только для западных, чисто алакульских, районов, но и для востока, где алакульские памятники неизвестны. Таким образом, и в этом

явлении наблюдается общая закономерность андроновской культуры на разных территориях ее распространения.

Сложнее обстоит дело с хронологическими особенностями андроновских украшений. Этот вопрос плохо разработан. Кроме того, в федоровских могилах Зауралья сожжение умерших производилось в одежде, в огне гнили и украшения. Только в Северном Казахстане они обнаружены в довольно большом количестве в могильнике у курорта Бороное (Оразбаев, 1958, табл. IV; V). На Енисее украшения малочисленны (табл. LII-LIV). Енисейские андроновские украшения нельзя рассматривать как федоровские. Украшения, которые найдены в Боровом, известны не только по федоровским памятникам - на других территориях они есть и в алакульских погребениях, что свидетельствует о продолжительности бытования их отдельных видов. Однако среди известных андроновских украшений есть такие, которые в федоровских памятниках пока не найдены и которые, следовательно, можно рассматривать как алакульские. Это нашивные бляшки больших размеров, около 3 см в диаметре. Они найдены в могильнике Тасты-Бутақ и в Алексеевке (Сорокин, 1962, с.59; Кривцова-Гракова, 1948, с.119, рис. 4I, I, 2). Близкие им бляшки оказались в могилах на Сухом озере (табл. LV, 8, 9). Там же в одном из погребений был найден клык кабарги. Подвески из зубов и клыков животных также встречаются только в погребениях алакульского возраста (Комарова, 1962, с.68).

В могильнике у Большого Пичугдина в погребениях с горшком федоровского вида найдены пастовые бусы (Мартынов, 1964, с.240), свойственные только алакульскому этапу. В предгорьях Алтая А.П.Уманским обнаружены золотые украшения, представляющие виды, считающиеся федоровскими, - серьги с раструбом, - и, что особенно важно, собственно алакульскими - подвески с расширенными концами.

Таким образом, на Енисее и Сби были распространены (хотя найдены пока в небольшом количестве) украшения как ранних, так и поздних типов. Это подтверждает наблюдения о более позднем времени памятников восточных районов, сделанные на основании анализа орнамента сосудов.

Украшения андроновского времени не позволяют говорить о том, что какие-то их типы свойственны только

ко одному из этапов. Часть из них характерна для обоих видов памятников, другие же, известные только по алакульским погребениям, встречаются и на востоке распространения андроновской культуры, свидетельствуя о том, что они являются общими формами для всей андроновской культуры (см. рис. 18). Правда, в отдельных местах наблюдаются некоторые особенности, видимо, этнографического порядка.

Установление в культуре восточных районов ряда поздних черт, характерных уже для алакульского времени, позволяет обратиться и к рассмотрению обряда, не столько самого обряда, сколько одной из его сторон - способа погребения. М. Н. Комарова считала, что обряд трупоположения, распространенный в восточных районах, является свидетельством локальных особенностей андроновской культуры на Оби и Енисее (Комарова, 1961, с. 56). Однако наличие поздних черт в культуре заставляет и способ погребения рассматривать с позиций относительной хронологии. Если развитие андроновской керамики восточных районов шло тем же путем, что и в других областях, если здесь были распространены те же виды украшений, а сама культура являлась пришлой, то можно предполагать, что и способ погребения претерпевал изменения, свойственные другим районам.

Рассматривая способ погребения андроновцев на разных территориях и в разное время, можно заметить вполне определенную закономерность. В Западном Казахстане, где обнаружены только памятники алакульского этапа и где, видимо, андроновская культура появилась довольно поздно, из 298 учтенных могил, для которых известен способ погребения, только в двух было сожжение (Сорокин, 1966).¹ В Приуралье на федоровском этапе из учтенных 24 могил только в одной было положение, а в остальных - сожжение. На алакульском этапе из 73 могил в шести было сожжение, а

в остальных - положение (Сорокин, 1966).² В Северном Казахстане, по данным А. М. Оразбаева, на федоровском этапе из 39 могил в 30 было сожжение и в 9 - положение, а на алакульском этапе известно 9 положений и одно сожжение (Оразбаев, 1958).

В Центральном Казахстане на нурынском (федоровском) этапе оказалось 21 трупосожжение и 14 трупоположений, а на атасуском (алакульском) - 9 трупоположений и 11 трупосожжений (Маргулан, Акишев, Кадырбаев, Оразбаев, 1966).

Сложнее обстоит дело с южными районами распространения андроновской культуры. Здесь наблюдается наибольшее своеобразие в памятниках, которое проявляется как в керамике, так и в способах погребения. В Средней Азии керамика из погребений представлена в большинстве случаев горшками алакульского вида, а способ погребения - в основном трупосожжение. Так, по данным П. Н. Кожемяко, из 30 могил Киргизии в 24 было сожжение и только в 6 - трупоположение (Кожемяко, 1960).

Несколько иная картина наблюдается по данным могильника Кокча 3 и нескольким могилам низовий Зеравшана. Здесь в могилах с алакульской керамикой встречается только трупоположение (Итина, 1961; Аскарлов, 1962, с. 14).

В непосредственной близости к Енисею, в Западной Сибири, памятники которой исследователи относят к федоровскому этапу, по далеко неполным данным, из 44 учтенных могил в 25 было сожжение, а в 19 - трупоположение, в том числе в 16 детских (Елькин, 1967; Грязнов, 1956, с. 14). На самом же Енисее в 260 могилах было трупоположение и в 21 - трупосожжение. Таким образом, на всех территориях, даже по тем очень далеким от исчерпывающих данным, кроме, может быть, Средней Азии, наблюдается одна и та же картина: в федоровское время преобладало трупосожжение, в алакульское - трупоположение. Следовательно, и на Енисее преобладание трупоположения можно рассматривать не как локальную особенность этой территории, а как хронологический показатель. Здесь при сохранении многих федоровских черт в керамике преобладал харак-

¹ Приведенная цифра в работе В. С. Сорокина не дана. Она получилась в результате выборки тех могил, для которых указан способ погребения, так как в некоторых случаях, особенно при суммарном описании памятников, сведений о количестве сожжений и положений не дается.

² Цифры получены таким же образом, как и в первом случае.

терный для алакульского этапа способ погребения. Это же в известной мере подчеркивается и тем обстоятельством, что на Оби, откуда только и могла попасть в Минусинские котловины андроновская культура и где, следовательно, памятники должны были быть несколько старше енисейских, наблюдается еще преобладание более раннего способа погребения, а именно трупосожжения. Так обстоит дело при рассмотрении способа погребения с точки зрения относительной хронологии андроновских памятников. Здесь необходимо отметить и другую сторону изменения характера погребения, важную для решения вопроса об алакульском и федоровском этапах. Постепенное убывание количества трупосожжений и увеличение числа трупоположений в разных, часто далеко отстоящих друг от друга районах распространения андроновской культуры свидетельствуют об общих закономерностях развития способа погребения для всей территории этой культуры. Поэтому не следует рассматривать единичные случаи сожжения в западных районах как результат влияния федоровцев на алакульцев, так как почти такое же соотношение этих способов наблюдается и на крайнем востоке, в Минусинских котловинах, где алакульских памятников вообще нет.

Следовательно, способ погребения имеет важное значение и для определения относительной хронологии андроновских памятников (конечно, с учетом и других особенностей культуры), и для установления общих закономерностей развития андроновской культуры. Это проверено и на опыте. Так, казахские археологи при изучении своих материалов рассматривают способ погребения как один из основных показателей для определения возраста памятника (Акишев, 1953, с. 4; Оразбаев, 1958, с. 247), в результате чего расчленяют андроновские памятники на хронологические этапы.

Об этом же свидетельствуют и другие черты обряда. К их числу относятся: обычай погребать умерших не только на левом боку, но и на правом (отдельные случаи погребения на правом боку зафиксированы в могильнике у Сухого озера); положение погребенных головой не только на З и ДЗ, но и в диаметрально противоположную сторону — на СВ (Комарова, 1962, с. 67). Кроме того, на том же Сухом озере раскопано несколько могил так называемого «соседского» типа, разделенных тонкой перегородкой; есть такая же могила и в могильнике Орак (Комарова, 1961, с. 58). Но они особенно

характерны для Центрального Казахстана, для алакульских (алакульских) курганов (Маргулан, Акишев, Калдыраев, Оразбаев, 1966, с. 286). Видимо, такими же поздними признаками являются и сооружение в одной ограде нескольких могил, как это можно видеть в могильнике у Усть-Ербн, и распространение оград с пристройками, получивших дальнейшее развитие на следующем этапе эпохи бронзы — в карасукской культуре.

Общим для андроновской культуры является и порядок размещения в могилах инвентаря, сопровождающего погребенного. Так, горшки всегда стоят в головном конце могилы, а кости животных находятся недалеко от ног. В могилах с сожжением такое размещение сохраняется; горшки обычно стоят в углах, прилежащих к западной стене, в той же стороне могилы, что и при трупоположении. Правда, в разных районах количество горшков в могилах разное, но в этом проявляются этнографические особенности. Бусы в могилах также всегда находятся у ног погребенного. Таким образом, характерный для алакульского времени обряд был распространен и на Енисее, что не может не свидетельствовать об общности обряда для всех районов распространения андроновской культуры.

Установление в андроновской культуре восточных районов ранних и поздних черт, проявляющихся в керамике, украшениях, обряде, способе погребений, а также в конструкции могильных сооружений, заставляет отказаться от общепринятого и широко распространенного мнения о чисто федоровском облике енисейских памятников. Даже теоретически, исходя из факта прихода андроновцев на Енисей, надо признать, что культура здесь должна была иметь вид несколько более поздний, чем в областях основного ее распространения. Выше уже отмечалось, что распространение андроновской культуры связано не с передачей культурных достижений соседним районам, а с расселением самих носителей культуры, вытеснявших на пути своего продвижения доандоновское население тех мест. Поэтому и продвижение самой культуры не могло быть стремительным, а потребовало определенного времени, в течение которого внутри самой андроновской культуры происходили изменения.

В тех местах, где андроновская культура может считаться местной и где имеются памятники обоих ее этапов, показывающих направление и развитие культу-

ры, в недрах ее постепенно происходили изменения. Сначала они привели к появлению памятников алакульского типа, а затем к образованию культур нового облика. У той же части андроновских племен, которая вынуждена была в силу тех или иных причин покинуть первоначальные места обитания, развитие новых черт культуры, видимо, задерживалось, что могло быть связано с неосознанной попыткой сохранить свое этнографическое лицо. Поэтому наиболее употребительные, наиболее излюбленные приемы орнаментации горшков могли использоваться в течение длительного времени. Исключение на определенном этапе развития части племен из общей их массы, видимо, законсервировало привычные старшие орнаментальные приемы. Именно такая устойчивость и неподвижность характерны для наиболее богато орнаментированных горшков восточных районов. Особенно это заметно в украшении плечиков, где преобладают два вида композиции: пирамидки из треугольников и пышные фестоны, обраченные гирляндой из треугольников. Даже и на шейке сосудов, где используется много элементов, все они являются вариантами одного и того же меандра, а украшение венчика ограничивается на таких сосудах остроугольными или прямоугольными треугольниками.

Продвижение андроновцев на восток происходило по территориям, занятым инокультурными племенами. В столкновении с ними и в постоянном общении мог бы раствориться андроновский облик культуры, что в конце концов и произошло. Это упорно заставляло андроновцев сохранять свое этнографическое место и как один из его моментов старшие орнаментальные традиции. Но в то же время постоянное общение с другими племенами влияло на отдельные стороны андроновской культуры, в частности на керамику. Те же богатые сосуды на Енисее и в одном случае на Оби имеют совершенно несвойственную им форму (табл. XLV, 14-16). Это четырехугольные в верхней части горшки. На соседних территориях, в частности в памятниках самусьского типа и в окуневской культуре, имеются горшки четырехугольной или многогранной формы. На андроновских же горшках четырехгранность устья при сохранении всех остальных характерных для посуды этой культуры черт выглядит неоправданно. О заимствовании свидетельствует и один горшок с Сухого озера (табл. XLVI, 4), украшенный шахматным узором. По форме горшок андронов-

ский, а орнамент окуневский. На приведенных примерах можно видеть, с одной стороны, неизбежные заимствования, а с другой - упорную попытку сохранения старых традиций.

В андроновской керамике проявляется и третья тенденция - это распространение новых приемов собственно андроновской орнаментации. Отрыв от первоначальных мест обитания не был абсолютным. Андроновская культура оказалась более сильной, чем культуры племен, вытесняемых андроновцами. Поэтому естественно, что связи внутри самой культуры продолжали существовать. В результате этих связей и общей тенденции развития андроновской культуры в ней появлялись новые черты алакульского облика, а распространение их по всей территории андроновской культуры нивелировало ее. Именно эти новые черты и являются показателем относительного времени появления андроновских памятников в восточных районах, ибо раньше того, как они вызрели и распространились, памятники, в которых они встречаются, существовать не могли.

Поэтому, определяя относительный возраст восточных памятников андроновской культуры, необходимо учитывать все три тенденции в развитии андроновской керамики и отводить каждой из них в деле решения поставленного вопроса соответствующее место.

Естественно, что наиболее важным хронологическим показателем являются поздние черты в культуре, свойственные уже алакульскому времени. К их числу относятся обряд погребения, отдельные особенности конструкции оград (ограды с пристройками), «соседские» могилы, значительный процент баночных сосудов, поздних элементов орнамента на них, нефедоровские мотивы украшений на богато орнаментированных горшках.

Итак, поздние алакульские черты проявляются в андроновской культуре всесторонне, но наряду с ними наблюдается еще значительный вес старых федоровских традиций. Все это затрудняет отнесение памятников восточных районов конкретно к одному из этапов. Но это не значит, что на востоке были распространены памятники какого-то нового этапа. Речь может идти только о том, что в восточных районах андроновская культура появилась в самом конце федоровского этапа или в самом начале алакульского периода, в то время, когда еще сильны были пережитки старых традиций, но новые развились уже настолько, что не укладывались

в рамки более раннего периода. Учитывая, что на востоке могли проявиться ранние черты в переходной форме, нужно думать, что восточные памятники принадлежат переходному времени между федоровским и алакульским этапами. Хронологически они должны несколько предшествовать памятникам орского типа. Об этом свидетельствуют новые орнаменты, распространенные в орских памятниках, и отсутствие орнаментов, более характерных для алакульского могильника и Алексеевского поселения — памятников более поздних.

Так, кажется, обстоит дело с относительным временем появления андроновских памятников на востоке. Эти памятники теперь довольно многочисленны, при их сопоставлении друг с другом можно заметить некоторые особенности. В одних памятниках (Орак, Пристань, Ланин Лог, Улус Подкуниинский) больше старых черт, в других — меньше, что, видимо, позволит со временем выделить более ранние и более поздние памятники. Но уже и сейчас можно говорить о том, что Орак, например, производит впечатление более раннего могильника, а Сухое озеро или Усть-Ерба выглядят моложе. Но даже разделение андроновских памятников на ранние и поздние не дает возможности говорить о том, что среди них есть федоровские и алакульские. Все известные памятники в настоящее время выглядят достаточно однородно, что позволяет говорить о едином культурном облике андроновской культуры.

Основной особенностью памятников восточных районов является сочетание в них ранних и поздних черт, но это явление в андроновской культуре не единственное — оно в равной степени свойственно всем окраинным районам ее распространения. На востоке сохранение ранних черт сказалось в украшении горшков, на эге, в Киргизии, — в сохранении федоровского способа погребения по обряду трупосожжения при развитых уже формах керамики, свойственных алакульскому этапу³ (Кожемяко, 1960; Аспаров, 1962, с.17; 1965, с.53).

Причины, заставившие развиваться андроновскую культуру несколькими иными путями, пока неясны, но характерно то, что на периферии ее распространения па-

3 С предложенной трактовкой памятников окраинных районов андроновской культуры не согласен М.П. Грязнов, который считает, что в Средней Азии есть памятники обоих этапов.

мятники чистых этапов андроновской культуры неизвестны; они сочетают в себе ранние и поздние черты.

Исходя из этого, нужно считать, что на Енисее не будет найдено чистых алакульских памятников. Те алакульские черты, которые отмечала М.Н. Комарова и о которых уже достаточно говорилось, являются показателями относительно более позднего времени появления андроновских памятников в восточных районах, а не свидетельством не открытого еще здесь алакульского этапа. Об этом же говорят андроновские черты в памятниках карасукской культуры, сменившей андроновскую культуру на Енисее (см. с. II6 — II8).

Если относительный возраст восточных памятников можно было установить путем сравнительного их изучения с памятниками других территорий, то абсолютный возраст выяснить значительно труднее. В последние годы (но только для западных районов распространения андроновской культуры) появились факты, позволившие уточнить дату алакульского этапа. Первоначально К.В. Сальников датировал андроновскую культуру II тыс. до н.э. — VII в. до н.э., распределяя это время между тремя выделенными им этапами таким образом, что федоровский охватывал период с середины II тыс. до н.э. до XII в. до н.э., алакульский — с XI по IX в. до н.э. и замараевский — с VII по V в. до н.э. (Сальников, 1951, с.119). В последней своей работе, учитывая все данные (Сальников, 1967, с.224), Сальников пришел к выводу, что федоровский этап надо датировать XVI—XVI вв. до н.э., алакульский — XV—XI вв., а замараевский — XII—V вв. до н.э. Предложенная К.В. Сальниковым датировка является в настоящее время последним словом в этом вопросе, однако ему предшествовали разработки ряда исследователей. Здесь нет необходимости рассматривать разные представления исследователей, так как все это есть в их работах. Чужо только указать, что наиболее полно и подробно они изложены в последних исследованиях К.В. Сальникова, Э.С. Сорскина и Э.А. Федоровой-Давыдовой (Сорский, 1966, с.14; Сальников, 1967, с.309; Федорова-Давыдова, 1967). Отсылая читателя за деталями к работам указанных авторов, нужно отметить, что если с датой алакульского этапа согласны все исследователи, то даты федоровского и замараевского этапов у многих вызывают сомнения. Оставляя в стороне замараевский этап, как не имеющий прямого отношения к рассматри-

вашей проблеме, необходимо остановиться на дате федоровского этапа.

В основе датировки алакульских памятников лежат три момента: находки в погребениях бронзовых вещей, датированных более или менее точно XV-XIII вв. до н.э.; сочетание в западных андроновских памятниках алакульских и срубных черт культуры, в результате чего алакульские памятники получают датировку по срубным чертам; и радиоуглеродные даты западных памятников, которые укладываются в те же хронологические рамки. Согласованность в этом вопросе естественных и археологических данных делает указанную дату алакульских памятников достаточно убедительной. Для федоровских памятников таких данных нет. Единственным обоснованием ранней даты федоровских памятников является находка в кургане 7 у с. Смолино бронзового наконечника стрелы. В результате его анализа К.В. Сальников и получил дату федоровских памятников (Сальников, 1967, с. 311-315). Э.А. Федорова-Давыдова не согласна с этой датой на том основании, что аналогии, приведенные К.В. Сальниковым, те же, что определяют и возраст наконечника дротика из Увакского могильника, давшего одну из дат для алакульского этапа (Федорова-Давыдова, 1968, с. 20). Спор этот при ссылках на одни и те же материалы не может быть решен в пользу одного из исследователей, и поэтому вопрос о дате федоровских памятников на западе остается пока открытым.

По центральным районам распространения андроновской культуры бесспорных и объективных данных для установления хронологии памятников пока нет. В то же время для Енисея появилась некоторая возможность хотя бы приблизительно определить возраст андроновских памятников. При отсутствии здесь чистых алакульских могильников конец андроновской культуры совпадает с началом сменяющей ее карасукской культуры или несколько предшествует ее возникновению.

Верхняя граница андроновских памятников на Енисее определяется примерно XIV в. до н.э., временем появления сложившихся карасукских форм бронзовых изделий в наиболее восточных памятниках (Киселев, 1951, с. 178; Пяткин, 1967).

XIV в. до н.э. - это начальный период алакульского этапа на западе, а на востоке - конец андроновской культуры; что хорошо согласуется с ее характером

в этих районах, так как здесь появляются черты, развивавшиеся в алакульское время. Значительно сложнее обстоит вопрос со временем появления андроновцев на востоке. Прямых археологических данных для его выяснения нет, но в последние годы получена серия радиоуглеродных дат из могильников Енисея (Семенцов, Романова, Долуханов, 1969; Руденко, 1968). Казалось бы, они должны дать искомую дату, но, к сожалению, полученные результаты очень сильно отличаются друг от друга. Большинство из них не согласуется и с данными, полученными при изучении археологического материала. Значительное расхождение между отдельными датами отмечают и авторы публикуемой сводки радиоуглеродных дат, хотя они считают, что ошибка заключается здесь не в методе исследования. Не выясняя причин ошибок, нужно отметить, что они безусловно имеют место, что не позволяет относиться к полученным датам с должным доверием.

Наиболее ярко эти ошибки проявились в результатах анализа дерева из двух памятников: Каменки II и Ярки II. В первом случае для анализа использовалось дерево из двух расположенных рядом в одной ограде могил. В одном из срубов находился мужчина, а в другом - женщина. Их поза и положение по отношению друг к другу отражают характерный для Енисея обряд парных погребений или погребений в „соседских” могилах. Даты этих могил: 1960 и 590 лет до н.э., так что хронологический разрыв между ними достигает 1370 лет. В Ярках анализы взяты также из двух срубов, между которыми было расстояние в 3 м. Даты этих могил: 1020 и 420 лет до н.э., разрыв здесь в 600 лет. Исторически появление подобных расхождений во времени невероятно. В Каменке в двух могилах погребены мужчина и женщина, их могли похоронить и не в одно время, но во всяком случае перерыв был небольшой. Люди, совершавшие захоронения, хорошо знали, кто был похоронен раньше и кого и на какое место необходимо похоронить вторым. Предполагать же, что через 1370 лет в ограде соорудили параллельно первой могиле вторую и похоронили в ней мужчину на том месте, на котором он по обряду должен был лежать, невозможно. Аналогичная картина наблюдается в Ярках. Следовательно, в каждой паре рассмотренных дат одна заведомо неправильная, что заставляет с большой осторожностью относиться и ко всем другим датам.

Всего для Енисея сделано девять определений дат. На приведенной таблице (рис. 20) у всех определений стандартное отклонение увеличено вдвое с тем, чтобы довести до 95% вероятность предела, в котором лежат даты. Четыре определения занимают крайние положения на таблице и не связываются друг с другом. Это определения дат Ярков и могилы 2 из ограды 24 Каменки, которые дают очень поздний возраст, а также определение Ужура, имеющего очень раннюю дату. Пять других лежат в более узких пределах. Но и здесь только два определения близки – это результат анализа из могилы кургана 2 Ланина Лога и могилы 2 ограды 6 Пристань I: у первого из них возраст лежит в пределах 1580–1850 лет до н.э., у второго – 1670–1920 лет до н.э., то есть у них наблюдается совпадение в пределах XV–XVI вв. Две другие даты близки им своими крайними пределами. Определение дерева могилы I ограды I Ланина Лога дает интервал 1300–1580 лет до н.э., а могилы I ограды 24 Каменки – 1810–2100 лет до н.э. Что же касается пятого определения из кургана 2 Ланина Лога, то оно имеет еще более низкую дату. Таким образом, четыре даты из девяти можно рассматривать как довольно близкие. Если в определение рассматриваемых дат не вкралось каких-либо ошибок, то андроновское время на Енисее должно лежать в пределах: начало – XVIII–XVI вв. до н.э., конец – XIV в. до н.э. Этот вывод нельзя все же считать полностью доказанным. Если верхняя граница устанавливается достаточно определенно, то нижняя – в силу отмеченных расхождений в радиоуглеродных определениях – весьма условна. Вместе с тем эта дата наиболее реальна и дает возможность хотя бы приблизительно сориентировать андроновские памятники Енисея во времени. Поэтому при отсутствии в настоящий момент других данных казенные даты приходится брать за основу, хотя дата начала андроновской культуры для Енисея – XVIII в. до н.э., – видимо, несколько занижена.

Установление даты андроновских памятников Енисея позволяет вернуться к затронутой в начале главы проблеме соотношения федоровских и алакульских памятников. Возражая Э.А. Федоровой–Давыдовой и выступая против отнесения федоровских и алакульских памятников к разным культурам, К.В. Сальников приводит ряд примеров, показывающих с его точки зрения перерастание федоровской керамики в алакульскую на территории

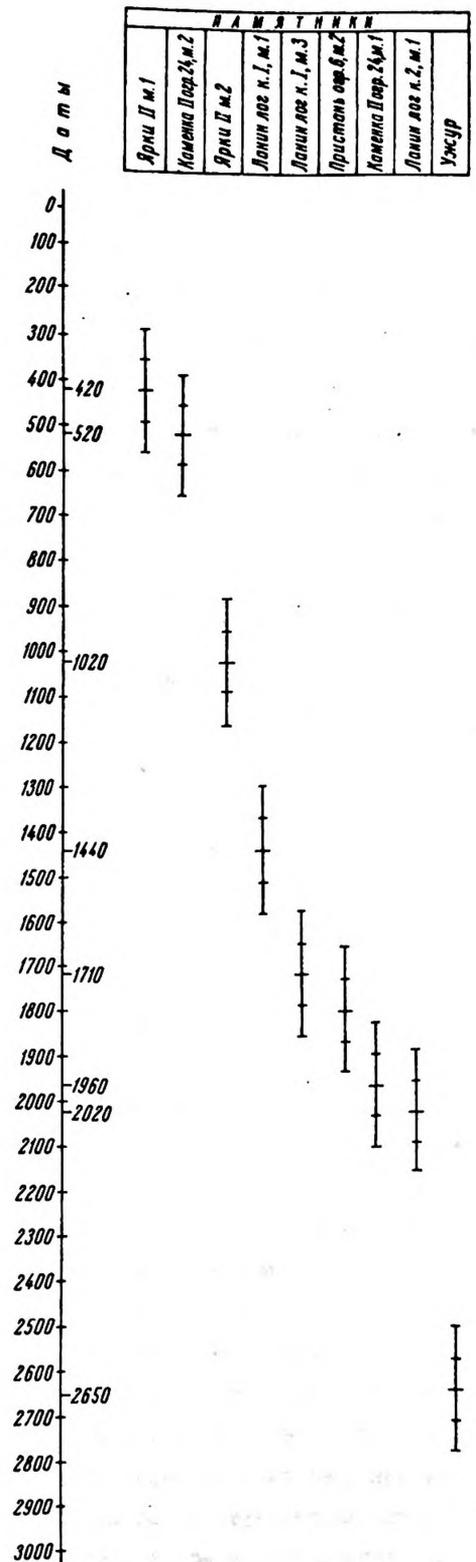

Рис. 20. Радиоуглеродные определения дат андроновских могил Енисея.

Приуралья. Тот же процесс наблюдается и в погребальном обряде, где можно видеть различные варианты переходных форм (Сальников, 1967, с.284). При этом К.В.Сальников указывает на полное отсутствие погребений, где имелись бы развитые федоровские и алакульские горшки, хотя только такие факты могли бы говорить о синхронности памятников аналогично тому, как об этом можно судить по материалам могил со срубными и андроновскими горшками в районе Магнитогорска (Сальников, 1967, с.304).

Как было показано, в восточных районах в андроновской культуре наряду с федоровскими чертами органически сочетаются алакульские. Объяснить их появление механическим путем, в результате контакта федоровцев и алакульцев, невозможно, так как от Енисея до Иртыша алакульских памятников нет. В то же время эти алакульские черты проявляются во всех чертах культуры. Как показал анализ орнаментов, многие элементы являются общими для федоровской и алакульской посуды, особенно для украшения венчика и плечиков горшков. Такая же картина наблюдается и в погребальном обряде. Если преимущественный способ погребения для федоровцев и алакульцев различен, то другие стороны обряда, в частности размещение сопровождающего инвентаря, ориентировка, отсутствие в могилах производственного инвентаря, являются общими. Все эти археологические факты не позволяют рассматривать федоровские и алакульские памятники как разнокультурные.

Не противоречит такому выводу и антропологический материал. Почти по всей огромной территории распространения андроновцев антропологический тип погребенных является единым, называемым андроновским. В Западном Казахстане в некоторых алакульских по облику могильниках действительно похоронены люди другого антропологического типа (Алексеев, 1967). Но алакульские памятники имеются не только в Западном Казахстане, а и в других районах - в Приуралье, в Центральном и Северном Казахстане - и оставлены они населением с андроновским типом. Следовательно, для алакульских памятников характерны два различных антропологических типа. На большей территории они представлены андроновским, на крайнем западе, где, по археологическим данным, наблюдалось взаимодействие андроновцев и срубников, - "срубным". Отсюда можно сделать вывод, что срубники восприняли но-

вую для себя культуру под влиянием андроновцев.

Единственным, более или менее серьезным теоретическим аргументом в пользу разнокультурности федоровских и алакульских памятников было отсутствие более ранних дат для федоровских памятников и удревнение алакульских. Установление относительно ранней даты (хотя и недостаточно доказанной) восточных памятников, сочетающих в себе федоровские и алакульские черты, то есть памятников более поздних, чем чисто федоровские, свидетельствует о том, что федоровский этап может быть удревнен.

Таким образом, материалы восточного района отрицают возможность видеть в федоровских и алакульских памятниках две культуры, так как в них появляются общие всей андроновской культуре закономерности в развитии форм материальной культуры и погребального обряда. Этого бы не наблюдалось, если бы этапы являлись разными по происхождению культурами. В то же время при общих закономерностях развития андроновская культура в разных районах имела и свои конкретные особенности. За ними можно видеть локальные культуры, оставленные отдельными племенами или их группами.⁴

4 Со времени написания работы и до ее выхода прошло более восьми лет. За этот период появились новые материалы и суждения. Однако окончательного решения основных вопросов андроновской культуры все еще нет. В результате работ Г.Б.Здановича в Северном Казахстане появилось значительно более обоснованное представление о последовательности этапов (Зданович, 1975). Если даже схема К.В.Сальникова будет окончательно отвергнута, а последовательность федоровского этапа за алакульским всеми признана, то все равно андроновские памятники Енисея будут занимать промежуточное положение. Следовательно, нужно будет говорить, что андроновская культура пришла на Енисей не в конце федоровского или начале алакульского этапа, а в конце алакульского или начале федоровского. И те черты, которые в этой работе отмечаются как ранние, окажутся поздними, поздние же, - наоборот, ранними, то есть схема будет перевернута на 180°. Но принципиальный ее смысл останется неизменным.

Глава V

ИСТОРИЧЕСКИЕ СУДЬБЫ АНДРОНОВЦЕВ ВОСТОЧНЫХ РАЙОНОВ

Появление андроновской культуры на востоке включило Дниур Сибирь в ход исторических событий, происходивших на обширных просторах евразийских степей. Было ли это событие относительно кратковременным эпизодом в истории Енисея или же появление андроновской культуры в конечном счете сказалось и на дальнейшей его истории? Бесследно ли исчезла андроновская культура в Минусинской котловине, не оставив после себя никаких следов, или же оказала влияние на следующую за ней культуру и тем самым сыграла определенную роль в истории позднего бронзового века на Енисее? Эти вопросы являются предметом изучения настоящей главы.

Такие вопросы в литературе ставились не один раз, правда, не столько в связи с историей самих андроновцев, сколько в связи с проблемой возникновения карасукской культуры. На огромной территории, занятой андроновцами, позже возникает ряд культур конца бронзового века. Часть исследователей считает их последним, завершающим, этапом развития андроновской культуры, другие же рассматривают их как особые культуры, возникшие на базе андроновской. В западных районах, в Зауралье, Западном и Северном Казахстане, выявление замараевского этапа или культуры явилось логическим развитием изучения андроновской культуры. Здесь исследователи разошлись в вопросе о том, как рассматривать замараевские памятники: как завершающий этап развития андроновской культуры (Сальников, 1951, с.116; 1967, с.348; Сорокин, 1962, с.87) или как самостоятельную культуру (Оразбаев, 1958, с.276; Комарова, 1962, с.74). В центральных районах - Центральном Казахстане - выделяется другая культура позднебронзового века, относимая исследователями к кру-

гу карасукских культур и получившая в последнее время название «багазыдандыбаевская» (Грязнов, 1952; Акишев, 1953; Маргулан, Акишев, Кадырбаев, Оразбаев, 1966, с.160). Генетически она связана с андроновской культурой.

Аналогичная картина наблюдается и в Восточном Казахстане. Здесь исследователь С.С.Черников выделяет четвертый, заключительный, этап развития андроновской культуры, названный им «трушниковским» (Черников, 1960, с.102-104).

В восточных же районах в силу целого ряда обстоятельств, связанных с историей изучения Минусинской котловины, с созданием здесь раньше, чем в других районах, периодизации памятников древности, вопрос об исторических судьбах андроновцев предстает в ином аспекте. Здесь он не получает самостоятельного развития, а с самого начала является частью более общего и очень важного вопроса истории Минусинской котловины - о происхождении карасукской культуры. Последний же до настоящего времени не получил положительного решения и остается дискуссионным. Основной спор, как известно, идет о том, является ли карасукская культура по своему происхождению пришедшей или местной.

С позиций судьбы андроновской культуры на Енисее эти разногласия можно рассматривать как спор о том, выросла ли карасукская культура из андроновской, то есть является ли первая генетической преемницей второй, или же в сложении карасукской культуры андроновцы сыграли очень скромную роль и оставили по себе едва заметные следы. Нужно отметить, что никто из исследователей, разве что за исключением А.Я.Бросова и Н.Л.Членовой (Бросов, 1956, с.9; Членова, 1964, с.

271), не отрицает андроновских следов в карасукской культуре. Но сторонники пришлого происхождения карасукской культуры андроновским чертам отводят незначительное место.

Выяснение того, что стало с андроновской культурой, что нового внесли андроновцы в карасукскую культуру, какова роль, которую они сыграли в этой культуре, позволит разрешить один из моментов происхождения карасукской культуры.

Как же исследователи представляют себе заключительный этап андроновской культуры? О.А.Кривцова-Гракова, ссылаясь на исследования С.В.Киселева и Г.Ф.Дебеца, считает, что в восточных районах андроновская культура в своем чистом виде довольно рано прекратила существование. Она была сменена здесь пришлой карасукской культурой. Карасуки отчасти смешались с аборигенами и восприняли некоторые черты культуры своих предшественников, что проявилось в отдельных элементах карасукской посуды (Кривцова-Гракова, 1948, с.153).

Как можно видеть, историю андроновцев в восточных районах О.А.Кривцова-Гракова заканчивает появлением карасукской культуры, в сложении которой роль андроновцев, по ее мнению, ничтожна. С.В.Киселев более подробно останавливается на отдельных андроновских элементах в карасукской культуре, правда, делает это не специально, а в связи с теми или иными ее чертами.

Больше всего андроновских черт С.В.Киселев находит в карасукской керамике. Полагая, что карасукская посуда представлена совершенно своеобразной серией круглодонных горшков, которые не могли появиться в результате простого развития из плоскодонных андроновских сосудов, он тем не менее считает ее местной. На ее местные корни указывают, по его мнению, некоторые детали, которые позволяют сравнивать карасукскую посуду с позднеандоновской, имевшей уступ при переходе шейки в плечо сосуда, и некоторые мотивы орнамента (ромб, зигзаги, треугольные фестоны, спускающиеся по плечикам). «Счевидно, ход развития от раннеандоновской керамики к позднеандоновской повторился в карасукской керамике не случайно, но благодаря известной связи между керамическим делом енисейского «андрона» («древнего андрона») и керамическим мастерством карасукской эпохи. Последнее имело

одинаковый источник с позднеандоновским гончарством Западной Сибири – раннеандоновскую керамику, которая и на Енисее, и на Урале была весьма однородна» (Киселев, 1951, с.139).

С.В.Киселев связывает карасукскую керамику не с местной андроновской посудой, а с позднеандоновской, то есть с алакульской. А роль древнеандоновской керамики (как было показано, енисейские памятники считались федоровскими) в сложении карасукской он видит только в том, что она являлась общим источником для позднеандоновской и карасукской керамики.

Кроме керамики, С.В.Киселев отмечает также и отдельные черты в украшениях, которые можно связывать с андроновскими: лапчатые подвески, пронизки, некоторые виды бус (Киселев, 1951, с.127-130).

Таким образом, С.В.Киселев, отмечая целый ряд андроновских следов в карасукской культуре Енисея, считает, что не они характеризуют последнюю, а те неизвестные до нее элементы культуры, которые появились в Минусинской котловине вместе с карасукской.

Для Алтая же С.В.Киселев утверждает более тесную связь карасукских памятников с андроновскими. Однако и здесь, несмотря на то что население осталось прежним, его культура утратила сходство с прежней древнеандоновской под влиянием востока (Киселев, 1951, с.156).

Совсем по-иному рассматривает этот же вопрос М.П.Грязнов. Он считает, что «карасукская культура развилась в основном из предшествующей ей андроновской», которая унаследовала от последней черты в «погребальном обряде, керамике, бронзовых кельтах, и некоторых предметах украшения», но при этом заимствовала и переработала применительно к своим вкусам формы бронзовых ножей и кинжалов. Та же связь наблюдается и в памятниках Оби. Вообще эта преемственность в одинаковых формах наблюдается и на Енисее, и в Центральном Казахстане, и на Оби (Грязнов, 1956, с.37,38).

Следовательно, М.П.Грязнов рассматривает андроновскую культуру как основу, из которой выросла карасукская. Однако М.П.Грязнов не указывает, на каком этапе андроновской культуры это произошло. Можно только догадываться, что речь идет о позднем алакульском этапе, памятники которого имеются в Центральном Казахстане. Для Оби и Енисея, где этих памятников нет, вопрос остается неясным.

Отличия между федоровскими и карасукскими памятниками на Енисее отмечает и М.П.Комарова. Она считает, что именно они послужили поводом к утверждению мнения о пришлом характере карасукской культуры. Но она полагает, что и на Енисее должны быть алакульские памятники, пока еще не найденные, но могущие быть источником карасукской культуры (Комарова, 1962, с.69). Однако, как было сказано выше, ожидать открытия собственно алакульских памятников на Енисее и Оби не приходится.

О связи андроновской и карасукской культур по ряду признаков говорит и С.Рахимов. Он считает карасукскую культуру в целом пришлой, но в ее сложении, по его мнению, сказалось влияние андроновской культуры (Рахимов, 1966, с.15).

Рассмотренные мнения о следах андроновской культуры в карасукской, несмотря на разную оценку их значения, близки между собой. Их сходство заключается в том, что все эти исследователи, хотя и в разной степени, связывают названные культуры и стоят на позиции их хронологической последовательности.

Полной противоположностью этим представлениям являются взгляды нескольких исследователей, появившиеся в печати в последние годы. Несмотря на различия в конструкции путей развития древних племен в Минусинской котловине, у этих авторов наблюдается сходство в отдельных положениях, в том числе касающихся андроновской культуры.

Так, М.М.Герасимов считает, основываясь в первую очередь на антропологических данных, что андроновская культура появилась в Минусинской котловине почти одновременно с карасукцами и занимала в основном долины. Андроновцы сосуществовали с карасукцами и даже с потомками афанасьевцев и дожили до начала тагарской культуры (Герасимов, 1955, с.544,550,552).

Следовательно, М.М.Герасимов отодвигает заключительный этап андроновской культуры к началу тагарского времени, значительно омолаживая его, и при этом отрицает какую бы то ни было роль андроновцев в сложении карасука.

О месте андроновской культуры и ее роли пишет и Н.Л.Членова, которая полагает, что андроновцы жили только в северо-западной части котловины, где просуществовали до II в. до н.э. Они в конце концов смешались с местной культурой лугавцев (по мнению М.П.

Грязнова и автора настоящей работы, это поздний период карасукской культуры) (Грязнов, 1965; Максименков, 1964а), на базе чего возникла тагарская культура, получившая от андроновцев плоскодонную керамику, украшения и погребальные сооружения (Членова, 1967, с.266).¹

Таким образом, Н.Л.Членова, как и М.М.Герасимов (но на основе археологических материалов), доводит андроновскую культуру Минусинских степей до тагарской и рассматривает ее как один из компонентов последней, не считаясь при этом ни с принятой хронологией, ни с историей развития андроновской культуры на соседних территориях.

Менее ясно об андроновской культуре говорит М.Д.Хлобыстина. Первоначально она писала о сосуществовании трех культур: андроновской, батеневской (карасукской) и бейской (лугавской, по Н.Л.Членовой, или каменоложской, по М.П.Грязнову), хотя по этим ее работам составить точное представление о роли и месте андроновской культуры весьма трудно (Хлобыстина, 1962; 1963). Подробнее она об этом пишет в своей последней работе. Там говорится, что карасукская культура оформилась из двух компонентов: бейского, в основе которого лежат афанасьевско-окуневские местные традиции, и классического – батеневского, основанного на наследии андроновской культуры (Хлобыстина, 1969). Оставляя в стороне бейскую линию, нужно сказать, что в понимании роли андроновской культуры в сложении карасукской (батеневской линии развития) она приблизилась к старым, рассмотренным выше взглядам.

К взглядам вышеназванных исследователей близка и Э.А.Новгородова. Она считает, что пришлая карасукская культура получила от андроновцев элементы орнамента керамики, некоторые украшения и детали погребального обряда. Андроновцы, по Э.А.Новгородовой, населяли только северо-западную часть Минусинской котловины (Новгородова, 1963, с.629; 1965).

Основываясь на результатах раскопок могильника у Большого Пичугина, А.И.Мартынов также конструирует долгое существование андроновской культуры, вплоть до тагарского времени. Как указывалось в первой гла-

¹ Об этом же Н.Л.Членова пишет и в ряде других своих работ.

ве, в ряде могил рядом с андроновскими оказались поздние тагарские погребения, что и послужило основанием для утверждения мнения о длительном развитии андроновской культуры в лесостепном коридоре, соединяющем Кузбасс с Минусинской котловиной (Мартынов, 1963).

Таким образом, рассмотренные взгляды группы исследователей при отдельных расхождениях объединяются общим мнением о длительности существования андроновской культуры в Минусинской котловине наряду с другими культурами, признанием незначительной роли андроновцев в истории этого района, отрицанием генетической связи андроновской и карасукской культур (кроме последних представлений М. Д. Хлобыстиной) и признанием участия андроновцев в формировании тагарской культуры (за исключением М. Д. Хлобыстиной).

Следовательно, по вопросу о роли андроновской культуры и ее заключительном этапе имеются две взаимоисключающие друг друга точки зрения. Поэтому необходимо сначала рассмотреть материалы андроновской культуры в связи с карасукской и выяснить черты первой и последней. Такой путь даст возможность, во-первых, увидеть, действительно ли отсутствует связь андроновской и карасукской культур, и, во-вторых, определить, если она есть, ее вес и значение. Изучив же указанный вопрос, можно будет более правильно оценить утверждаемую рядом исследователей связь между андроном и тагаром.

Отсутствие чистых алакульских памятников на востоке распространения андроновской культуры и наличие здесь поздних ее черт заставляют искать в карасукских памятниках черты, преимущественно связанные именно с местными андроновскими.

Антропологические исследования черепов из карасукских могильников на Енисее обнаружили в составе карасукского населения три антропологических типа, одним из которых является андроновский (Дебец, 1932; 1948, с. 82; Алексеев, 1961б, с. 161; 1963, с. 159). Конечно, пока не установлены роль андроновского компонента в формировании карасукского населения и соотношение этого антропологического типа с другими, известными в карасукское время. Тем не менее наличие андроновских черепов в карасукской серии указывает на то, что андроновцы приняли участие в сложении карасукской культуры. Более того, антропологические

данные в настоящее время не позволяют говорить о приходе в это время людей с юго-востока (Алексеев, 1961б, с. 160). Мнение об их появлении служило одним из основных аргументов в пользу признания пришлого характера карасукской культуры. Это обстоятельство заставляет с еще большим вниманием отнестись к рассмотрению связей местных андроновцев с карасукцами.

В последние годы в результате изучения карасукской культуры среди старых материалов удалось выявить группу могил, отличающихся от классических карасукских (Членова, 1961; 1963). Несколько позже Красноярской экспедицией были раскопаны целые могильники и поселения, позволившие установить и охарактеризовать новый этап, получивший название «каменнолохский» (Грязнов, 1965; Максименков, 1964а), а по терминологии других исследователей, «лугавский» (Членова, 1961; 1963; Новгородова, 1963, с. 629) или «бейская группа карасукских памятников» (Хлобыстина, 1962; 1963). Эти памятники несут в себе черты, связывающие их с раннетагарскими — байновскими могильниками, чего не отрицает никто из исследователей. Они, по мнению М. П. Грязнова, с которым полностью согласен и автор настоящей работы, знаменуют собой поздний этап развития карасукской культуры Енисея. Другие же исследователи считают их принадлежащими особой культуре, развивавшейся параллельно с карасукской и мало с ней связанной. Не включаясь в спор, нужно, однако, отметить, что следы андроновской культуры наблюдаются только в памятниках раннего карасукского этапа карасукской культуры, и поэтому для выяснения культурных связей андроновцев и карасукцев будут привлекаться только собственно карасукские материалы.

Исследования целесообразно начать с изучения керамики. В специальной литературе пока еще не разработан вопрос о реально существовавших типах карасукской посуды. Предпринятой Э. А. Новгородовой попытку классифицировать эту керамику нельзя считать удачной, так как в основу типологии положен формальный признак — отношение высоты к наибольшему диаметру, не отражающий сущности карасукской посуды. Это отношение у разных выделенных исследователем групп бывает одинаковым (Новгородова, 1965а). Поэтому Э. А. Новгородова вводит для характеристики каждой группы разные дополнительные признаки, но и они не позволя-

ют видеть в ее восьми типах посуды реально существовавшие группы. Отдельные группы сосудов могут отличаться друг от друга либо одним или несколькими признаками, присутствующими на всех горшках, но представленными разными вариантами, которые и объединяют отдельные сосуды в группы; либо признаками, которые присутствуют на других группах горшков; либо разным сочетанием отдельных признаков в разных группах сосудов.

Для того, чтобы решить поставленную задачу, необходимо всю карасукскую посуду разделить на группы. Приводимое ниже деление, не претендуя на классификацию карасукской посуды, все же позволяет провести необходимый анализ форм карасукской посуды и свойственных им орнаментов и дает возможность сопоставить карасукские горшки с предшествующими андроновскими.

Карасукская керамика разнообразна. Между отдельными ее группами иногда трудно провести резкие грани, так как встречаются сосуды, сочетающие признаки разных групп. Но все же можно заметить, что формы сосудов различаются основными двумя признаками: характером дна и уступом между вертикальной шейкой и плечиками. Учитывая указанные признаки, можно разделить всю посуду на шесть разновидностей: горшки с плоским дном и уступом, с плоским дном и без уступа, с уплощенным дном и уступом, с уплощенным дном без уступа, с круглым дном и уступом, с круглым дном без уступа. Преобладающим видом является круглодонная посуда, причем горшков с уступом больше, чем без него. Сосудов же с плоским и уплощенным дном примерно одинаковое количество, но меньше, чем круглодонных. Если круглодонная посуда очень резко отличается от андроновской, то ряд горшков с плоским дном близок андроновским, что особенно хорошо видно при сравнении с андроновскими плоскодонными сосудами без уступа. Все шесть разновидностей карасукских горшков встречаются вместе. Однако несомненное сходство плоскодонных горшков без уступа с андроновскими и наличие горшков с уплощенным дном, являющихся как бы переходными видами, позволяют конструировать линию развития керамики от плоскодонной к круглодонной. Наличие переходных форм сосудов связывает андроновскую и карасукскую посуду. При этом нужно указать, что в позднем, каменнолохском, этапе плоскодонные горшки полностью отсутствуют.

Наиболее наглядно связь формы андроновских и карасукских горшков прослеживается на материалах Верхней Оби, где вся карасукская керамика в ее раннем варианте представлена плоскодонными горшками, что исследователи уже отмечали (Киселев, 1951, с.156; Грязнов, 1956, с.32).

Учитывая сходство части енисейской карасукской керамики с андроновской, наличие промежуточных форм, связывающих плоскодонную и круглодонную карасукскую посуду, и преемственность карасукской керамики Оби и андроновской, можно говорить, что андроновская посуда послужила источником сложения карасукской. Но в силу особых условий развития племен в разных местах процесс перехода от ранних форм к поздним шел по-разному и, видимо, очень быстро, что не позволяет детально его проследить.

Вместе с тем нельзя считать, что на Енисее формы карасукской керамики являются логическим развитием андроновских форм. В карасукское время в Минусинской котловине появились новые люди, которые не могли не принять какое-то участие в возникновении карасукской культуры. Что они принесли с собой и что из черт их культуры вошло в карасукскую, выяснить пока трудно. В тех же местах, где не отмечено появление нового населения в рассматриваемую эпоху, развитие андроновской керамики шло по пути сохранения плоскодонности, как, например, в карасукской посуде на Оби или в алакульских сосудах. Исходя из этого, можно предполагать, что тенденция к появлению круглодонности могла возникнуть под влиянием культурных традиций вновь пришедшего населения.

Значительно нагляднее следы андроновской культуры просматриваются в орнаментации карасукской посуды, несмотря на то что многие сосуды лишены орнамента. Из 450 горшков, взятых для анализа, около 200 были орнаментированы.² Орнаменты встречаются у венчика, на

2 Количество используемых горшков далеко не соответствует числу всех известных. Сюда, например, не вошли сосуды из последних раскопок, давших большое число горшков. Но даже далеко не полные данные отражают общую закономерность в характере орнаментации и соотношении орнаментированной и неорнаментированной посуды. Правда, нужно учитывать,

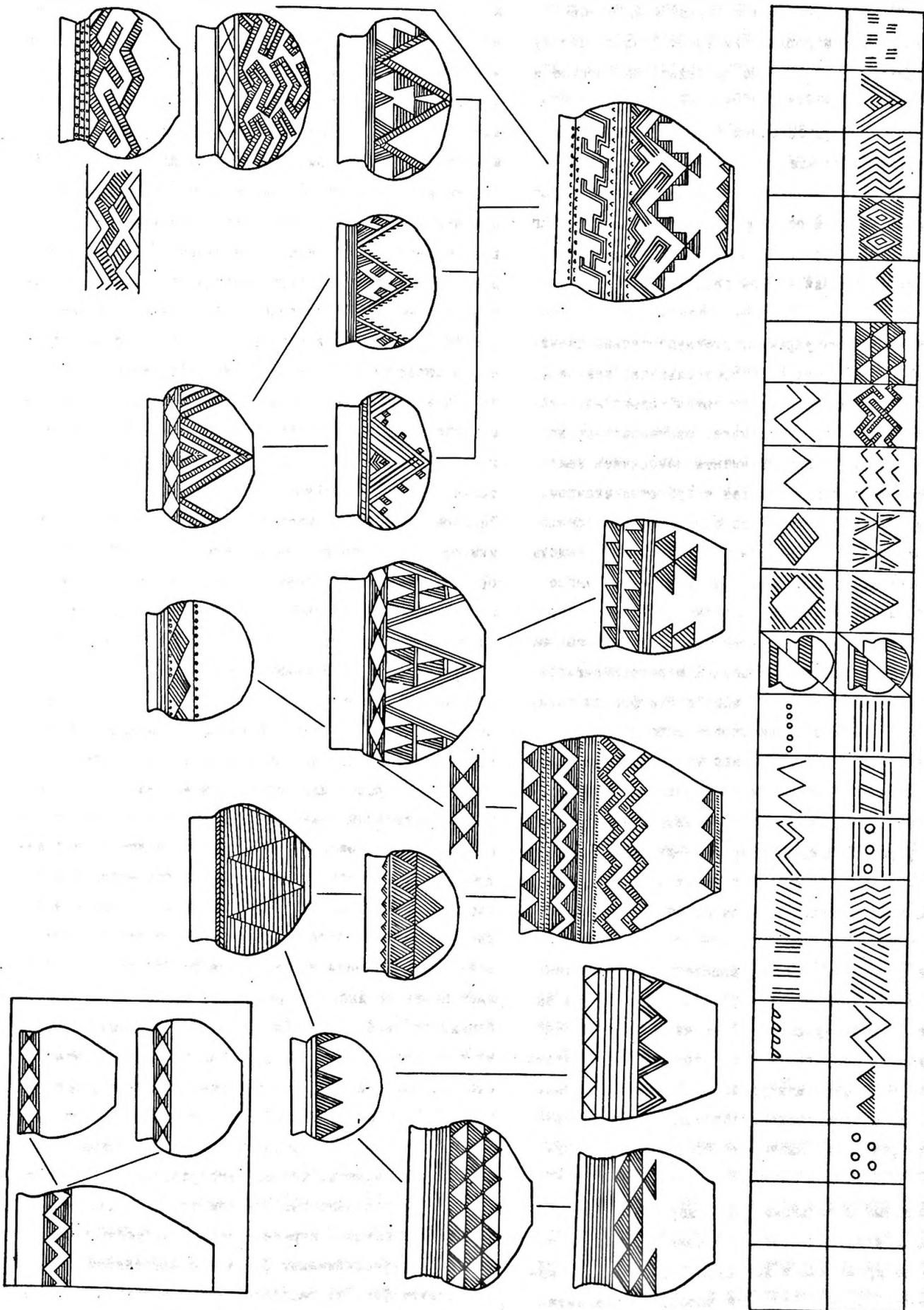

Рис. 21. Происхождение карасукских форм сосудов и их орнаментов из андроновских горшков.

переходе шейки в плечики, на плечиках и на тулове. Но для каждого места горшка они имеют свою специфику (рис. 21). Все орнаменты можно разделить на простые и сложные.

Простые орнаменты в основном украшают венчик и шейку. Это наклонные или вертикальные насечки, зигзаг и ямки на венчике; ямки, насечки, елочка, зигзаг и бороздки на шейке и ее переходе к плечикам; зигзаг на плечиках и на тулове (см. рис. 21). Все эти виды орнамента нанесены или концом палочки, или гладким штампом.

Сложные орнаменты украшают преимущественно плечики и тулово. К ним относятся треугольники, шевроны, меандр, ромбы (последние встречаются только на тулове и на плечиках) и треугольники, расположенные на венчике (см. рис. 21). Эти орнаменты наносились как гладким штампом и палочкой, так и зубчатым штампом.

Нередки случаи усложненного орнамента, нанесенного в несколько рядов и в разных местах. Можно видеть сосуды с ромбами по плечикам и шевронами на тулове или несколькими рядами треугольников на тулове. При этом часто шейка сосуда остается неорнаментированной.

Распределение орнаментированных и неорнаментированных сосудов по отмеченным выше шести формам показывает, что орнаменты в одинаковой мере характерны для всех их видов. При этом надо учитывать количественное соотношение сосудов каждой формы. Если же говорить об абсолютных цифрах, то оказывается, что чаще других украшены сосуды с круглым дном, так как они самые многочисленны. Но для них характерны простые орнаменты, располагающиеся по венчику и шейке, — бороздки, ямки и насечки.

Сложные орнаменты скорее характерны для горшков с плоским или уплощенным дном, хотя в абсолютном выражении по количеству случаев они чаще встречаются на круглодонных сосудах. Но при этом нужно учитывать, что горшков с плоским или уплощенным дном значительно меньше. Из сложных орнаментов чаще других встречаются ряды ромбов на плечиках, треугольники, опу-

щенные вершинами вниз, шевроны и ряды треугольников на тулове. Всего же богато орнаментированных горшков из приведенного выше числа — 98. Из них 23 — с плоским дном, 13 — с уплощенным и 47 — круглодонных. Как-либо особенностей в использовании сложных орнаментов на разных формах сосудов не наблюдается.

Все известные орнаменты, хотя внешне и кажутся необычными и своеобразными, на самом деле не являются чем-то новым, не встречающимся раньше на посуде Оби и Енисея. Наиболее наглядно это видно на простых орнаментах. В андроновской орнаментации они обычно наблюдаются в сочетании с другими орнаментами, в карасукской же имеют самостоятельное значение. Таковы желобки, использовавшиеся в андроновское время либо для украшения шейки, либо в качестве разделителей зон орнамента. В карасукской керамике они также находятся только на переходе шейки в плечики. Зигзаги, елочка или насечка, выполненные либо гладким штампом, либо концом палочки, также нередки в орнаментации андроновских горшков, но там они чаще наносились зубчатым штампом, хотя есть и сделанные гладким штампом. Происхождение этих простых орнаментов от андроновской орнаментации ни у кого не вызывает сомнения. Сложнее обстоит дело с более нарядными орнаментами. В том виде, в каком они представлены на карасукской посуде, на андроновских горшках они встречаются редко или вообще неизвестны. Но все же при внимательном сравнении можно заметить, что и они, несколько изменившись, произошли от более ранних андроновских мотивов (см. рис. 21). Шеврон — большой треугольник, опущенный вершиной вниз. Он располагается на тулове сосуда, отходя непосредственно от шейки или от орнаментальной полосы на плечиках, и идет почти до дна. Внутреннее пространство шеврона заполнено либо треугольниками, либо линиями, идущими параллельно сторонам шеврона. Иногда с наружной стороны шеврона помещены короткие «лесенки», неправильные треугольники или короткие насечки. В таком виде этот узор на андроновской керамике неизвестен, но нетрудно видеть, что он непосредственно связан с широко распространенным приемом орнаментации андроновского времени — нарядным фестоном, украшенным снаружи треугольниками. Об их преемственности свидетельствуют фигуры, расположенные с наружной стороны карасукских шевронов, а также размещение этого моти-

что отдельные могильники, например Сухое озеро, дают большой процент богато орнаментированной посуды, в то время как в Карасуке I преобладают малоорнаментированные или даже вообще неорнаментированные горшки.

ва на тулове сосуда, часто ниже украшенных плечиков. Внутри шевронов иногда встречается пирамидка из трех треугольников - устойчивый прием орнаментации андроновских горшков.

Треугольники на тулове располагаются преимущественно двумя рядами, один под другим, иногда встречаются и три ряда. На некоторых андроновских горшках, украшенных пирамидками, имеется два ряда треугольников, опоясывающих тулово, чаще же встречается один ряд. Орнамент этих горшков легко сопоставляется с украшениями из двух рядов треугольников на карасукских горшках. Здесь надо отметить, что карасукские треугольники в противоположность андроновским чаще обращены вершинами вниз. Получаются они путем штриховки треугольных полей, которые образуются между треугольниками на андроновских горшках, это как бы негативное изображение андроновского орнамента.

Ромбы на плечиках горшков получались несколько более сложным путем. На шейке ряда андроновских горшков имеется „гладкий зигзаг“, образованный двумя рядами треугольников, обращенных вершинами друг к другу. Этот орнаментальный прием изменился в карасукское время и дал два вида украшений. Первый из них образован сближением треугольников, в результате чего исчезло свободное пространство. Сдвинутые же треугольники заштриховывались в разных направлениях, отчего получилась как бы ковровая полоса по плечикам. Вторая разновидность - ромбы, получаемые смещением на полтреугольника верхнего или нижнего ряда таким образом, что треугольники соприкасаются вершинами, а свободное пространство между ними образует гладкий ромб. На некоторых андроновских сосудах треугольники иногда направлены вершинами друг к другу (табл. XIII, 1, 8; LI, 1), но не соприкасаются, что позволяет предполагать описанный выше путь образования карасукских ромбов. Треугольники, из которых образован ромб, продолжают иметь ту же штриховку, свойственную им в исходной композиции. Иногда же треугольники остаются гладкими, и тогда ромбы штрихуются.

Говоря об этом виде орнамента, нужно отметить, что ромбы в подавляющем большинстве случаев расположены по плечикам. У карасукского горшка имеется только высокий венчик или шейка с туловом, на андроновских же сосудах между венчиком и туловом особо выделяется шейка. Плечики карасукских сосудов занимают

место шейки андроновских горшков. На плечики и переносится орнамент, характерный для шейки. Так обстоит дело с карасукскими горшками Енисея. На Оби тот же самый орнамент из ромбов помещается только на венчике - шейке карасукских горшков (см. рис. 21).

Треугольники, опущенные вершинами вниз, широко распространенные на карасукских горшках, могут иметь различное происхождение. Они есть и в орнаменте андроновской посуды, но могут также являться производными от шевронов или рядов треугольников, характерных для карасукских орнаментов.

Меандр, известный всего на двух енисейских горшках (см. рис. 21) в разных вариантах, может быть выведен из меандрового орнамента, находящегося обычно внутри андроновского фестона, путем усложнения его отростков. В другом случае он, видимо, скорее связан с тем меандром, который характерен для алакульского времени, но на карасукском горшке этот меандр гладкий, а его окружение заштриховано.

Таким образом, подавляющее большинство мотивов орнаментов карасукских горшков Енисея находит себе непосредственных предшественников в приемах андроновской орнаментации. Но необходимо отметить, что в основе их лежат не все андроновские орнаменты, а только те, которые отмечались как наиболее устойчивые, чаще других повторявшиеся, сохранявшие древнюю федоровскую традицию. Что касается отмеченного выше случая меандровидного узора, связанного скорее с алакульскими приемами, то в этом нет ничего удивительного, так как карасукская культура отчасти синхронна алакульскому эталу запада, что могло привести к заимствованию, так как ее начало по времени совпадает с концом андроновской культуры. Важно здесь то, что карасукская орнаментация выводится из местных восточных приемов андроновской орнаментации.

Что касается орнаментов карасукских горшков раннего типа Оби, то там имеются почти все те же их виды, но с некоторыми вариантами. На Оби также можно проследить эволюцию карасукских орнаментов от местных андроновских. Особенность керамики Оби является перемещение мотива ромбов с плечиков на шейку. Этот локальный прием орнаментации, может быть, указывает на какие-то этнографические отличия.

Следовательно, в карасукской керамике Оби и Енисея прослеживаются много различных черт, связывающих

ее с более древней андроновской керамикой, что указывает на преемственность этих двух культур в развитии посуды и ее орнаментации, несмотря на внешние, очень резкие на первый взгляд отличия.

Если теперь рассмотреть характер и особенности карасукских могильных сооружений, то и в них можно увидеть несомненное сходство с андроновскими. Для карасукской эпохи наиболее характерными являются четырехугольные ограды из плах или вертикально врытых плит. Довольно много встречается круглых оград, стены которых также сооружены одним из двух названных способов. Третьей разновидностью карасукских надмогильных сооружений являются системы оград. У них, как и в андроновское время, способ сооружения стен основной ограды и пристроек может быть одним и тем же либо основная ограда и пристройка сооружены по-разному.

Таким образом, способ возведения оград в обе эпохи был одинаковым, так же как и форма самих сооружений. Соотношение же разных типов оград в культурах различно: в андроновское время преобладали круглые ограды, в карасукское — четырехугольные. Но все же можно сказать, что ничего нового в форме и конструкции оград карасукской культуры увидеть нельзя: они повторяют более древнюю андроновскую конструкцию, что позволяет (с учетом других сходств) говорить о преемственности в развитии могильных сооружений.

В конструкции карасукских могил также есть особенности, которые указывают на связь с более ранним временем. Целый ряд могил имеет прямоугольные очертания, хотя во многих случаях для них характерна трапецевидная в плане форма. Этот тип могил раньше карасукского времени не был известен. Что касается прямоугольных ящиков, то их форма свойственна и андроновским могилам. Очень часто верхние края могил выровнены положенными плах или плитками, образующими вокруг нее как бы вымостку. Этот прием выравнивания верхних краев известен только в андроновских могилах. Довольно много также могил, сооруженных из горизонтально положенных плит, — цист, которые появились в Минусинской котловине только с андроновского времени. Цисты в большинстве случаев возводились на поверхности почвы, видимо, в зимнее время, что также характерно только для андроновских памятников. Сходной чертой является сооружение могил так называ-

емого „соседского“ типа, которые возникли в андроновское время и продолжали существовать в карасукский период. Обычно в карасукской ограде находится одна могила, реже две, расположенные рядом и параллельно, — картина, аналогичная андроновским оградам. Таким образом, в типах и конструкциях могил, в деталях их сооружения, в характере расположения могил в оградах можно наблюдать черты несомненной преемственности андроновской и карасукской культур.

В обряде погребения карасукской культуры также можно наблюдать черты преемственности этих двух культур. Основное отличие состоит в характерной для карасукской эпохи ориентировке погребенного, положенного головой на СВ. Однако такая ориентировка изредка встречается и в памятниках андроновской культуры. В то же время андроновская ориентировка на ЮЗ известна и в могилах карасукской культуры. Как и в андроновских захоронениях, в карасукских могилах погребенные лежат на левом боку, но в отличие от андроновских могил они находятся в слабо скорченном положении. Правда, довольно часто встречаются погребенные, лежащие на спине, в вытянутом положении. Несомненное сходство наблюдается и в размещении погребального инвентаря. Горшок, когда он один, стоит перед лицом погребенного, как и в андроновских могилах. Особенно велико сходство в черте обряда парных погребений, которую можно рассматривать как яркий этнографический показатель. В карасукское время мужчина и женщина лежали обычно в могилах „соседского“ типа, причем женщина всегда находилась за спиной мужчины. Эта черта погребального культа была известна только у енисейских андроновцев, откуда, видимо, и перешла к карасукам. Все это свидетельствует о том, что в погребальном обряде карасукской культуры были особенности, аналогичные особенностям обряда андроновской эпохи, причем некоторые из них, так же как положение мужчины и женщины, размещение инвентаря, носят явно этнографический характер, указывающий на несомненную их преемственность. Имеется сходство и между украшениями андроновской и карасукской эпох. Оно наблюдается в бляхах с отверстиями по краям, в перстнях с конусами и их литых репликах, в литых бляшках с петелькой на обороте, в височных кольцах, проволочных колечках, бронзовых бусах, что уже отмечалось в литературе (Киселев, 1951, с.127-130).

Таким образом, во всех областях карасукской культуры можно видеть несомненные черты, которые были характерны для андроновской культуры. Некоторые из них сохранились в неизменном виде, другие же несколько изменились, но их андроновское происхождение все-таки просматривается достаточно хорошо. Все это позволяет говорить о том, что карасукская культура генетически связана с андроновской культурой, что черты последней вошли составной частью в карасукскую культуру.

На этом можно было бы и закончить данную главу, если бы не новые взгляды относительно финала андроновской культуры. Утверждение ряда исследователей, что андроновская культура не сыграла никакой роли или сыграла незначительную роль в появлении карасукской культуры, в свете приведенных фактов выглядит как лишнее какой бы то ни было аргументации. В то же время доказательства длительного, вплоть до начала железного века, существования андроновцев в Минусинской котловине требуют, хотя бы коротко, остановиться на этих взглядах.

Если представления А.И.Мартынова о непосредственном слиянии андроновской и тагарской культур основаны на материалах неправильно понятой могилы Большепечичугинского могильника (Мартынов, 1963), то Н.Л.Членова ищет доказательства для своих построений среди целого ряда археологических материалов (Членова, 1961, с.282; 1963; 1964; 1967, с.211 и сл.).

Рассматривать построения А.И.Мартынова нет необходимости, так как устранение исходной ошибки делает его мнение лишним каких-либо обоснований. Что касается Н.Л.Членовой, то, не рассматривая всех ее отдельных доказательств, нужно остановиться на ее методе и на наиболее важных конкретных примерах.³

Н.Л.Членова утверждает, что тагарская керамика произошла из позднекарасукской (дугавской или каменоложской) под влиянием андроновской, что привело к появлению плоскодонной посуды. Раннетагарская посуда

действительно имеет плоское или уплощенное дно, а форма тулова мало профилирована, стенки часто несколько сужаются к венчику. Андроновские горшки хорошо профилированы, дно у них всегда плоское, ровное. Андроновские горшки лепили на подставке начиная от дна, и поэтому оно у них толще стенок. Тагарские сосуды, как и предшествовавшие им каменоложские, лепили начиная с венчика. Дно раннетагарских горшков обычно тоньше стенок, и получалось оно в результате уплощения круглого или заостренного дна, поэтому оно всегда небольшое и часто неровное. Выходит, что в этом плане между посудой андроновского и тагарского времени сходства нет.

Для доказательства близости форм андроновской и тагарской посуды Н.Л.Членова прибегает к сомнительному приему: она освобождает андроновские горшки от орнамента и сравнивает фактически их голые профили с тагарскими сосудами, причем часто не ранними банновскими, а более поздними горшками уже развитой тагарской культуры (Членова, 1963, с.58). Андроновская керамика без орнамента не встречается, во всяком случае на Енисее. Орнамент в андроновское время являлся характерной и характеризующей чертой посуды этой культуры. В то же время тагарская посуда чаще всего

«А.И.Мартынов решил заново доказать выводы Н.Л.Членовой о большой роли в сложении тагарской культуры андроновской культуры северо-западных окраин Минусинской котловины... о сходстве некоторых тагарских сосудов с андроновскими... не найдя нужным сообщить читателю, что эти мысли были заимствованы им в чужой работе» (с.277). Рецензенты безусловно правы, что к подобным выводам можно прийти, только основываясь на плохо документированных памятниках (с.277) или же вольно обращаясь с археологическим материалом (с.278). Но упреки в вольном обращении с материалом с большим основанием можно отнести и к Н.Л.Членовой. Возмущение же рецензентов, в первую очередь самой Н.Л.Членовой, объясняется тем, что выводы А.И.Мартынова, аналогичные взглядам Н.Л.Членовой, полученные на недоброкачественном материале, полностью дискредитировали ее представления о роли андроновской культуры в сложении тагарской культуры.

³ В рецензии М.Ф.Косарева и Н.Л.Членовой «Известия лаборатории археологических исследований Кемеровского пединститута» (Косарев, Членова, 1970, с.277,278) авторы подробно разбирают ошибку А.И.Мартынова. Но больше всего их возмущает, что

не имеет орнамента или очень бедно украшена. Поэтому метод изучения сходства андроновской и тагарской посуды, которым пользуется Н.Л.Членова, нельзя считать научным, а к выводам, полученным таким путем, нельзя относиться серьезно.

Пытаясь доказать полную аналогию некоторых андроновских и тагарских горшков, Н.Л.Членова берет редкие, можно сказать, даже уникальные формы миниатюрных тагарских сосудиков на поддонах и сравнивает их с освобожденным от орнамента горшком Алексеевского поселения, изображая их на своей таблице в разных масштабах. Зрительно эти вещи могут быть восприняты как близкие, хотя на самом деле ничего общего между ними нет (рис.22).

Аналогичные методы она применяет и при сопоставлении орнаментов. В целом же, видимо, понимая, что приводимых ею доказательств явно недостаточно, Н.Л.Членова пишет, что установить разнице по происхождению черты в тагарской культуре можно «лишь по отдельным разрозненным признакам, но не по целым группам признаков» (Членова, 1962, с.196), так как при

Рис.22. Сравнение тагарских сосудов с андроновскими.

Вверху - по Н.Л.Членовой; внизу - те же сосуды с соблюдением пропорций.

своем образовании тагарская культура нивелировала их. Поэтому она отмечает отдельные, мелкие, случайные, нехарактерные, отрывочные сходства между андроновской и тагарской культурами. Очевидно, что такие признаки ничего ценного дать не могут, так как в равной степени при желании их можно найти в культурах, далеко отстоящих территориально и хронологически, тем более что здесь, в Минусинской котловине, как было показано выше, между андроновской и карасукской культурами наблюдаются не отдельные случайные признаки, а постоянные сходства.

Не находя даже этих мелких совпадений между тагарской культурой и местными андроновскими памятниками, Н.Л.Членова вынуждена прибегать к их поискам в памятниках Казахстана и Средней Азии, не считаясь

при этом ни с хронологией, ни с расстоянием. В начале тагарской эпохи, как всем известно, в степях Казахстана существовала культура уже не андроновская, а близкая к карасукской культуре Енисея.

Все это не позволяет считать сколько-нибудь убедительным вывод Н.Л.Членовой о длительном существовании андроновской культуры в Минусинских степях и показывает беспочвенность и бездоказательность ее построения.

Следовательно, нет фактов, которые позволили бы продолжать историю андроновской культуры после появления в Минусинской котловине карасукской культуры.

Таким образом, целый ряд черт карасукской культуры Енисея генетически связан с аналогичными чертами андроновской культуры. Но карасукская культура не является простым последовательным развитием андроновской. Можно говорить только о том, что на основе андроновской культуры в результате видоизменения некоторых ее черт и под влиянием появившихся в это время новых культурных воздействий формируются особенности карасукской культуры.

Причины, приведшие к трансформации андроновской культуры, могут быть отмечены пока предположительно. С одной стороны, это появление новой формы хозяйст-

ва и связанная с ней перестройка образа жизни, а с другой – приход в карасукскую эпоху в Минусинскую котловину нового населения. Какая из этих причин является основной, повлекшей за собой изменения, сказать трудно. Пока не выяснено, откуда пришли новые люди, какова была их культура, невозможно установить, что нового они с собой принесли. Кроме того, неясна сейчас и мощность этого вторжения. Опубликованные антропологические материалы в известной степени случайны, а последние данные, полученные в результате новых раскопок, еще не изучены. Это затрудняет возможность суждения о том, какие люди являлись носителями новой культуры и какой процент среди них занимали андроновцы. Тем не менее можно говорить, что независимо от того, были ли андроновцы отчасти вытеснены или полностью ассимилированы новыми пришельцами, черты их культуры явственно заметны в культуре карасукского времени и проявляются в ней почти всесторонне. Отсюда можно сделать вывод, что андроновцы сыграли не последнюю роль в формировании карасукской культуры. Андроновская культура вошла в карасукскую как одна из составных частей, видоизменялась и, таким образом, перестала существовать как культура в восточных районах ее распространения.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Рассмотренными в предыдущих главах вопросами истории андроновской культуры в Приенисейских степях, естественно, не исчерпывается вся история андроновцев в этом районе. Выбор именно этих вопросов для более углубленного исследования определялся двумя основными моментами. В последние годы в результате работ на Енисее появились новые материалы, позволившие поставить и по-новому решить затронутые проблемы. Кроме того, их выяснение позволило приоткрыть завесу над некоторыми деталями истории андроновской культуры в целом, что должно явиться толчком для дальнейших исследований, особенно в плане изучения локальных особенностей этой культуры и поисков ее прародин.

Вместе с тем, говоря об андроновской культуре на Енисее, нельзя обойти вниманием и некоторые другие вопросы, которых неизменно касаются все исследователи, занимающиеся изучением этой культуры и в первую очередь хозяйства. Об андроновском хозяйстве писалось много (Киселев, 1951, с.99; Сальников, 1951, с.122; 1967, с.326; Грязнов, 1956, с.20; Черников, 1960, с.87; Маргулан, Акишев, Кадырбаев, Оразбаев, 1966, с.258; Максименков, 1968б, с.172). Исследователи пришли к выводу, что для андроновцев было характерно пастушеское скотоводство, в основе которого лежало разведение продуктивного молочного скота, лошадей и овец, в сочетании с мотыжным земледелием на мягких почвах. Охота в жизни общества не играла сколько-нибудь значительной роли.

Енисейские материалы, по которым можно судить о хозяйстве андроновцев, невелики. Отсутствие раскопанных поселений и незначительное количество костных остатков в могилах не позволяют детально рас-

сматривать особенности хозяйства в этом районе. Но все же необходимо отметить даже то немногое, что имеется на Енисее. Основной костный материал происходит из остатков трех поселений - Батени, Белоярского и Ключи (табл.8).

Таблица 8

Распределение костных остатков поселений по видам животных

Наименование животных	Батени		Белоярское		Ключи	
	число костей	число особей	число костей	число особей	число костей	число особей
Баран	14	4	26	9	12	-
Корова	57	7	34	8	5	-
Лошадь	12	3	30	6	13	-
Коза	-	-	4	2	-	-
Медкий рогатый	-	-	10	1	21	-
Косуля	2	1	8	3	4	-
Сайга	-	-	2	1	-	-
Кулан	-	-	2	1	-	-
Заяц	-	-	1	1	-	-
Гусь	-	-	1	1	-	-
Рыба	-	-	-	1	-	-

Как можно судить по костным остаткам поселений, на первом месте стоит корова, затем идут лошадь и овца. Соотношение, следовательно, такое же, как и в других памятниках андроновской культуры. Енисейским андроновцам были известны все основные виды домашних животных: корова, лошадь, овца и коза, за исключением разве только свиньи.

Основными мясными животными были овца и лошадь, корова использовалась в первую очередь как молочное

животное. Это хорошо иллюстрируется материалами могил. В большинстве случаев находящиеся в могилах остатки мясной пищи представлены костями овцы. Но наряду с ней в качестве погребальной пищи использовали мясо лошади, дичь и только иногда говядину. Остатки мясной пищи встречаются далеко не во всех андроновских могилах. В тех же случаях, когда погребенного собирались снабдить мясом, либо использовали имевшиеся в наличии запасы, либо убивали животное. Редкие находки в могилах костей коровы свидетельствуют о том, что специально для погребения коров не забивали. Значительное же количество их костей на поселении могло скопиться там в течение длительного времени.

Из перечня костей животных, найденных в андроновских памятниках Минусинской котловины, следует, что мясную пищу андроновцы получали не только за счет домашних животных. Они охотились за дикими животными, видимо, пытаясь тем самым сохранить поголовье, так как домашние животные давали андроновцам не только молочные продукты, но и шерсть для изготовления одежды. Об использовании шерсти для изготовления одежды свидетельствуют находки обрывков шерстяных изделий в могилах (Соколовский, 1934; Комарова, 1961, с. 50).

Определенная роль охоты в жизни андроновцев Енисея, с помощью которой они получали дополнительные мясные продукты, лишний раз подчеркивает основную направленность их хозяйства, в основе которого лежало молочно-шерстяное скотоводство. Следовательно, характер хозяйства енисейских андроновцев полностью соответствовал тому, что известно и по другим районам андроновской культуры. О развитии земледелия в андроновское время на Енисее никаких прямых свидетельств нет.

Если лошади и некоторые виды овец, в частности тонкорунные, обладают способностью тебеневать, то есть добывать себе корм и в зимнее время, то крупный рогатый скот лишен этой возможности. Поэтому для его содержания в зимнее время необходимо было заготавливать корма, что могло быть одной из сфер деятельности андроновцев. Правда, в условиях Минусинской котловины в некоторых ее местах можно было пасти скот и зимой, так как ветры сдувают снег с сопков, но только на подножном корму крупный рогатый скот существовать зиму не мог.

Условия жизни самих андроновцев сейчас не могут быть охарактеризованы, так как единственное наземное сооружение, раскопанное в настоящее время в местности Ключи, чрезвычайно плохо сохранилось.

Несколько больше для суждения об андроновском обществе дают могильные памятники. Здесь в первую очередь необходимо обратить внимание на различия в величине некоторых андроновских курганов Сухого озера. По своей форме и конструкции сооружения наиболее крупные курганы - I, 2A, 4I3 (табл. VII, IX, XXI) - и ряд нераскопанных курганов мало чем отличаются от остальных, но превосходят всех величиной насыпи и размерами могил. Эти курганы выделяются на общем фоне могильника. К сожалению, все они оказались ограбленными еще в древности, так что судить об их первоначальном содержании трудно. Но и без этого можно говорить, что своей величиной они подчеркивали какое-то исключительное положение погребенных людей. Можно предполагать, что в андроновскую эпоху начинают выделяться отдельные представители общества, о чем косвенно свидетельствуют богатые погребения из Западной Сибири, в которых найдено большое количество золотых вещей.

В андроновское время в отличие от предшествующих эпох широкое распространение получили парные погребения, указывающие на появление индивидуальной парной семьи и зарождение семейных кладбищ, представленных системами из пристроенных оград, где в основной ограде лежали взрослые, а в пристройках - дети, как это имело место в кургане 430 на Сухом озере (табл. XXII, XXIV). Семейные отношения андроновского времени достаточно хорошо рассмотрены В.С.Сорокиным на материалах могильника Тасты-Бутак (Сорокин, 1959; 1962, с. 103 и сл.). Он установил у андроновцев развитие патриархальных отношений и выделение индивидуальной семьи, но не отметил, что этот процесс происходил в недрах родового строя при сохранении племенной эндогамии и соответственно экзогамности составлявших его родов.

На Енисее в андроновское время появилось новое население со своеобразным антропологическим типом, получившим название андроновского. Среди андроновцев в этих районах пока не найдены представители другого типа, в частности, характерного для предшествующего окуневского времени. Отсюда следует, что пришедшие

андроновцы не смешивались с аборигенами, сохраняя замкнутость своих коллективов. Аналогичная картина вырисовывается и по материалам Тасты-Бутака. Этот андроновский по культуре могильник, как выяснилось, оставлен не андроновцами, а людьми, принадлежавшими к средиземноморской расе европеоидного ствола, антропологический тип которых подобен носителям срубной культуры. Позаимствовав культуру у андроновцев, тастыбутакты не смешались с ними, а сохранили в чистоте свой антропологический облик, оставаясь замкнутым эндогамным коллективом. Эти примеры, взятые из двух крайних пределов распространения андроновской культуры, свидетельствуют об устойчивых традициях развитого родового строя. Но у населения Енисея эта устойчивость сохранялась только до конца развития андроновской культуры. В самом ее конце, видимо, в силу того, что эти восточные андроновские племена оказались в отрыве от основной массы своих сородичей, и в связи с вторжением в Минусинскую котловину новых людей они вынуждены были нарушить эндогамию. Во многом этому могло способствовать и внутреннее развитие андроновского общества: дальнейшее укрепление семьи, намечающаяся дифференциация и возникшие в связи с этим противоречия между интересами семьи и рода. Внутренние противоречия в сочетании с вторжением новых племен и невозможность ему противостоять привели в конце концов к нарушению эндогамии и смешению новых пришельцев с андроновцами, в результате чего возникла новая, карасукская, культура.

Но до появления новых людей, пока андроновская культура развивалась по своим законам, памятники ее демонстрируют особенности, характерные для родового строя. Несмотря на выделение индивидуальной семьи, род в жизни андроновцев продолжал играть важную роль, свидетельством чего являются особые детские кладбища. При родовом строе заботу о детях несла не только семья, но и род в целом. Дети являлись как бы общими для рода, поэтому их хоронили, как и других членов рода, в отдельных, но только меньших по величине погребениях. Погребения детей со взрослыми, в которых можно предполагать захоронения родителей и детей, крайне редки и представлены курганами с пристройками, что стало характерным уже для следующей эпохи. В основном же, если судить по материалам

могильников, дети непосредственно со взрослыми не были связаны, а образовывали особую группу в роде. Несмотря на выделение индивидуальной семьи как основной ячейки общества, в андроновское время продолжали еще сохраняться традиции родового строя.

Как уже было сказано, многие черты андроновской культуры ждут своего выяснения, а отдельные стороны — глубокой разработки. Новые факты, которые будут получены после изучения последних антропологических данных, позволят конкретно судить об особенностях семейных и общественных отношений андроновского общества. Для выяснения других вопросов требуются специальные исследования уже имеющихся материалов: керамики, бронзы, остатков тканей. Пока что такая работа проведена Б.Н.Пяткиным только в отношении металла, но ее результаты не опубликованы. Другие материалы пока еще не изучены. И все же основные вопросы истории и развития андроновской культуры восточных районов сейчас проясняются. Становится очевидным, что эта культура не имеет корней на Енисее, а принесена сюда новыми людьми, пришедшими с запада. Андроновцы распространились по всей Минусинской котловине, заняв все ее степные участки, и вытеснили обитавших здесь до них окуневцев, видимо, в окружающие долины гор. Просуществовав на Енисее около трех столетий, сами они в конце концов стали объектом экспансии со стороны новых пришельцев. Они вынуждены были отказаться от своей самостоятельности и смешались с пришедшим населением, в результате чего их культура не исчезла бесследно, а стала одним из компонентов возникшей здесь новой культуры позднего бронзового века.

Выяснение основных вопросов развития андроновской культуры на Енисее не может не сказаться и на изучении культуры в целом. Невозможность происхождения андроновской культуры в восточных районах отодвигает область ее возникновения к западу, видимо, в пределы Казахстана. Это должно направить внимание исследователей на поиски памятников той культуры, из которой могла возникнуть андроновская. Указать конкретную область, где их нужно искать, естественно, невозможно, но некоторые косвенные данные говорят о том, что это степи Северного Казахстана. Об этом можно судить хотя бы потому, что орнаментация андроновской посуды восточных районов во многом совпада-

ет с орнаментацией посуды Северного Казахстана. С Северным Казахстаном связывается по орнаментации и федоровская приуральская керамика. Енисейские памятники имеют много общего с североказахстанскими и в конструкции оград и могил. Очевидно, что здесь наблюдаются безусловно определенные связи.

Для общеандроновской истории имеет значение факт установления относительно позднего времени появления культуры в восточных районах. Основным в характере культуры является сочетание ранних федоровских и поздних алакульских черт, причем это сочетание не механическое, а органически слитое, получившееся в результате нарушения последовательного развития культуры, в связи с распространением ее по новым районам и отрывом от основной массы андроновских племен. Все это свидетельствует, что на востоке андроновская культура появилась поздно, когда в ее недрах выработались новые алакульские черты. На западе и юго-западе, где вообще нет ранних федоровских или близких им памятников, андроновцы оказались еще позже.

Распространение андроновских памятников в различном виде на разных территориях позволяет значительно конкретнее очертить ту область, где можно ожидать находку генетического предшественника андроновской культуры. Как уже указывалось выше, это скорее всего Казахстан. Отсюда, видимо, андроновская культура сначала распространилась по лесостепным районам на запад - в Приуралье и на восток - в Восточный Казахстан, Западную Сибирь и на Енисей; тогда же она, возможно, начинала проникать и на юг. Сухие степи Западного Казахстана стали осваиваться только с самого начала алакульского этапа.

Важным моментом, который имеет отношение ко всей андроновской культуре и который удалось выяснить при изучении восточных памятников, является факт установления общих закономерностей в развитии андроновской культуры: изменения в керамике и ее орнаментации, в погребальном обряде, общие черты погребального культа независимо от территории распространения, одинаковые формы могильных и надмогильных сооружений, одинаковые украшения. Проявление этих общих закономерностей и черт не позволяет видеть за локальными или хронологическими особенностями андроновских памятников разные культуры и объявлять андроновскую культуру не культурой, а культурной общностью или как-нибудь иначе. Андроновская культура едина на всей территории ее распространения, для нее характерны одни и те же черты и особенности, а наблюдаемые локальные проявления не имеют принципиального отличия. Хронологические же различия, позволяющие выделять два этапа в развитии андроновской культуры независимо от их наименования, не выходят за рамки культуры, а являются логическим развитием ее черт.

О том же свидетельствуют и возникшие на базе андроновской культуры карасукские культуры позднего бронзового века Западной Сибири, Енисей и бегазы-даньбаевская культура в Казахстане, имеющие между собой много общего.

Таким образом, изучение андроновской культуры на Енисее позволило выяснить ее особенности в указанном районе и открыло новые пути для исследования культуры в целом, в первую очередь определило новое направление для поисков прародины андроновской культуры, путей распространения и хронологии раннего ее этапа.

Литература

- А к и ш е в К.А. Эпоха бронзы Центрального Казахстана. Автореф. канд. дис. Д., 1953.
- А л е к с е е в В.П. Антропологические типы Южной Сибири (Алтай-Саянское нагорье) в эпоху неолита и бронзы. - В кн.: ВИСДВ, Новосибирск, 1961а, с. 377-385.
- А л е к с е е в В.П. О брахикранном компоненте в составе населения афанасьевской эпохи. - СЗ, 1961б, № 1, с. 116-129.
- А л е к с е е в В.П. Палеоантропология Саяно-Алтайского нагорья эпохи неолита и бронзы. - ТИЗ, нов. сер., 1961в, т. 71, с. 107-206.
- А л е к с е е в В.П. Происхождение хакасского народа в свете данных антропологии. - Материалы и исследования по археологии, этнографии и истории Красноярского края. Красноярск, 1963, с. 135-164.
- А л е к с е е в В.П. Антропология андроновской культуры. - СА, 1967, № 1, с. 22-26.
- А л е к с е е в В.П. Европейская раса в Южной Сибири и Центральной Азии, ее участие в происхождении современных народов. - В кн.: Происхождение аборигенов Сибири. Томск, 1969, с. 196-198.
- А с к а р о в А.А. Низовья Зеравшана в эпоху бронзы. Автореф. канд. дис. Л., 1962.
- А с к а р о в А.А. Новые находки андроновской культуры в низовьях Зеравшана. - ИМКУ, 1965, вып. 6, с. 53-60.
- Б р в о в А.Я. Археологические культуры и этнические общности. - СА, 1956, № 26, с. 5-27.
- З а д е ц к а я Э.Б., Г р я з н о в М.П. Афанасьевская культура. - В кн.: История Сибири, т. I. Л., 1968, с. 159-165.
- Г е р а с и м о в М.М. Восстановление лица по черепу. - ТИЗ, нов. сер., 1955, т. 28.
- Г р я з н о в М.П. Памятники карасукского этапа в Центральном Казахстане. - СА, 1952, № 16, с. 129-162.
- Г р я з н о в М.П. История древних племен Верхней Оби. - МИА, 1956, № 48.
- Г р я з н о в М.П. Археологические исследования на Оби в ложе водохранилища Новосибирской ГЭС. - Научная конференция по истории Сибири и Дальнего Востока. Секция археологии, этнографии, антропологии и истории Сибири и Дальнего Востока дооктябрьского периода. Подсекция археологии, этнографии и антропологии. Тезисы докладов и сообщения. Иркутск, 1960, с. 22-24.
- Г р я з н о в М.П. Тянь-Шанская группа племен андроновской культуры. - В кн.: История Киргизии, т. I. Фрунзе, 1963, с. 55-58.
- Г р я з н о в М.П. Работы Красноярской экспедиции. - КСИА, 1965, вып. 100, с. 62-71.
- Г р я з н о в М.П. Степные скотоводческие племена Средней Азии в эпоху развитой и поздней бронзы. - В кн.: Проблемы археологии Средней Азии. Тезисы докладов и сообщений к совещанию по археологии Средней Азии. Л., 1968, с. 13-14.
- Г р я з н о в М.П., М а к с и м е н к о в Г.А., П я т к и н Б.Н. Карасукская культура. - В кн.: История Сибири, т. I. Л., 1968, с. 180-187.
- Д е б е ц Г.Ф. Расовые типы населения Минусинского края в эпоху родового строя. - АИ, 1932, № 2, с. 26-48.
- Д е б е ц Г.Ф. Палеоантропология СССР. - ТИЗ, нов. сер., 1948, т. 19.
- Е л ь к и н М.Г. Памятники андроновской культуры на оге Кузбасса. - ИЛАИ, Кемерово, 1967, вып. I, с. 89-95.

- Э д а н о в и ч Г.Б. Периодизация и хронология памятников эпохи бронзы Петропавловской Приисимья. Автореф. канд. дис. М., 1975.
- И в а н о в а Л.А. О происхождении брахикранный компонента в составе населения афанасьевской культуры. - СЭ, 1966, № 3, с.82-91.
- И в а н о в а Л.А. Могильник Подсуханиха и некоторые особенности афанасьевских надмогильных сооружений. - КСИА, 1968а, вып.114, с.58-69.
- И в а н о в а Л.А. О различиях керамических традиций афанасьевской и окуневской культур. - СА, 1968б, № 2, с.251-254.
- И т и н а М.А. Могильник бронзового века Кокча 3. - МХЭ, 1961, вып.5.
- К и с е л е в С.В. Разложение рода и феодализм на Енисее. - ИГАИМК, 1933, вып.65.
- К и с е л е в С.В. Андроновские памятники близ с. Усть-Ерба в Хакасии. - СЭ, 1935, № 4-5, с.206-210.
- К и с е л е в С.В. Древняя история Южной Сибири. М., 1951.
- К и с е л е в С.В. Племена Европы и Азии во II тысячелетии до н.э. - В кн.: Всемирная история, т.1. М., 1955, с.450-469.
- К и с е л е в С.В. Исследование бронзового века на территории СССР за 40 лет. - СА, 1957, № 4, с.28-43.
- К о ж е м я к о П.Н. Погребения эпохи бронзы в Киргизии. - Изв. АН Киргизской ССР, сер.общ.наук, 1960, т.2, вып.3, с.81-107.
- К о м а р о в а М.Н. Погребения Окунева улуса. - СА, 1947, IX, с.47-60.
- К о м а р о в а М.Н. Неолит Верхнего Приобья. - КСИИМК, 1956, вып.64, с.93-103.
- К о м а р о в а М.Н. Памятники андроновской культуры близ улуса Орак. - АС, 1961, вып.3, с.32-73.
- К о м а р о в а М.Н. Относительная хронология памятников андроновской культуры. - АС, 1962, вып.5, с.50-75.
- К о с а р е в М.Ф. О культурах андроновского времени в Западной Сибири. - СА, 1965, № 2, с.242-246.
- К о с а р е в М.Ф., Ч л е н о в а Н.Л. Известия лаборатории археологических исследований Кемеровского пединститута. - СА, 1970, вып.1, № 2, с.278-281.
- К р и в ц о в а - Г р а к о в а О.А. Алексеевское поселение и могильник. - Труды ГИМ, 1947, т. XVII.
- К у з ь м и н а Е.Е. Периодизация могильников Еленовского микрорайона андроновской культуры. - В кн.: Памятники каменного и бронзового веков Евразии. М., 1964, с.121-140.
- К и з л а с о в Л.Р. Афанасьевские курганы на реках Уйбат и Бурь. - СА, 1962, № 2, с.112-123.
- Л и п с к и я А.Н. Новые данные по афанасьевской культуре. - В кн.: ВИСДВ, Новосибирск, 1961, с.269-278.
- М а х с и м е н к о в Г.А. Новые данные об эпохе бронзы в Минусинской котловине. - КСИА, 1964а, вып.101, с.19-23.
- М а х с и м е н к о в Г.А. Окуневская культура. - В кн.: Древняя Сибирь (макет I тома "История Сибири"). Улан-Удэ, 1964б, с.243-248.
- М а х с и м е н к о в Г.А. Впускные могилы окуневского этапа в афанасьевских курганах. - СА, 1965а, № 4, с.204-211.
- М а х с и м е н к о в Г.А. Окуневская культура в Южной Сибири. - МИА, 1965б, № 130, с.168-174.
- М а х с и м е н к о в Г.А. Усть-Сабакинская стоянка и ее значение для изучения древней истории района Красноярска. - САС, Новосибирск, 1966, вып.2, с.77-83.
- М а х с и м е н к о в Г.А. Критика некоторых современных представлений о неолите Западной Сибири. - ИЛАИ, Кемерово, 1967, вып.1, с.137-152.
- М а х с и м е н к о в Г.А. 1) Окуневская культура и ее соседи на Оби. - 3 кн.: История Сибири, т.1. Л., 1968, с.165-172; 2) Андроновское время в Южной Сибири. - Там же, с.172-180.
- М а р г у л а х А.Х., А к и ш е в К.А., К а д и р б а е в М.Н., О р а з б а е в М. Древняя культура Центрального Казахстана. Алма-Ата, 1966.
- М а р т н о в А.И. Обь-Чулымская лесостепь в эпоху бронзы и раннего железного века. Автореф. канд. дис. Новосибирск, 1963.
- М а р т н о в А.И. Андроновская эпоха в Обь-Чулымском междуречье. - В кн.: Из истории Кузбасса. Кемерово, 1964, с.227-245.
- М а р т н о в А.И., Е л ь к и н М.Г., З р д н и ш е в У.Э. Развитие первобытнообщинного строя в эпоху бронзы. - В кн.: История Кузбасса. Кемерово, 1967, с.15-20.

- М а т в е н к о В.И. К вопросу о бронзовом веке в низовьях р.Томи. - СА, 1959, № 4, с.154-165.
- М о ш к о в а М.Г. и Ф е д о р о в а - Д а в ы д о в а Э.А. Погребения эпохи бронзы Ново-кумакского могильника. - КСИА, 1964, вып.101, с.135-141.
- Н о в г о р о д о в а Э.А. Локальные группы карасукской культуры (анализ украшений). - Уч.зап. МОПИ, 1963, СXXXIII, с.629-654.
- Н о в г о р о д о в а Э.А. Локальные варианты карасукской керамики. - МИА, 1965а, № 130, с.181-186.
- Н о в г о р о д о в а Э.А. Центральная Азия и карасукская проблема. - Автореф.канд.дис. М., 1965б.
- О р а з б а е в А.М. Северный Казахстан в эпоху бронзы. - Труды ИИАЭ АН Каз.ССР, 1958, т.5, с. 216-294.
- Отчетная выставка этнографического отдела за 1923 г. Русский музей. Пб., 1924, с.9-13.
- П я т к и н Б.Н. Датировка карасукских изогнутых ножей. - ИЛАИ, Кемерово, 1967, вып.1, с.53-59.
- Р а х и м о в С. Памятники андроновской культуры близ селения Батени. - ОН Узб., 1965а, № 7, с. 50-54.
- Р а х и м о в С. Памятник андроновской культуры Каменка П. - ИМКУ Узб., 1965б, вып.6, с.61-70.
- Р а х и м о в С. Памятники андроновской культуры в степях среднего Енисея. - Автореф.канд.дис. Л., 1966.
- Р а х и м о в С. Андроновская стоянка и могильник на р.Сиде (Красноярский край). - КСИА, 1968, вып. 114, с.70-75.
- Р у д е н к о С.И. Культура бронзы Минусинского края и радиоуглеродные даты. - Доклады Географического общества СССР, 1968, вып.5, с.39-45.
- С а л ь н и к о в К.В. Андроновский курганный могильник у с.Федоровки Челябинской области. - МИА, 1940, № 1, с.58-68.
- С а л ь н и к о в К.В. К вопросу о стадиях в памятниках андроновской культуры Зауралья. - В кн.: Первое Уральское археологическое совещание. Пермь, 1948, с.21-26.
- С а л ь н и к о в К.В. Бронзовый век Длинного Зауралья. - МИА, 1952, № 21, с.94-151.
- С а л ь н и к о в К.В. Очерки древней истории Длинного Урала. М., 1967.
- С е м е н ц о в А.А., Р о м а н о в а Е.Н., Д о л у х а н о в П.Н. Радиоуглеродные даты лаборатории ЛОИА. - СА, 1969, № 1, с.251-261.
- С м и р н о в К.Ф., Ф е д о р о в а - Д а в ы д о в а Э.А. Соотношение культур медно-бронзового века в Заволжско-Оренбургских степях. - Материалы сессии, посвященной итогам археологических и этнографических исследований в 1964 г. в СССР. Баку, 1964, с.78-79.
- С о р о к и н В.С. Новые археологические данные к вопросу о развитии древней семьи. - СА, 1959, № 4, с.10-18.
- С о р о к и н В.С. Могильник бронзовой эпохи Тасты-Бутак I в Западном Казахстане. - МИА, 1962, № 12С.
- С о р о к и н В.С. Андроновская культура. Памятники западных районов. - САИ, 1966, В 3-2.
- С о с н о в с к и й Г.П. Древнейшие шерстяные ткани Сибири. - ПИДО, 1934, 2, с.92-96. Средняя Сибирь. М., 1964.
- С т о к о л о с В.С. Культура населения Южного Зауралья в эпоху бронзы. Автореф.канд.дис. М., 1967.
- С т о к о л о с В.С. Памятник эпохи бронзы - могильник Черняки П. - Уч.зап. Пермского университета, ТКАЭ, 1968, № 191, вып. IV, с.209-220.
- Т е п л о у х о в С.А. Древние погребения в Минусинском крае. - МЭ, 1927, т. III, вып.2, с.57-112.
- Т е п л о у х о в С.А. Опыт классификации древних металлических культур Минусинского края. - МЭ, 1929, т. IV, вып.2, с.41-62.
- Т у г а р и н о в А.Д. Андроновские могилы. - Сибирская живая старина, Иркутск, 1926, вып.1 (V), с.153-158.
- У м а н с к и й А.П. Памятники андроновской культуры на Алтае. - ИЛАИ, Кемерово, 1967, вып.1, с. 96-100.
- Ф е д о р о в а - Д а в ы д о в а Э.А. Андроновское погребение XV-XIII вв. до н.э. - Труды ГИМ, 1960, вып.37, с.56-59.
- Ф е д о р о в а - Д а в ы д о в а Э.А. К вопросу о периодизации памятников эпохи бронзы в Южном Приуралье. - В кн.: Археология и этнография Башкирии. Уфа, 1964, т.2, с.84-92.
- Ф е д о р о в а - Д а в ы д о в а Э.А. Племена Южного Приуралья в эпоху бронзы. Автореф.канд.дис. М., 1968.

- Э р м о з о в А.А. К вопросу о происхождении андроновской культуры. - КСИИМК, 1951, вып.39, с.3-18.
- Х л о б ы с т и н а М.Д. Бронзовые ножи Минусинского края и некоторые вопросы развития карасукской культуры. Л., 1962.
- Х л о б ы с т и н а М.Д. Бронзовые изделия Хакасско-Минусинской котловины и развитие карасукской культуры. Автореф.канд.дис., 1963.
- Х л о б ы с т и н а М.Д. Этнокультурные соответствия в древней истории Южной Сибири. - Материалы конференции "Этногенез народов Северной Азии". Новосибирск, 1969, с.79-81.
- Ч е р н и к о в С.С. Роль андроновской культуры в истории Средней Азии и Казахстана. - КСИА, 1957, вып.26, с.28-33.
- Ч е р н и к о в С.С. Восточный Казахстан в эпоху бронзы. - МИА, 1960, № 88.
- Ч л е н о в а Н.Л. Основные вопросы происхождения тагарской культуры Южной Сибири. - В кн.: ВИСДВ. Новосибирск, 1961, с.279-283.
- Ч л е н о в а Н.Л. Памятники переходного карасук-тагарского времени в Минусинской котловине. - СА 1963, № 3, с.48-66.
- Ч л е н о в а Н.Л. Карасукская культура в Южной Сибири. - В кн.: Древняя Сибирь (макет I тома "История Сибири"). Улан-Удэ, 1964а, с.263-279.
- Ч л е н о в а Н.Л. Происхождение и ранняя история племен тагарской культуры Южной Сибири. Автореф. канд.дис. М., 1964б.
- Ч л е н о в а Н.Л. Происхождение и ранняя история племен тагарской культуры. М., 1967.

Список сокращений

- АЖ** - Антропологический журнал.
- АС** - Археологический сборник.
- ВИСДВ** - Вопросы истории Сибири и Дальнего Востока.
- ГИМ** - Государственный Исторический музей.
- ИА** - Институт археологии АН СССР.
- ИИАЭ Каз. ССР** - Институт истории, археологии и этнографии АН Казахской ССР.
- ИГАИМК** - Известия Государственной Академии истории материальной культуры.
- ИЛАИ** - Известия лаборатории археологических исследований.
- ИМКУ** - История материальной культуры Узбекистана.
- КСИА** - Краткие сообщения Института археологии АН СССР.
- КСИИМК** - Краткие сообщения Института истории материальной культуры АН СССР.
- КСИЭ** - Краткие сообщения Института этнографии.
- ЛОИА** - Ленинградское отделение Института археологии АН СССР.
- МАЗ** - Музей антропологии и этнографии.
- МИА** - Материалы и исследования по археологии СССР.
- МГУ** - Московский государственный университет.
- МОПИ** - Московский областной педагогический институт.
- МХЭ** - Материалы хорезмской экспедиции.
- МЭ** - Материалы по этнографии.
- ОН Узб** - Общественные науки в Узбекистане.
- ПИДО** - Проблемы истории докапиталистических обществ.
- СА** - Советская археология.
- САИ** - Свод археологических источников.
- САС** - Сибирский археологический сборник.
- СЭ** - Советская этнография.
- ТИЭ** - Труды Института этнографии АН СССР.
- ТКАЭ** - Труды камской археологической экспедиции.

ТАБЛИЦЫ

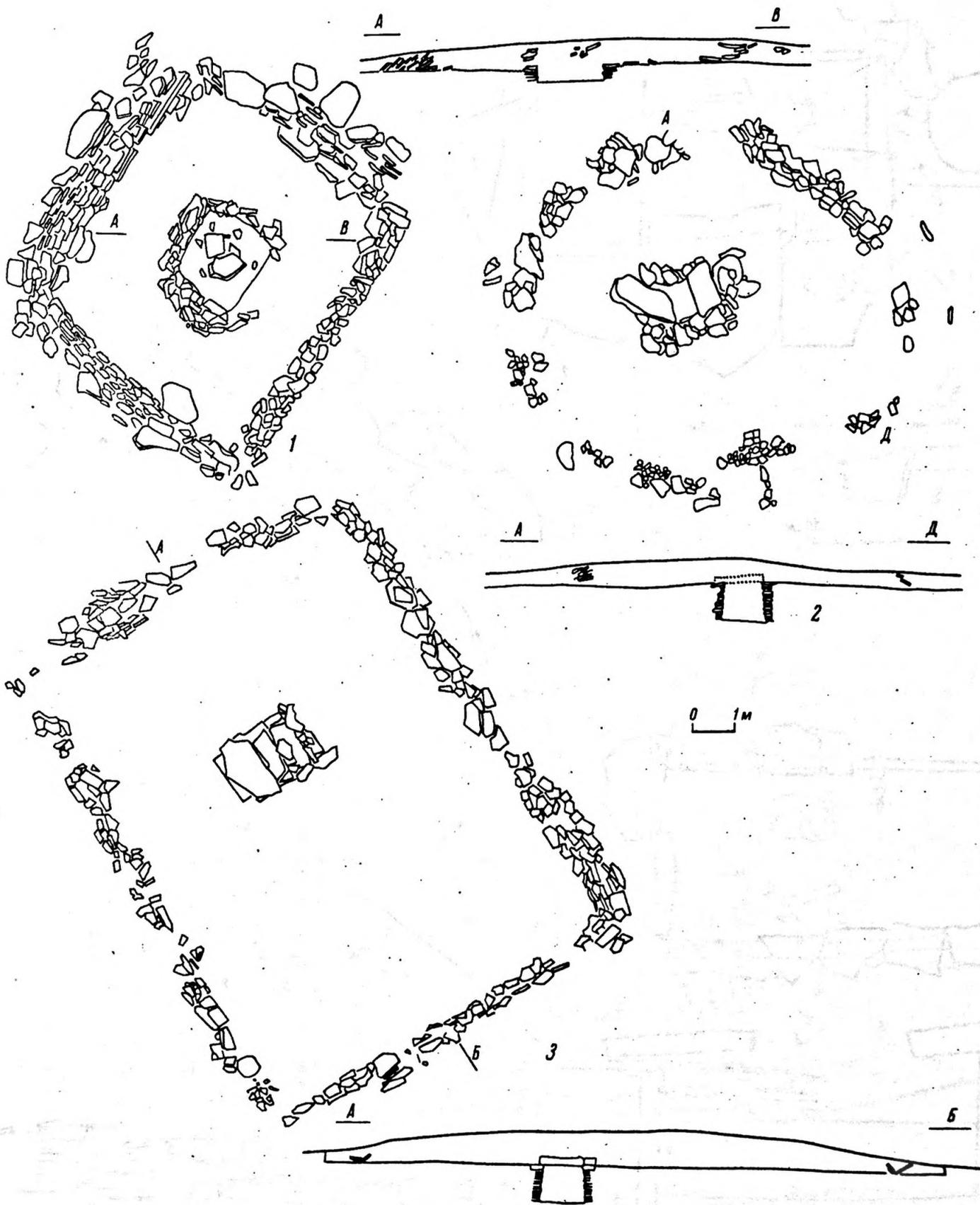
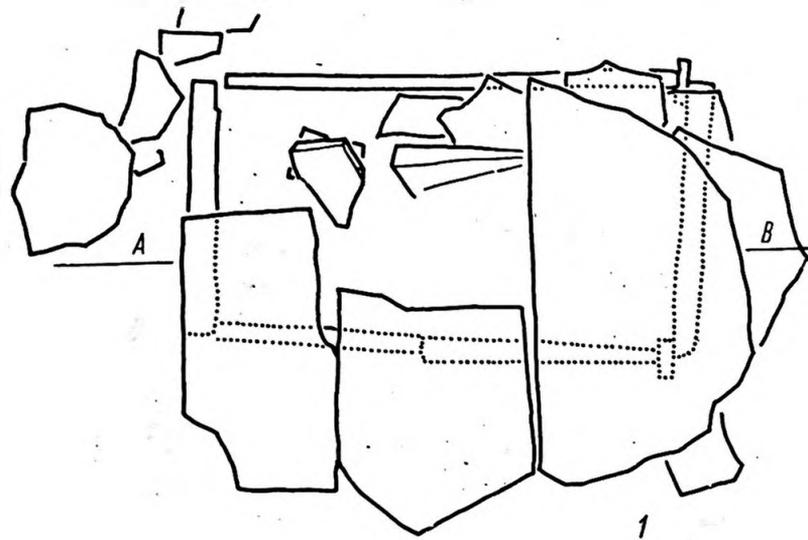

Табл. I. Орак.

1 - кург.45; 2 - кург.46; 3 - кург.47.

0 50 cm

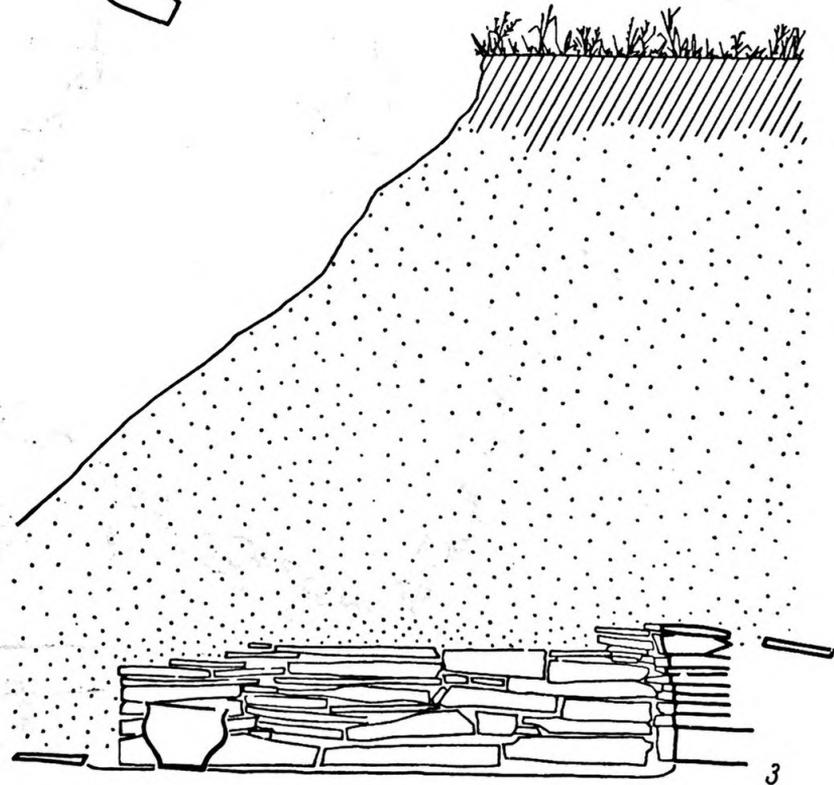
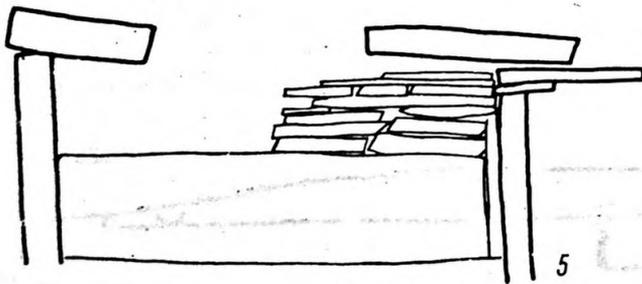
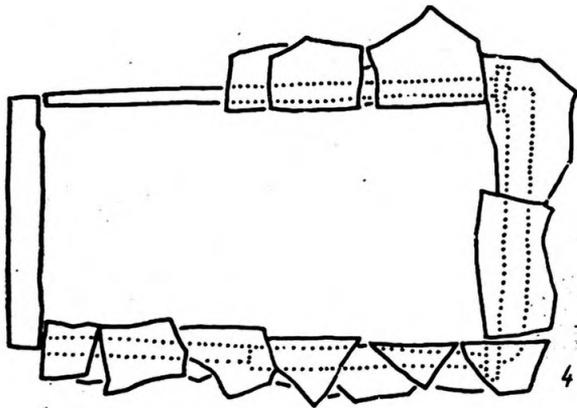
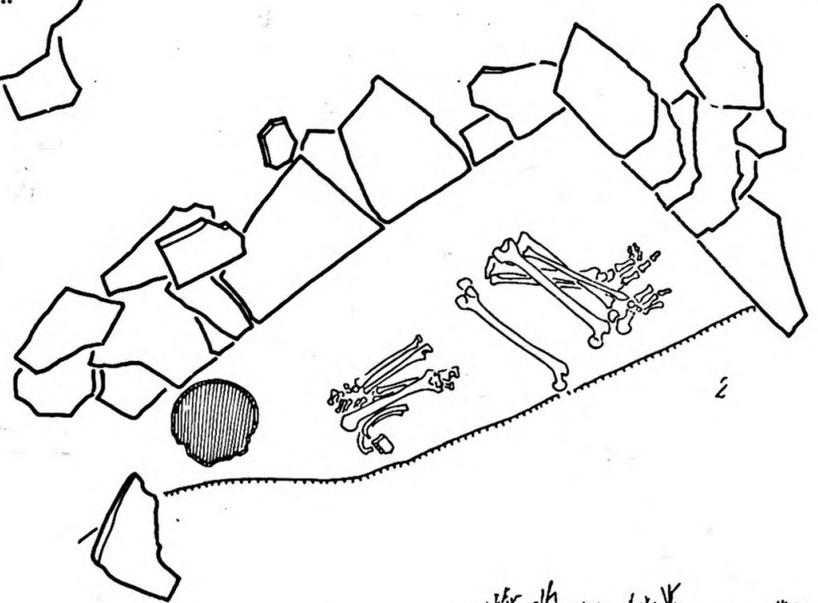

Табл. II. Пристань I.

1 - мог. 1; 2, 3 - мог. 2; 4, 5 - мог. 4.

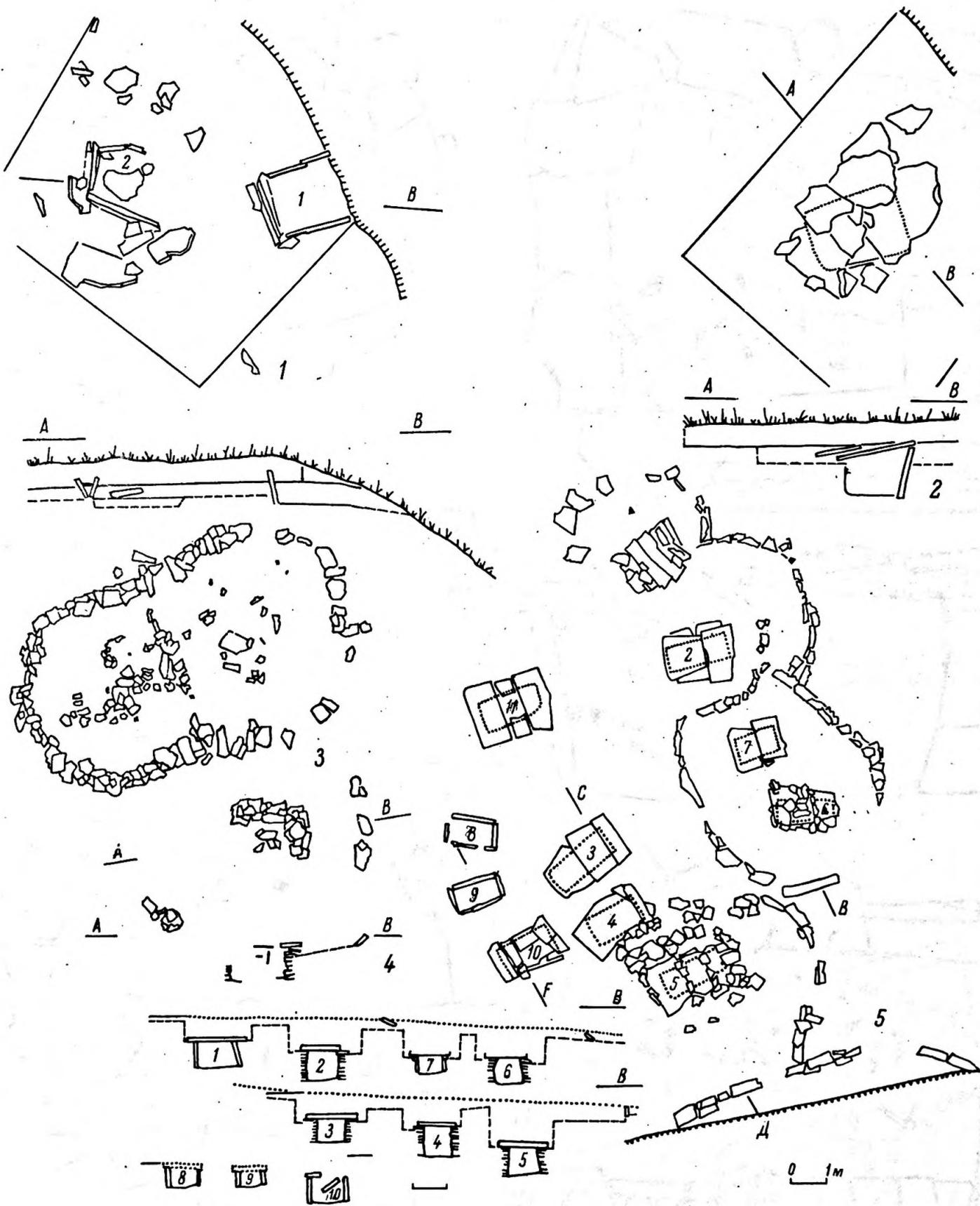

Табл. II. Ярки II (1, 2); Пристань I (3-5).
 1 - огр. 4; 2 - огр. 3; 3 - огр. 5; 4 - огр. 9; 5 - огр. 7.

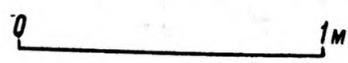
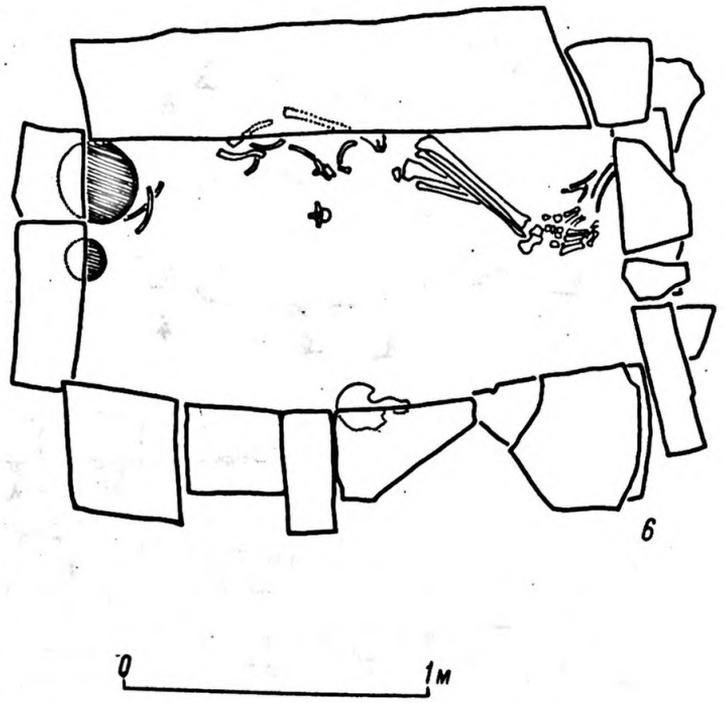
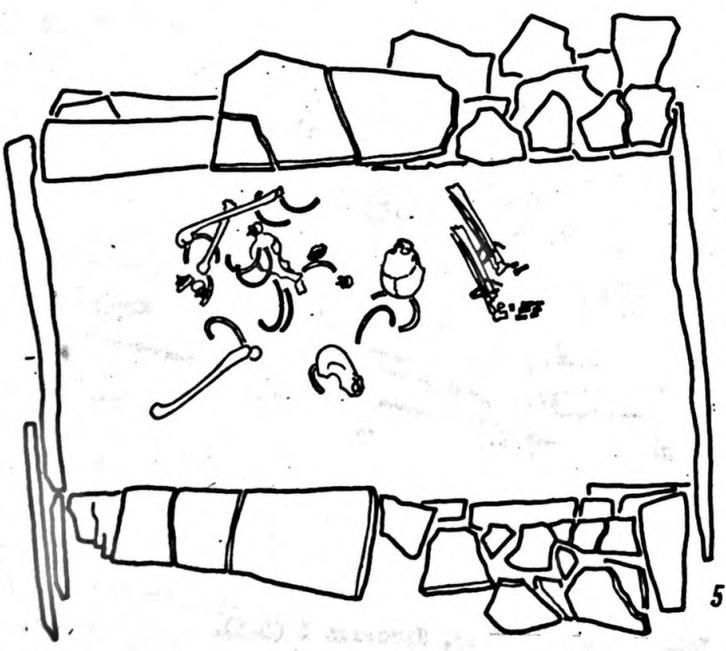
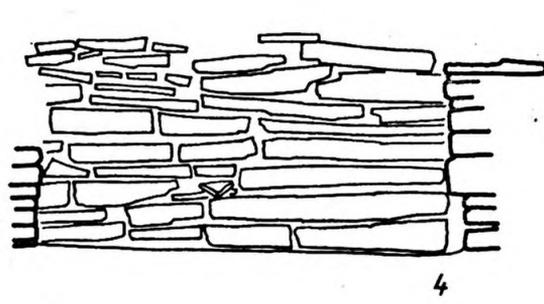
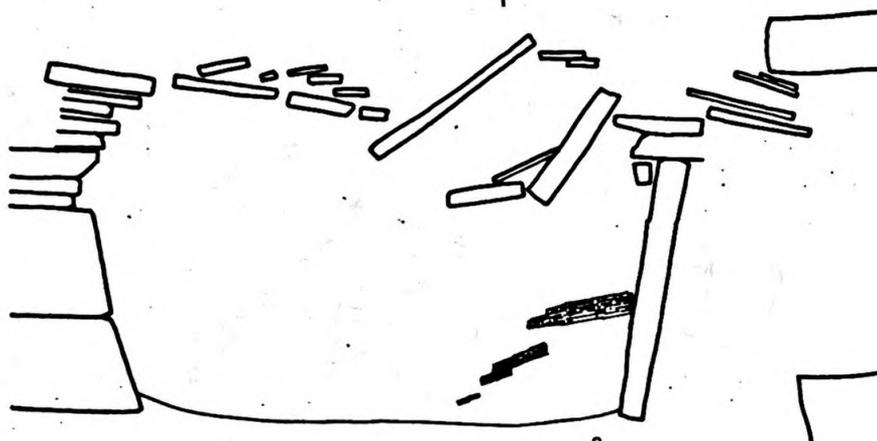
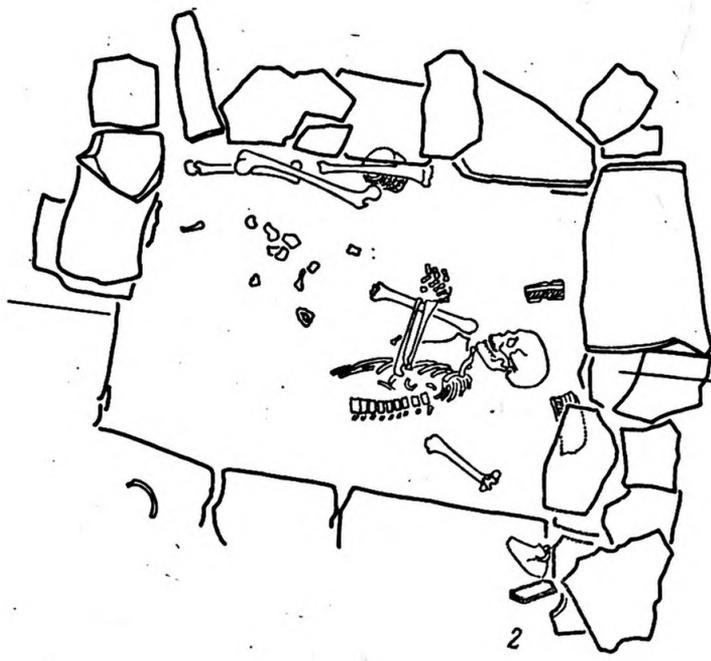
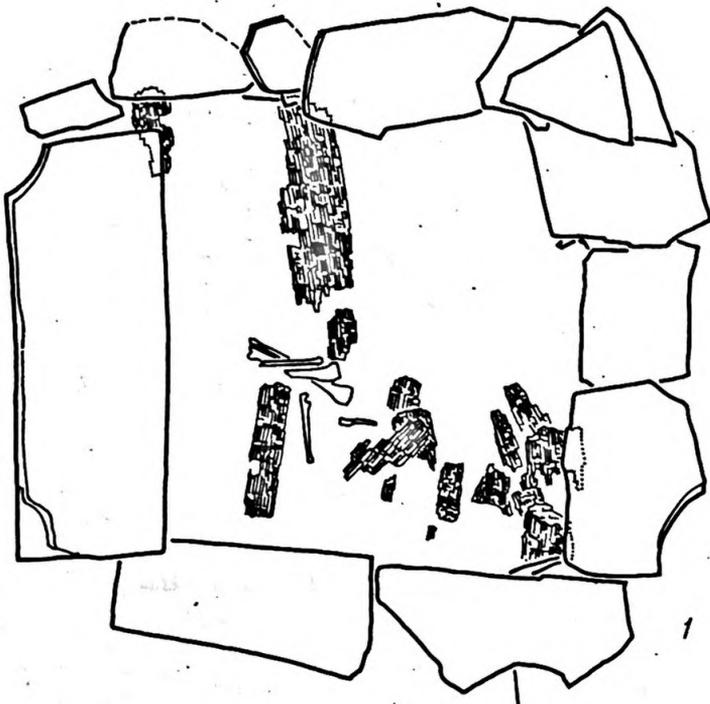

Табл. IV. Пристань I.

1,3 - огр.6, мог.2; 2,4 - огр.9, мог. ; 5 - огр. 6 - огр.8.

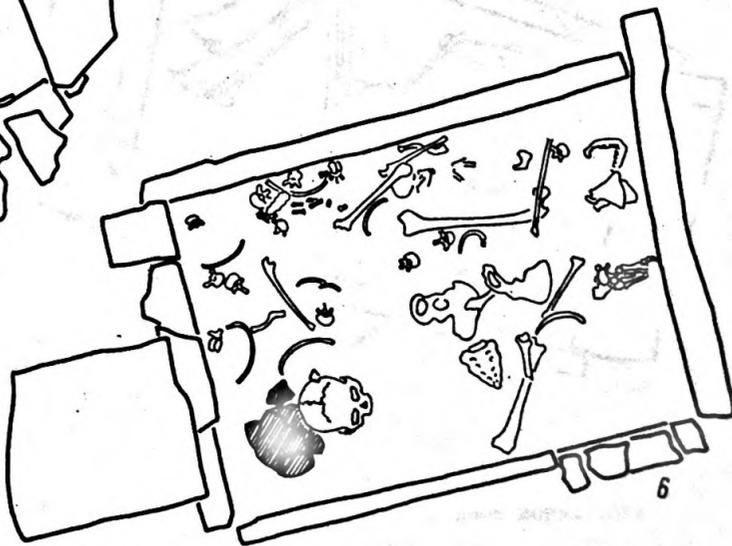
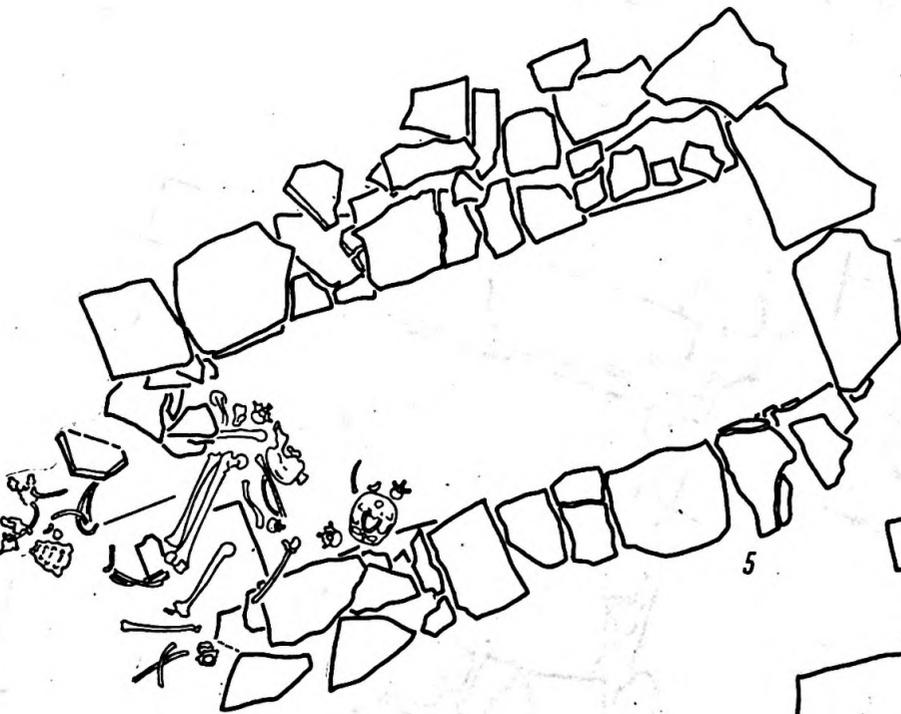
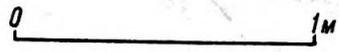
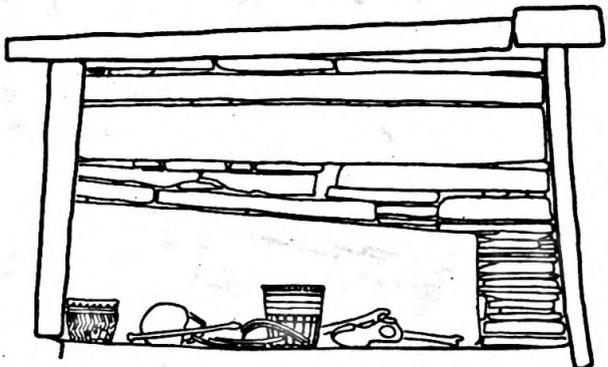
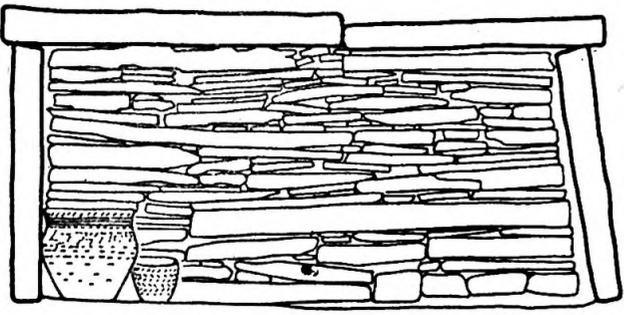
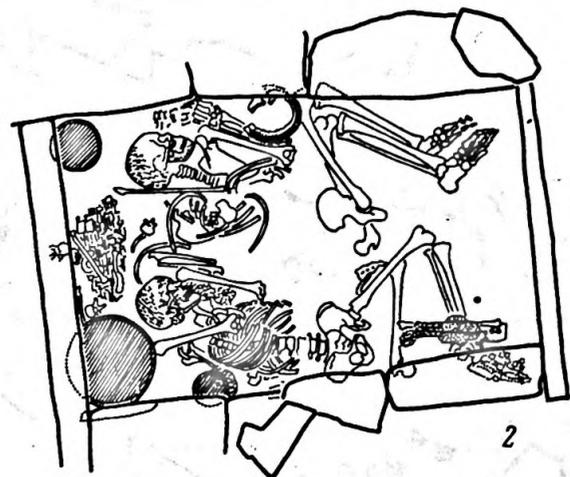
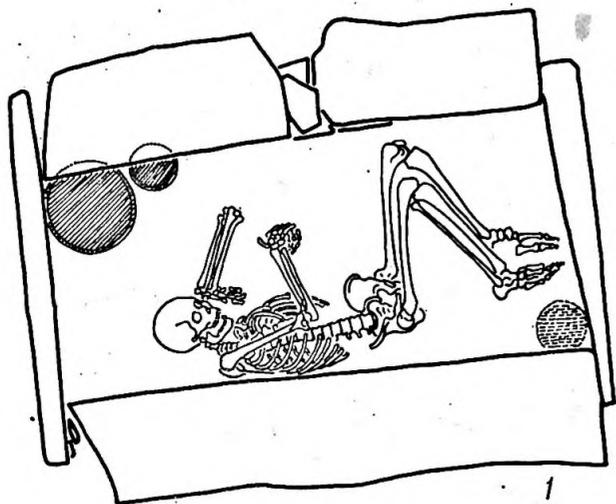

Табл.У. Пристань I - огр.7.
 1,3 - мог.2; 2,4 - мог.4; 5 - мог.3; 6 - мог.1.

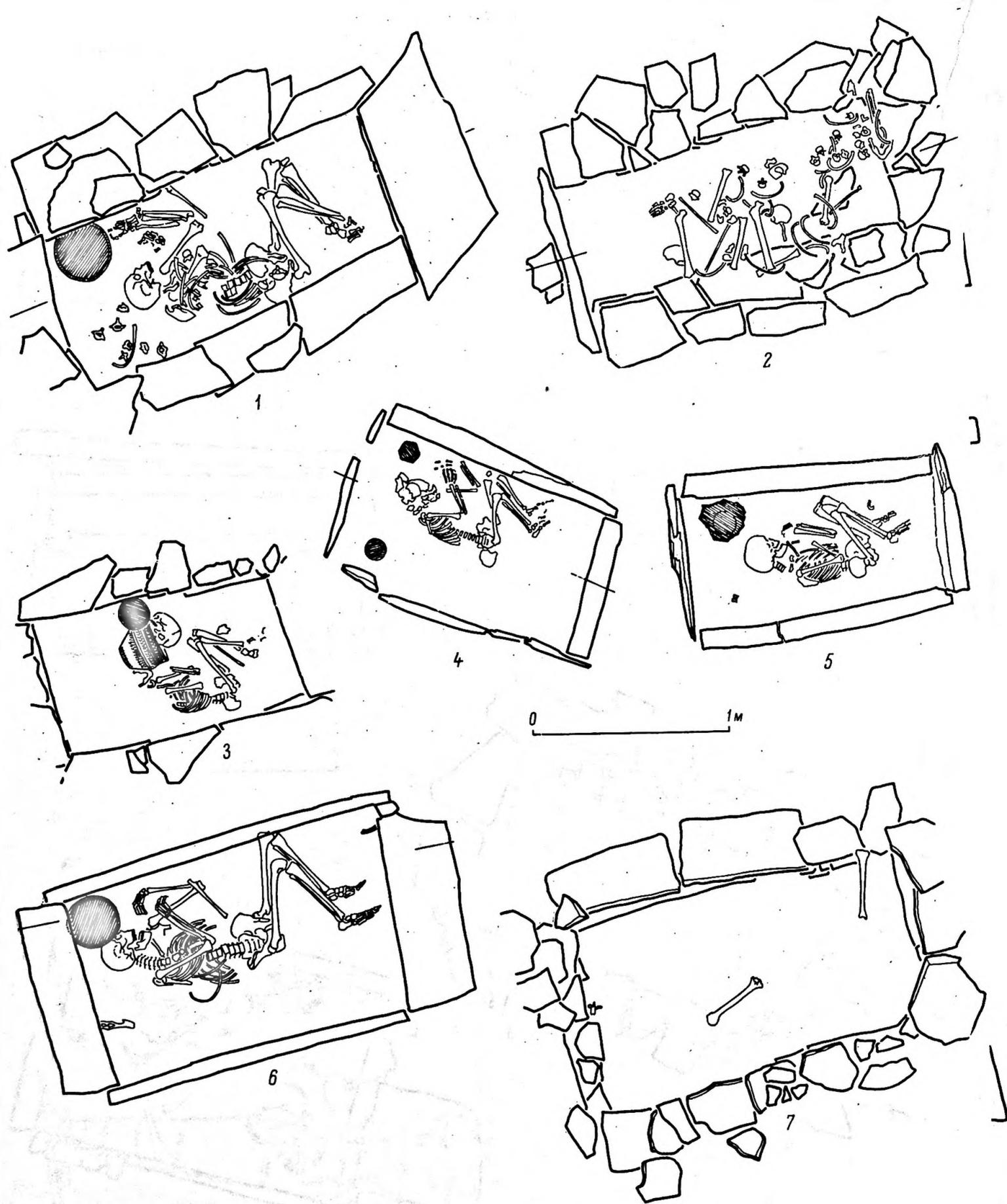

Табл.УІ. Пристань I - огр.7.

1 - мог.5; 2 - мог.6; 3 - мог.7; 4 - мог.8; 5 -
 мог.9; 6 - мог.10; 7 - мог.11.

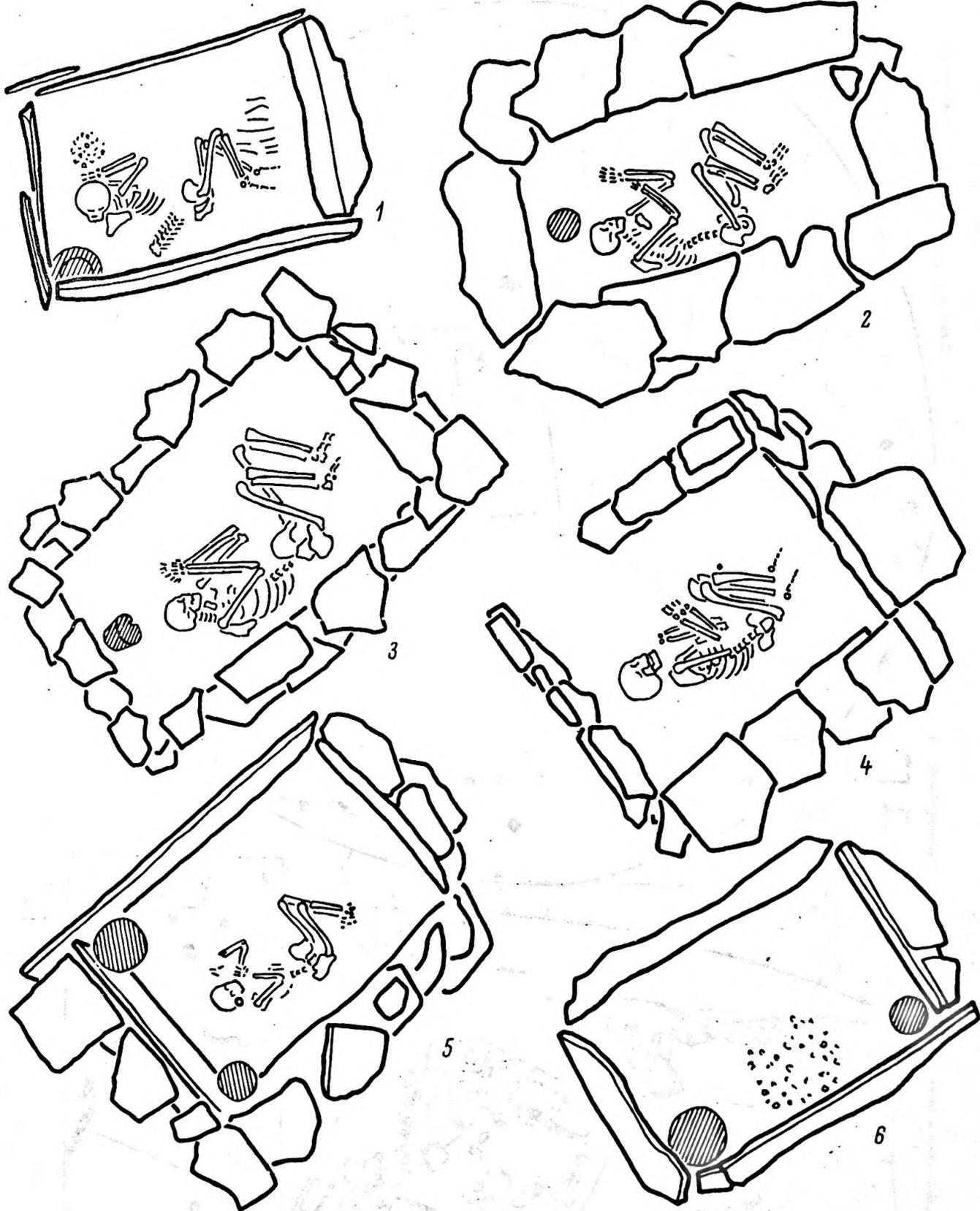
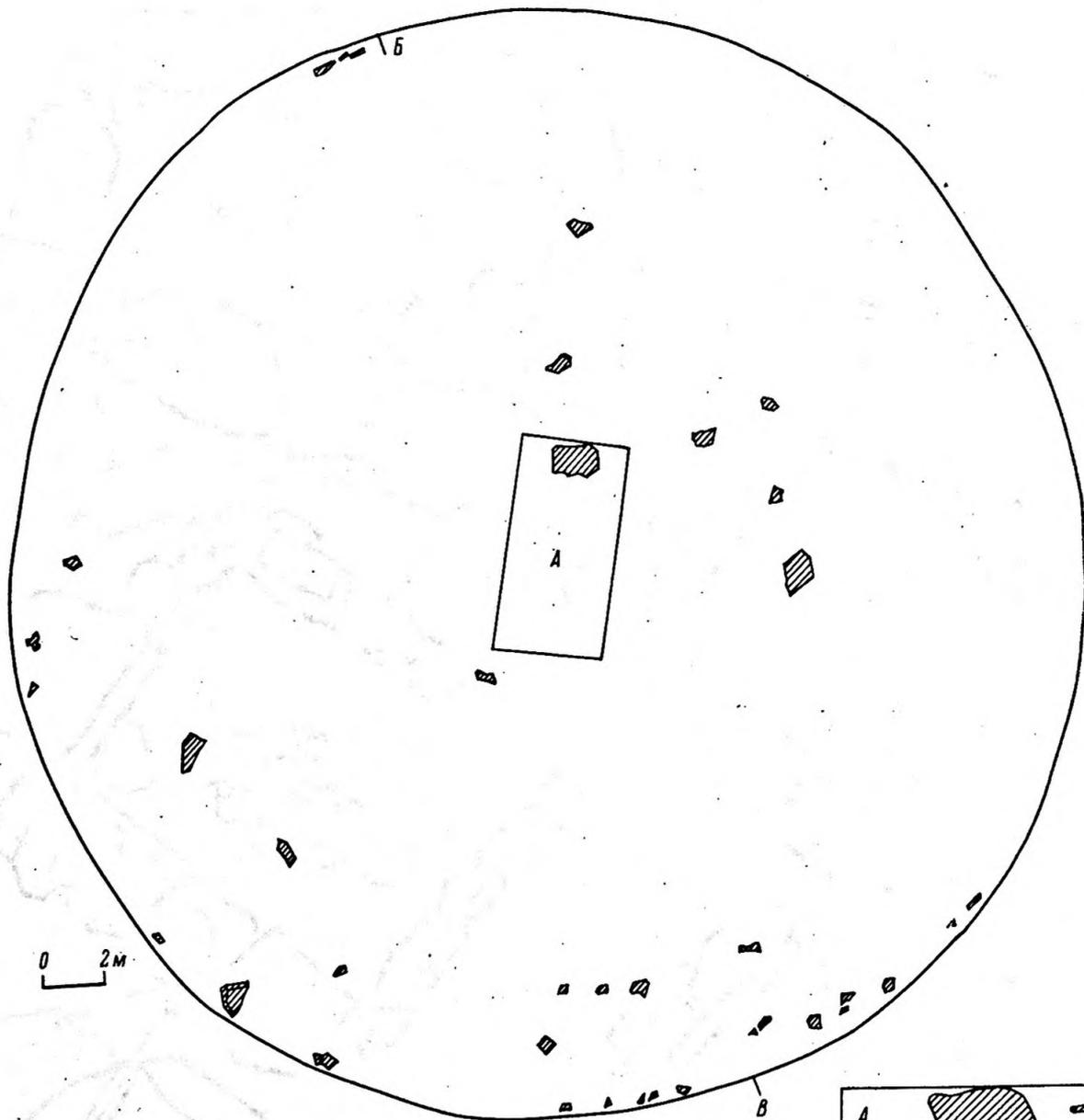

Табл. УП. Соленоозерная. Схемы планов могил (без масштаба).

1 - мог. 20; 2 - мог. 16; 3 - мог. 15; 4 - мог. 24;
5 - мог. 4; 6 - мог. 21.

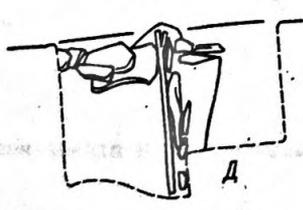

0 2 м

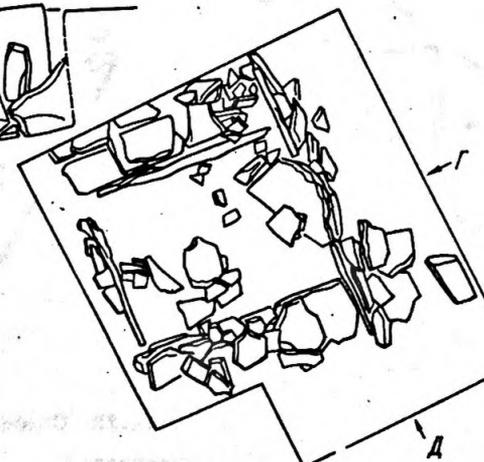

Б

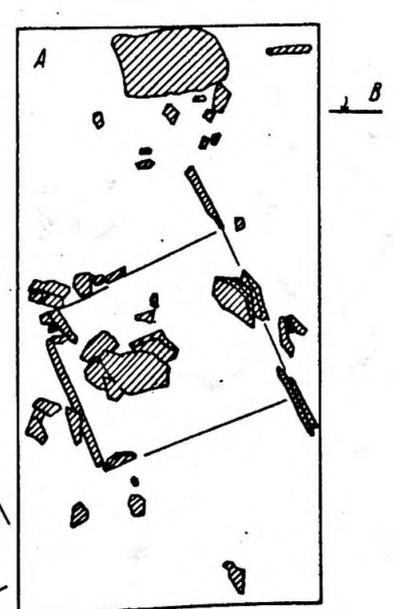
0 1 м

Д

Д

Б

Табл.УШ. Сухое озеро I - кург.1.

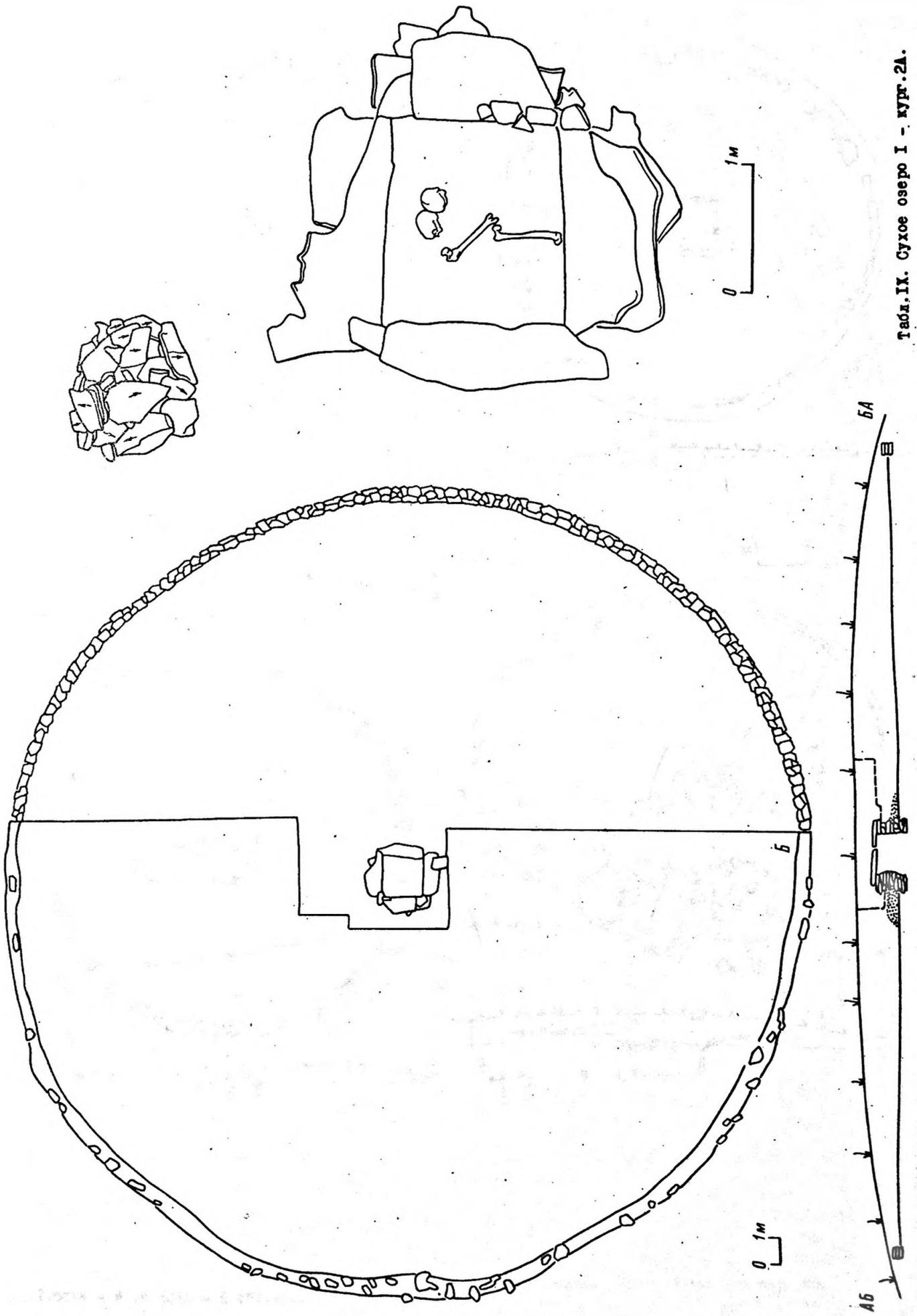

Табл. IX. Сухое озеро I - кург. 2А.

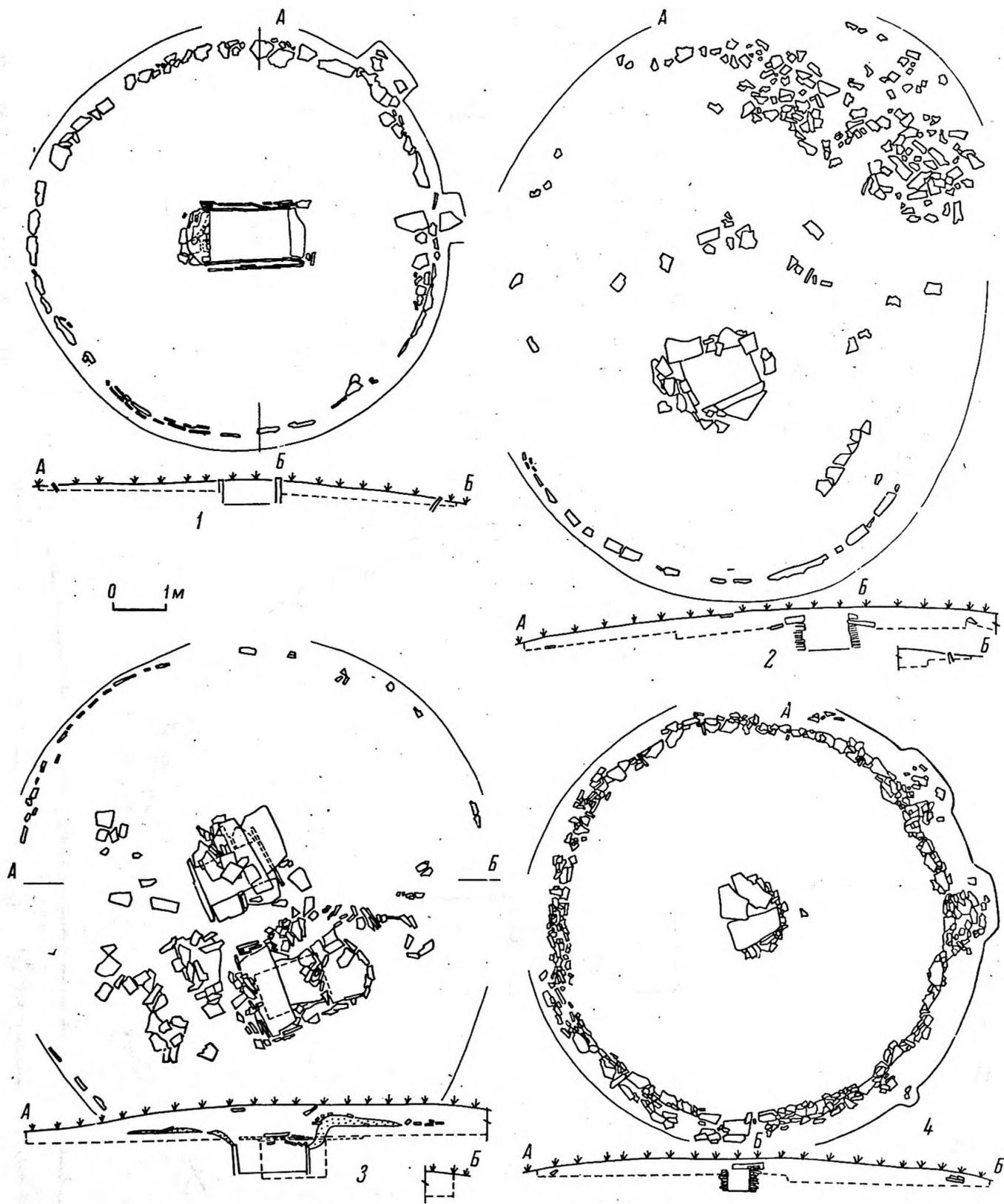

Табл. X. Сухое озеро I.

1 - кург. 2; 2 - кург. 14; 3 - кург. 4; 4 - кург. 7.

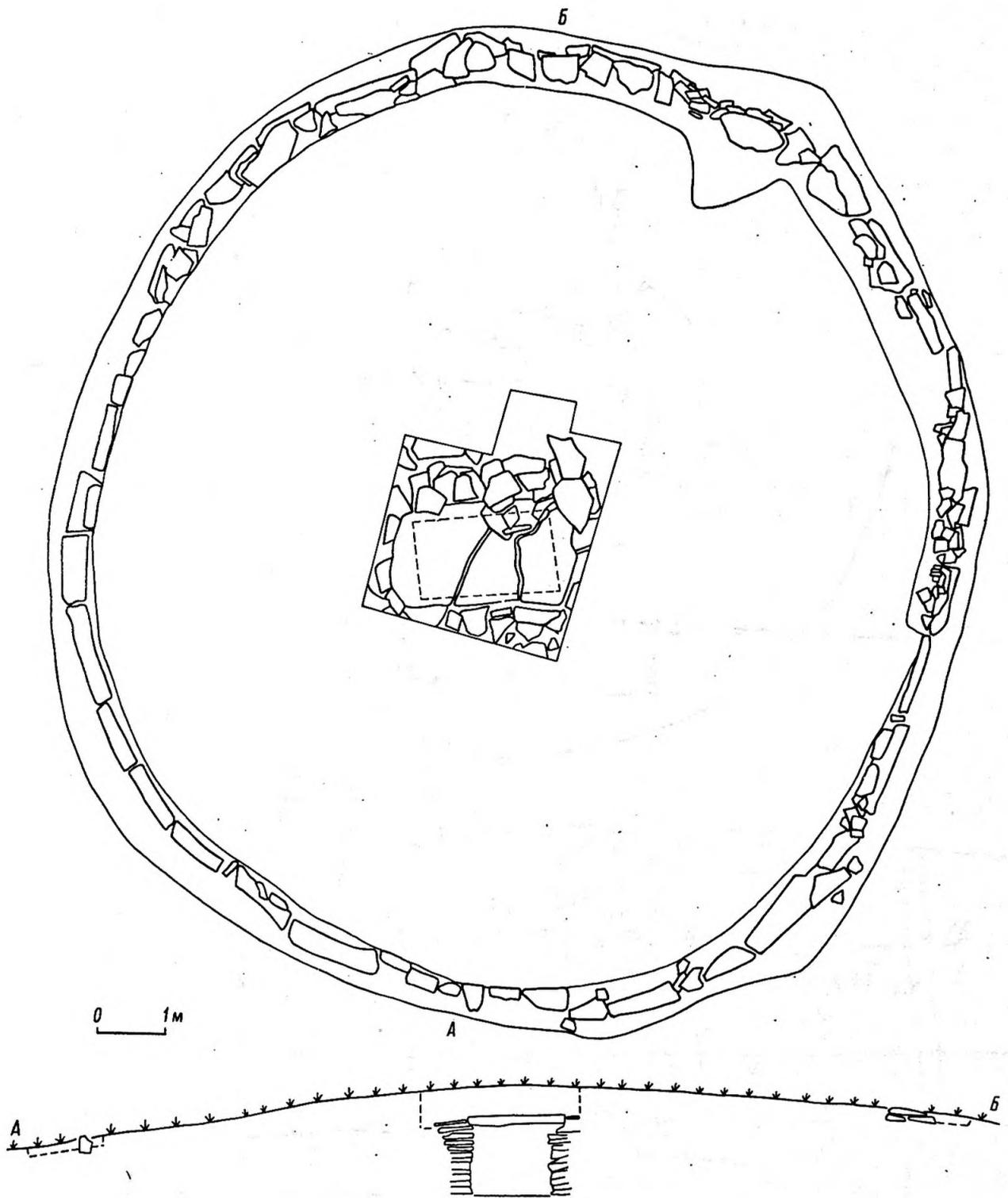

Табл. XI. Сухое озеро I - кург. IO.

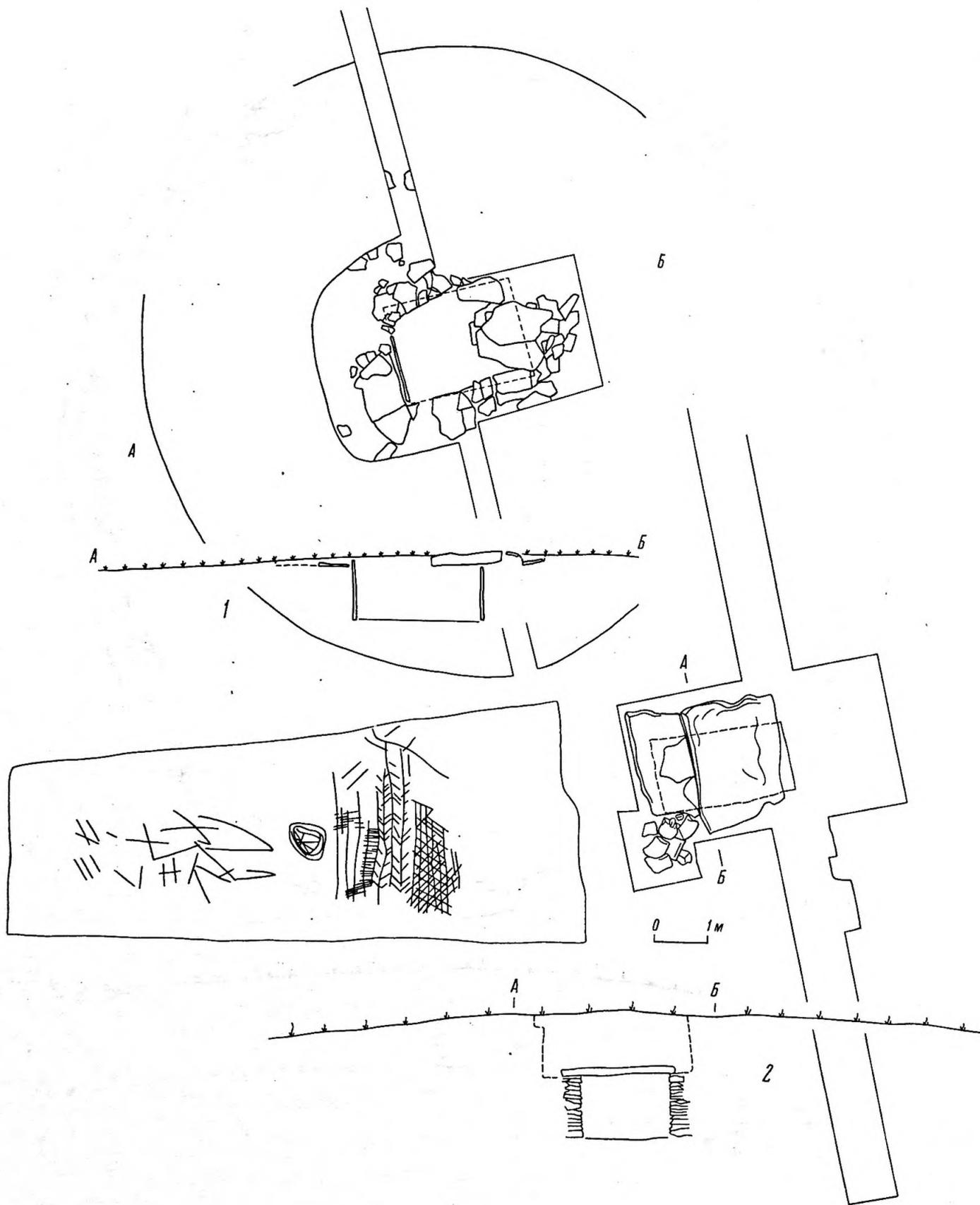

Табл. XII. Сухое озеро I.

1 - кург. 20; 2 - кург. 617.

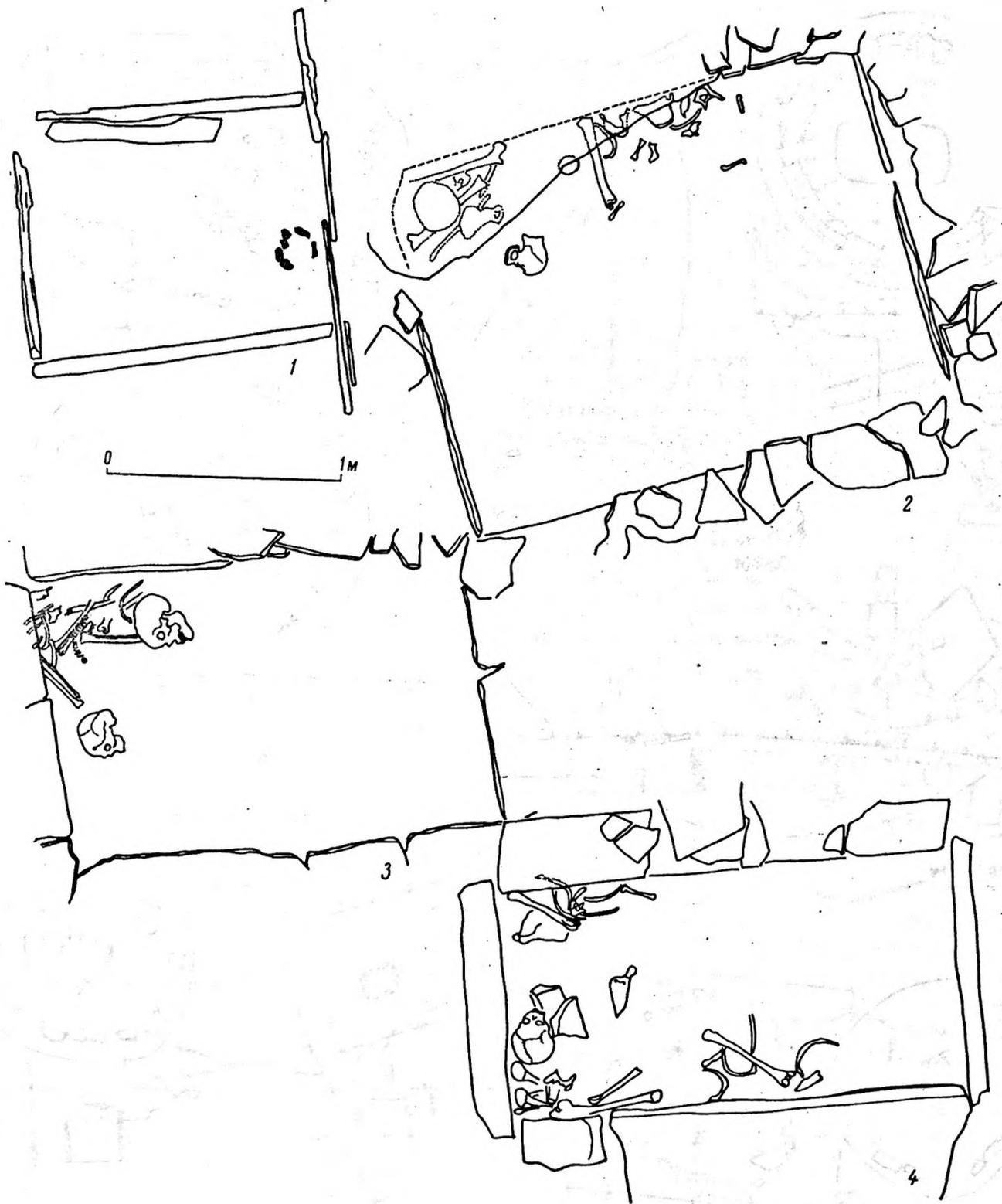

Табл. XIII. Сухое озеро I.

1 - кург.1, мог.; 2 - кург.20, мог.; 3 - кург.10, мог.; 4 - кург.617, мог.

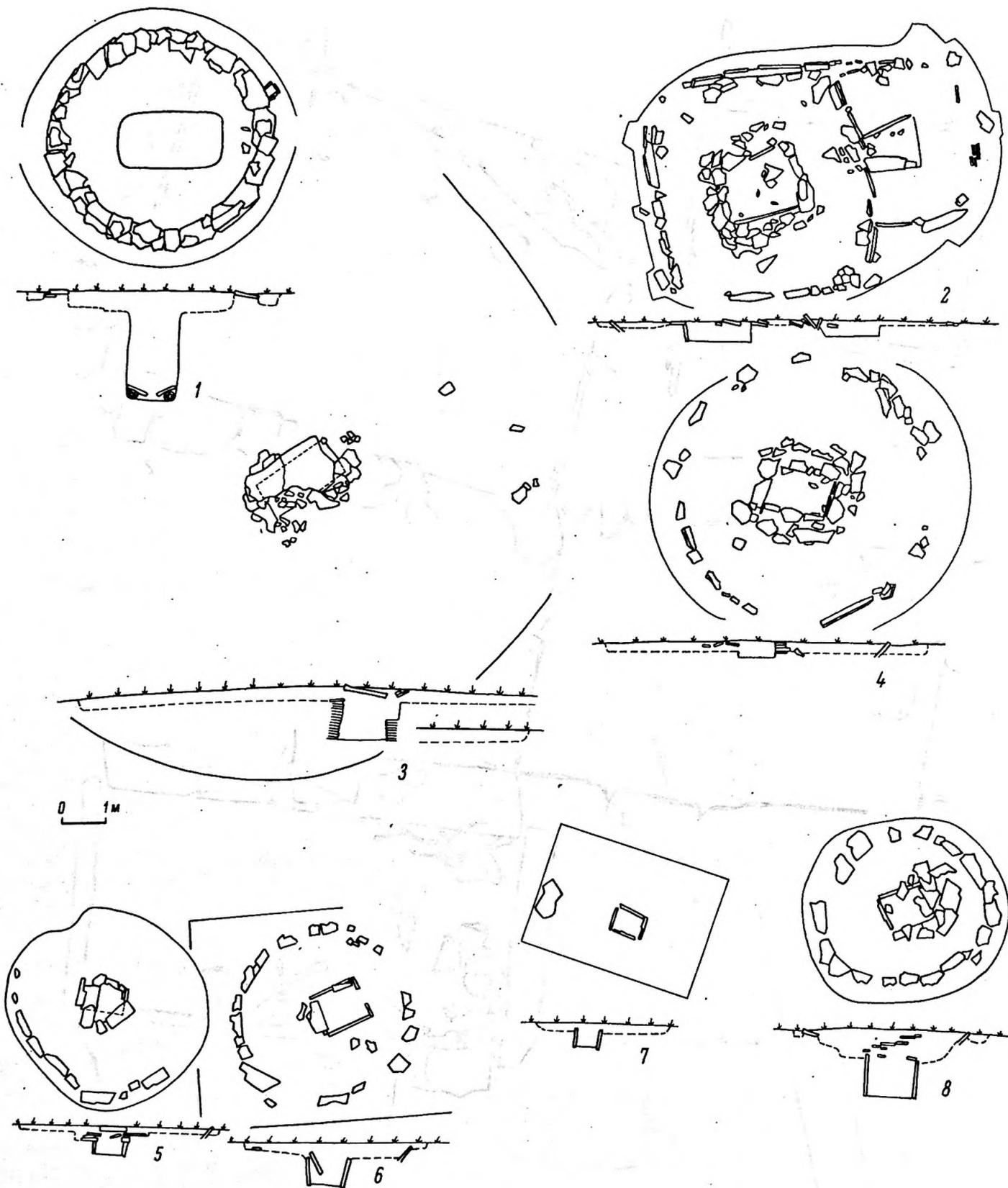

Табл. XIV. Сухое озеро I (1-4); Сухое озеро II (5-8)

1 - кург.16; 2 - кург.23; 3 - кург.8; 4 - кург.5;

5 - кург.В; 6 - кург.Г; 7 - кург.Л; 8 - кург.К.

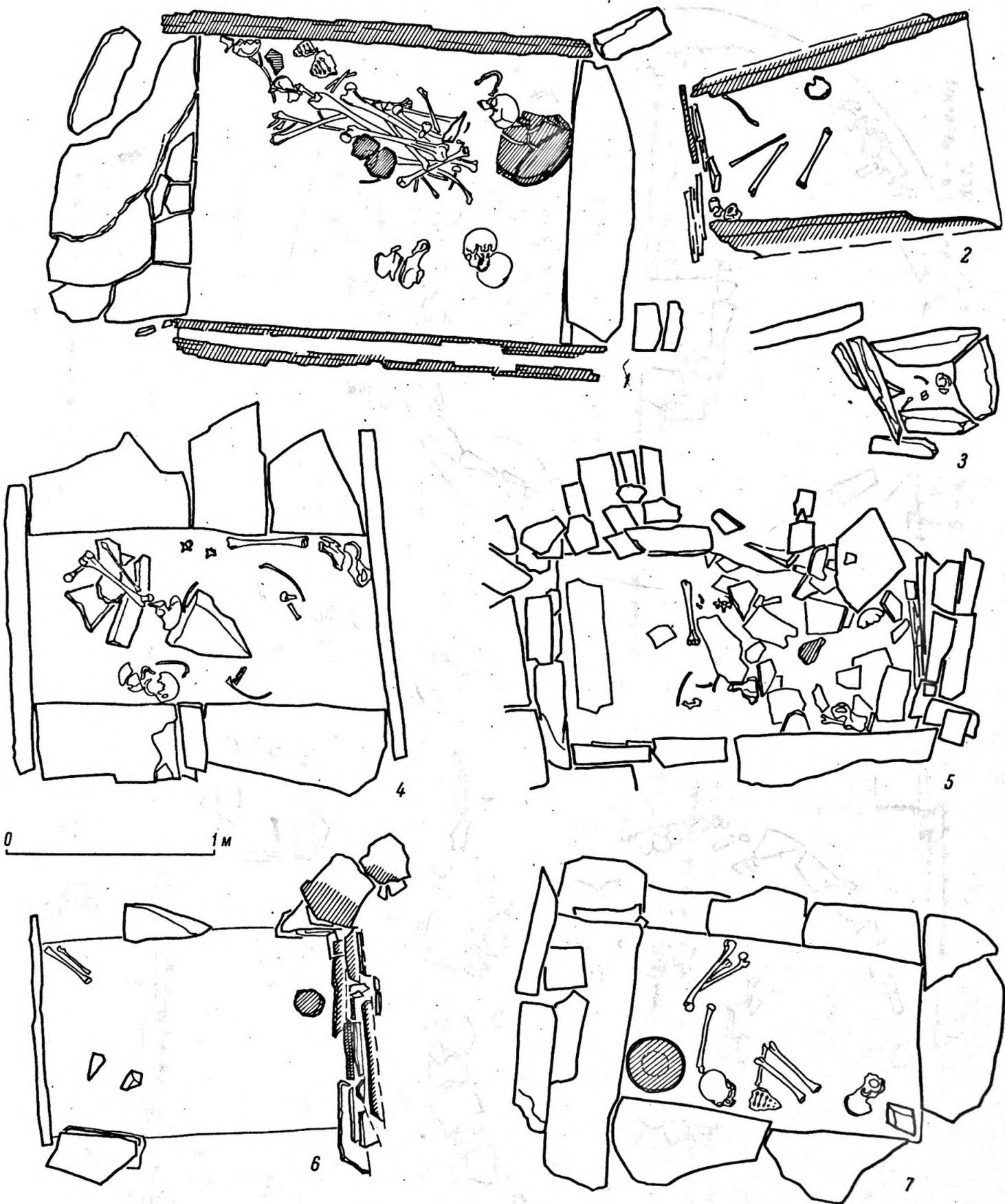
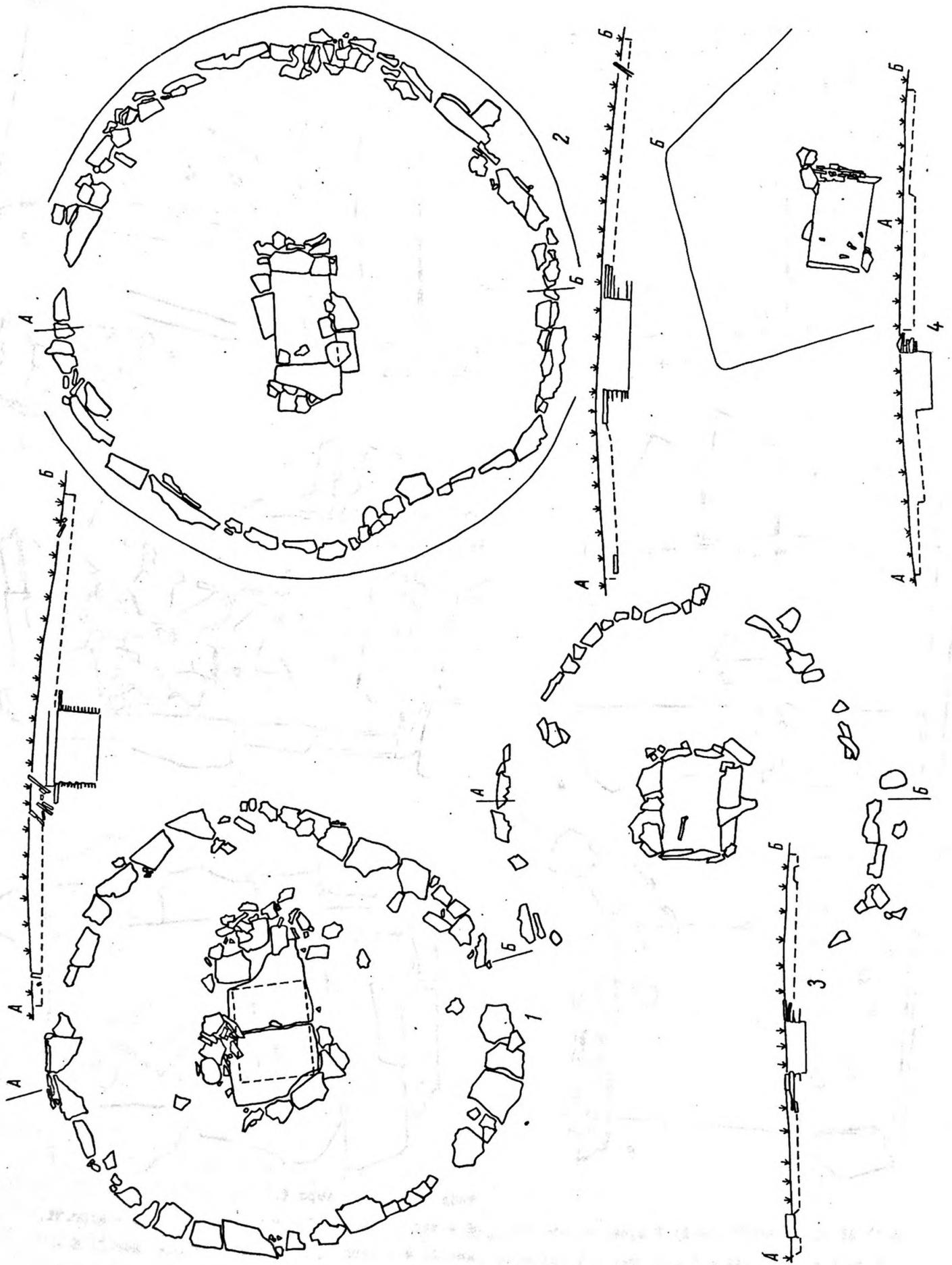

Табл. XV. Сухое озеро I.

1 - кург. 2, мог.; 2 - кург. 23, мог. 2; 3 - кург. 31, мог. 2; 4 - кург. 4, мог. 1; 5 - кург. 4, мог. 2; 6 - кург. 30, мог.; 7 - кург. 94, мог.

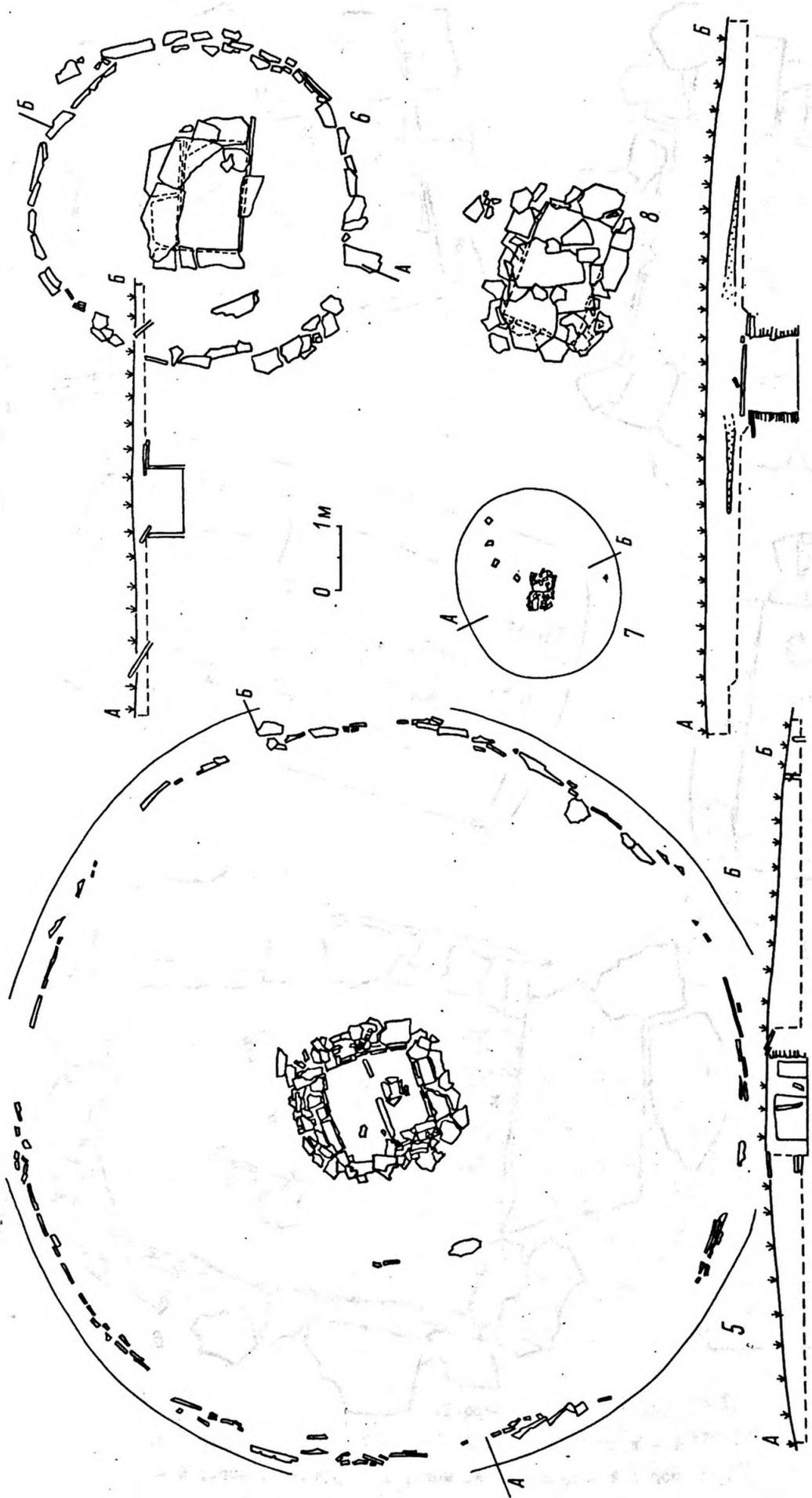

Табл. XVI. Сухое озеро I.

1 - кург. 29; 2 - кург. 3; 3 - кург. 33; 4 - кург. 30;
 5 - кург. 31; 6 - кург. 97; 7, 8 - кург. 107.

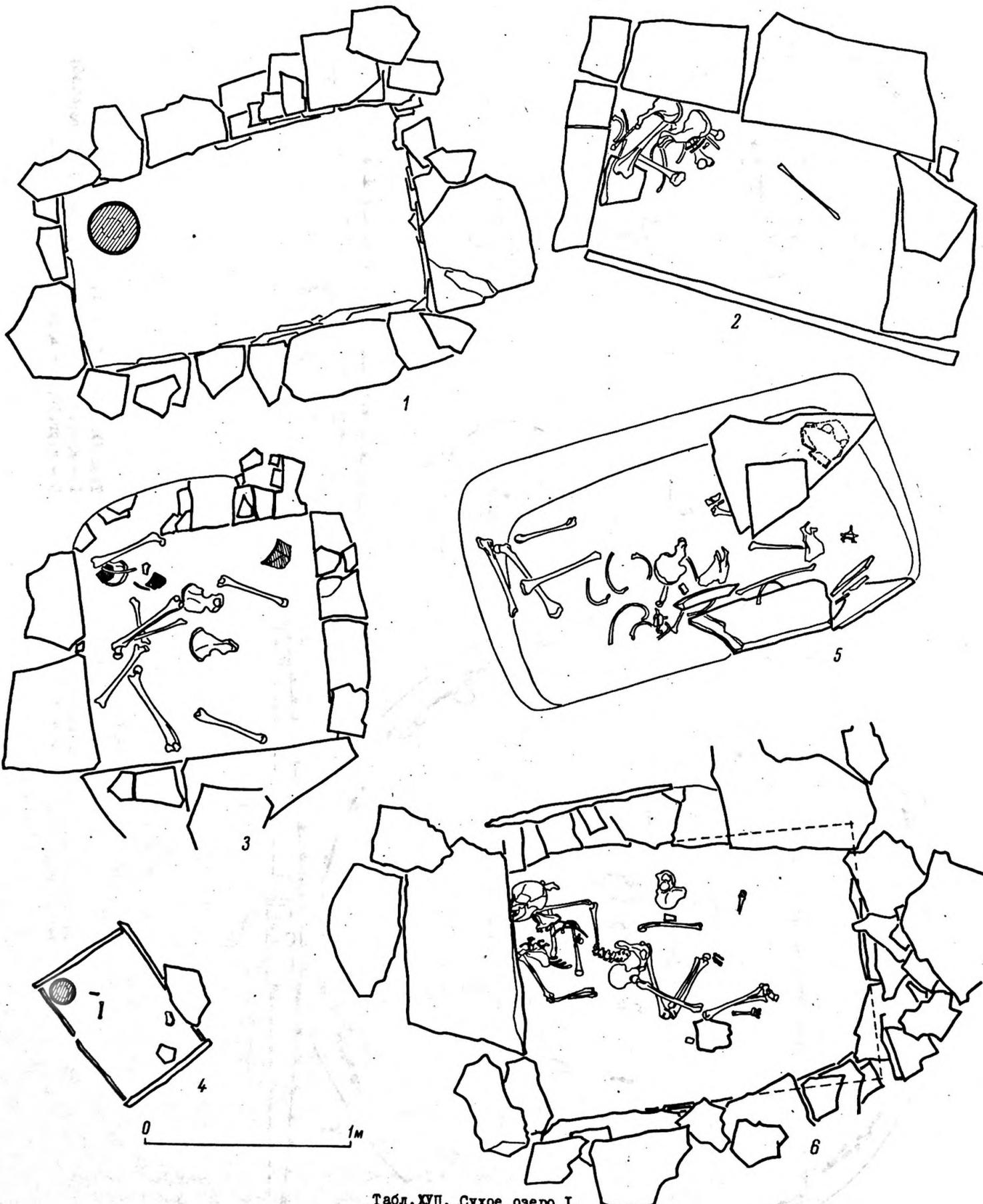

Табл. XVP. Сухое озеро I.

1 - кург. 107, мог.; 2 - кург. 97, мог.; 3 - кург. 243, мог.; 4 - кург. 243 А, мог.; 5 - кург. 409, мог.; 6 - кург. 29, мог., верхний слой.

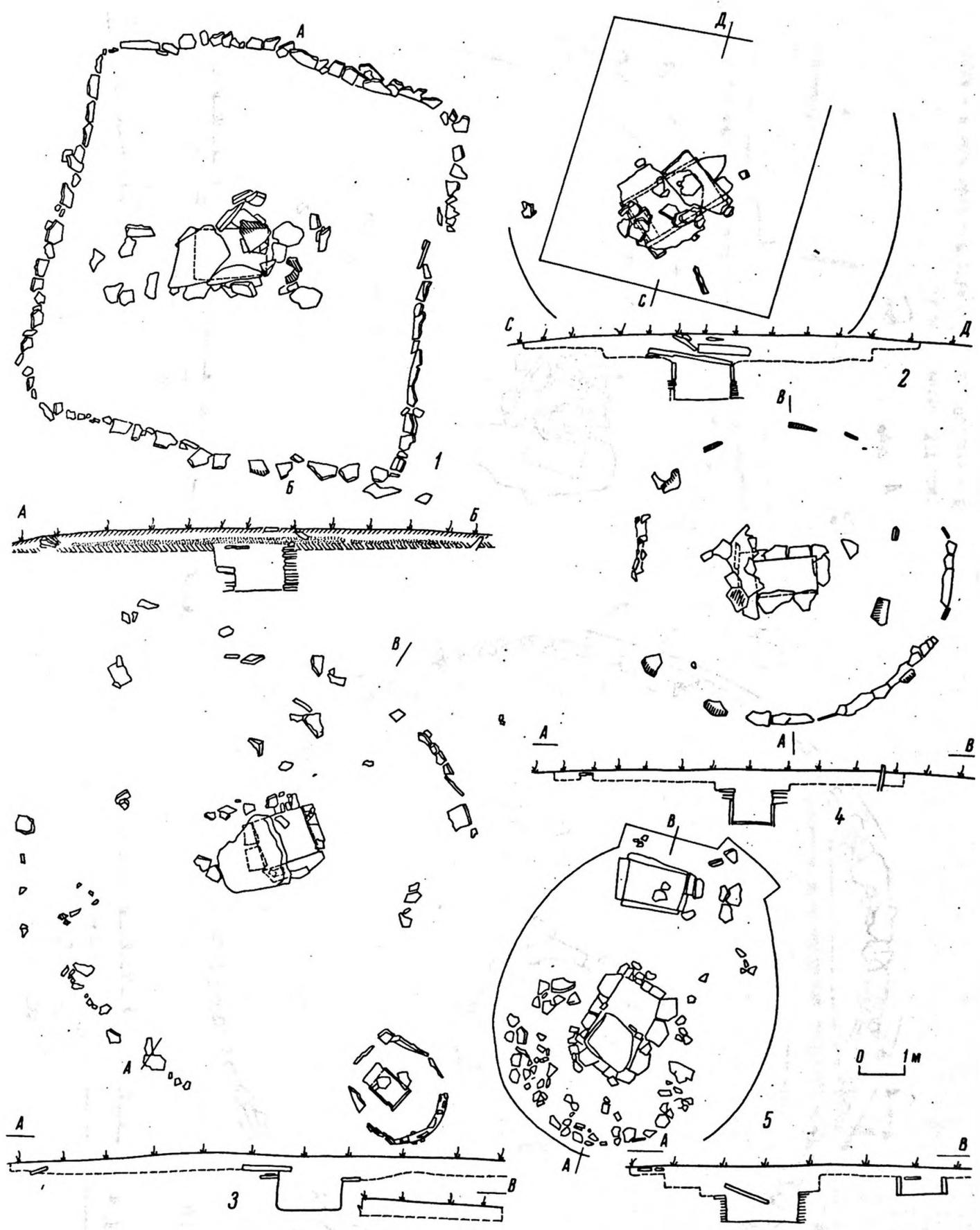
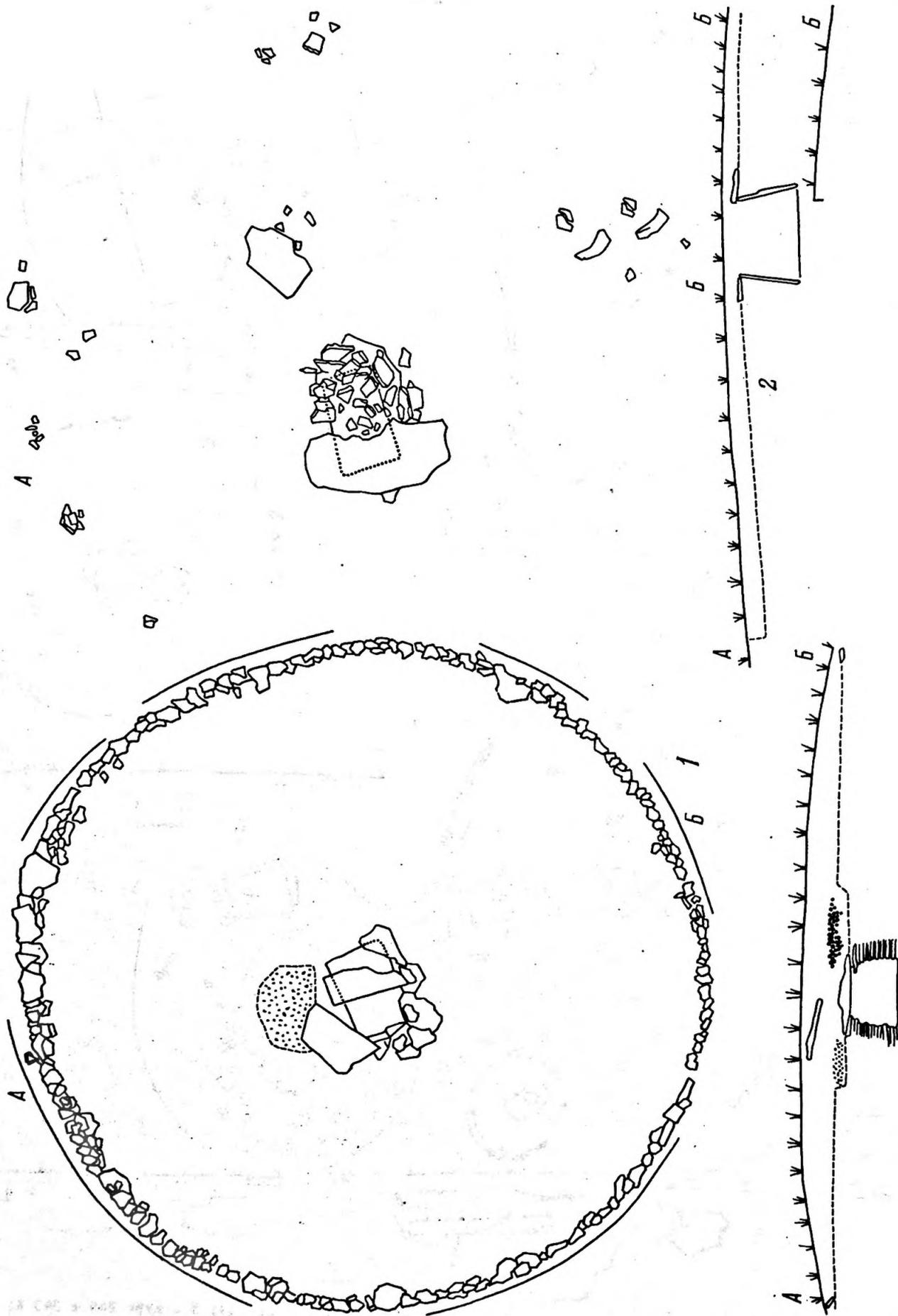

Табл. XV. Сухое озеро I.

1 - кург. 241; 2 - кург. 239; 3 - кург. 243 и 243 А;

4 - кург. 94; 5 - кург. 303.

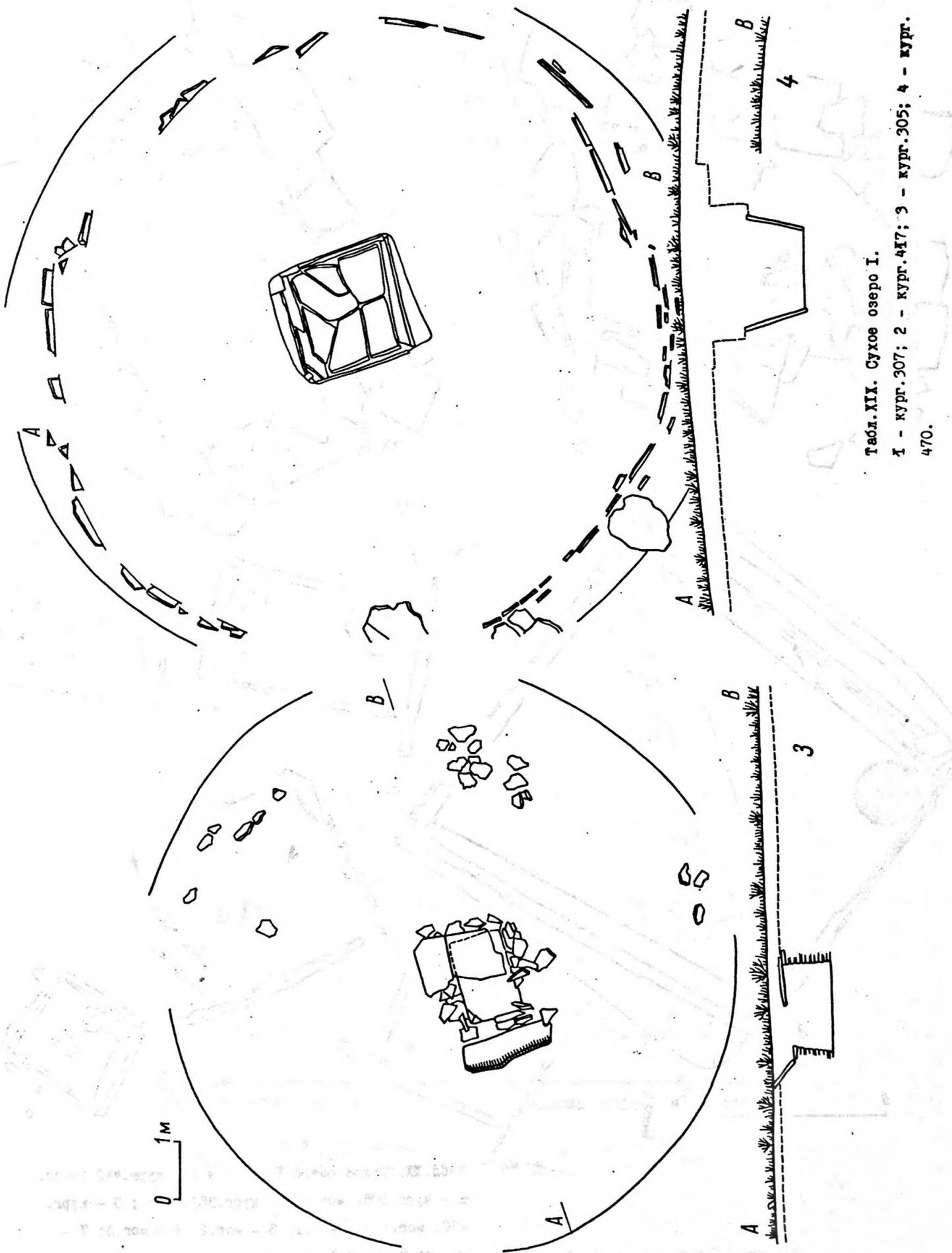
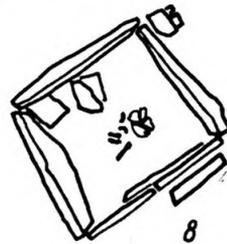
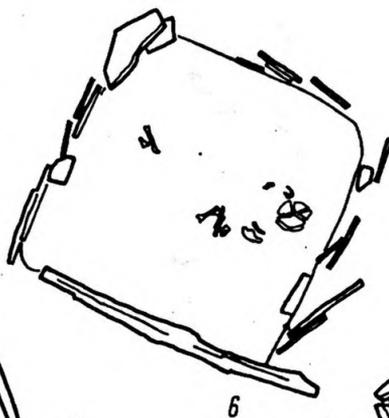
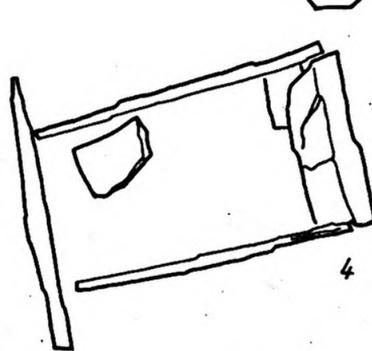
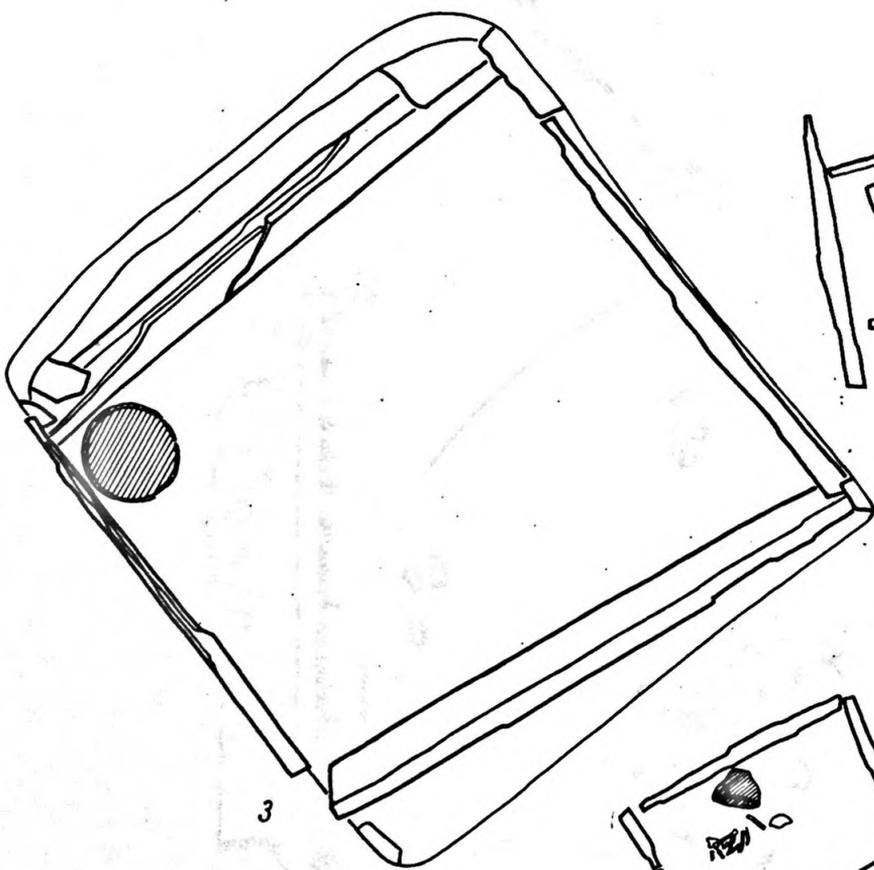
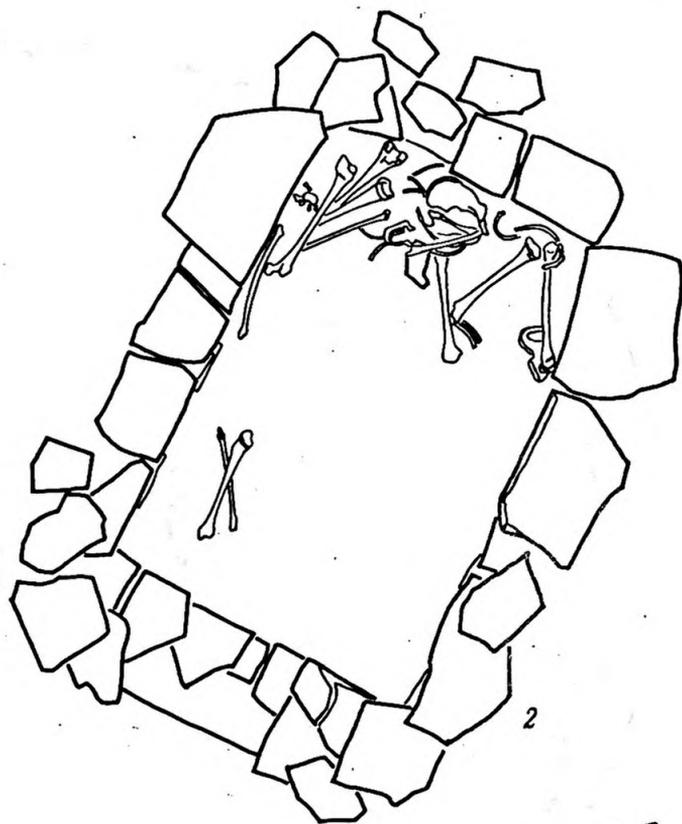
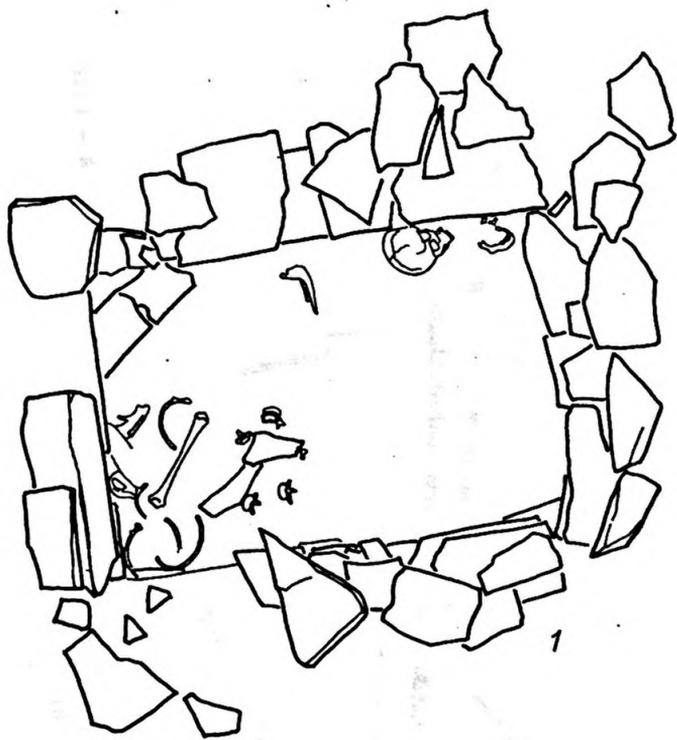

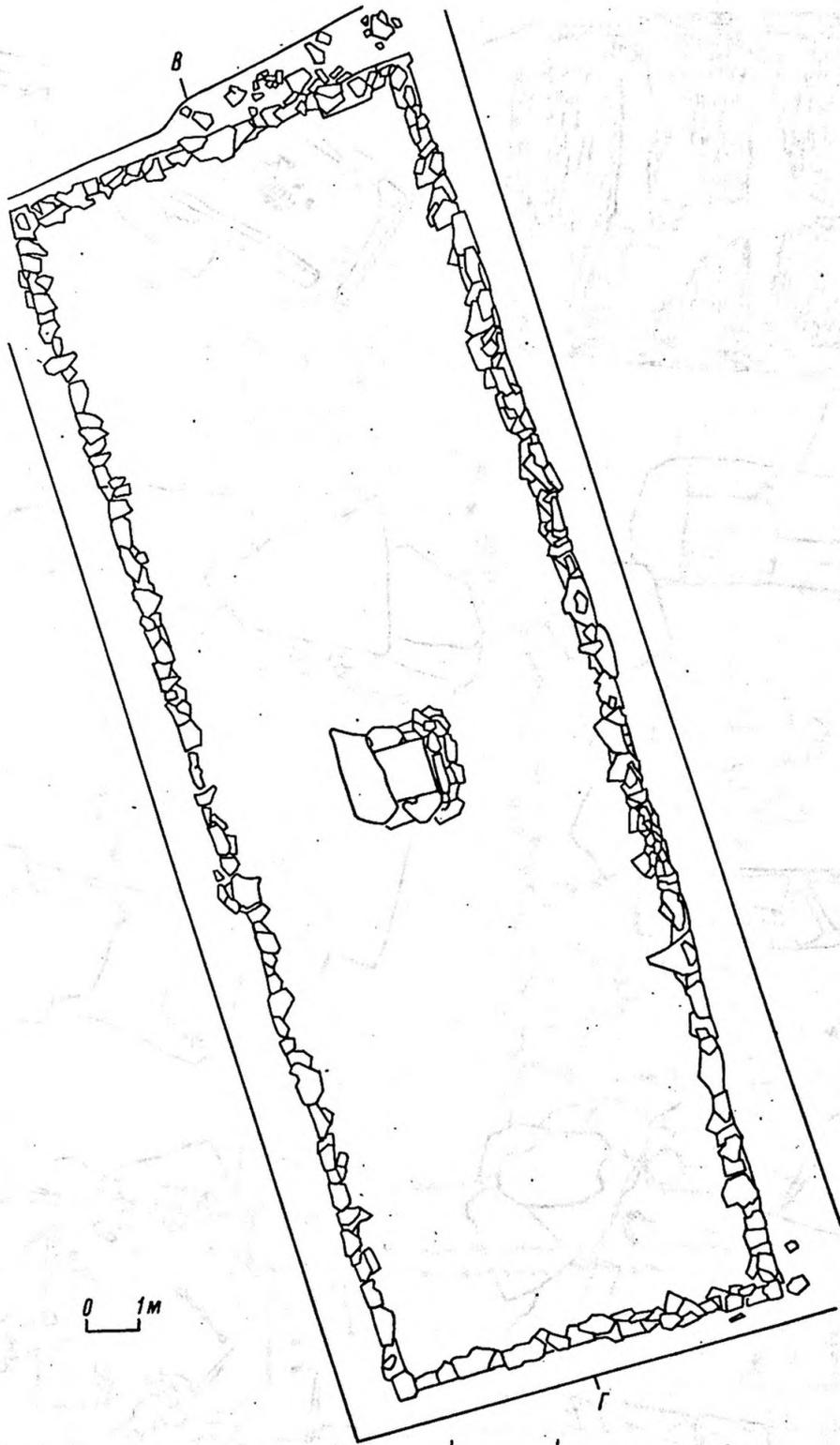
Табл. XIX. Сухое озеро I.

1 - кург. 307; 2 - кург. 417; 3 - кург. 305; 4 - кург. 470.

0 1м

Табл. XX. Сухое озеро I (1-3) и IA, кург. 442 (4-8).
 1 - кург. 305, мог.; 2 - кург. 303, мог.; 3 - кург.
 470, мог.; 4 - мог. 1; 5 - мог. 2; 6 - мог. 3; 7 -
 мог. 4; 8 - мог. 5.

0 1m

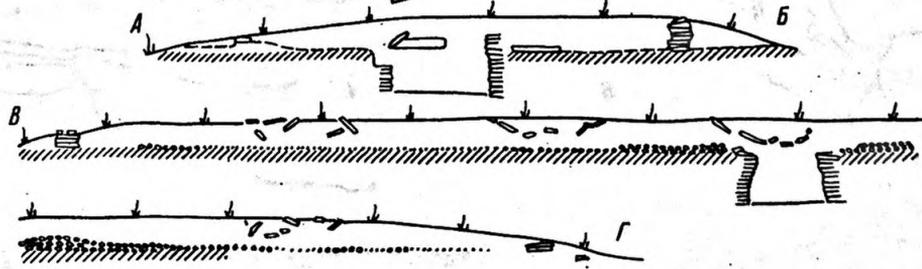
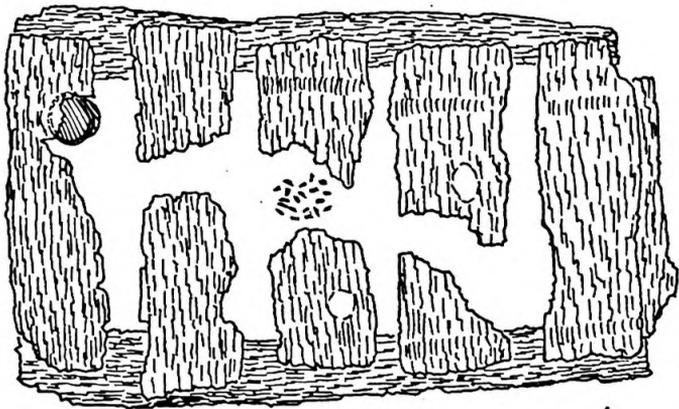
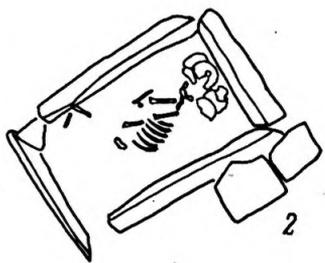

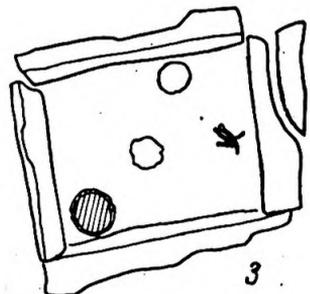
Табл. XXI. Сухое озеро I - кург. 413.

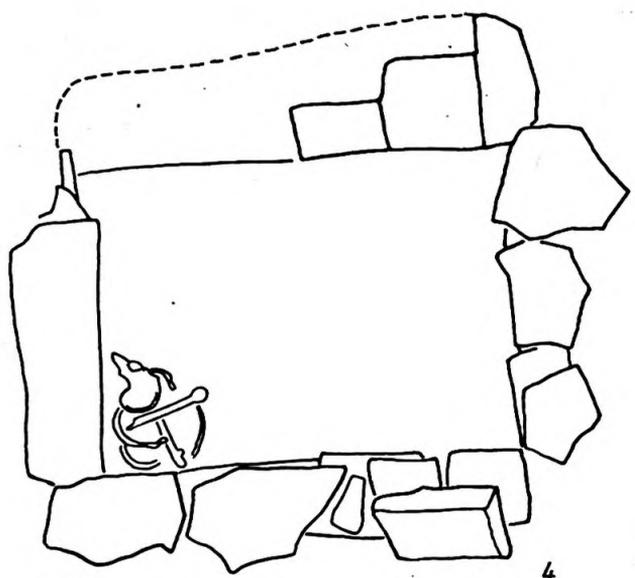
1

2

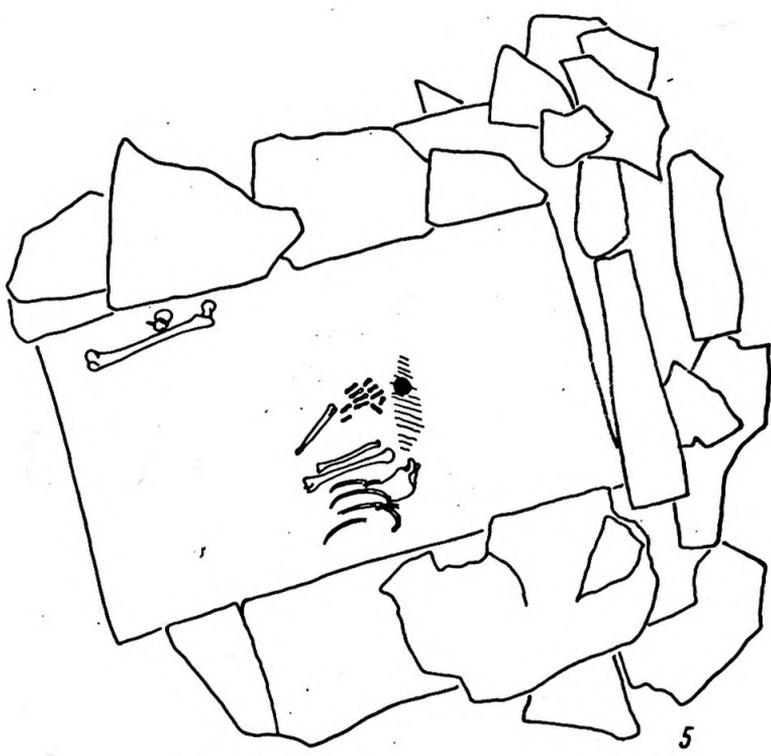

3

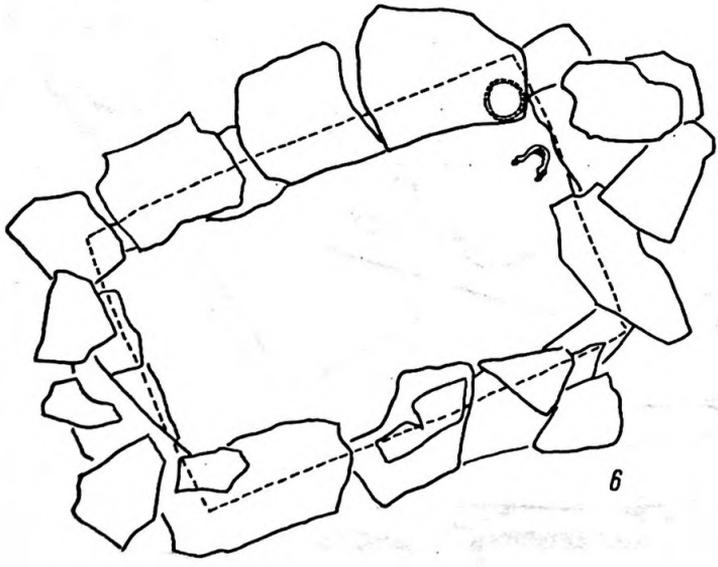

4

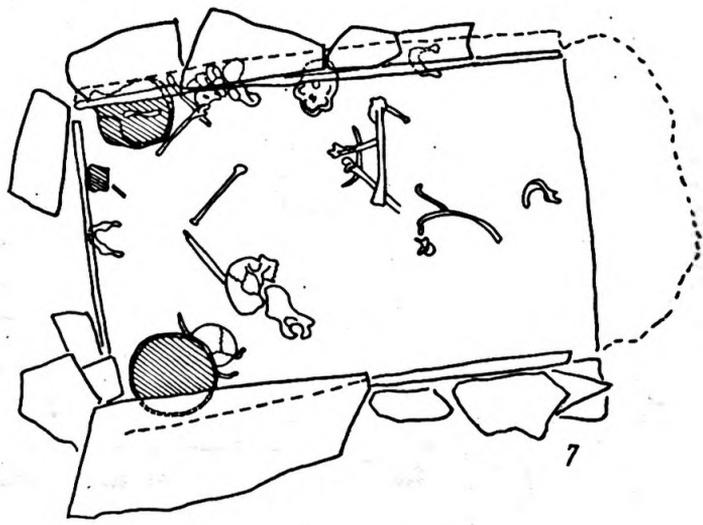
0 1m

5

6

7

Табл. XXII. Сухое озеро I (1, 4-7) и IA (2, 3).
 1 - кург. 16, мог. 1; 2 - кург. Д, мог. 1; 3 - кург. Е,
 мог.; 4 - кург. 241, мог.; 5 - кург. 413, мог.; 6 -
 кург. 307, мог.; 7 - кург. 417, мог.

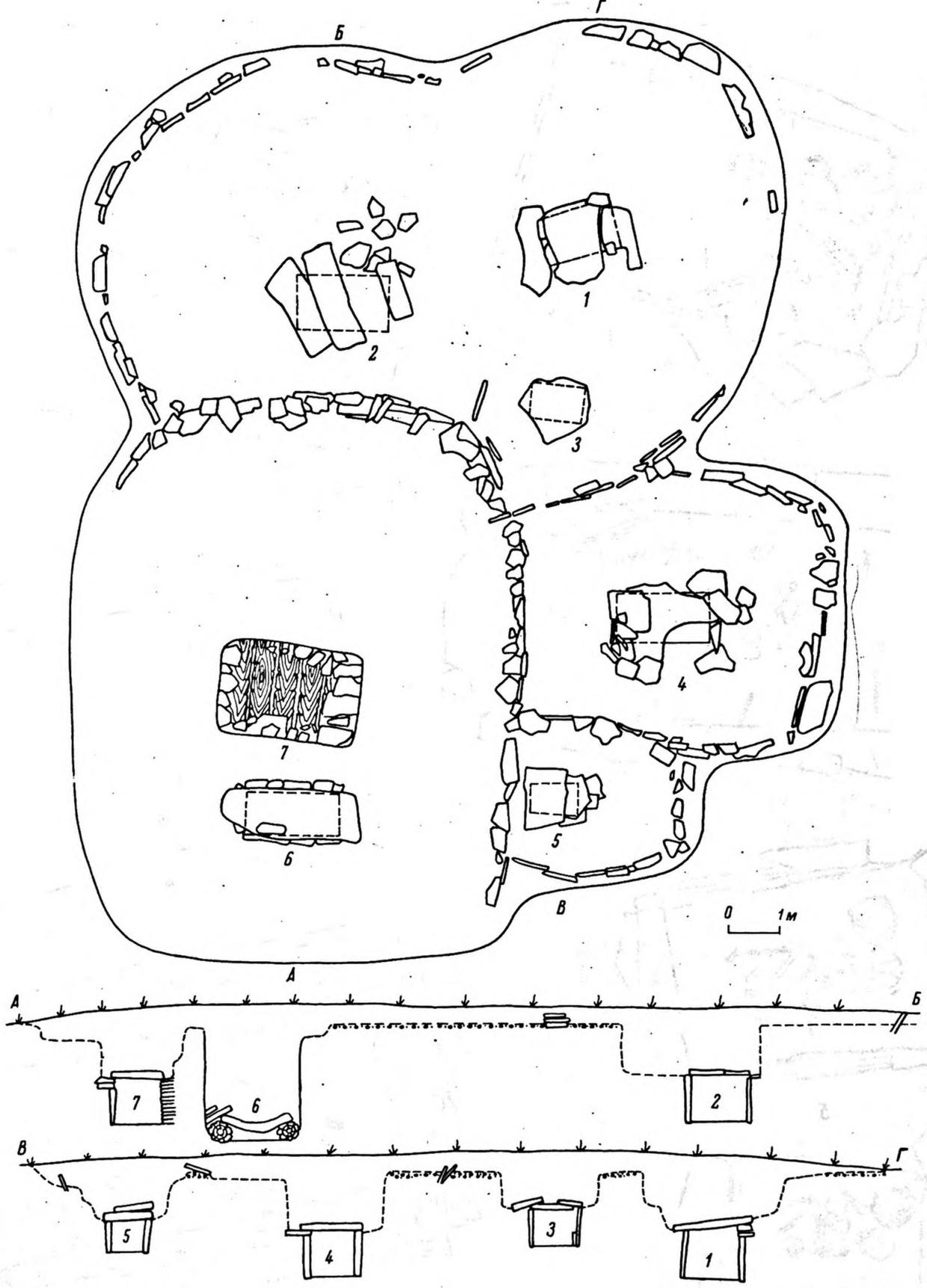

Табл. XXIII. Сухое озеро - кург. 430.

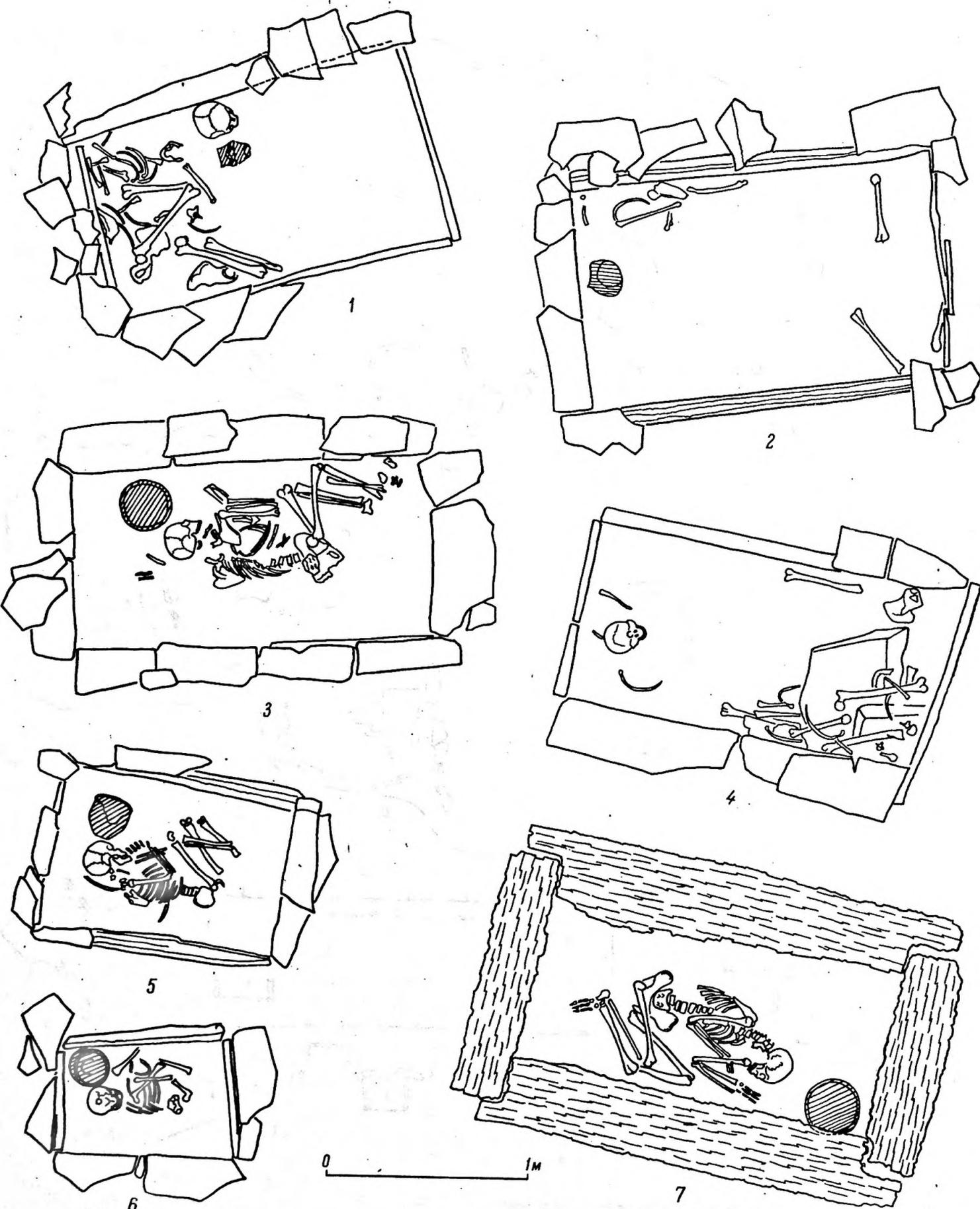

Табл. XXIV. Сухое озеро I - кург. 430.

1 - мог. 1; 2 - мог. 2; 3 - мог. 7; 4 - мог. 4; 5 - мог. 3; 6 - мог. 5; 7 - мог. 6.

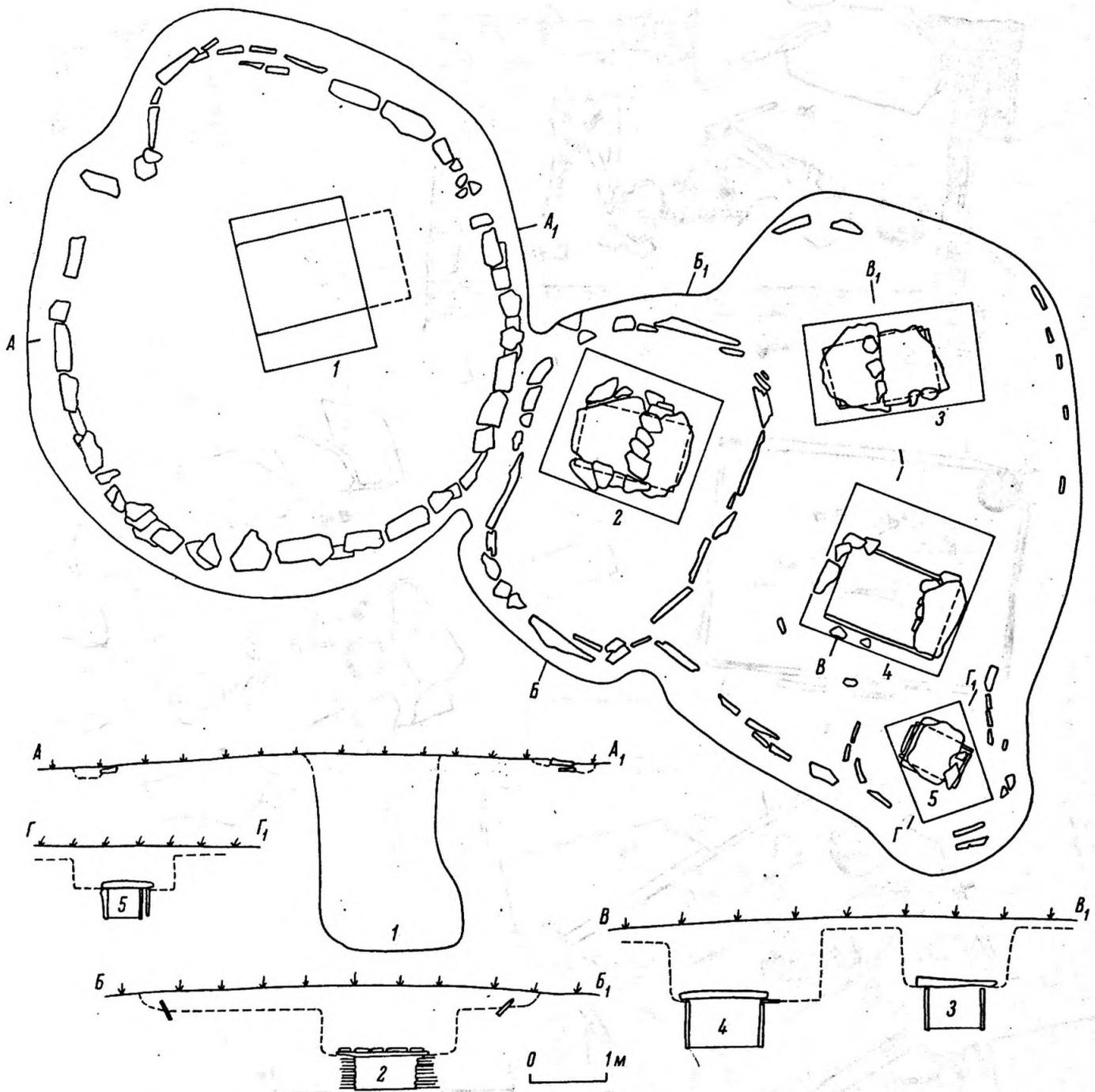

Табл. XV. Сухое озеро I - кург. 442.

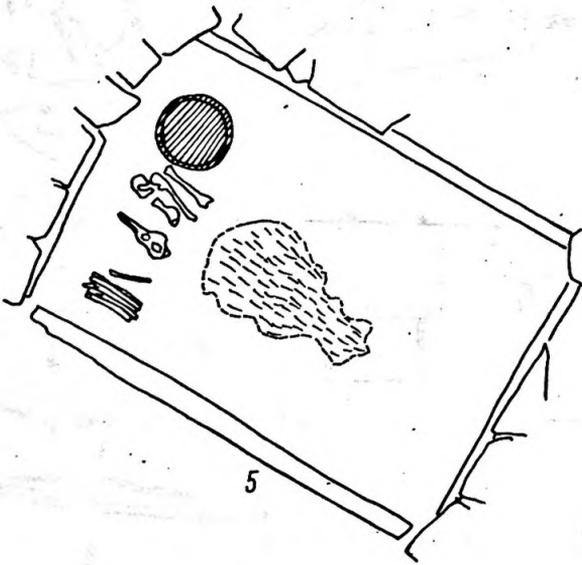
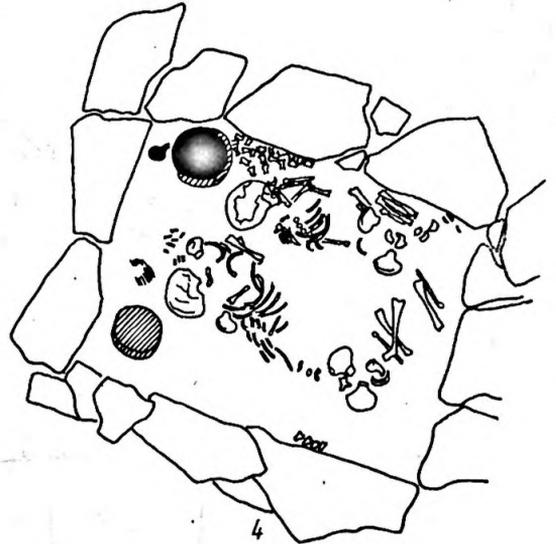
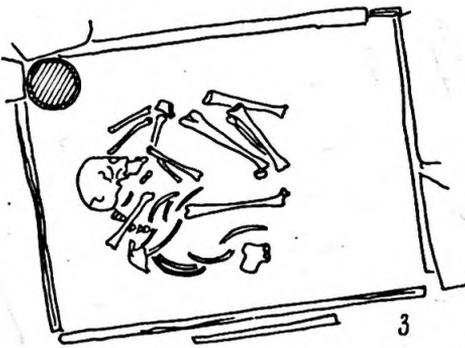
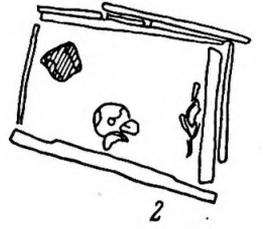
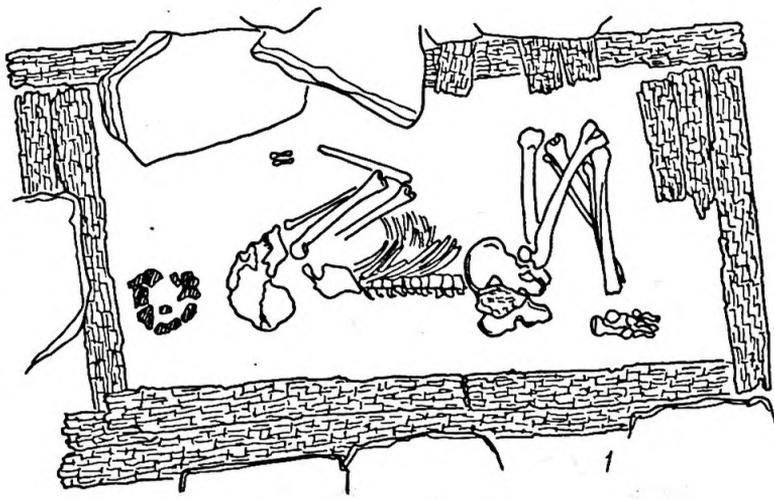

Табл. XXVI. Сухое озеро I - кург. 442.

I - мог. 1; 2 - мог. 5; 3 - мог. 3; 4 - мог. 2; 5 -
 мог. 4.

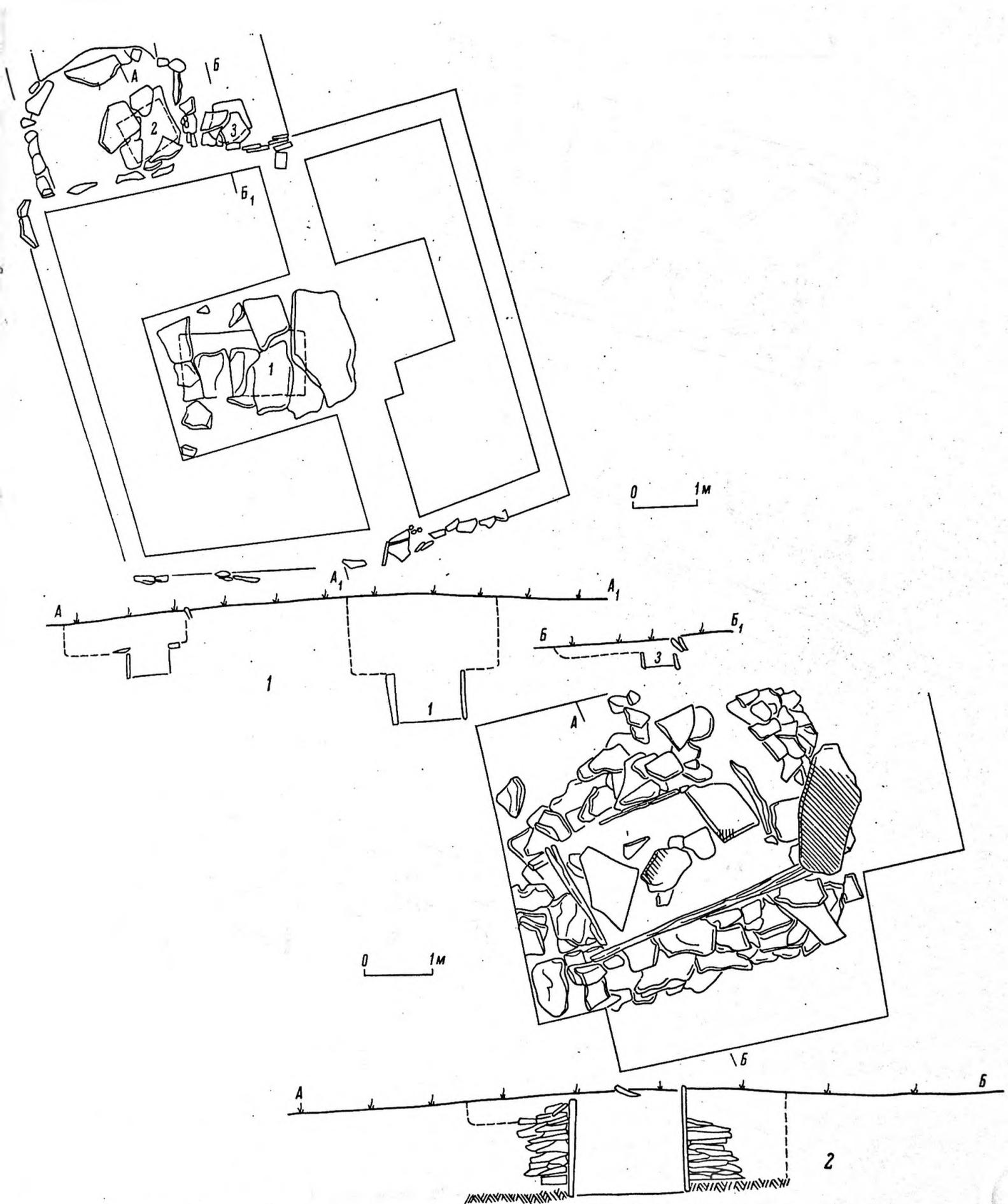

Табл. XXV. Сухое озеро I.
 1 - кург. 440; 2 - кург. 462.

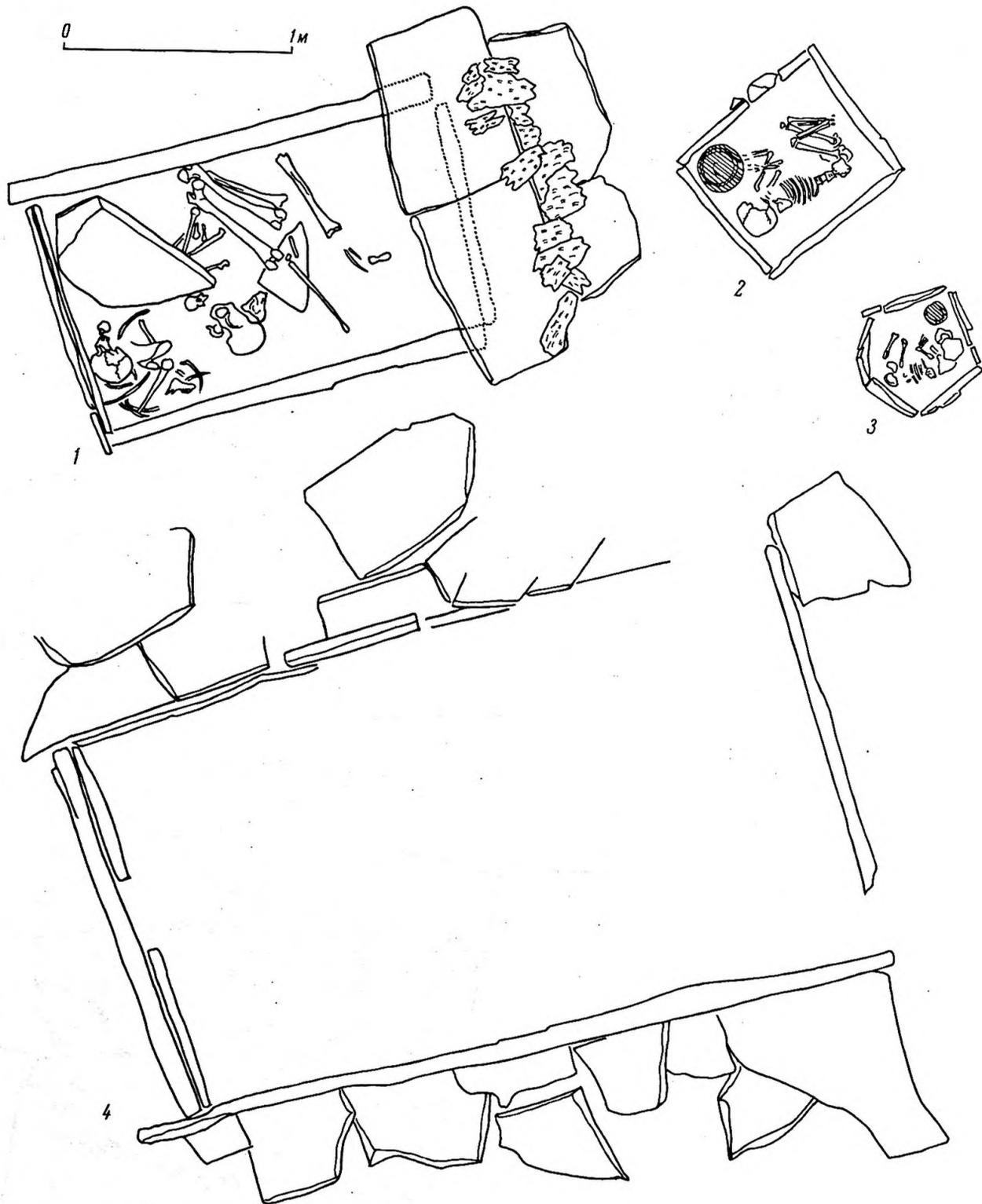

Табл. XXVIII. Сухое озеро I.

1 - кург. 440, мог. I; 2 - кург. 440, мог. 2; 3 - кург. 440, мог. 3; 4 - кург. 462, мог.

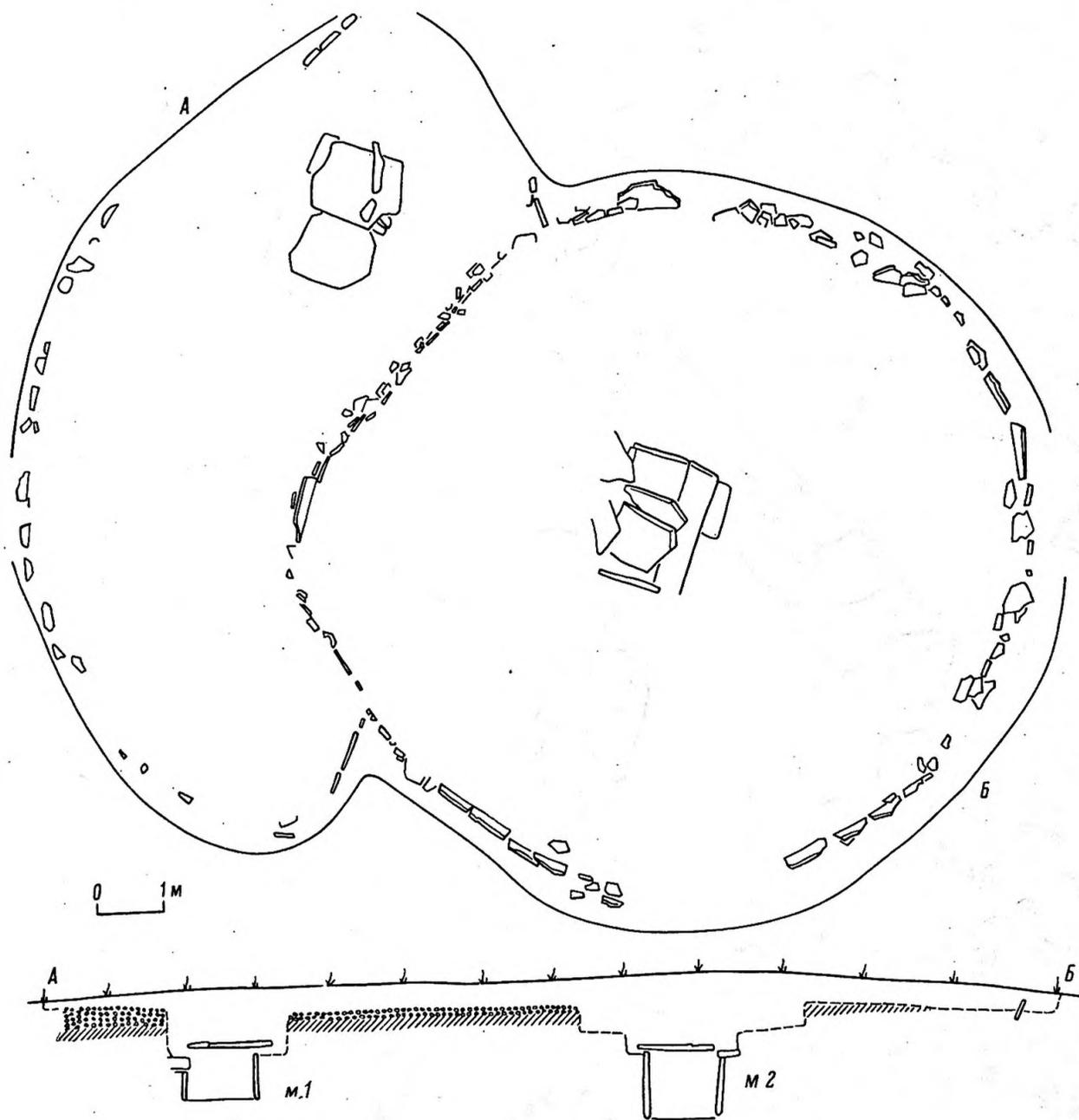

Табл. XXIX. Сухое озеро I - кург. 468.

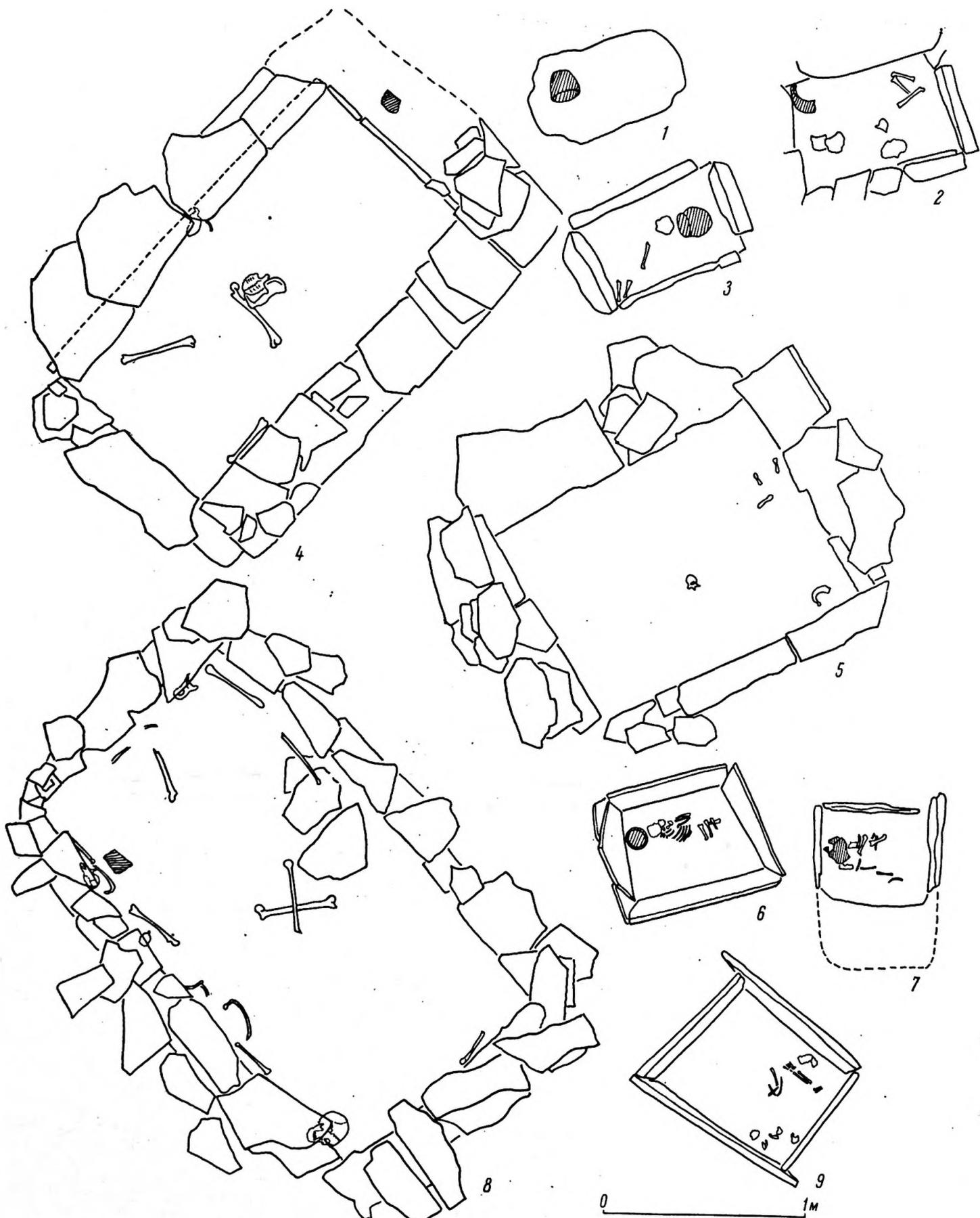

Табл. XXX. Сухое озеро I (4, 5, 8) и IA (1-3, 6, 7, 9).
 1 - кург. 436, мог. 2; 2 - кург. 436, мог. 4; 3 - кург.
 436, мог. 3; 4 - кург. 8, мог.; 5 - кург. 14, мог.;

6 - кург. II, мог. 2; 7 - кург. II, мог. 3; 8 - кург. 7,
 мог.; 9 - кург. II, мог. 1.

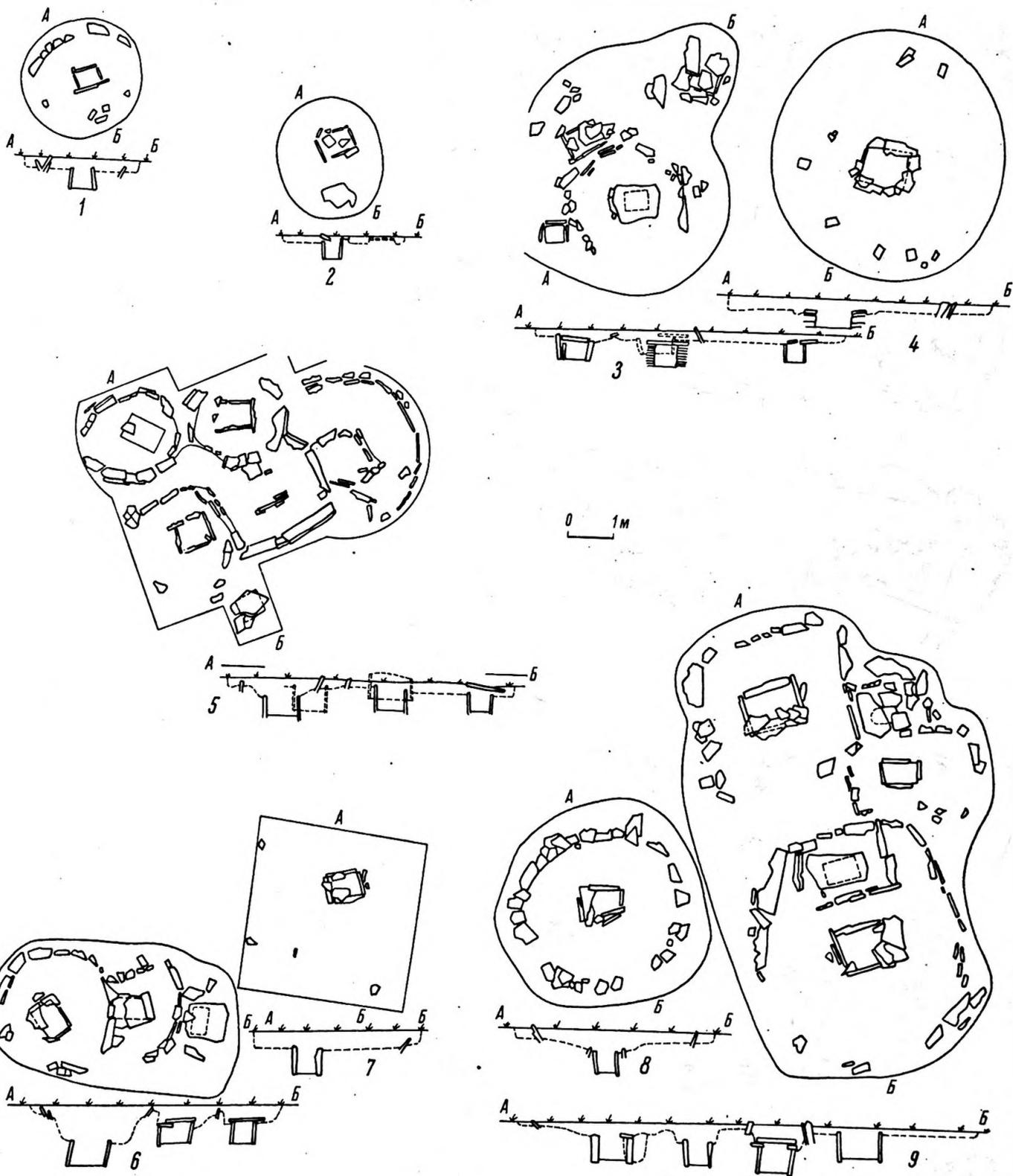

Табл. XXXI. Сухое озеро Ia.

1 - кург. А; 2 - кург. Д; 3 - кург. З; 4 - кург. И; 5 -
 кург. 442; 6 - кург. Л; 7 - кург. Е; 8 - кург. Б; 9 -
 кург. 436.

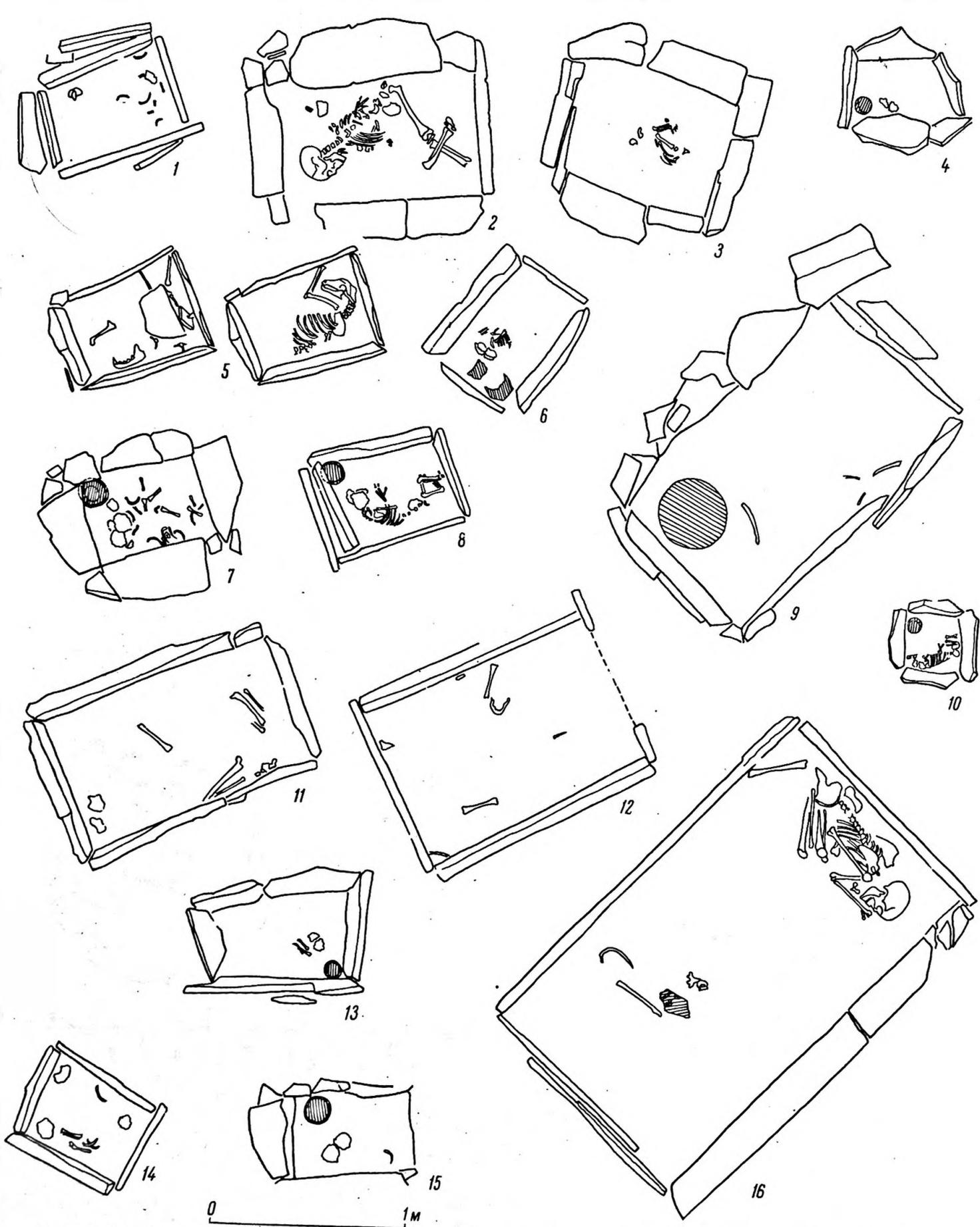

Табл. XXXII. Сухое озеро IА.

1 - кург. А, мог.; 2 - кург. В, мог.; 3 - кург. И,
 мог.; 4 - кург. Я, мог. 1; 5 - кург. З, мог. 1; 6 -
 кург. З, мог. 2; 7 - кург. З, мог. 3; 8 - кург. З, мог.

4; 9 - кург. 468, мог. 1; 10 - кург. Н, мог. 2; 11 -
 кург. К, мог.; 12 - кург. Г, мог.; 13 - кург. М, мог.;
 14 - кург. Л, мог.; 15 - кург. О, мог.; 16 - кург.
 468, мог. 2.

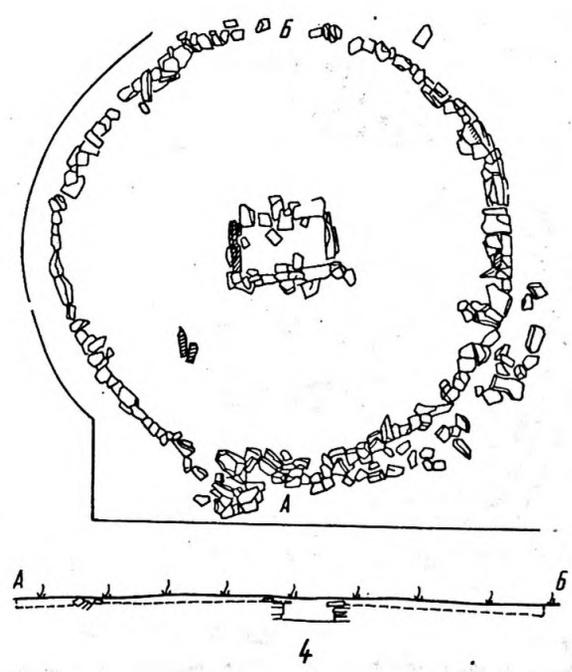
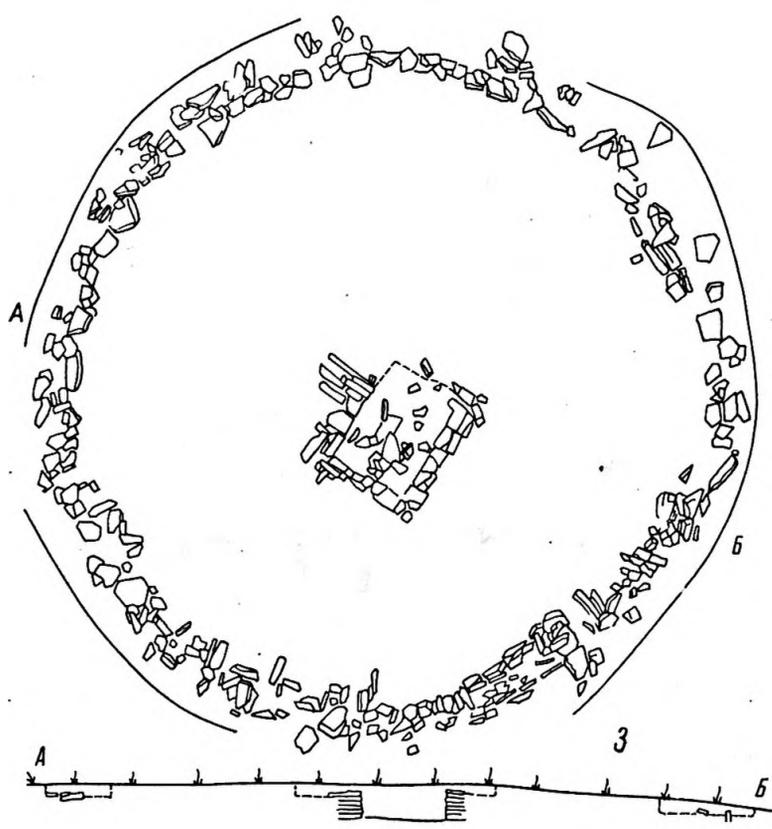
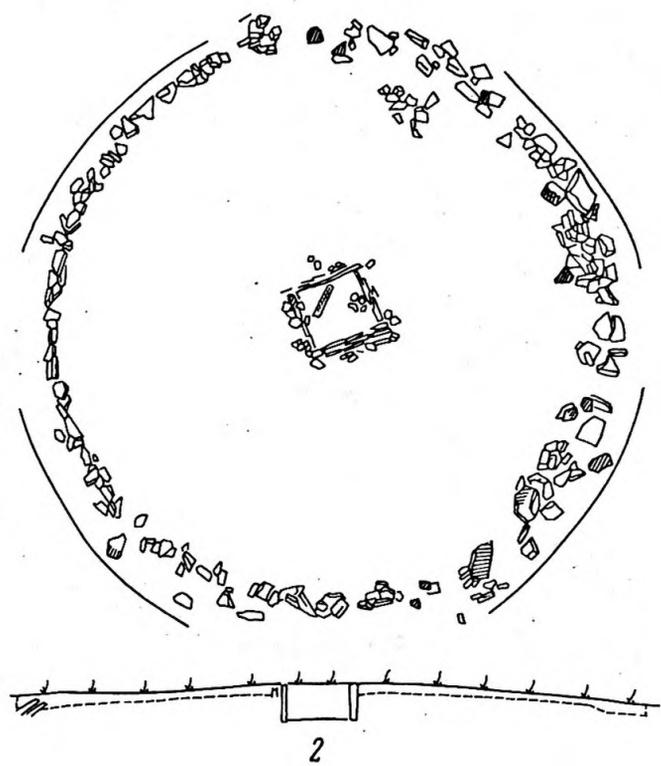
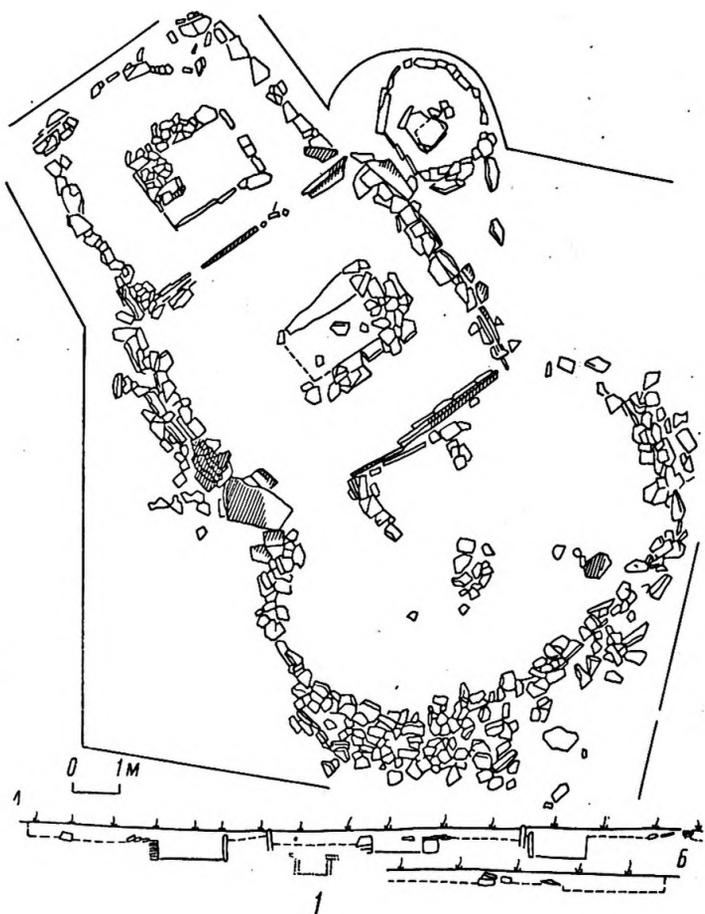

Табл. XXXII. Новая Черная II.

1 - кург. 1 и 2; 2 - кург. 5; 3 - кург. 9; 4 - кург. 3.

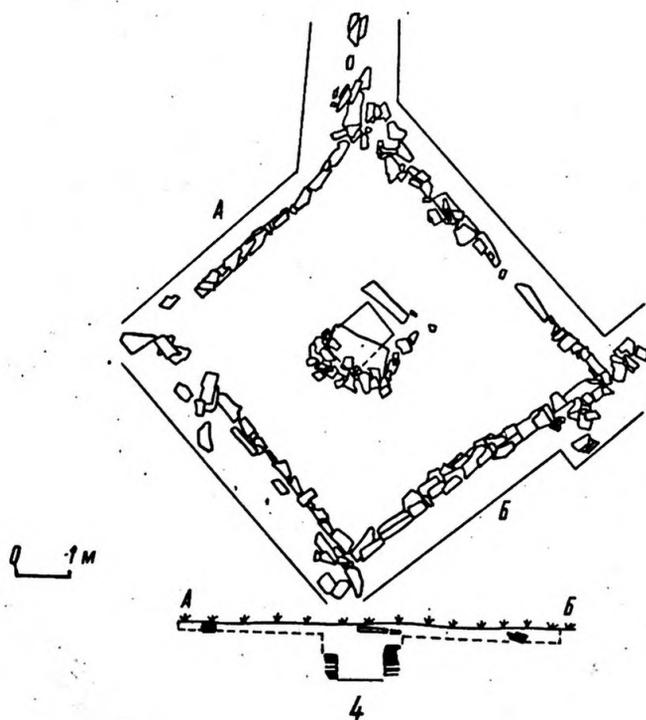
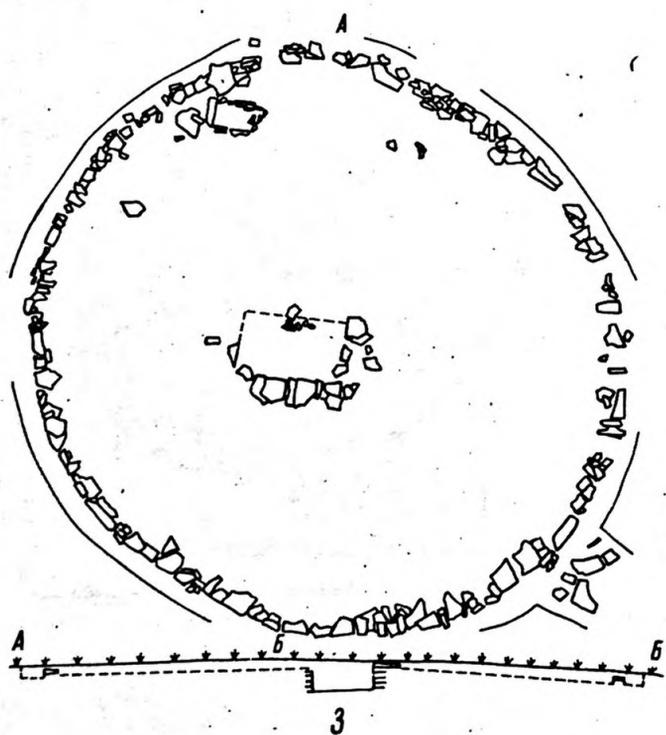
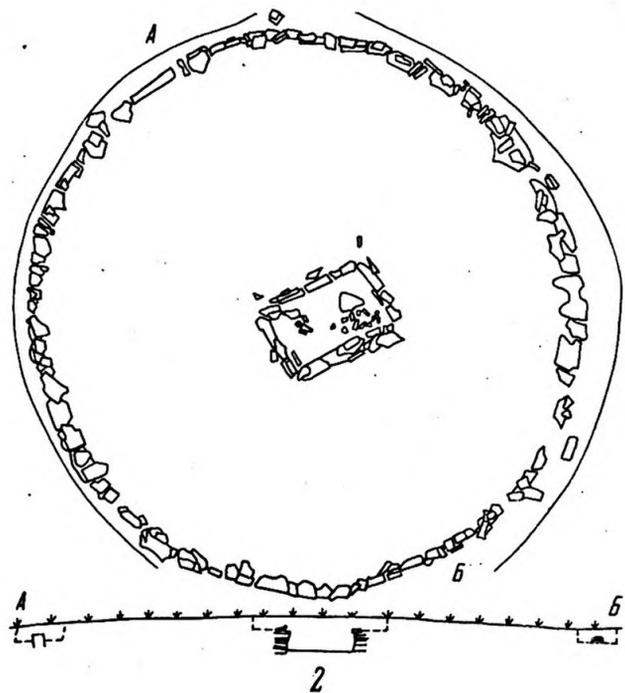
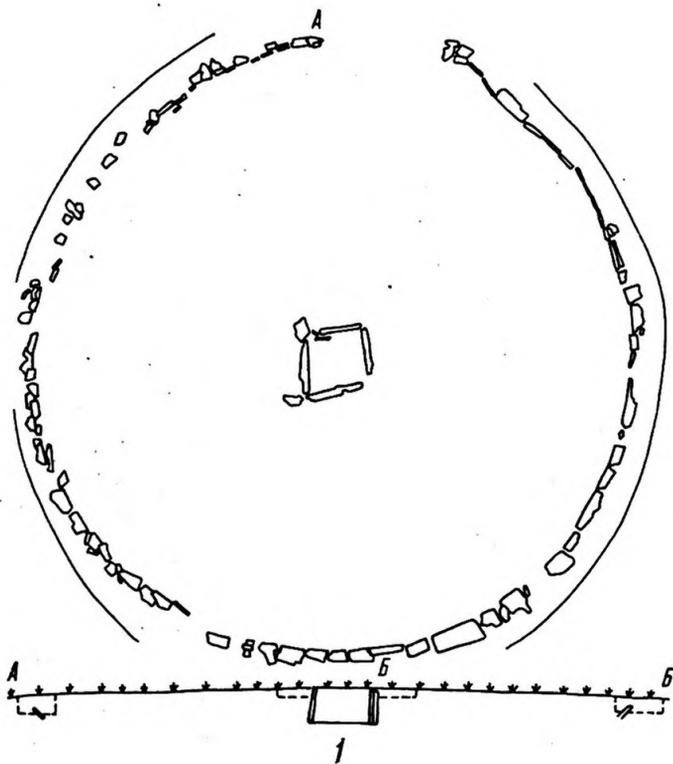

Табл. XXXIV. Новая Черная П.

1 - кург.8; 2 - кург.7; 3 - кург.6; 4 - кург.4.

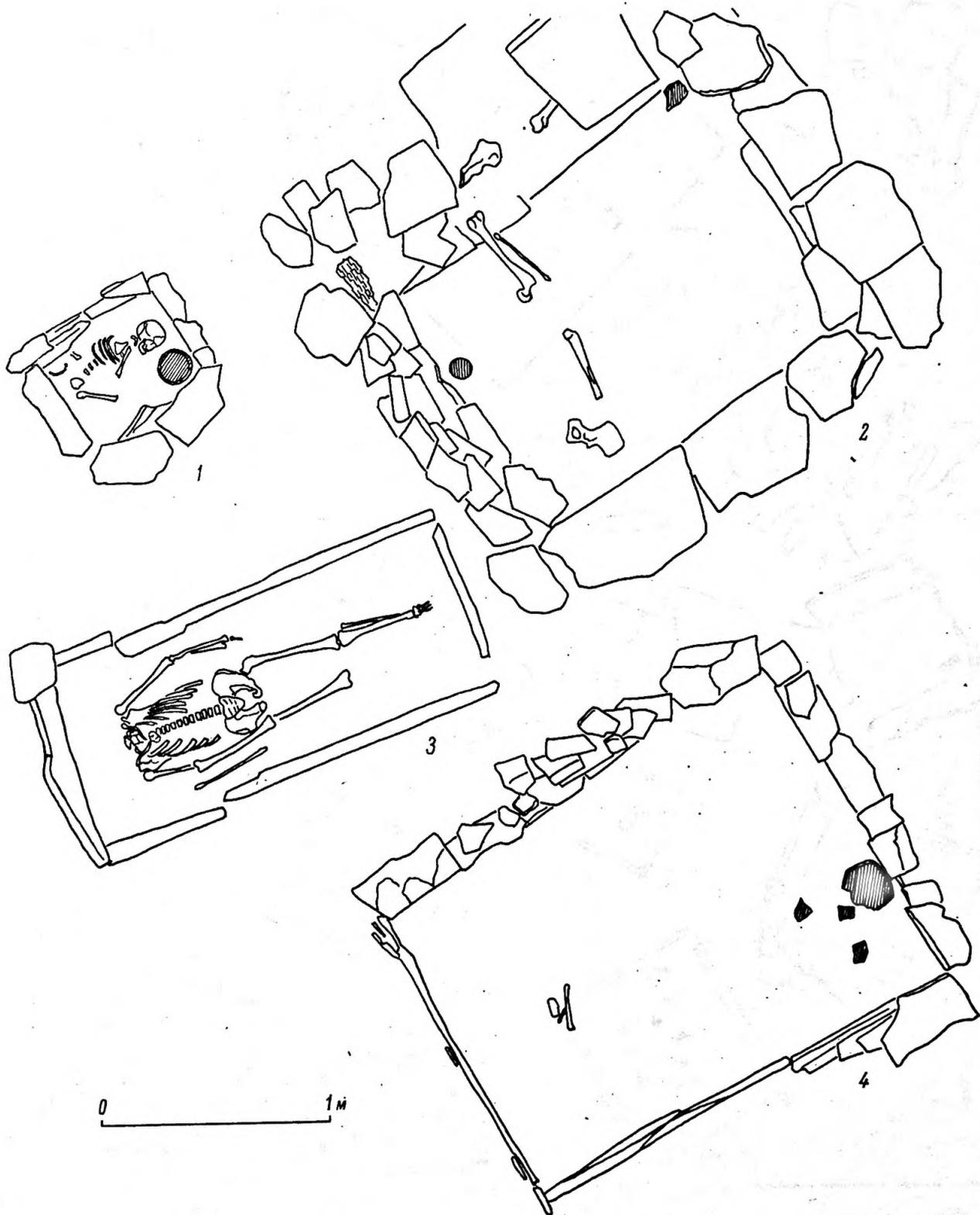

Табл. XXXV. Новая Черная П.

1 - кург. 2, мог.; 2 - кург. 10, мог.; 3 - кург. 11, мог.; 4 - кург. 1, мог. 1.

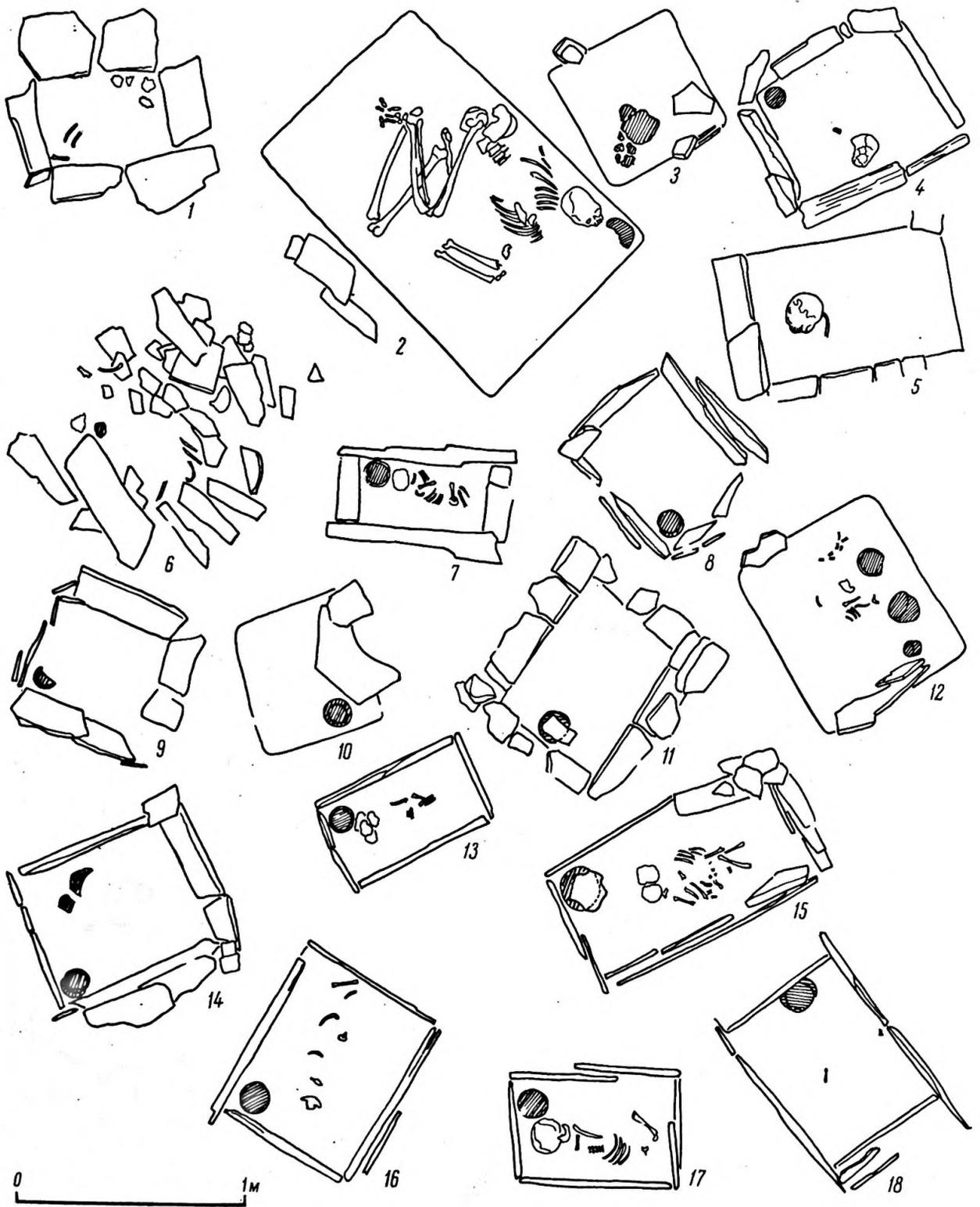

Табл. XXXVI. Новая Черная III.

1 - мог.1; 2 - мог.5; 3 - мог.6; 4 - мог.7; 5 - мог.11;
 6 - мог.8; 7 - мог.9; 8 - мог.10; 9 - мог.12;
 10 - мог.13; 11 - мог.14; 12 - мог.15; 13 - мог.18;
 14 - мог.16; 15 - мог.19; 16 - мог.24; 17 - мог.22;
 18 - мог.20.

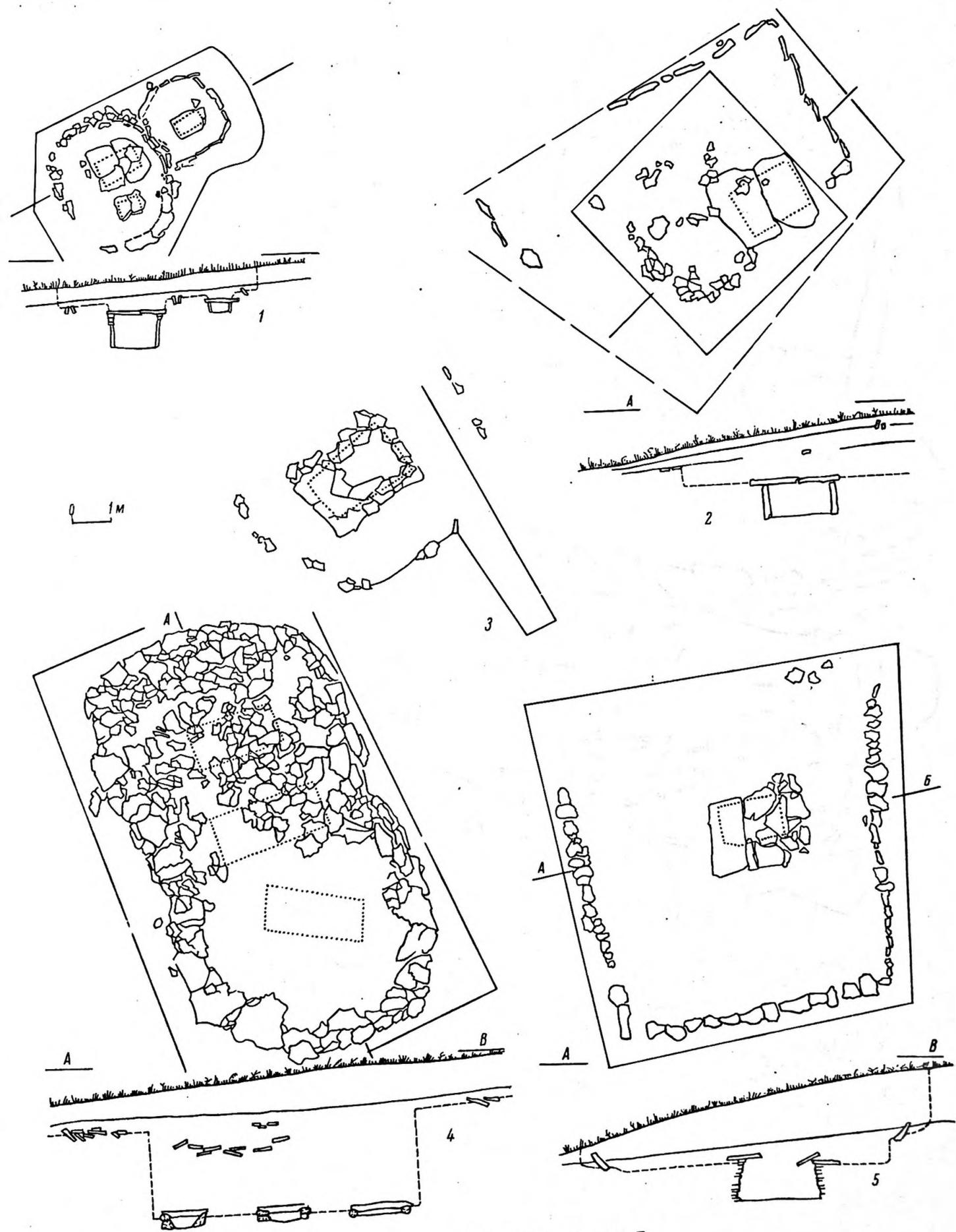

Табл. XXVII. Каменка II.

1 - огр. 23; 2 - огр. 8; 3 - огр. 3; 4 - огр. 24; 5 -
огр. 10.

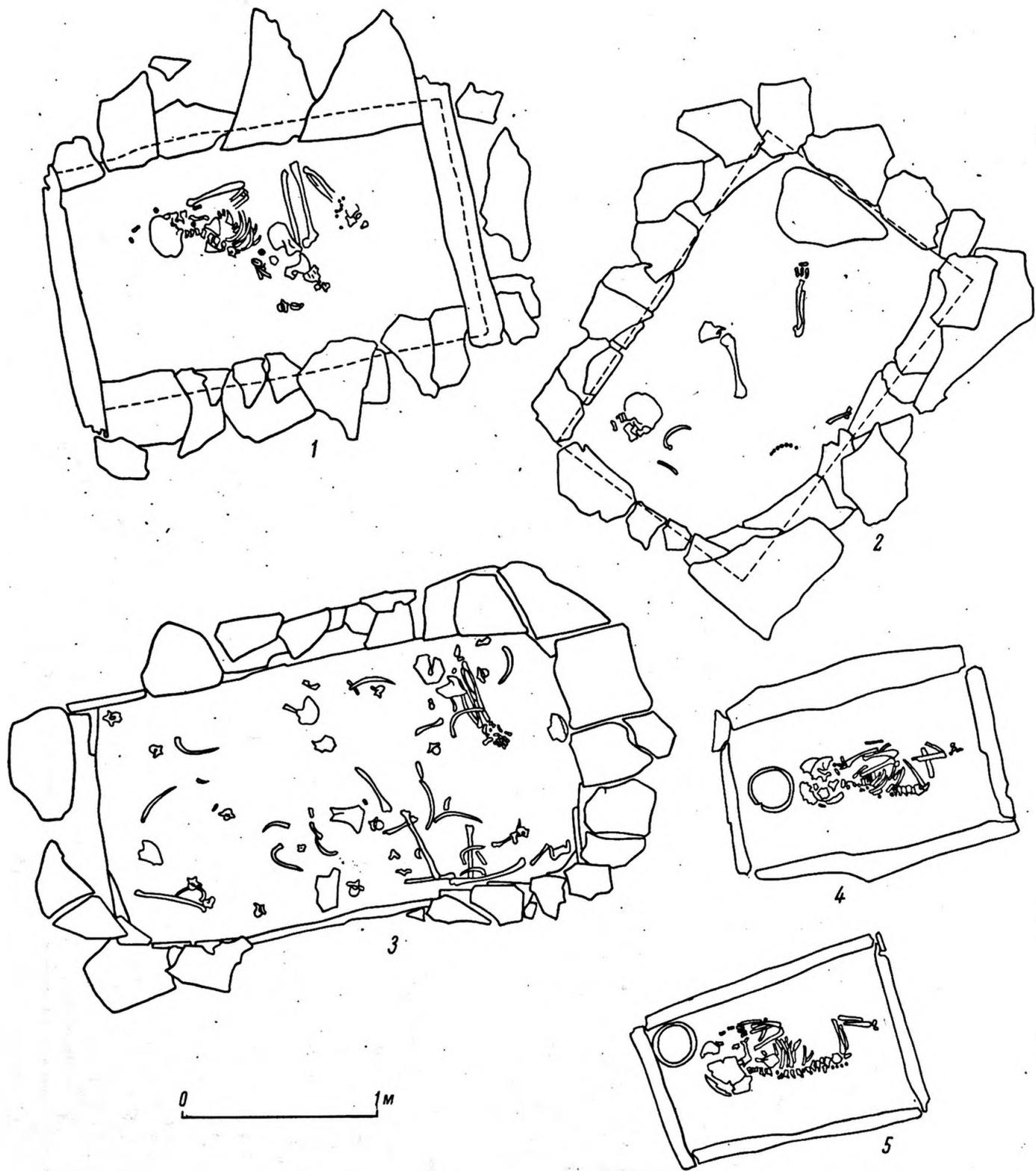

Табл. XXXVШ. Каменка П.

1 - огр.8, мог.; 2 - огр.3, мог.; 3 - огр.23, мог.
2; 4 - огр.23, мог.1; 5 - огр.23, мог.3.

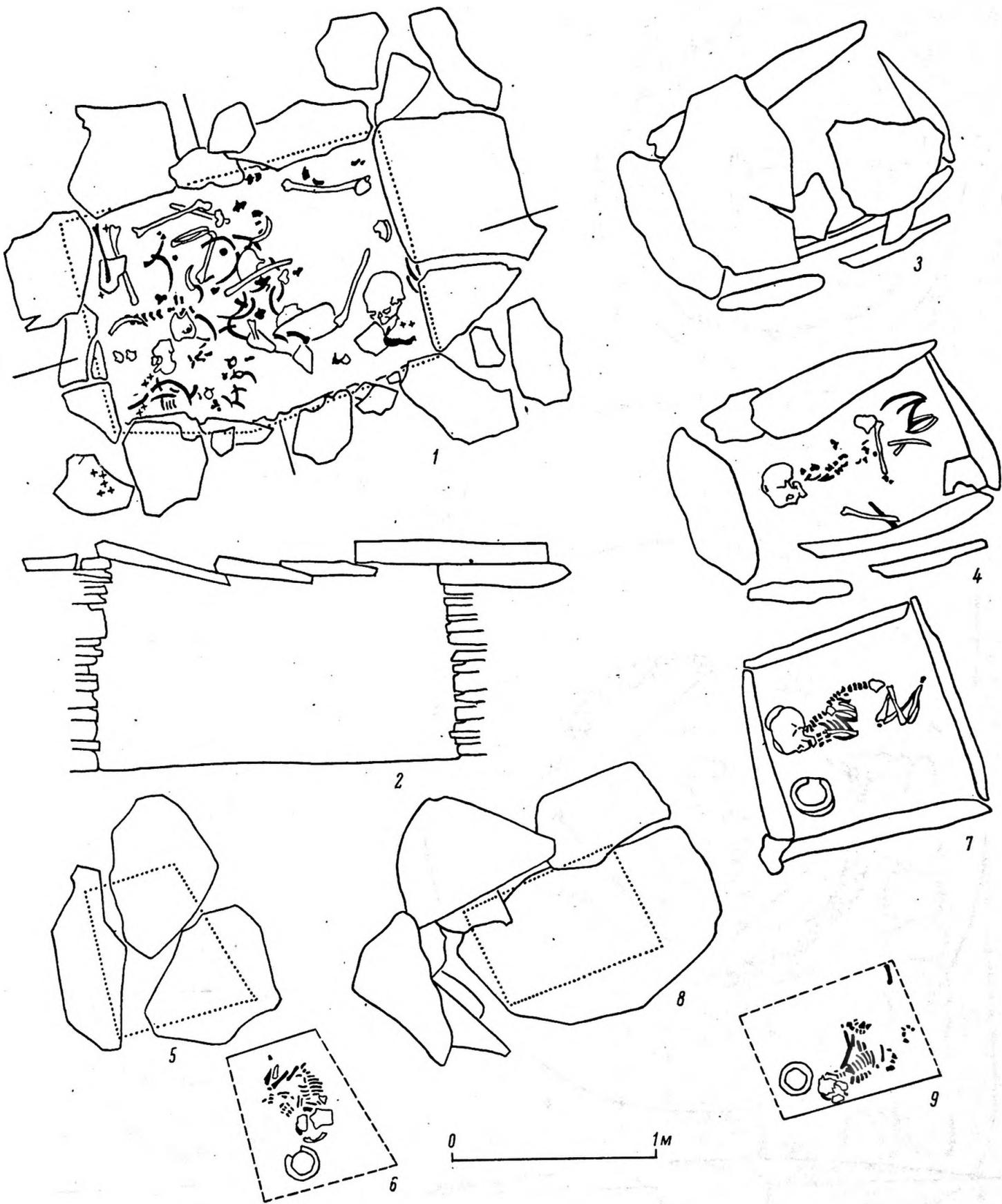

Табл. XXXIX. Каменка П.

1, 2 - огр. 10, мог.; 3, 4 - огр. 11, мог. 1; 5, 6 - огр. 11, мог. 4; 7 - огр. 11, мог. 2; 8, 9 - огр. 11, мог. 3.

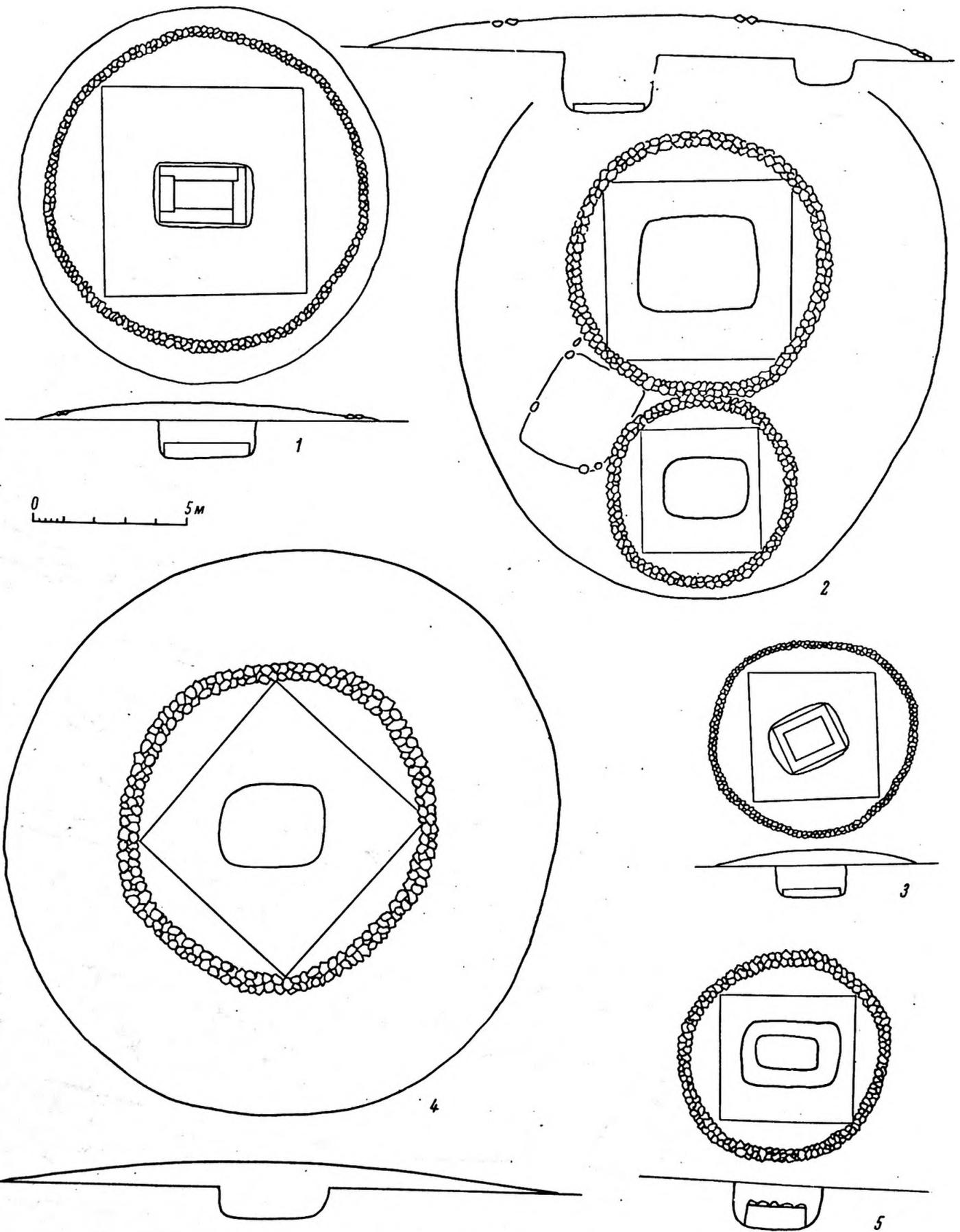
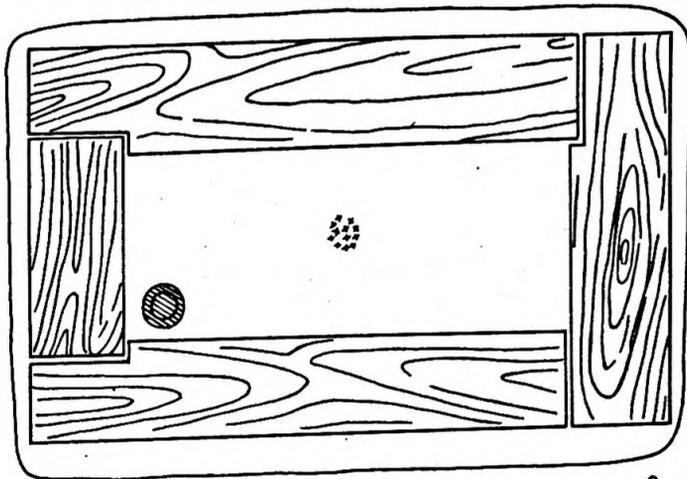

Табл. XL. Подкунинский.

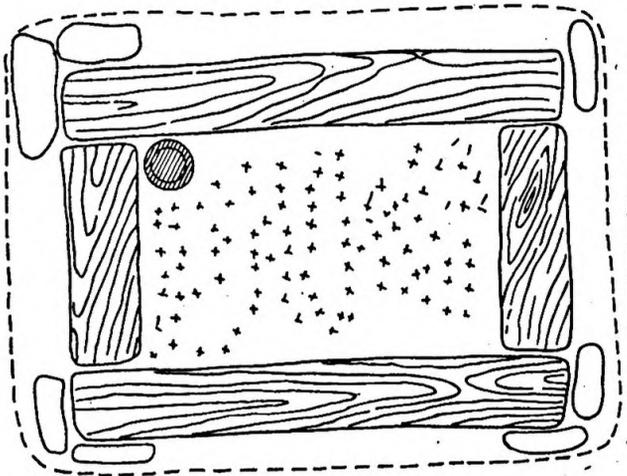
1 - кург. 2; 2 - кург. 4, 5; 3 - кург. 1; 4 - кург. 3;
5 - кург. 6.

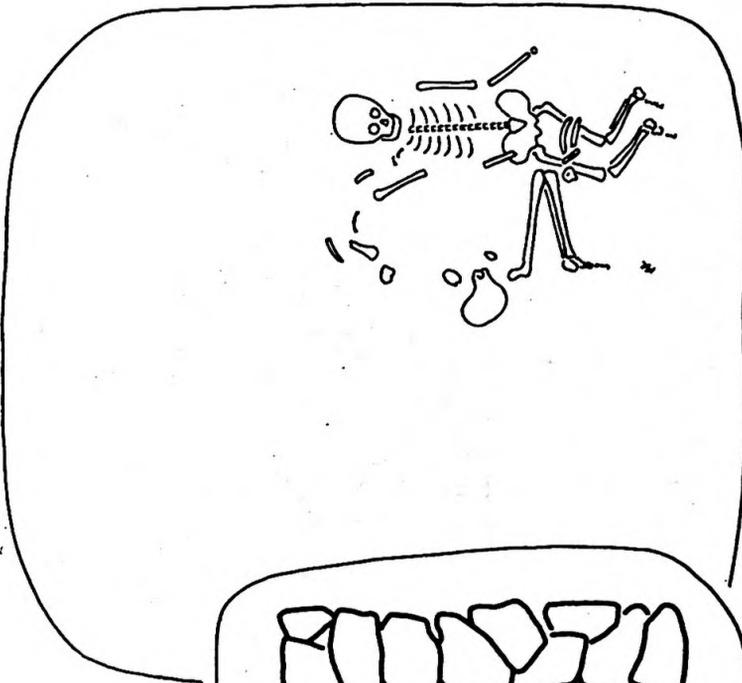
1

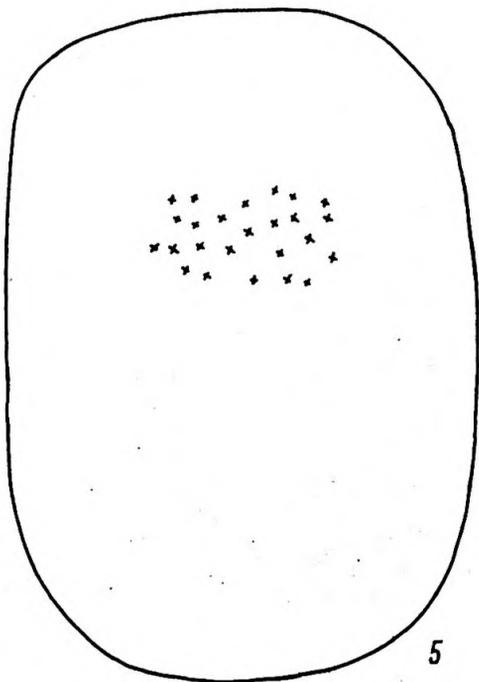
2

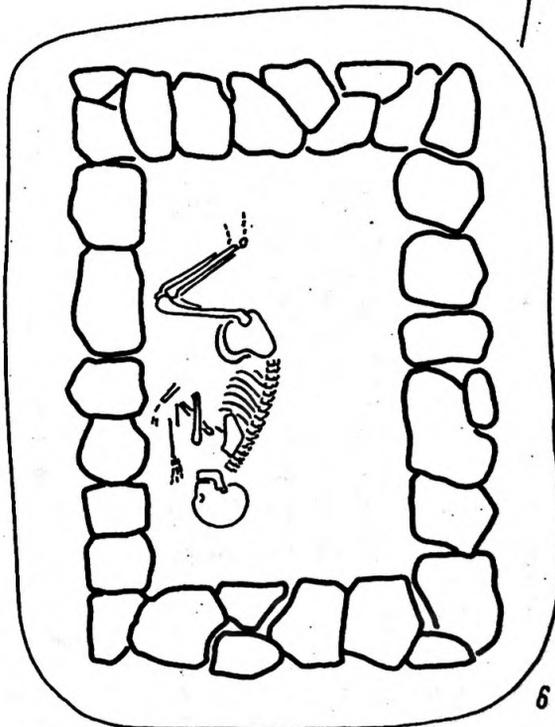
3

4

5

6

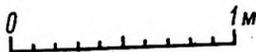
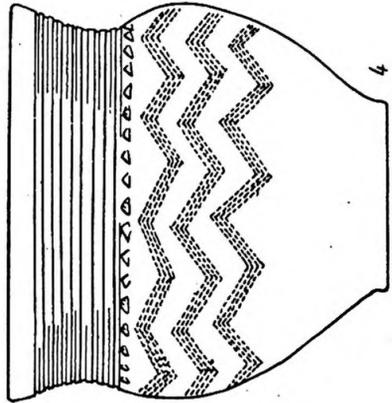
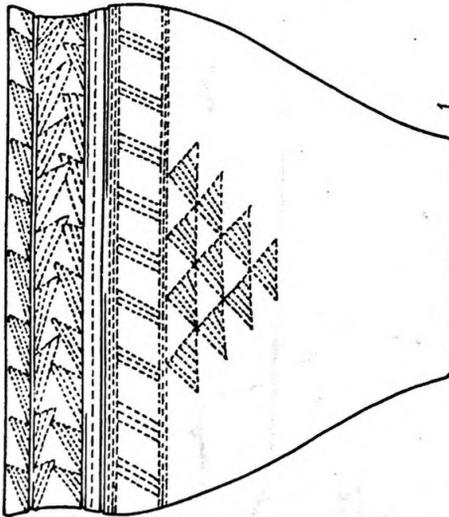
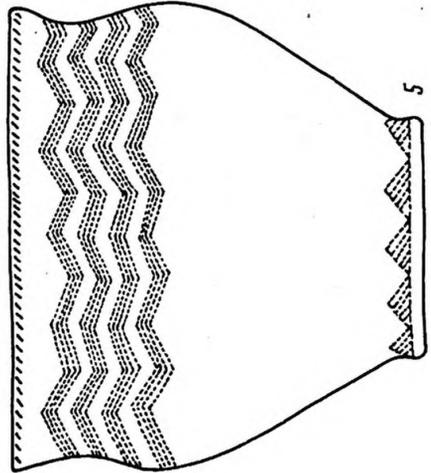
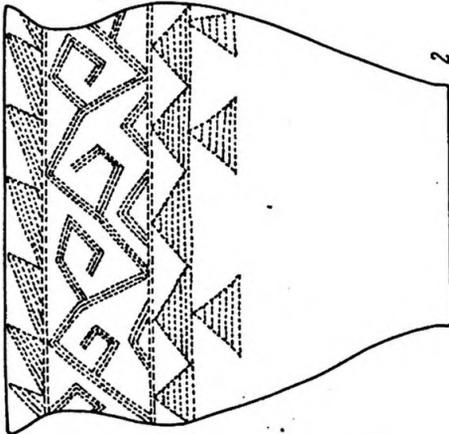
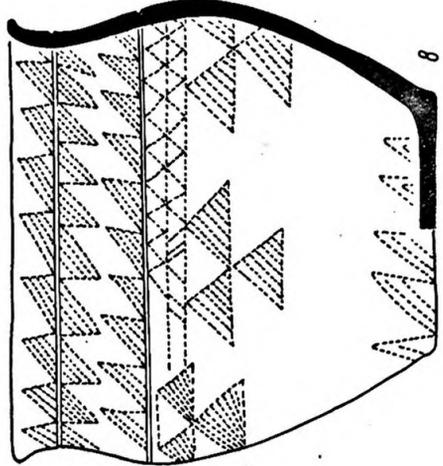
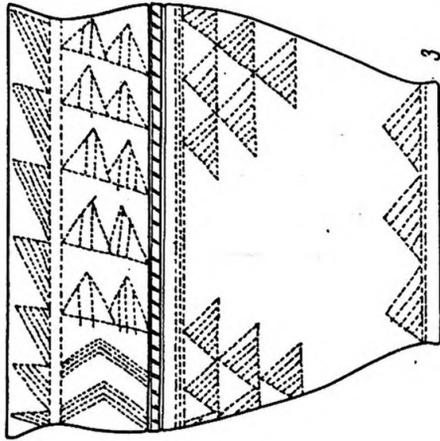

Табл. XIII. Подлунинский.

1 - кург. 1, мог.; 2 - кург. 2, мог.; 3 - кург. 4, мог.; 4 - кург. 3, мог.; 5 - кург. 5, мог.; 6 - кург. 6, мог.

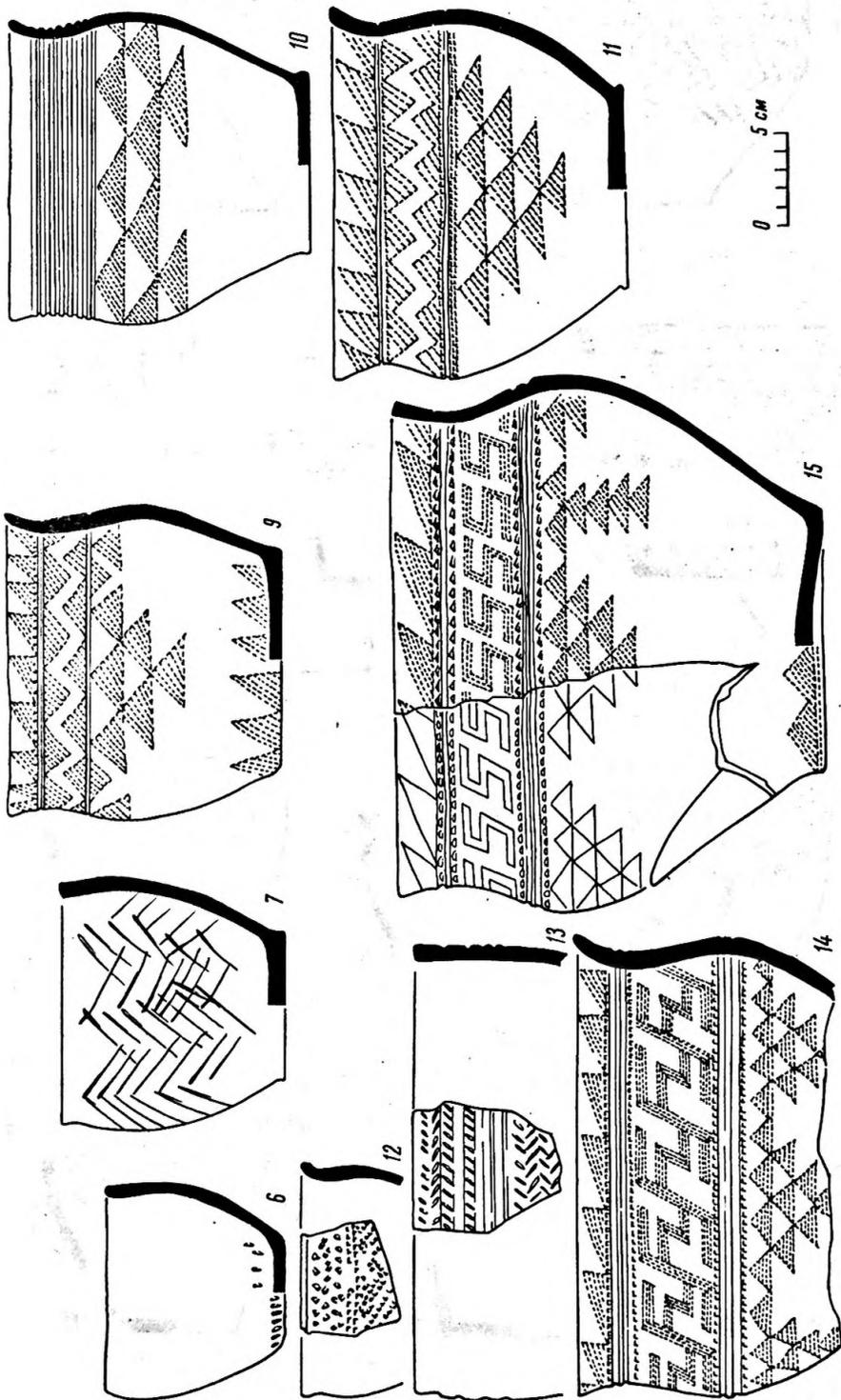
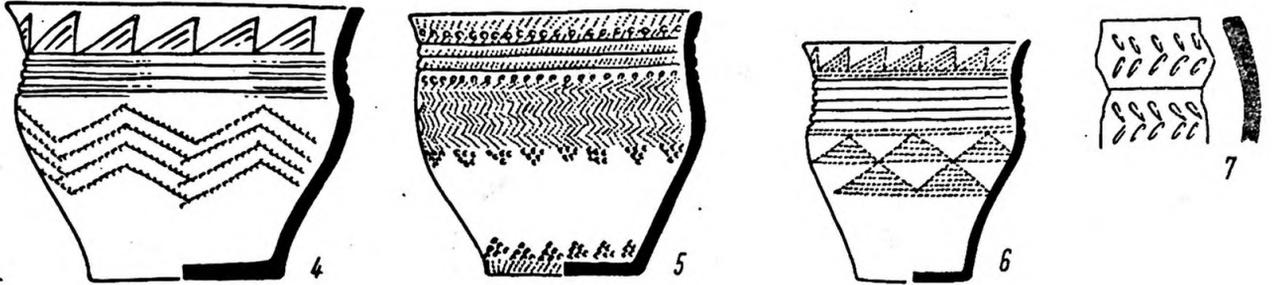
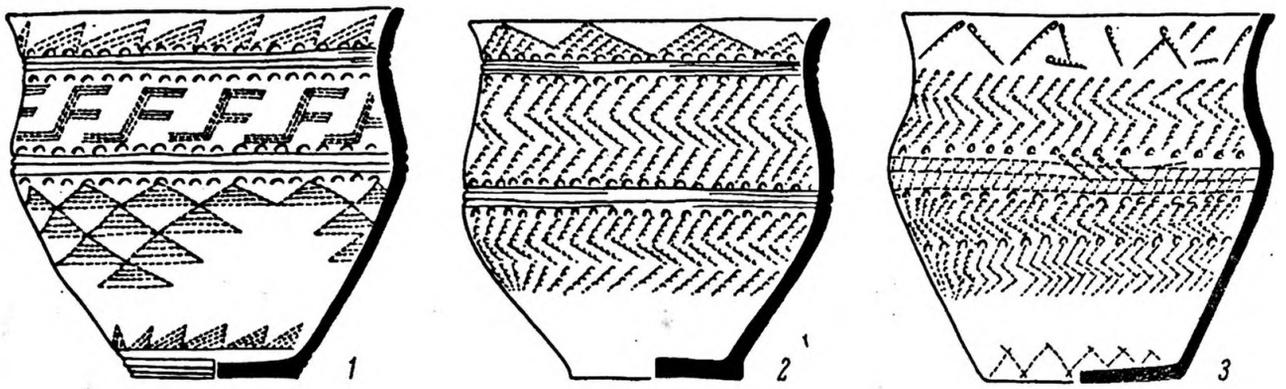

Табл. XII. Андроново (1-5); Ланин Лог (6-9); Подку-
 нинский (10,11); Орак (12-14); Мохов Ш (15).
 1,5 - из мог.1,5-7; 2 - из мог.2; 3 - из мог.4;
 4 - из мог.3; 6 - из мог.2 кург.2; 7 - из мог.1
 кург.2; 8 - из мог.1 кург.1; 9 - из мог.2 кург.1;
 10 - из мог. кург.2; 11 - из мог. кург.4; 12,13 -
 из мог. кург.46; 14 - из мог. кург.47; 15 - из мог.
 у Мохова Ш.

0 5 см

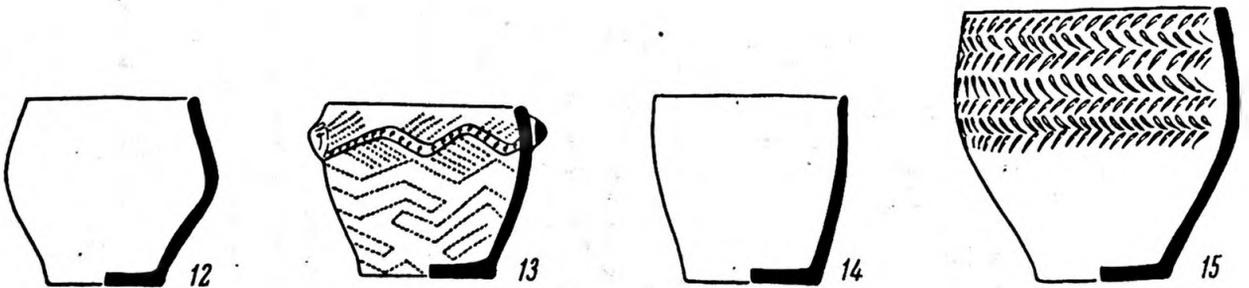
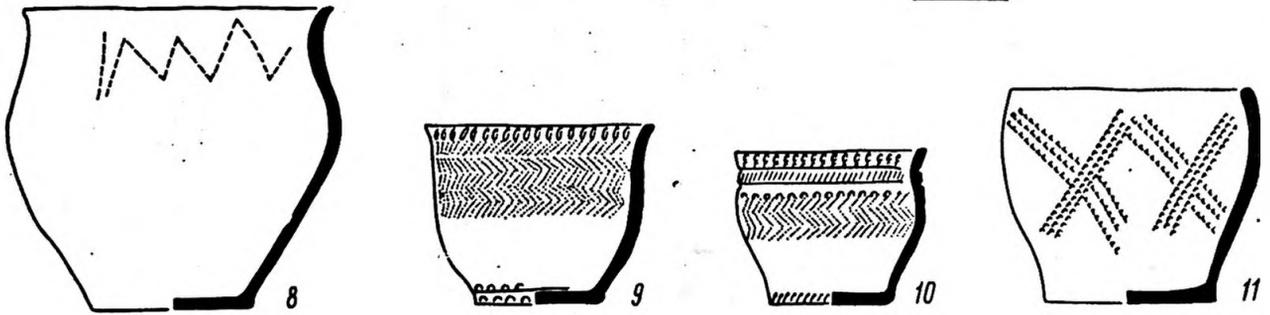

Табл. XLIII. Соленоозерная I.

1, 15 - из мог. 21; 2, 5 - из мог. 4; 3 - из мог. 20;
 4 - из мог. 11; 6 - из мог. 8; 7, 9 - из мог. 13; 8 -
 из мог. 16; 10 - из мог. 5; 11 - из мог. 9; 12 - из
 мог. 23; 13 - из мог. I; 14 - из мог. 10.

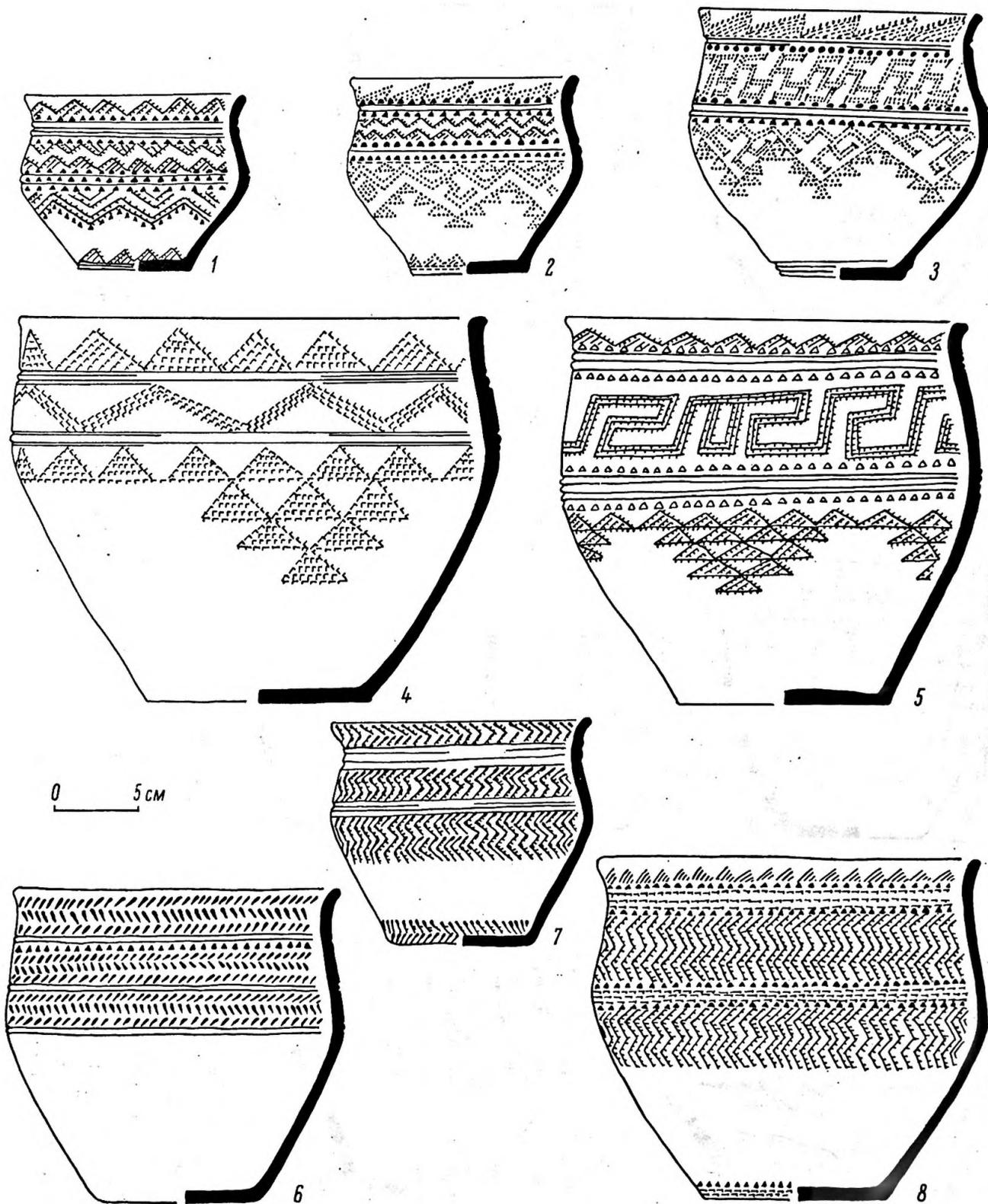

Табл. XLIV. Пристань I - огр. 7.

1 - из мог. 8; 2 - из мог. 1, 1962 г.; 3 - из мог. 1;

4 - из мог. 4; 5 - из мог. 2; 6 - из мог. 9; 7 - из

мог. 7; 8 - из мог. 5.

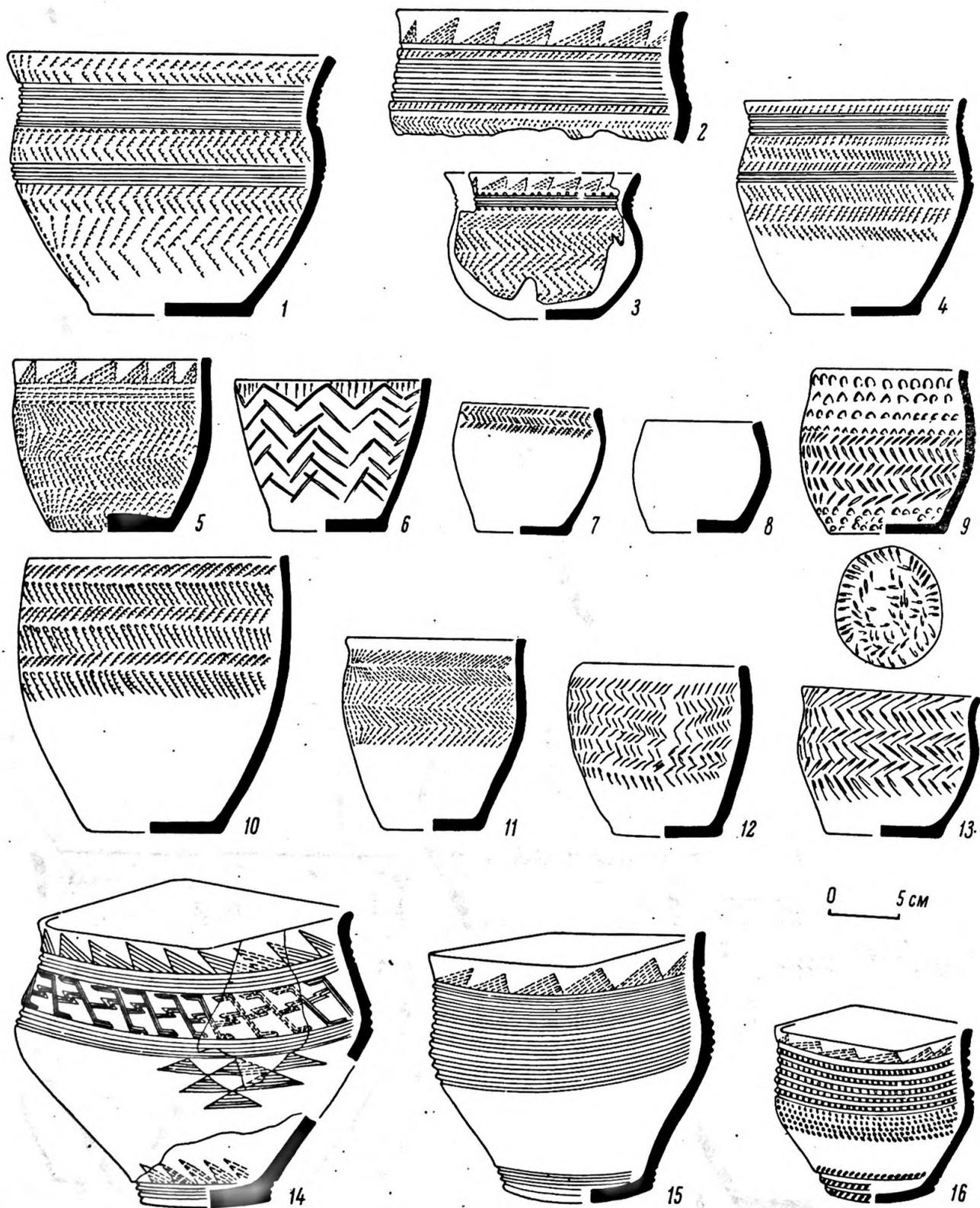

Табл. XLV. Пристань I (1-13); Сухое озеро I (14-16).
 1, 9 - из мог. огр. 8; 2, 11 - из мог. огр. 9; 3 - место
 неизвестно; 4 - из мог. 2, 1923 г.; 5 - из мог. 4 огр.
 7; 6 - из мог. 2, 1962 г.; 7 - из мог. 3, 1923 г.;
 8 - из мог. 8 огр. 7; 10 - из мог. 9 огр. 7; 12 - из
 мог. 2 огр. 7; 13 - из мог. 7 огр. 7; 14 - из кург. 29;
 15 - из кург. 409; 16 - из мог. кург. 243.

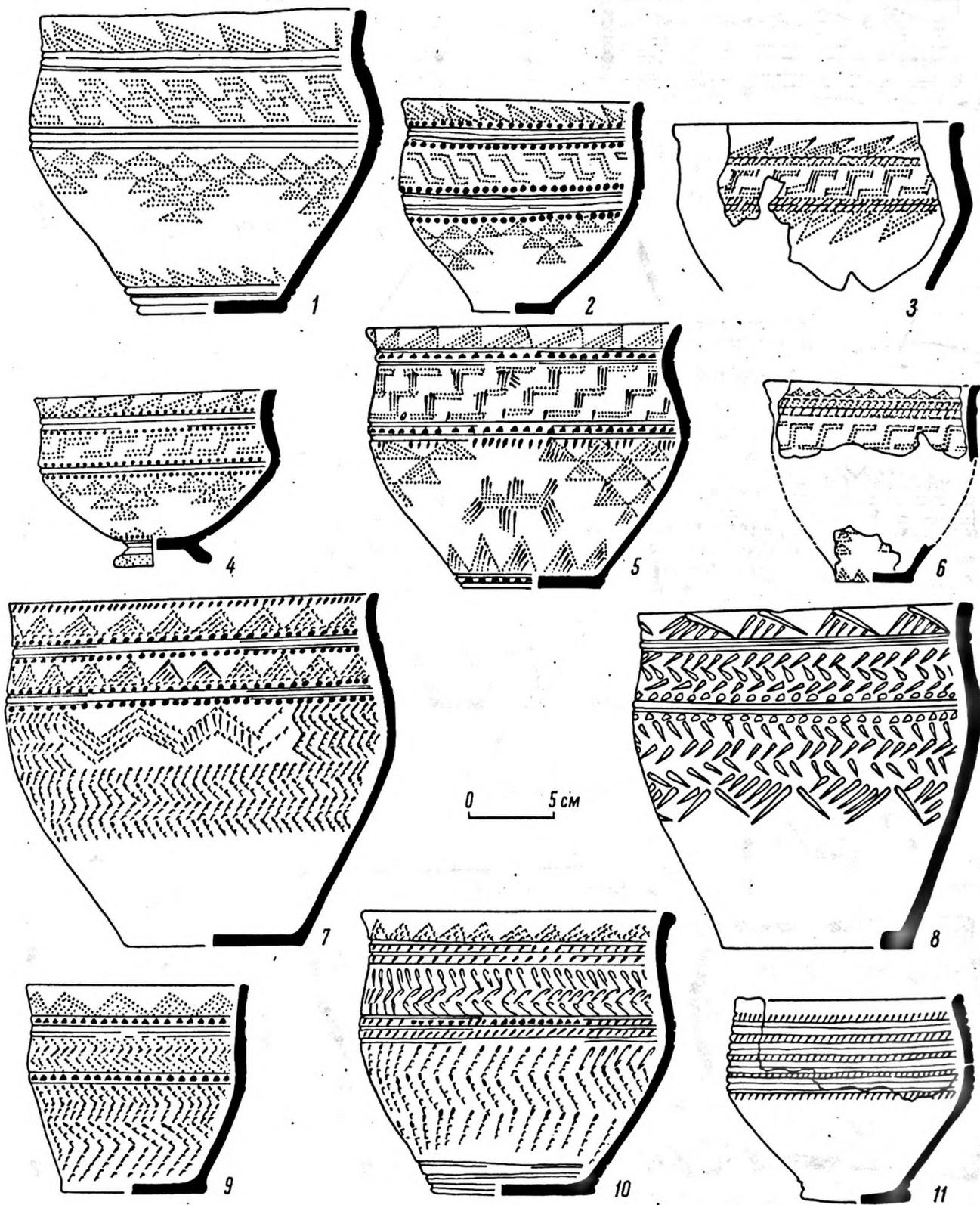

Табл. XLVI. Сухое озеро I.

1, 11 - из мог. кург. 2; 2 - из мог. кург. 243; 3 -
из кург. 8; 4 - из мог. кург. 413; 5 - из мог. 6 кург.
430; 6 - из мог. 4 кург. 430; 7 - из мог. 1 кург. 468;
8 - из мог. кург. 94; 9 - из мог. 3 кург. 430; 10 - из
мог. 7 кург. 430.

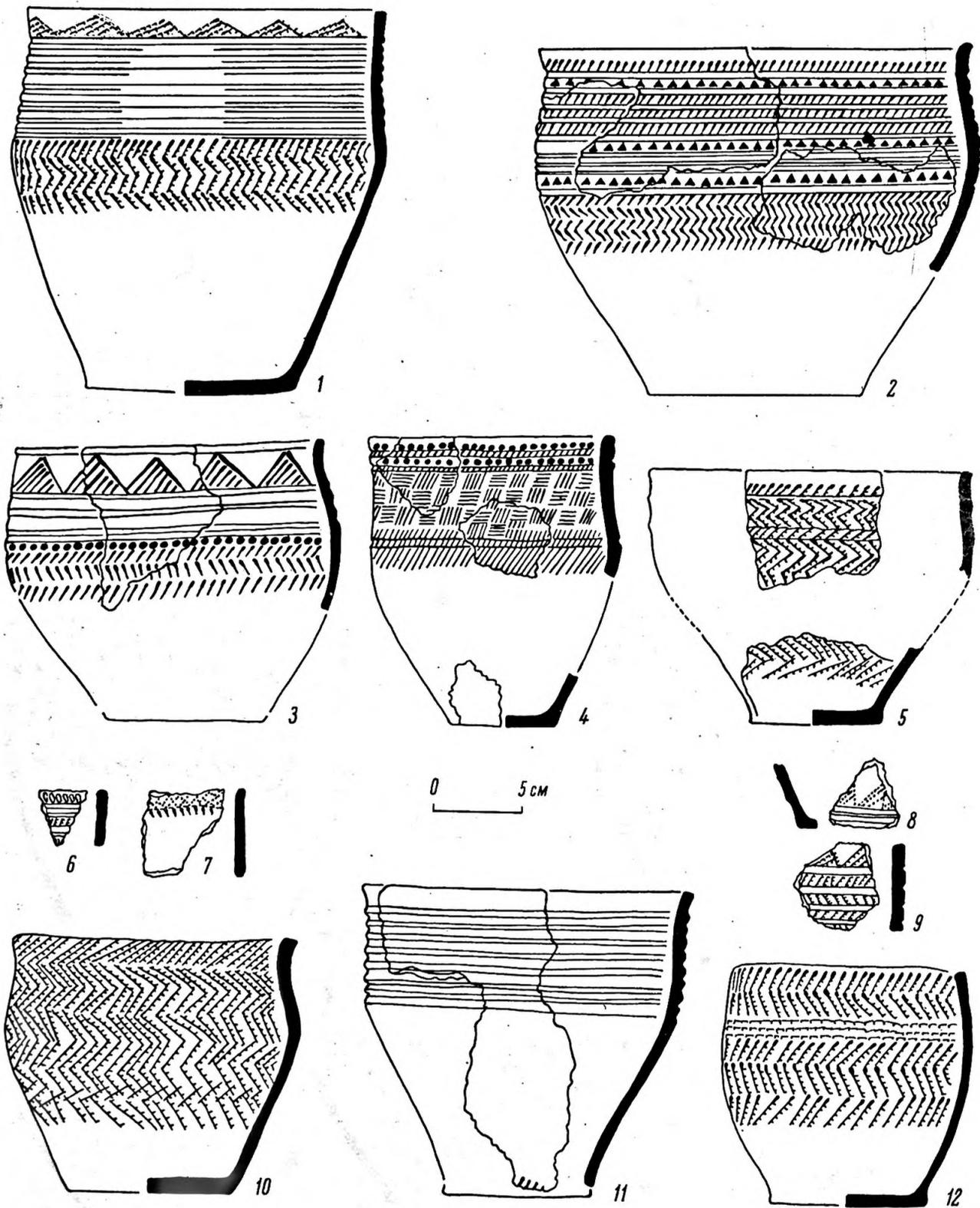
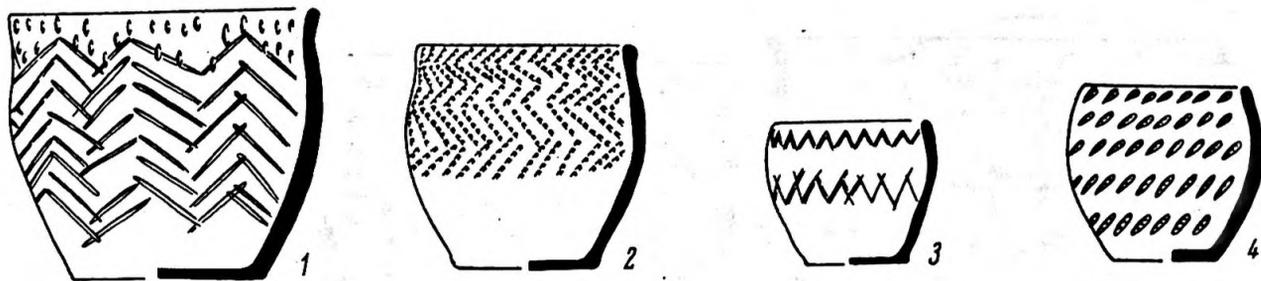

Табл. XLV. Сухое озеро I.

1 - из мог. кург.470; 2 - из мог. кург.239; 3 - из
 мог. кург.97; 4 - из мог. I кург.31; 5 - из мог.
 кург.7; 6,8 - из мог. кург.28; 7 - из кург.4; 9 -
 подъемный материал; 10 - из кург.107; 11 - из кург
 29; 12 - из мог.5 кург.430.

0 5 cm

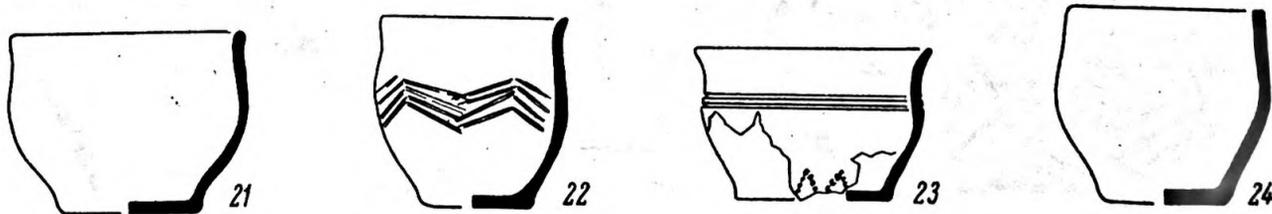
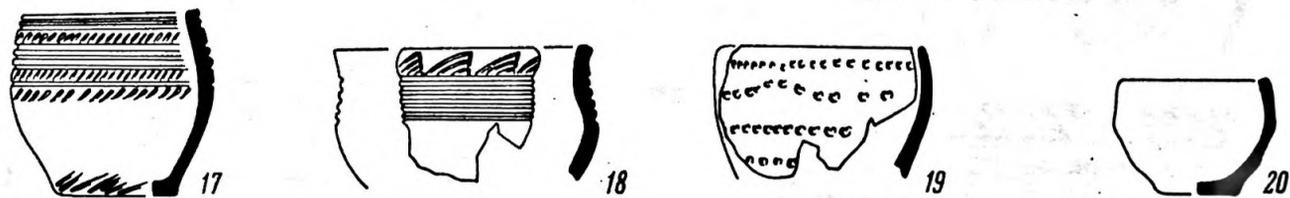
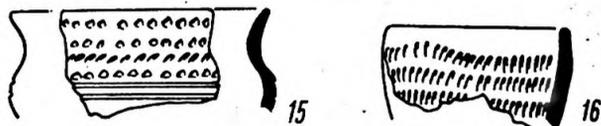
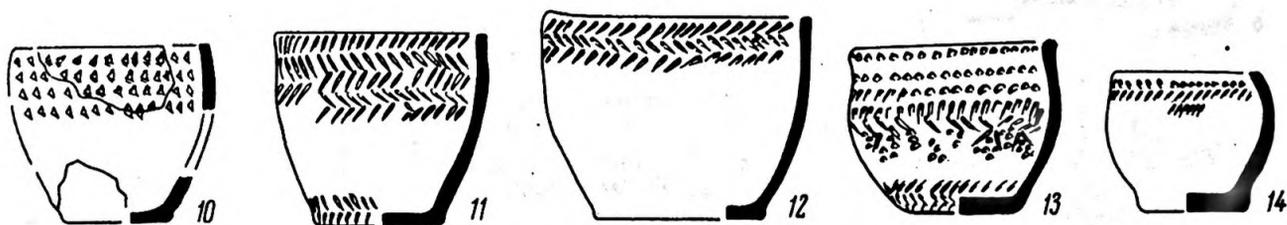
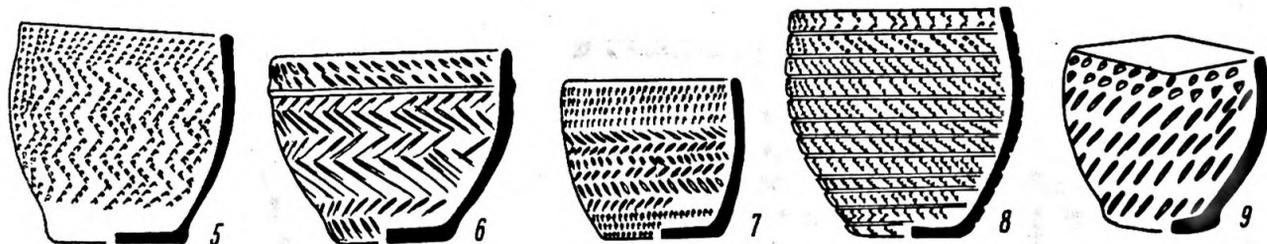

Табл. XLVH. Сухое озеро I (1-4); Сухое озеро IA (5-24).

1 - из мог. I кург. 16; 2 - из мог. кург. 307; 3 - из мог. 2 кург. 23; 4 - из мог. кург. 30; 5 - из мог. 3, кург. 3; 6 - из мог. 2 кург. 436; 7 - из мог. 2 кург. I; 8 - из мог. 3 кург. 436; 9 - из мог. 4 кург. 442; 10 - из мог. 5 кург. 442; 11 - из мог. 4 кург. 3; 12 - из

мог. 2 кург. 442; 13 - из мог. кург. E; 14 - из мог. 2 кург. H; 15 - из мог. 3 кург. I; 16 - из мог. кург. M; 17 - из мог. кург. 243 A; 18 - из мог. кург. B; 19 - из мог. I кург. 8; 20 - из мог. I кург. H; 21 - из мог. 4 кург. 436; 22 - из кург. 0; 23 - из мог. I кург. I; 24 - из мог. 2 кург. 3.

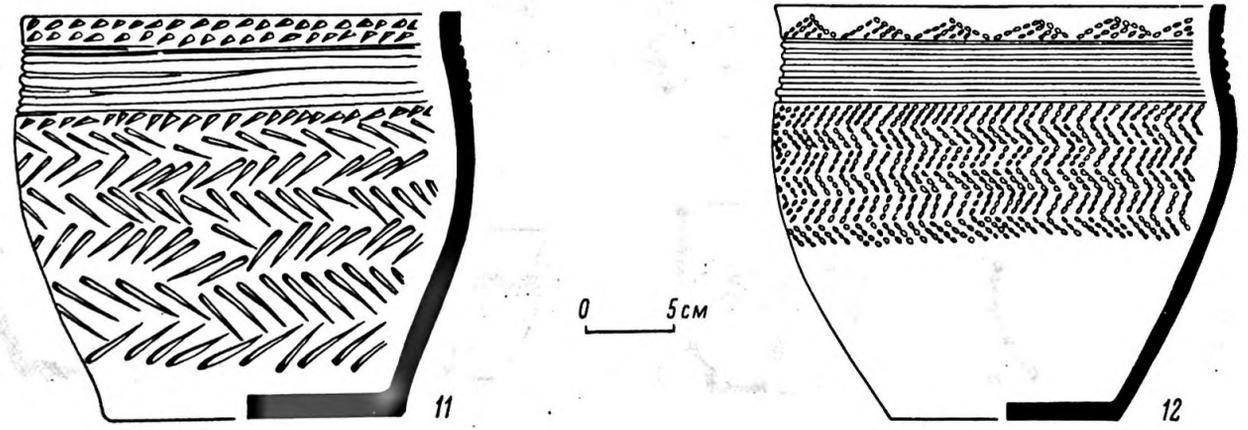
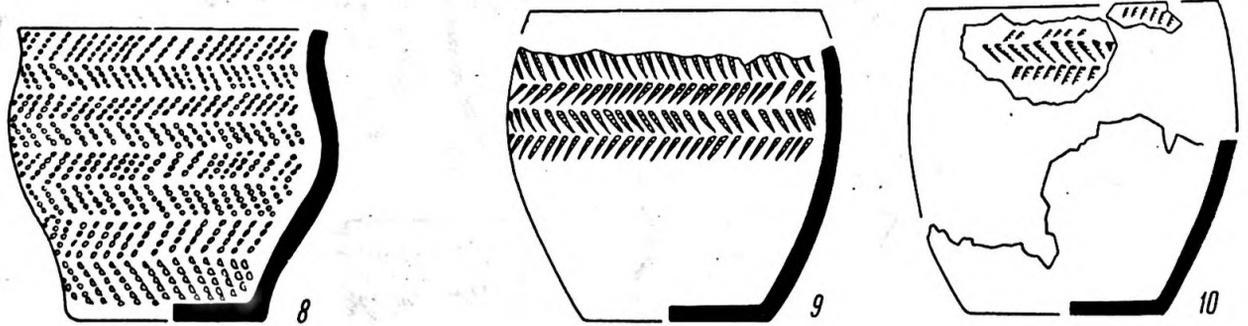
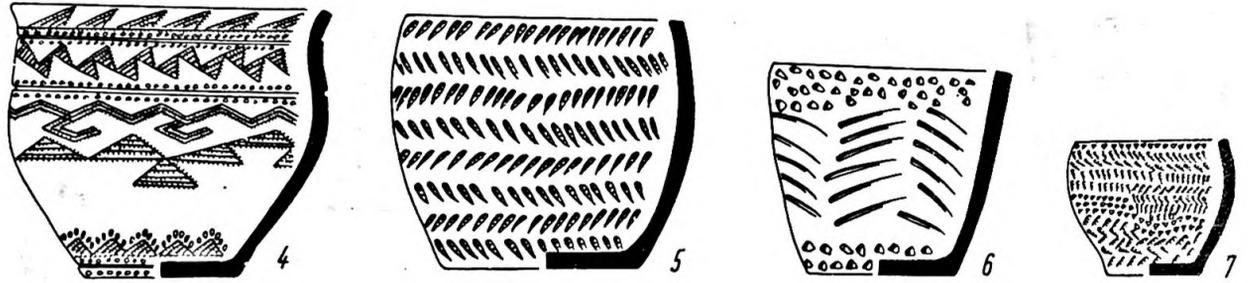
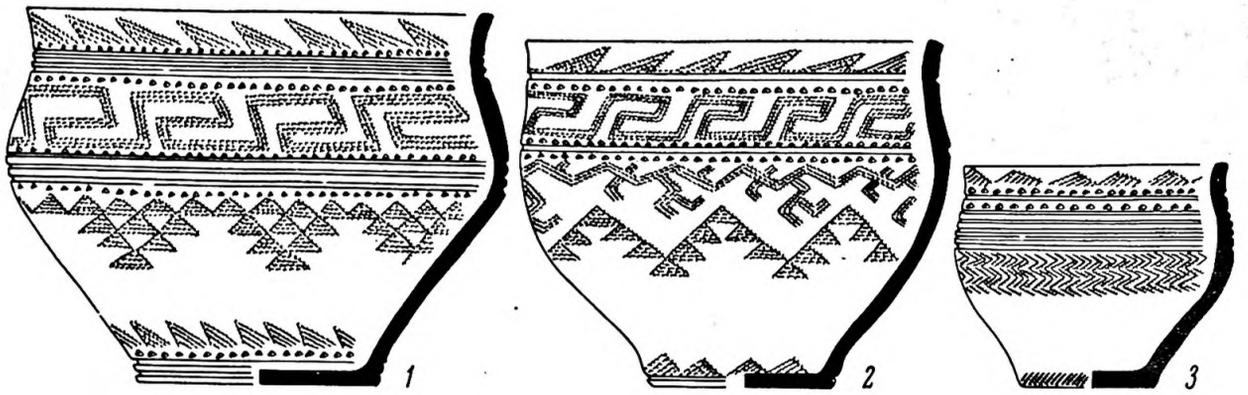
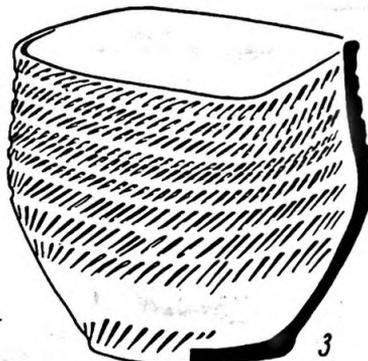
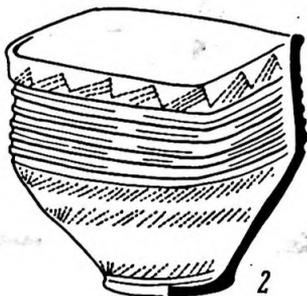
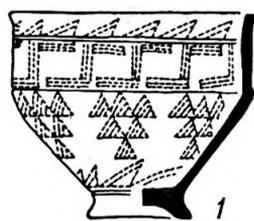

Табл. XLIX. Сухое озеро I.

1 - из мог. кург. 1; 2 - из мог. 4 кург. 442; 3 - из
 мог. 2 кург. 440; 4, 5 - из мог. 2 кург. 442; 6 - из мог.
 5 кург. 442; 7 - из мог. 3 кург. 440; 8 - из мог. 3
 кург. 442; 9, 10 - мог. 2 кург. 662; 11 - из мог. кург.
 26; 12 - из мог. 1 кург. 440.

0 10 см

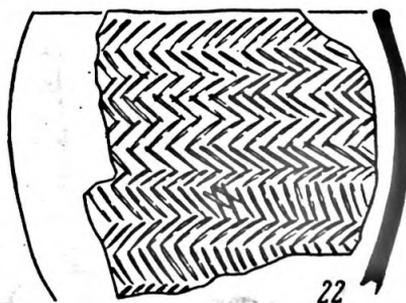
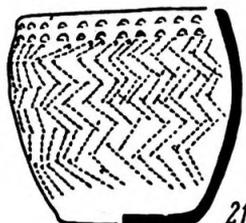
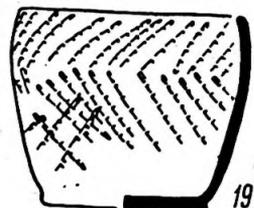
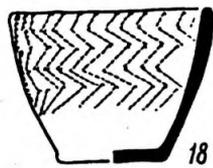
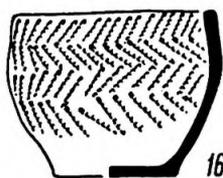
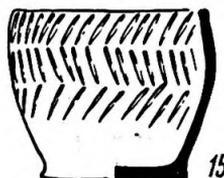
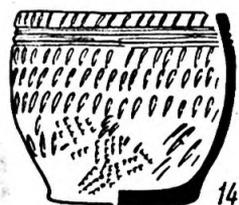
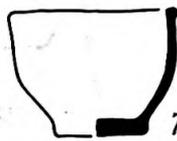
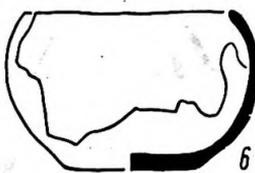
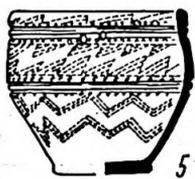
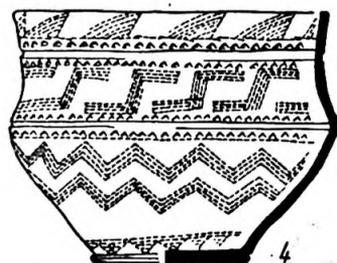

Табл. L. Новая Черная II (1-3); Новая Черная III (4-22).
1 - из мог. кург. 2; 2 - из мог. I кург. 1; 3 - из мог. кург. 10; 4 - из мог. 19; 5, 10, 16 - из мог. 15; 6 - из мог. 20; 7 - из мог. 10; 8 - из мог. 13; 9 - из мог. 7; 11 - из мог. 9; 12, 20 - из мог. 16; 13 - из мог. 18; 14 - из мог. 4; 15 - из мог. 8; 17 - из мог. 12; 18 - из мог. 14; 19 - из мог. 23; 21 - из мог. 22; 22 - из мог. 6.

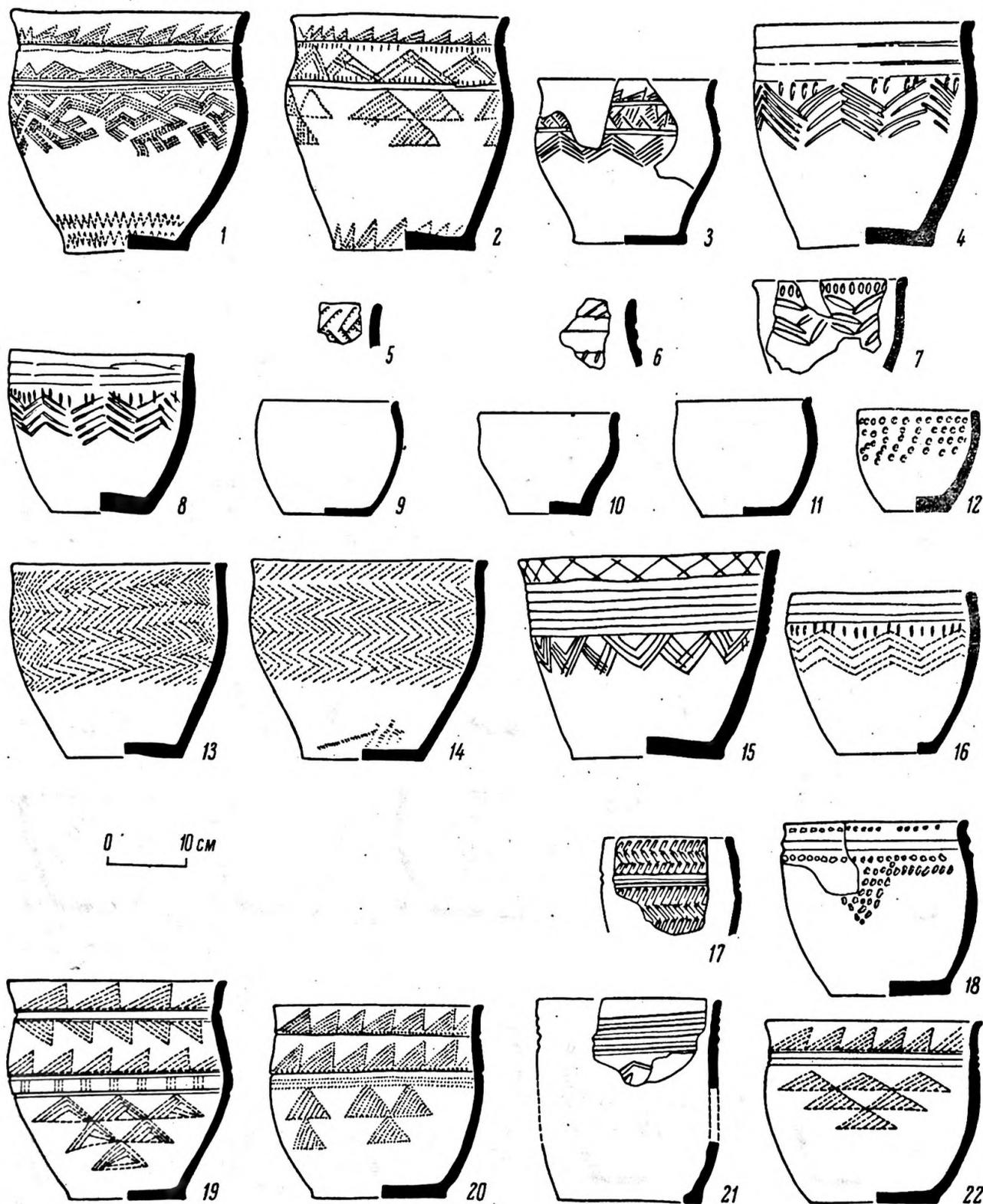

Табл. LI. Ярки (1-16); Усть-Ерба (17-22).

1 - из мог.9; 2 - из мог.7, 1926 г.; 3, 5-7, 9, 14, 16 - горшки из разрушенных могил без точного местонахождения, в основном 1925 г.; 4 - из мог.10; 8 - из мог.6; 10 - из мог.4; 11 - из мог.1; 12 - из мог.3; 13 - из мог.2; 15 - из мог.8; 17 - из мог.3; 18 - из мог.1; 19 - из мог. кург.2; 20 - из мог.2 кург.2; 21 - из мог.3; 22 - из мог. кург.2.

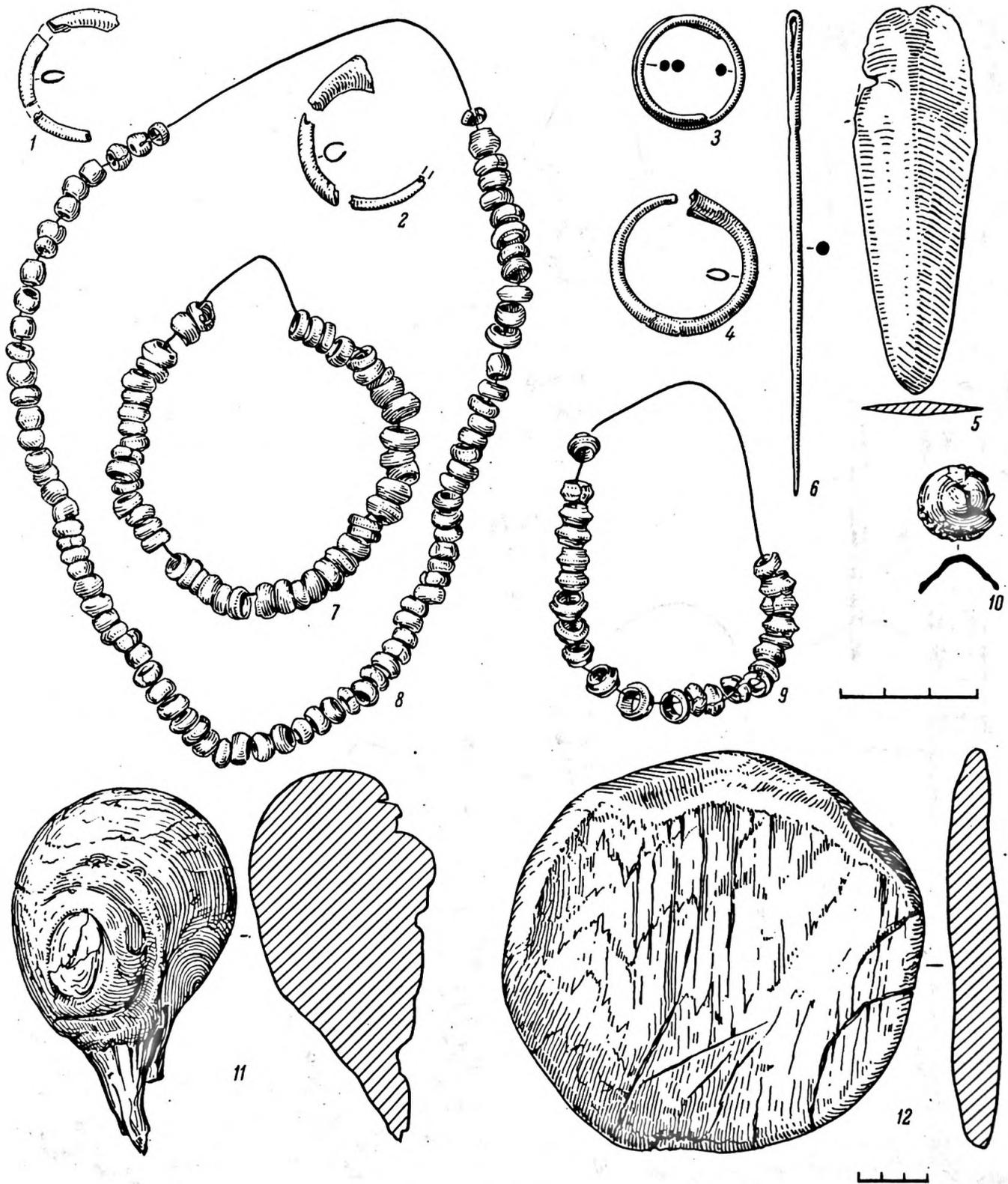

Табл.ЛП. Пристань I (1,2,5,6,8,9); Сухое озеро I (3,4,7,11,12); Сухое озеро IA (10).

1,8 - из мог.огр.10; 2,6,9 - из мог.4 огр.7; 3,4 - из мог.кург.617; 5 - из мог.огр.5; 7 - из мог.кург.4; 10 - из мог.кург.И; 11,12 - из мог.2 кург.442.

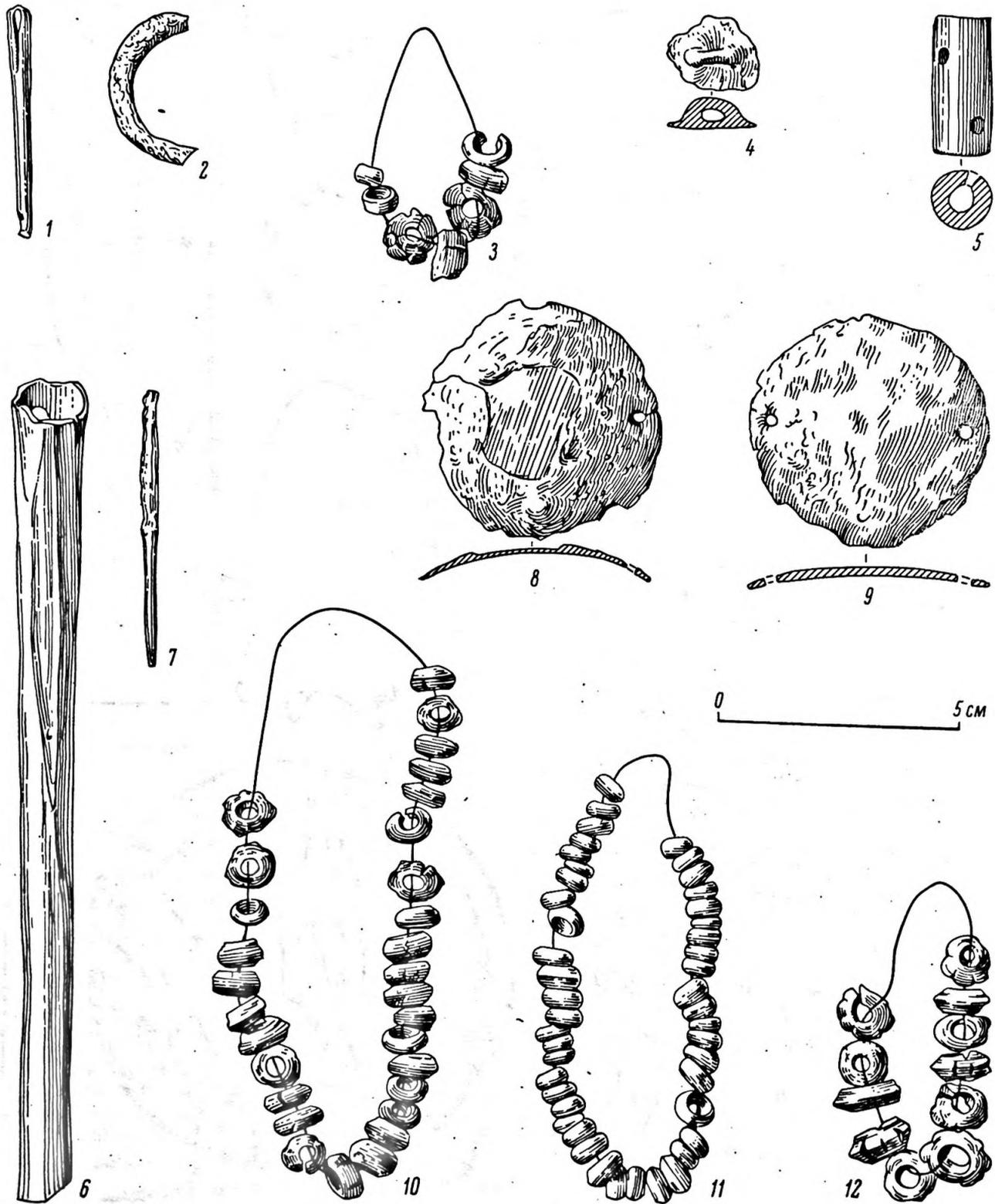

Табл.ЛШ. Сухое озеро I.

1,2,11 - из мог. I кург. 4; 3,5 - из мог. кург. 617;

4 - из мог. кург. 2; 6,7,10 - из мог. кург. 10; 8 - из

мог. кург. 20; 9 - из мог. кург. 413; 12 - из мог. кург. 8.

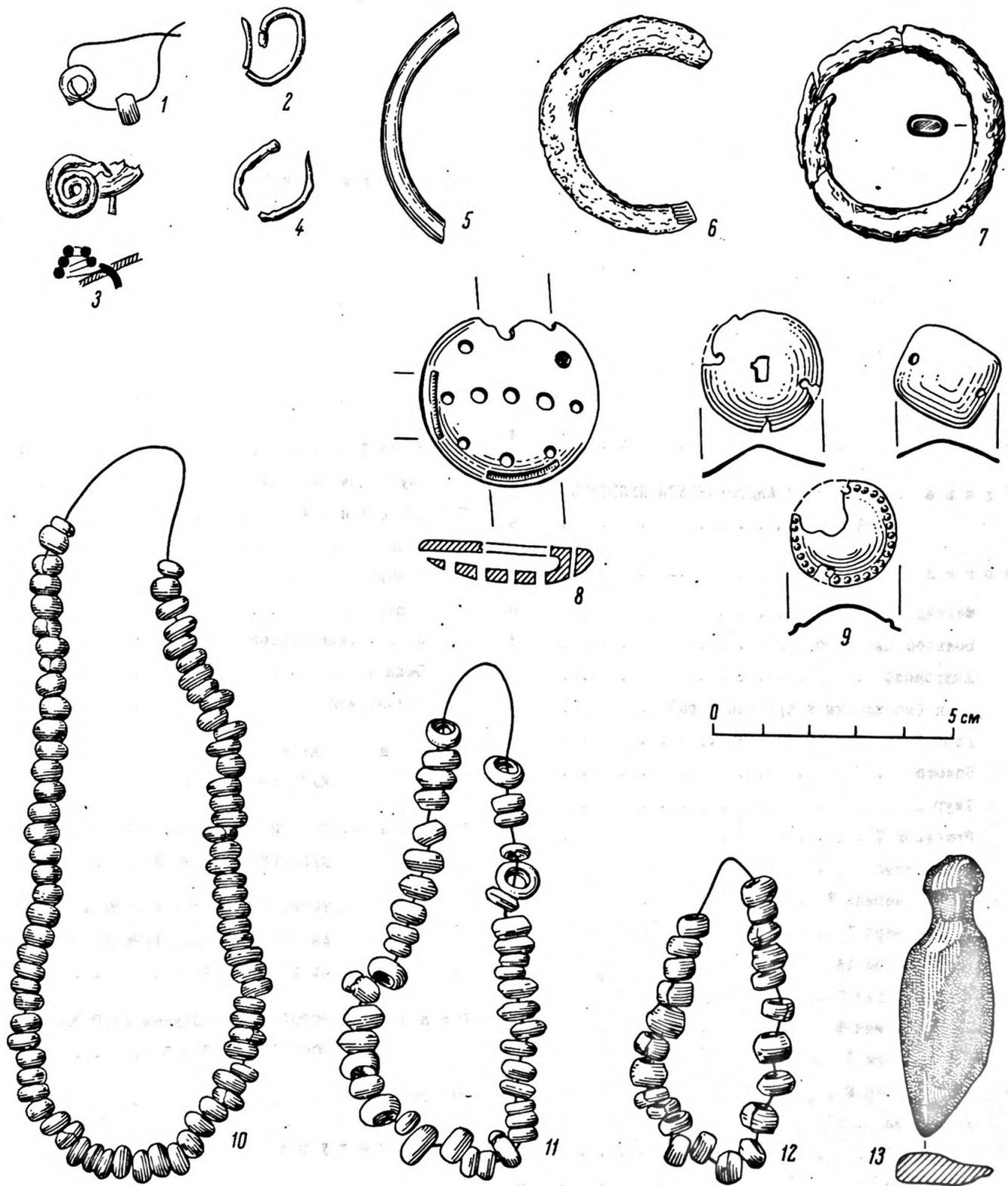

Табл. LIV. Новая Черная II (1); Каменка II (2-9, II-13)
Пристань I (10).

1 - из мог. кург. 10; 2, 3, 6, 7, 9 - из мог. огр. 8; 4 -
из мог. 2 огр. 23; 8 - из мог. I огр. 10; 10 - из мог. I
огр. 10; 11 - номера могил неизвестны; 12 - из мог. I
огр. 3; 13 - из мог. I огр. 6.

О Г Л А В Л Е Н И Е

	Стр.		Стр.
ВВЕДЕНИЕ	3	Мохов Ш	44
Г л а в а I. ПАМЯТНИКИ АНДРОНОВСКОЙ КУЛЬТУРЫ НА ЕНИСЕЕ	5	Улус Подкунинский	45
М о г и л ь н и к и	6	П о с е л е н и я	46
Михайловка	6	Объял	46
Большое Пичугино	7	Клечи	46
Андроново	9	Карасук V	49
Орак (могильник у Красной горы)	9	Батеневская протока	49
Гора Ялваг-таг (Сухое озеро)	II	Сыда	5I
Болото	II	Белоярское	5I
Ужур	I2	Г л а в а II. ХАРАКТЕРИСТИКА АНДРОНОВСКОЙ КУЛЬТУРЫ ЕНИСЕЯ	52
Пристань I	I2	Г л а в а III. О ПОЯВЛЕНИИ АНДРОНОВСКОЙ КУЛЬТУРЫ НА ЕНИСЕЕ	75
Новоселово	I5	Г л а в а IV. МЕСТО ПАМЯТНИКОВ ЕНИСЕЯ В АНДРОНОВСКОЙ КУЛЬТУРЕ И ИХ ХРОНОЛОГИЯ	87
Соленоозерная I	I5	Г л а в а V. ИСТОРИЧЕСКИЕ СУДЬБЫ АНДРОНОВЦЕВ ВОСТОЧНЫХ РАЙОНОВ	II0
Сухое озеро I	I7	ЗАКЛЮЧЕНИЕ	I22
Сухое озеро IA	3I	Л и т е р а т у р а	I26
Новая Черная II	34	С п и с о к с о к р а щ е н и я	I30
Новая Черная III	38	ТАБЛИЦЫ	I3I-I89
Батени Ярки I	39		
Батени Ярки II	39		
Усть-Ерба	40		
Каменка II	4I		
Ланин Лог	43		
Тепсей	44		
Мохов IV	44		

Глеб Алексеевич Максименков

АНДРОНОВСКАЯ КУЛЬТУРА НА ЕНИСЕЕ

Утверждено к печати
Институтом археологии Академии наук СССР

Редактор издательства Г.А. Альбова
Художник Д.С. Данилов
Технический редактор М.Н. Кондратьева
Корректор Э.Н. Липпа

ИБ № 8085

Подписано к печати 03.03.78. М-08349. Формат 60x90 1/8.
Бумага офсетная № 1. Печать офсетная. Печ.л. 24 = 24 усл.
печ.л. Уч.-изд.л. 19.16. Тираж 1350. Изд. № 6595.
Тип.зак. № 299. Цена 1 р. 90 к.

Издательства "Наука", Ленинградское отделение
199164, Ленинград, В-164, Менделеевская линия, 1

1-я типография издательства "Наука"
199034, Ленинград, В-34, 9 линия, 12

КНИГИ ИЗДАТЕЛЬСТВА „Н А У К А“
МОЖНО ПРЕДВАРИТЕЛЬНО ЗАКАЗАТЬ
В МАГАЗИНАХ КОНТОРЫ „АКАДЕМКНИГА“

АДРЕСА И ПОЧТОВЫЕ ИНДЕКСЫ МАГАЗИНОВ:

480391 Алма-Ата, ул. Фурманова, 91/97
370005 Баку, ул. Джапаридзе, 13
320005 Днепропетровск, пр. Гагарина, 24
734001 Душанбе, пр. Ленина, 95
375009 Ереван, ул. Туманяна, 31
664033 Иркутск, ул. Лермонтова, 303
252030 Киев, ул. Ленина, 42
277001 Кишинев, ул. Пирогова, 28
343900 Краматорск, ул. Марата, 1
443002 Куйбышев, пр. Ленина, 2
192104 Ленинград, Литейный пр., 57
199164 Ленинград, Таможенный пер., 2
199004 Ленинград, 9 линия, 16
220072 Минск, Ленинский пр., 72
103009 Москва, ул. Горького, 8
117312 Москва, ул. Вавилова, 55/7
630076 Новосибирск, Красный пр., 51
630090 Новосибирск, Академгородок, Морской пр., 22
620151 Свердловск, ул. Мамина-Сибиряка, 137
700029 Ташкент, ул. Ленина, 73
700100 Ташкент, ул. Шота Руставели, 43
634050 Томск, наб. реки Ушайки, 18
450075 Уфа, Коммунистическая ул., 49
450059 Уфа, ул. Р.Зорге, 10
720001 Фрунзе, бульв. Дзержинского, 42
310003 Харьков, Уфимский пер., 4/6

Для получения книг почтой

заказы просим направлять по адресу:

117464 М о с к в а, В-464, Мичуринский пр., 12

Магазин „Книга-почтой“ Центральной конторы „Академкнига“

197110 Л е н и н г р а д, П-110, Петрозаводская ул., 7

Магазин „Книга-почтой“ Северо-Западной конторы „Академкнига“

1 р. 90 к.

«НАУКА»
ЛЕНИНГРАДСКОЕ
ОТДЕЛЕНИЕ